

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Будущее Запада: трансформация
капиталистической системы и кризис
цивилизации?*

*The Future of the West: the Transformation
of the Capitalist System and the Crisis
of Civilization?*

ТОМ 13 • НОМЕР 4 • 2020

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 13 • NUMBER 4 • 2020

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4

Контурсы глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oigt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контурсы глобальных трансформаций, 2020

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издаётся с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4

Содержание

Теория политики

- ЯКУНИН В.И., КУЗНЕЦОВ И.И., ВИЛИСОВ М.В.** Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели 6–33
- ХЕЙФЕЦ Б.А., ЧЕРНОВА В.Ю.** Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? 34–52
- ХУДАЙКУЛОВА А.В.** Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы 53–73

С точки зрения экономики

- ГОЛОВНИН М.Ю.** Трансформация глобальной финансовой системы в первые два десятилетия XXI века 74–96
- МИРКИН Я.М.** Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф 97–116
- ШАН Ю., СВЕТИЧИЧ М., ЗАЙЦ КЕЙДАР К.** Переориентация и реструктуризация торговли в сторону быстрорастущих развивающихся экономик: кризисное реагирование государств – членов ЕС 117–143

Проблемы Старого Света

- БУТОРИНА О.В.** Экономическая система ЕС под прессом пандемии: возможности и пределы трансформации 144–162
- ГУДАЛОВ Н.Н., ТРЕЩЕНКОВ Е.Ю.** Стрессоустойчивость в Европейской политике соседства 163–191

Социальные трансформации

- АНДРЕЕВА Л.А.** Вызов современной конституционной системе Германии: деятельность организации «Братья-мусульмане» 192–210
- ТРУНОВ Ф.О.** Подход ФРГ к борьбе с сепаратизмом в конфликтогенных странах Ближнего Востока и Африки на примерах Ирака и Мали 211–229
- ЖУКОВА Т.В.** Вторая волна пенсионных реформ (2009–2019 гг.): прогноз будущих трансформаций пенсионных систем 230–252

США: новые реалии

- ВОЛОДИН А.Г.** Феномен «нового популизма»: американское измерение 253–277
- СОКОЛЬЩИК Л.М.** Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом 278–291

Точка зрения

- ХРУСТОВА Л.Е., ФЕДОРОВА Е.А., ФЕДОРОВ Ф.Ю.** Тональность освещения позиции России в англоязычных СМИ в период санкций 292–310
- ЯЧИН С.Е., КРУГЛОВА И.В.** Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права 311–323

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, èkonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhio, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.oqt-journal.com>
Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4

Contents

Political Theory

- YAKUNIN V.V., KUZNETSOV I.I., VILISOV M.V.** The Post-Soviet State Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model. 6–33
- KHEIFETS B.A., CHERNOVA V.Yu.** The New Global Economic Crisis: How Will Globalization Change? 34–52
- KHUDAYKULOVA A.V.** Geopolitical Triangles in the Context of International Security. 53–73

From the Point of Economics

- GOLOVNIN M.Yu.** Transformation of the Global Financial System in the First Two Decades of the Twenty-first Century 74–96
- MIRKIN Ya.M.** Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: the Impact of Growing Shocks of Catastrophes 97–116
- SHANG Yu., SVETLIČIĆ M., ZAJC KEJŽAR K.** Trade Reorientation and Restructuring towards Fast-growing Emerging Economies: Crisis Response of the EU Member States 117–143

Problems of the Old World

- BUTORINA O.V.** The EU Economic System under the Pressure of a Pandemic: Opportunities and Limits of Transformation 144–162
- GUDALOV N.N., TRESHCHENKOV E.Yu.** Resilience in the European Neighborhood Policy 163–191

Social Transformations

- ANDREEVA L.A.** A Challenge to the Modern Constitutional System of Germany: The Activities of the Muslim Brotherhood 192–210
- TRUNOV Ph.O.** German Approach towards the Struggle against Separatism in Fragile States of the Middle East and Africa: the Cases of Iraq and Mali 211–229
- ZHUKOVA T.V.** The Second Wave of Pension Reforms (2009–2019): Transformation of Pension Systems Projection 230–252

USA: New Realities

- VOLODIN A.G.** The Phenomenon of “New Populism”: the American Dimension 253–277
- SOKOLSHCHIK L.M.** American Conservatism and US Foreign Policy Challenges in the XXI Century: Between Interventionism and Isolationism 278–291

Point of View

- KHRUSTOVA L.E., FEDOROVA E.A., FEDOROV F.Yu.** Tonality of Showing Russian Position in English Speaking Mass Media during Sanction Period 292–310
- YACHIN S.Ye., KRUGLOVA I.V.** Human and the State before the Alternative Kantian or Hegelian Idea of Law 311–323

Теория политики

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели

Владимир Иванович ЯКУНИН

доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики, факультет политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация

E-mail: gospolitika_msu@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0006-1252

Игорь Иванович КУЗНЕЦОВ

доктор политических наук, профессор, кафедра истории и теории политики, факультет политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация

E-mail: politbum@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0274-8728

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, заместитель заведующего кафедрой государственной политики, факультет политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация

E-mail: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

ЦИТИРОВАНИЕ: Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. (2020) Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 6–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

АННОТАЦИЯ. *Приближающаяся годовщина распада СССР дает возможность посмотреть на тенденции развития государственных систем, возникших на его осколках. Ретроспективный взгляд на этот процесс, получивший различные (иногда противоречи-*

вые) политические и экспертные оценки, ставит главный вопрос – о состоятельности и перспективах устойчивого развития стран бывшего СССР. Общее прошлое продолжает оказывать существенное влияние через советское наследие, что делает эти страны

сложным объектом для анализа и ставят вопросы к эффективности пространственных инструментов оценки устойчивости развития (индекс «хрупкости государств» FSI, индекс оценки качества государственного управления WGI, индекс глобальной конкурентоспособности GCI).

В статье проводится апробация применения модели стабильности и устойчивости государственных систем, разработанной ранее в соавторстве в рамках совместных исследований. Полученные оценки позволяют сформировать профиль некоторых стран и определить структурные дисбалансы развития их государственных систем с точки зрения устойчивости и стабильности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стабильность, устойчивость, политический порядок, государственность, государственная состоятельность, государственная система*

Введение

Обращение к проблематике устойчивости государства всегда актуально. В одни времена это обусловлено закономерными сомнениями в верности имеющихся политических и управленческих стратегий (все ли делается правящими элитами из возможного спектра решений), в другие – озабоченностью ближайшим будущим государственных институтов, их способностью выдержать испытания вызовами социально-политической среды. В конечном итоге в социальных науках все еще дискутируется сама судьба государства как

основного актора политических процессов и есть те, кто ожидает его неизбежного распада и перерождения в нечто иное, но присутствуют и скептики, считающие столь же неизбежной позитивную эволюцию государства.

Именно поэтому обращение к вопросам устойчивости государственных систем постоянно имеет особое звучание: не только теоретические построения важны для обеспечения адекватной оценки состояния и прогноза развития конкретной страны, но и понимание складывающегося социально-экономического, политического и даже психологического контекста, который формирует спектр субъективных оценок состояний государственного организма, может давать эффект аберрации восприятия. Тем более что сложные многокомпонентные процессы (к которым вполне можно отнести социально-политическую динамику) зачастую могут быть представлены как исторические аналогии, творческие метафоры или образы.

23 августа 2019 г. более 130 тыс. жителей Гонконга в очередной раз вышли на улицы для участия в несанкционированной манифестации. На этот раз она была приурочена к 30-летней годовщине акции «Балтийский путь», которая прошла в этот день в тогда еще советских социалистических Латвийской, Литовской и Эстонской республиках и во многом положила начало их пути к выходу из состава СССР и последующему распаду Советского Союза, не дожившего один год до своего семидесятилетнего юбилея¹.

Подобные исторические параллели в самой КНР, отметившей в 2019 г. семидесятую годовщину со дня создания государства, естественным образом

1 Коростиков М. (2019) От Гонконга до Риги одной цепью подать. Почему жители специального района Китая отметили акцией начало выхода Прибалтики из СССР // Коммерсантъ. 24 августа 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/4072122>, дата обращения 25.08.2020.

не приветствуются, однако вопрос об устойчивости даже самых стабильных политических порядков в современных условиях остается все столь же актуальным, как и во времена окончания холодной войны и неожиданного для всех распада СССР. Этот вопрос можно отнести к «вечным» как с позиции теории, так и с точки зрения политической практики государственного управления, особенно в современных условиях тестирования государственных систем вызовами пандемии и сопутствующего экономического кризиса, приобретающего черты глобального.

Свою специфику эти вопросы сохраняют и для постсоветских стран, которые продолжают быть сложным объектом для подобного рода исследований.

Целью настоящей статьи является выработка инструментария оценки устойчивости и стабильности постсоветских государственных систем, в т. ч. в контексте текущего кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Возможности оценки устойчивости и повышения функциональности современных государственных систем»² и опирается на полученные в ходе его реализации результаты, в т. ч. на понятийный аппарат, описывающий государственные системы, их устойчивость и стабильность [Вилисов, Телин, Филимонов 2020].

Решаемые исследовательские задачи: выявление специфики устойчивости и стабильности постсоветских государственных систем, апробация разработанной четырехпараметрической модели стабильности и устойчивости государственных систем [Вилисов, Телин, Филимонов 2020] и выработка адекватного практического инструментария для ее дальнейшего внедрения.

Новые государства в мире без государств

Почти тридцать лет, прошедших после распада СССР, настолько сильно изменили мир, что закономерно возникает вопрос о том, а существует ли некая общая постсоветская специфика для государств, некогда составлявших Советский Союз. Единства мнений здесь не существует, равно как и согласия относительно того, актуален ли сам термин «постсоветский» и одноименные исследования [Мельвиль 2020]. Это только повышает актуальность изучения результатов развития республик, ранее входивших в СССР, с точки зрения оценки перспектив их развития.

Наиболее популярной концептуальной рамкой исследования в 1990-е и начале 2000-х гг. была транзитологическая парадигма. Ее простота, идеологическая и аксиологическая наглядность позволяли многим исследователям оценивать шансы на последовательную демократизацию и интеграцию в либеральный западный мир новым независимым государствам, что порождало некоторые надежды местных элит. Кроме того, последние активно эксплуатировали тему эмансипации, обретения собственной политической идентичности и готовность активно следовать рецептам демократизации (как правило, в обмен на политическую поддержку, инвестиции и возможность просто быть принятыми на Западе). Критика этой парадигмы хорошо представлена в политической науке и нет необходимости здесь воспроизводить ее аргументы [Капустин 2001; Кузнецов 2000], хотя ее объяснительный потенциал все же остается достаточно высоким и в отношении стран бывшего Советского Союза, а также Центральной и Восточной

2 Научный проект 19-011-31433, реализованный при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

Европы (ЦВЕ) – в силу схожести одно- временно проведенных политических и экономических транзитов и большой роли «пактов» (в т. ч. неформальных) между старой (коммунистической) и новой (условно демократической) элитами, которые обеспечили относительно легкий переход из одного состояния в другое, который даже нельзя в полном смысле назвать революционным [Карл, Шмиттер 2004]. Кроме того, наблюдающийся сейчас «откат от демократии» в ряде стран ЦВЕ, одновременно с недостаточным уровнем демократичности большинства новых независимых государств (ННГ), возникших после распада СССР [Zselyke Csaky 2020], дает основания для определенных сравнений стран ЦВЕ и ННГ, при том что предмет настоящей статьи составляет изучение второй категории стран.

Также нельзя забывать еще одно обстоятельство: большинство ННГ действительно являются новыми государствами, поэтому оценка их стабильности и устойчивости может осуществляться в самом широком диапазоне, включающем как государственную несостоятельность (failed state), так и вопрос о признании государственности – постсоветское пространство является едва ли не лидером по количеству непризнанных республик и территориальных споров. Эти обстоятельства возвращают нас на концептуальный уровень осмысления, в т. ч. к таким концепциям, как «государственность» (statehood) и «государственная состоятельность» (stateness) [Ilyin, Khavenson, Meleshkina, Stukal, Zharikova 2012, pp. 17–18].

Такой подход представляется вполне оправданным, учитывая, что в условиях современной политической динамики государству приходится конкурировать с мощными игроками глобальной политики (транснациональные корпорации, международные ор-

ганизации, НКО, социальные сети и сформированные на их основе трансграничные группы влияния, экспертные сообщества и др.), поэтому даже элементарное поддержание целостности государственности страны становится иногда трудно решаемой задачей. Более того, в свое время распространились и набирали популярность теоретические представления об уходе государства с политической арены, которые, однако, в нынешнем контексте усиления национальных правительств в условиях пандемии выглядят все менее реалистичными [Хелд, Макгрю, Гольдблатт, Перратон 2004].

В то же время мы наблюдаем немало примеров дестабилизации государства и даже полной этатодеструкции в связи с совпадающей во времени внутренней политической динамикой, вызванной кризисом в социально-экономическом развитии, либо с «отложенными» этнополитическими и религиозными конфликтами, которые были простимулированы внешними акторами: Югославия, Ирак, Ливия, Судан и т. д. Можно предположить, что такие процессы могли и могут активно повлиять и на развитие государств постсоветского политического пространства: имеющиеся внутренние противоречия в их функционировании легко могут быть усилены внешним воздействием, что повлечет за собой неизбежную негативную динамику на более широком региональном уровне.

События в мире, следовавшие после распада СССР, во многом были связаны с упадком левых идеологий, снижением влияния политических партий, ранее поддерживавшихся Советским Союзом, и ожиданием наступления «конца истории» (Ф. Фукуяма), который, как предполагалось, должен был сопровождаться миром и процветанием увеличивающихся количеством демократических наций в условиях либе-

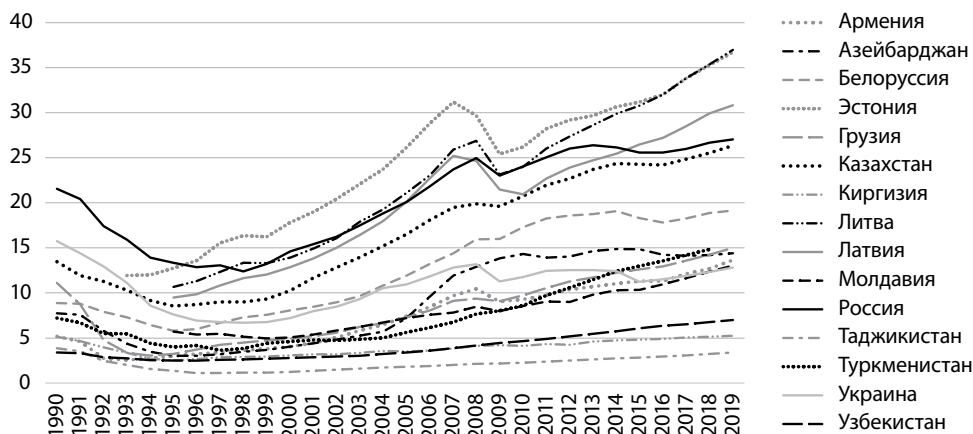
рального миропорядка. Однако наступивший «момент однополярности» не принес всеобщей безопасности и процветания. Скорее, наоборот, он поставил жесткие вопросы существующей системе международной безопасности, возродив противостояние на новом уровне – уже без идеологической составляющей, но зато с более выраженным элементом конкуренции за влияние и ресурсы в духе Realpolitik.

В таких условиях постсоветские республики и страны Восточной Европы столкнулись с целым рядом проблем: формированием новых политических структур и институтов представительной демократии, поиском новых союзников и обеспечением собственной безопасности в условиях новых угроз и вызовов, переориентацией экономики на новые рынки и встраиванием в новые производственные цепочки, преодолением внутренних конфликтов и сепаратистских настроений и т. д. Таким образом, развитие этих стран ста-

ло обеспечиваться на новом идейно-теоретическом уровне и все больше учитывало особенности сложившегося политического контекста. Кроме того, почти все эти государства столкнулись с тем, что политические мыслители называли «дилеммой одновременности», – переход к новому политическому состоянию был сопряжен с решением тройной задачи: переход от авторитарного политического режима к демократическому, трансформация социалистической плановой экономики в либеральную рыночную и перемещение от автаркичного социально-экономического существования к интеграции в мировую экономику и глобальную систему безопасности [Elster, Offe, Preuss 1998]. Отметим, что решение этих задач было тем сложнее, чем больше страна зависела от сложившейся социальной структуры и чем влиятельнее были политические элиты, связанные с предшествующим историческим периодом. Метафора Клауса Оффе о

Рисунок 1. Динамика ВВП стран бывшего СССР (на душу населения, по паритету покупательной способности, построено на основе данных Всемирного банка <https://databank.worldbank.org/home.aspx>)

Figure 1. Dynamics of GDP of the Former USSR Countries (Per Capita, by Parity Purchasing Power, Based on World Bank Data <https://databank.worldbank.org/home.aspx>)

построении нового государства и общества как «перестройке корабля в открытом море» в известной мере справедливо подчеркивает эти трудности – в некоторых случаях вопрос стоял даже не о стабильном развитии, а о выживании и тестировании государственной состоятельности «здесь и сейчас».

Результаты этого транзита имеют разные оценки и многократно описаны в литературе. Если взглянуть на основные политические итоги, то добиться строительства консолидированной демократии удалось только странам Балтии [Zselyke Csaky 2020], да и то во многом благодаря вступлению в ЕС [Ilyin, Khavenson, Meleshkina, Stukal, Zharikova 2012, p. 15].

Если оценивать успехи в сфере строительства рыночной экономики, то с точки зрения экономических свобод опять же лидируют страны Балтии, Грузия и Армения [Index of Economic Freedom 2020], а большинство ННГ (кроме стран Балтии) все еще имеют статус стран с переходной экономикой [Мировое экономическое положение и перспективы 2019]. С точки зрения динамики ВВП на душу населения лидируют, опять же, страны Балтии, следом за которыми следуют Россия и Казахстан.

Впрочем, эти результаты вряд ли можно назвать показательными, особенно с точки зрения оценки устойчивости и стабильности. В том числе потому, что мир менялся – за счет развития глобальной экономики, в которую

страны пытались встроиться, подчас радикально перестраивая собственные экономические системы: за счет сокращения секторов промышленности и аграрного производства, расширения сектора услуг и ориентации на экспорт (во многих случаях – сырьевой и энергетический), в основном за пределы постсоветского пространства [Вардомский 2012].

Результаты интеграции ННГ в глобальную экономику можно оценивать как по их ВВП, так и по их месту в производственных и финансово-логистических цепочках, а также по общему уровню конкурентоспособности.

Для оценки уровня интеграции в глобальную экономику вполне можно использовать Global Connectedness Index [DHL Global Connectedness Index 2018] (см. табл. 1).

Как видно, лидерами по интеграции в мировую экономику из изучаемой группы являются страны Балтии, наименее интегрированы в глобальную экономику оказались Белоруссия и страны Центральной Азии (за исключением Казахстана)³. Россия, Грузия, Украина, Казахстан, Армения, Азербайджан и Молдавия занимают промежуточное положение. При этом глубина вовлечения в мировую экономику⁴ у всех ННГ, кроме России и Казахстана, выше, чем их общая позиция в рейтинге, а широта связей⁵ ниже, чем общая позиция (с теми же исключениями в виде России и Казахстана). По-видимому, кроме собственно политических факторов (опре-

3 Рейтинги оценивает международные и национальные потоки торговли, капитала, информации и людей [DHL Global Connectedness Index 2018, p. 65].

4 Глубина оценивается как размер международных потоков по сравнению с национальным. Иными словами, глубина показывает, насколько значимы отношения в рамках глобальной экономики для конкретной национальной экономики [DHL Global Connectedness Index 2018, p. 65].

5 Широта показывает, насколько распределение потоков торговли, капитала, информации и людей конкретной страны с ее партнерами соответствует мировому распределению этих же потоков в обратном направлении (то есть, например, насколько страновой профиль поставок товаров и услуг данной страны соответствует страновому профилю спроса на эти товары и услуги). Иными словами, широта показывает, насколько широк у конкретной страны доступ к мировым рынкам и насколько адекватно ее предложение мировому спросу [DHL Global Connectedness Index 2018, p. 66].

Таблица 1. Оценка ННГ с позиций Global Connectedness Index
Table 1. Assessment of NIS from the Global Connectedness Index

Страна	Общая оценка	Глубина	Широта
Эстония	27	9	74
Литва	43	21	79
Латвия	44	18	87
Россия	54	118	25
Грузия	59	24	97
Украина	62	54	91
Казахстан	67	104	59
Азербайджан	75	52	104
Молдавия	80	38	115
Армения	82	64	108
Белоруссия	124	74	148
Киргизия	139	85	158
Таджикистан	159	115	163
Узбекистан	164	145	147
Туркменистан	–	–	–
Для сравнения			
Великобритания	9	80	1
США	30	120	2
Китай	61	150	16
Франция	15	67	10
Германия	10	30	11

деляющее влияние институциональной интеграции в рамках ЕС и НАТО и др.) весьма важную роль здесь играет географическое расположение и исторический опыт. Налицо эффекты «траектории предшествующего развития», которые способны так влиять на выбор вариантов решения, что определяющими аргументами здесь выступают те, которые и задают параметры «колеи» [Нурев, Латов 2009].

Если сравнить профили ННГ с профилями развитых стран (Великобритании, США, Китая, Франции, Германии), то можно отметить, то профиль России

(и в меньшей степени Казахстана) повторяет их профиль (уровень «широты» выше, а уровень «глубины» ниже общего уровня глобальной связности), хотя и со значительно меньшими показателями.

Если использовать «центр-периферийные» модели глобальной экономики, то можно отметить, что профиль глобальной связанности развитых стран представляет собой модель «центра», в то время как профиль большинства ННГ характеризует их отношение скорее к «периферии».

Зависимость от глобальной экономики и ограниченный доступ к миро-

вым рынкам создают разные политические предпосылки: для стран – членов ЕС он является стимулом к развитию политических институтов в соответствии с требованиями союза (чтобы получить гарантии доступа к глобальной экономике через институты ЕС), а вот для других ННГ это, скорее, является драйвером политического усиления с целью противостояния глобальным структурам и обеспечения собственного суверенитета, особенно над сырьем и природными ресурсами, которые стали основными продуктами ННГ, востребованными в глобальной экономике. Это не исключает, тем не менее, относительно успешного строительства отдельных институтов, необходимых для взаимодействия с внешними акторами в глобальной экономике и делающих эконо-

мики ННГ относительно конкурентоспособными (см. пример Азербайджана в табл. 2). Индекс глобальной конкурентоспособности [The Global Competitiveness Report 2017–2018; The Global Competitiveness Report 2019], применявшийся некоторыми ННГ даже в качестве ориентира государственных стратегий [Вилисов 2017, с. 46], показывает достаточно большой разброс потенциала конкурентоспособности, отмечая успех стран – членов ЕС и стран-энергоэкспортеров: две эффективные стратегии «встраивания» в глобальную экономику для ННГ.

Таким образом, если оценивать основные экономические показатели, то наиболее успешно развивающимися странами оказались экспортеры энергоресурсов, а также страны, вступившие в Евросоюз (по динамике ВВП и

Таблица 2. Место республик бывшего СССР в индексе глобальной конкурентоспособности (2017 и 2019 гг.)

Table 2. Place of the Former USSR Republics in the Global Competitiveness Index

Страна	GCI (2017)	GCI (2019)
Эстония	29	31
Азербайджан	35	58
Россия	38	43
Литва	41	39
Латвия	54	43
Казахстан	57	55
Грузия	67	74
Армения	73	69
Таджикистан	79	104
Украина	81	85
Молдавия	89	86
Киргизия	102	96
Белоруссия	–	
Туркменистан	–	
Узбекистан	–	

степени интеграции в глобальную экономику). Такая наглядная констатация может быть объяснена по-разному:

- как реальный рост, связанный с улучшением инвестиционного климата и развитием экономических институтов, повышением качества работы правовой системы и государственного управления (в случае балтийских республик, очевидно, в связи с постепенной интеграцией в ЕС и принятием соответствующих норм и регламентов, обеспечением внешнего контроля за функционированием государственного аппарата наряду с демократической подотчетностью);
- как экономическое развитие на основе имеющейся транспортной (в основном портовой и железнодорожной) инфраструктуры (созданной еще в рамках советской экономической модели) и использование естественного преимущества в виде доступа к морю и непосредственной близости к европейским государствам при относительно невысокой стоимости квалифицированной рабочей силы;
- как реализация стратегии встраивания в мировую экономику через использование преимуществ естественной, природной ренты (углеводородное сырье) с низкой долей переработки (с особым кейсом в виде Белоруссии, которая сама не обладает значимыми запасами природного сырья, но имеет мощные производственные комплексы, которые ведут переработку сырья и поставляют на экспорт качественные нефтепродукты – ОАО «Мозырский НПЗ» и ОАО «Нафтан»⁶).

В любом случае предлагаемая интерпретация экономической динамики должна учитывать еще и фактор «траектории предшествующего развития». Последняя сказывается не только на развитии политических и социальных институтов, но и в значительной степени определяет специализацию экономики, фиксирует ее пропорции и особенности эволюции, влияет на характер выстраивания политических отношений с соседями. Так, политический курс прибалтийских государств бывшего СССР может быть охарактеризован как «прагматичная русофобия» в той своей части, которая связана непосредственно с получением возможностей поддерживать инвестиции в транспортную инфраструктуру из государств ЕС и других стран и служить в качестве территории оперативного развертывания сил и средств НАТО в случае эскалации конфликта. Кроме того, такой идеологический вектор помогает политическим элитам балтийских республик получить возможности влиять на принятие решений в рамках единой европейской, «брюссельской» повестки дня (учитывая, что другие ресурсы влияния крайне незначительны (население, количество которого определяет «вес» при голосовании в европейских институтах) и имеют тенденцию к дальнейшему сокращению).

В то же время ННГ нельзя назвать стабильными, более того, некоторые из них относятся к категории «хрупких»: например, в соответствии с индексом «хрупкости» государств [Messner 2017; Fragile States Index 2019], основные показатели которого для стран бывшего СССР представлены в табл. 3.

6 По официальным данным, Беларусь ежегодно добывает около 1,645 млн т нефти, а перерабатывает (и, соответственно, продает и потребляет) 24 млн т нефтепродуктов. См.: Нефтехимическая отрасль // Беларусь. Факты // http://belarusfacts.by/ru/belarus/economy_business/key_economic/petrochem/, дата обращения 25.08.2020.

Данный индекс подтверждает позиции приверженцев «теории постсоветского транзита» лишь отчасти – хотя безоговорочными лидерами и являются демократические и рыночные страны – члены ЕС, дальнейшие результаты не позволяют установить скольконибудь устойчивой корреляции между «хрупкостью» и степенью демократичности или характером экономики той или иной страны. При этом часть стран с высокой глобальной конкурентоспособностью (Азербайджан, Грузия, Россия) оказывается внизу списка. Хотя расположение стран в этом рейтинге и остается непонятным до конца⁷, апел-

ляция к «хрупкости» и необходимости обеспечения национальной безопасности (от угроз, проистекающих от соседей, от России, или, напротив, от стран НАТО, или даже от внутренних угроз) остается в активной политической повестке и формирует предпосылки появления «режимов (государств) с чрезвычайными полномочиями», «государств национальной безопасности» [Джессон 2019, с. 404–415] практически во всех ННГ, становясь элементом нацие- и государствостроительства (что только усиливает их «хрупкость» вследствие идеологической слабости таких режимов и неумения обеспечить националь-

Таблица 3. Показатели индекса «хрупкости» республик бывшего СССР, 2017 и 2019 гг. (от менее «хрупких» к более «хрупким»)

Table 3. Indicators of the "Fragility" Index of the Former USSR Republics, 2017 and 2019 (from Less "Fragile" to More "Fragile")

Страна	FSI (2017)	FSI (2019)
Литва	41,7	38,1
Эстония	44,7	40,2
Латвия	46,4	43,9
Казахстан	65,9	61,6
Армения	71	66,7
Молдавия	72	67,1
Белоруссия	72,4	68,2
Украина	74	71,0
Туркменистан	74,4	71,4
Азербайджан	76,3	73,2
Грузия	76,5	72,0
Россия	79,2	74,7
Киргизия	80,3	76,2
Узбекистан	81,5	75,7
Таджикистан	81,8	77,7

7 Например, требует объяснений, почему такие страны, как Грузия, Украина, пережившие так называемые цветные революции («революция роз» 2003 г. и «оранжевая революция» 2004 г. с последующей «революцией достоинства» 2013–2014 гг.), оказываются в данном рейтинге выше России; то же самое можно сказать и о Белоруссии, где гражданские волнения протестующих против хода президентских выборов были позднее названы попыткой «васильковой» революции 2006 г.

но-народную сплоченность [Джессоп 2019, с. 408–409]). Количество территориальных споров, «замороженных конфликтов» и непризнанных государств в регионе является косвенным подтверждением того, что дискурс о «государственности» (statehood) все еще остается актуальным для всего постсоветского пространства.

С экономической точки зрения реальным показателем «хрупкости» является уязвимость стран региона по отношению к внешним шокам. Последний показательный пример – последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., которые больше всего ударили как раз по странам Балтии, а также Армении, Украине и России⁸, показывая цену высокой интеграции в глобальную экономику. Эти данные будет интересно сравнить с результатами падения экономики, вызванного текущим «пандемическим» кризисом, однако уже сейчас есть прогнозы, что падение ВВП России, в зависимости от динамики цен на нефть, существенно превысит общемировой уровень падения ВВП 5,5% [World Bank (2) 2020], при неблагоприятных сценариях – до 9,6% в 2020 г. [Доклад об экономике России № 43 2020, с. 13]. То есть, несмотря на относительные успехи по интеграции в глобальную экономику, «периферийное» положение ННГ в ней является угрозой стабильности, что хорошо показали результаты мирового финансового кризиса 2008 г. и, вероятнее всего, покажут результаты текущего кризиса.

Еще один важный момент, демонстрирующий влияние экономической конъюнктуры на стабильность государственной системы, – способность

правлящей элиты адекватно принимать решения, учитывая временной горизонт. Эта задача иногда может быть не по силам самым искушенным политикам, поскольку намечать экономическое развитие и готовиться к кризисному реагированию в плановой экономике сложно, дорого и не всегда может быть успешным. Но в случае серьезной зависимости от внешних рынков, когда приходится решать тяжелые вопросы курса национальной валюты и определяться с возможным набором решений здесь и сейчас, до перспектив дело может просто не дойти, либо (что, наверное, еще хуже) ограничиться символическими декларациями. Весьма точно этот процесс проанализировал известный российский экономист В.М.Полтерович [Полтерович 1999]. Он на примере постсоветской экономики обнаружил такую любопытную разновидность зависимости от предшествующего развития, как «институциональная ловушка». Такая ситуация возникает, когда среди путей развития существуют такие варианты, которые более выгодны в краткосрочном периоде. Но при этом они же в долгосрочном горизонте не просто менее эффективны, чем альтернативные, но делают дальнейшее развитие просто невозможным. Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла здесь и сейчас решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства.

Подводя итоги этой части исследования, можно сделать следующие выводы.

8 Падение ВВП отдельных ННГ в 2009-м относительно 2008 г.: Латвия – 17,7%, Литва и Украина – 14,8%, Эстония – 14,3%, Армения – 14,1%, Россия – 7,8%, при том что у некоторых ННГ рост ВВП был в положительной зоне и достигал 8–9% (Узбекистан и Азербайджан) [Вардомский 2012, с. 9].

Появление и становление ННГ происходило в эпоху динамичного развития глобальной экономики, в которую странам бывшего СССР пришлось встраиваться в формате «перестройки корабля в открытом море» (одновременное проведение экономических и политических реформ), что привело к закреплению их в «периферии» либо «полупериферии» (если учитывать позицию именно России как относительно крупной экономики, но не ставшей частью инновационно-воспроизводящего ядра в терминологии И. Валлерстайна) глобальной экономики. Возникло прямое институциональное подчинение более сильным политическим и/или экономическим игрокам или встраивание в «цепочки поставок» в качестве поставщиков сырья (при этом зачастую без твердых гарантий на продолжение сотрудничества).

Сам по себе периферийный капитализм ставит проблему сильного государственного вмешательства еще более остро, т. к. такое вмешательство признается благом для развития («девелопменталистские государства» по определению Б. Джессопа [Джессоп 2019, с. 414]). В постсоветском контексте экономическая «периферийность» ННГ дополнялась политическим ощущением несправедливости и «ревизионизмом» (в терминологии стратегии национальной безопасности США [National Security Strategy 2017, р. 25]), стремлением сохранить (или упрочить) суверенность государства в противостоянии глобальным политическим акторам: другим государствам, транснациональным корпорациям, приобретающим все больше экономической власти в условиях глобальной экономики [Ринген 2016, с. 34]. Для этого использовался широкий диапазон инструментов: от вступления в ЕС и НАТО (делегирование части суверенитета международным институтам для снижения

явной или мнимой угрозы собственной государственности и «политики многовекторности» (балансирование между несколькими центрами силы) до формирования собственного центра силы на основе консолидации военно-политических возможностей.

Это положение оказывало намного более сильное давление на государственность и требовало консолидации политической власти для противостояния внешним игрокам, вызывая к реализации концепцию «государства национальной безопасности».

В то время, как в других регионах мира (например, в Западной Европе) происходило ослабление (подчас сознательное) национального государства в угоду глобальным экономическим агентам, на пространстве бывшего СССР существовал запрос на сильное государство, и в конкуренции «дисфункциональной демократии» [Ринген 2016, с. 26–27] и авторитарного этатизма [Джессоп 2019, с. 412–426] побеждал последний. Однако являются ли такие «сильные государства» по-настоящему стабильными и устойчивыми?

Когда «государственность» побеждает «государственную состоятельность» (statehood takes over stateness)

Изначальное стремление в ходе постсоветского (посткоммунистического) транзита построить демократию (в понимании классической либеральной демократии) было основано на предположении о том, что этот политический режим создаст наилучшие условия для стабильного и устойчивого политического развития. Однако практически полное игнорирование актуального социально-экономического контекста и желание утвердить везде некий универсальный политический по-

рядок превратили это стремление в идеологическую доктрину и в некоторых случаях привели к прямо противоположным результатам, оставив без внимания в теоретическом плане саму природу функционирования государства в странах переходного типа.

В своей работе «Политический порядок в меняющихся обществах» С. Хантингтон писал: «Демократические страны и диктатуры отличаются друг от друга меньше, чем отличаются те страны, политическая жизнь которых характеризуется согласием, прочностью общественных связей, легитимностью, организованностью, эффективностью, стабильностью, от тех, где всего этого недостает» [Хантингтон 2004]. При этом С. Хантингтон относил Советский Союз, наряду с США и Великобританией, к «политическим системам высокой эффективности», в которых «правительство управляет», противопоставляя эти страны (независимо от их формы правления, демократической или диктаторской) модернизирующимся странам Азии, Африки и Латинской Америки, в которых вместо «нормальной» демократии существует «неработоспособная» (дисфункциональная) демократия [Ринген 2016, с. 26].

Таким образом, характеристики политического порядка (в противоположность политическому упадку) у С. Хантингтона являются политическое согласие, прочность общественных связей, легитимность, организованность, стабильность, что в совокупности определяется как «степень управления (управляемости)» (degree of government). В свое время это позволило автору встать выше банального разделения государств по типам политического режима и увидеть больше общего между западными демократиями и Советским Союзом.

В более поздних работах проявилась интересная и небесспорная по-

пытка характеризовать глобальный политический процесс как сменяющие друг друга «волны демократизации». С. Хантингтон отмечает, что «если экономическое развитие делает демократию возможной, политическое руководство делает ее реальной» [Хантингтон 2003, с. 337–338]. По его мнению, чтобы «демократия появилась на свет, будущие политические элиты как минимум должны будут верить, что это наименее худшая форма правления для их обществ и для них самих. Они также должны будут обладать достаточным мастерством, чтобы осуществить переход к демократии... Демократия распространится в мире настолько, насколько те, кто пользуется властью во всем мире и в отдельных странах, захотят ее распространить» [Хантингтон 2003, с. 338]. Таким образом, подчеркивается необходимость естественного перехода к демократии вследствие преобразования самой государственной системы, в результате реакции на актуальные политические потребности, ее инструментальный характер, а не самоцель. В своей работе “Stateness first” Ф. Фукуяма показывает провалы строительства «авторитарного государствостроительства» (authoritarian state-building), предпринятого Соединенными Штатами в Ираке, и подчеркивает, что «до того, как получить демократию, нужно иметь государство» [Fukuyama 2005, pp. 84–85].

Современные теоретические исследования государства показывают его сложность и многомерность: реальная жизнь намного сложнее идеализированных (или идеологизированных) конструкций, в которых есть только демократические и недемократические государства. С точки зрения сравнительного анализа есть как минимум «сильные» и «слабые» государства [Ильин, Мелешкина, Мельвиль 2010; Фукуяма 2007]; для последних первич-

чен не вопрос строительства демократии, а вопрос выживания. Все это ставит значительно более широкий набор вопросов перед исследователями государственных систем.

Во-первых, в настоящее время существует кризис развития демократии не только в транзитных странах [Zselyke Csaky 2020], но и в классических (либеральных) демократиях – Великобритании и США [Ринген 2016, с. 13–14], который проявляется, в том числе, в форме предсказанного достаточно давно «авторитарного этатизма» [Джессоп 2019], являющегося производным от существующей глобальной экономической (капиталистической) системы.

Во-вторых, помимо специфики политического режима, государства могут быть классифицированы по множеству оснований и иметь разные аналитические рамки для исследования (например, Боб Джессоп определяет шесть подходов к анализу государства, среди которых только в рамках одного дискурса «демократия – диктатура» имеет значение [Джессоп 2019, с. 39]).

Битва ННГ за собственную государственность (statehood), за сохранение суверенитета переводит фокус внимания с актуальной повестки, отвечающей за государственную состоятельность (stateness). «Государственность» побеждает «государственную состоятельность» (statehood takes over stateness), что проявляется в формате «государства национальной безопасности». Это особый тип государственной системы, которая обеспечивает консолидацию власти в секторе исполнительной ветви, в т. ч. за счет использования институтов «глубинного государства» и прочих неформальных институтов, снижения демократической подотчетности, деградации партийной системы. Именно это делает такие государства «хрупкими», т. к. государственная политика формируется не в парадигме

обеспечения государственной состоятельности и вовлечения всех значимых политических групп в процесс ее формирования и реализации, а в парадигме обеспечения государственности, в основном за счет транслирования ее «сверху вниз», от акторов, обладающих реальной политической властью в настоящий момент времени, – остальным агентам государственной системы, в т. ч. по причине страха разделить эту власть с внешними и внутренними врагами [Джессоп 2019, с. 414]. Принципиальным отличием этого типа можно признать именно стремление сохранить государственность, а не политический режим как таковой – эта тенденция роста национализма отмечена и в восточно-европейских странах [Zselyke Csaky 2020], где разворот от демократии осуществляется именно в целях упрочения государственности.

Справедливости ради надо отметить, что такой тип государственной системы не является отличительной чертой постсоветского этапа как исторического периода и ННГ как государств. Напротив, его изучение происходило в основном в западном контексте, применительно к США [Hogan 1998], и даже шире – к сообществу западных государств, которые Мартин Шоу называет «западным государством-конгломератом», в рамках которого, по мнению Олы Тунандер, функционирует «американский рейх», разделивший западное государство на две части: собственно демократическое и публичное национальное государство и скрытое транснациональное «государство безопасности», способное накладывать вето на решения национальных правительств в целях обеспечения безопасности (цит. по: [Джессоп 2019, с. 414–415]). Действие этого механизма можно было наблюдать, например, в процессе введения странами ЕС анти-российских санкций после присоеди-

ния Крыма. Очевидно, что на фоне разворачивающейся пандемии и принимаемых для противодействия чрезвычайных мер переход к «государству национальной безопасности» также возможен даже в демократических государствах, особенно на фоне обострившейся конкуренции между ними.

Применение концепции «государства национальной безопасности» к ННГ позволяет прояснить некоторые особенности их эволюции.

Во-первых, возникает логичное обоснование авторитарным тенденциям в ряде стран (особенно успешных энергоэкспортерах – они являются стремлением консолидировать власть для поддержания суверенитета в глобальной конкуренции), т. е. проявление авторитарного этатизма, необходимого для деволюционалистского государства. Успех развития демократии в странах Балтии можно объяснить скорее жесткими требованиями внешних акторов (ЕС), ставшими важными игроками государственных систем этих стран, чем зрелостью имеющихся национальных политических систем.

Во-вторых, появляется объяснение развитости механизмов неформального управления, выражающихся в явлениях неопатримониализма, причем принципиально разного характера, среди которых особняком стоит «рациональный неопатримониализм», сочетающий персоналистский тип правления с развитой бюрократией [Erdman, Engel 2007], что дает возможность обеспечивать достаточно высокий уровень развития отдельным институтам, обеспечивая необходимую гибкость в политической сфере и сохраняя пространство для неформального управления и действий «глубинного государства».

В-третьих (что производно от предыдущего утверждения), есть версия подтверждения достаточно высоких мест в рейтинге глобальной конкурен-

тоспособности, а также в рейтинге легкости ведения бизнеса. Даже у стран с авторитарными режимами (Казахстан, Россия и Азербайджан уверенно держатся в верхней части списка наравне с Грузией и странами Балтии) [World Bank (1) 2020, р. 4] привлечение иностранных инвесторов под строгим контролем государства является инструментом повышения собственной конкурентоспособности. Конечно, модели взаимодействия с иностранными инвесторами в стратегических отраслях (добыча и экспорт углеводородов) могут существенно отличаться по странам в зависимости от конфигурации внешне- и внутривнутриполитических факторов [Luong, Weinthal 2001], но «прикладной» и подчиненный характер институционального развития по отношению к государственному контролю оказывается очевидным.

В-четвертых, появляется оправдание развитости энергетического экспорта и экономики рентного типа, в т. ч. в странах, не обладающих запасами углеводородов, но пытающихся извлекать ренту из собственного транзитного положения при экспорте углеводородов (страны Балтии, Украина, Белоруссия, Россия – в отношении транспортировки центральноазиатских энергоресурсов). Развитость рентной экономики является производной от периферийного положения в глобальной экономике, а попытка извлекать транзитную ренту обусловлена инфраструктурным наследием Советского Союза, в котором инфраструктура на его территории была общей и не предусматривала ее коммерческого использования при разделении между советскими республиками. Оказавшись в жестких тисках рентной экономики глобальной периферии, постсоветские страны оказались неспособными на первоначальном этапе инвестировать в реконструкцию имеющейся или в раз-

витие новой инфраструктуры, поэтому транзитные споры («газовые войны») стали особенно острыми, и потоку секьюритизация поставок собственных энергоресурсов (или секьюритизация собственной транзитной ренты) стала приоритетом для государственных систем «национальной безопасности». Впрочем, возможности у ННГ, даже, казалось бы, таких влиятельных, как Россия, здесь также ограничены – именно в силу «периферийного» положения в мировой экономике (невозможность влиять на цены на энергоресурсы) [Konoplyanik 2013] и невозможности формировать мировую повестку в части развития (угрозы «энергетического перехода» и потери рынков энергетического сбыта) [Mitrova, Melnikov 2019; Overland, Bazilian, Uulu, Vakulchuk, Westphal 2019].

В-пятых (и это, пожалуй, самое главное для темы настоящего исследования), – подчиненность управленческой эффективности, отражающей государственную состоятельность, повестке национальной безопасности и сохранения государственности. Именно это свойство постсоветских государственных систем делает их наиболее «хрупкими». Индикаторы качества государственного управления от Всемирного банка [Worldwide Governance Indicators] стабильно фиксировали весьма средние в мировом плане значения для постсоветских государственных систем. При всех недостатках этой системы оценивания она фиксирует ряд проблем, существенно влияющих на способность государства эффективно выполнять свои функции (например, качество государственного регулирования, коррупция, подотчетность органов государственного управления и проч.), которые зачастую остаются на периферии политической повестки по разным причинам, в т. ч. по причине их неясности (качество регулирования)

и/или политизации (антикоррупционный дискурс).

В этом контексте актуальность разработанной модели стабильности и устойчивости государственных систем не вызывает сомнений, т. к. она сфокусирована как раз в первую очередь на оценку государственной состоятельности, – говоря словами Ф. Фукуямы, *Stateness first*.

Оценки устойчивости и стабильности постсоветских государственных систем

Как отмечено выше, в ходе совместного исследования коллективом авторов была разработана модель стабильности и устойчивости государственных систем, описанная в соответствующей публикации [Вилисов, Телин, Филимонов 2020], основные параметры которой имеет смысл повторить здесь, чтобы продолжить начатое исследование.

Под государственной системой (ГС) в общем виде в проведенном исследовании понимался комплекс постоянно взаимодействующих политических, государственных и социальных институтов, формального и неформального характера, объединяющий интересы всех участников политического процесса [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 10]. Устойчивость ГС понималась как функциональность, т. е. способность осуществлять присущие государству функции [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 11], что в этом смысле делает устойчивость практически синонимом «государственной состоятельности». Стабильность в МСУГС рассматривалась как способность ГС устойчиво функционировать при изменении обстоятельств и кризисе, самостоятельно находить новую точку равновесия [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 12].

МСУГС содержит функциональный и консолидационный компоненты, которые фактически соответствуют предложенным понятиям устойчивости и стабильности соответственно, а также деспотическое и инфраструктурное измерения (заимствованные из теории М. Манна [Манн 1984]), которые характеризуют соответственно возможности ГС «продавливать» решения «сверху вниз» и «договариваться» с другими политическими и общественными акторами. В итоге МСУГС содержит четыре параметра [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 14–17]:

- функционально-деспотический, фактически отвечающий за результативность ГС;

- функционально-инфраструктурный, оценивающий степень достижения «общего блага»;
- консолидационно-деспотический, оценивающий степень легитимности ГС;
- консолидационно-инфраструктурный, оценивающий уровень «гражданственности» или «политической веры» участников.

В предыдущей публикации [Вилисов, Телин, Филимонов 2020, с. 18] было предложено описать каждый из параметров через субиндексы двух международных систем оценки: индекс Всемирного банка WGI и индекс Глобальной конкурентоспособности (GCI) (см. табл. 4).

Таблица 4. Описание МСУГС через отдельные параметры имеющихся международных индексов

Table 4. Description of IPSAS through Separate Parameters of Available International Standards Indexes

	Субиндексы WGI	Субиндексы GCI
Функционально-деспотический параметр	Эффективность управления (Government Effectiveness (GE))	1.08 Расточительность (эффективность) государственных расходов (Wastefulness (Efficiency) of Government Spending)
Функционально-инфраструктурный параметр	Качество регулирования (Regulatory Quality (RQ))	1.09 Регуляторная нагрузка (Burden of Government Regulation); 1.10 Эффективность правовых механизмов разрешения споров (Efficiency of legal frameworks in setting disputes); 1.11 Эффективность правовых механизмов оспаривания регуляторных решений (Efficiency of legal frameworks in challenging regulations)
Консолидационно-деспотический параметр	Голос и подотчетность (Voice and Accountability); Политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence)	1.04 Доверие политикам (Public trust in politicians); 1.12 Открытость формирования государственной политики (Transparency of public policy-making)
Консолидационно-инфраструктурный параметр	Законность (Rule of Law (RL)); Контроль коррупции (Control of Corruption (CC))	1.03 Нецелевое использование государственных средств (Diversion of public funds); 1.05 Взятки и поборы (Irregular payments and bribes); 1.14 Криминальные издержки бизнеса (Business costs of crime and violence); 1.15 Организованная преступность (Organized crime); 1.16 Доверие полиции (Reliability of police services)

Концептуально предлагаемый подход не является принципиально новым и внешне похож, например, на индекс «качества функционирования государства», предложенный И.М. Локшиным [Локишин 2011]. Сходство заключается в попытке использовать имеющиеся инструменты оценки государственного управления для описания специфического свойства (способности) государства или государственной системы. При этом важно отметить, что многие параметры, использованные для описания в обеих концепциях, совпадают (GE, RL, RQ и CC присутствуют как у И.М. Локшина, так и в описываемой модели).

Различие же заключается в теоретическом подходе: в отличие от количественного подхода (иерархический кластерный анализ), использованного Локшиным, в основу МСУГС положены «мягкие», теоретические модели, которые требуют проверки на практике. Такая проверка возможна, например, на основе сравнения агрегированного показателя устойчивости государственной системы – если результаты этой проверки будут соответствовать неким другим эмпирическим данным и оценкам устойчивости соответствующим

этим политических порядков, то можно будет предположить применимость предлагаемого подхода, пусть даже при условии совершенствования применяемого для оценки аппарата (вплоть до выработки новых параметров). В то же время важное значение в МСУГС имеет именно разделение на элементы и баланс между ними, который дает больше возможностей для интерпретации устойчивости и стабильности, чем просто индекс FSI.

Как будет выглядеть набор расчетных параметров для России в 2017 г., например, представлено в табл. 5.

Усреднив значения субиндексов одной размерности по каждому параметру⁹, приведя шкалы разных субиндексов к единым значениям¹⁰ и усреднив приведенные значения по каждому параметру¹¹, получаем следующую картину для четырех постсоветских стран (табл. 6, рис. 2).

В российском профиле наиболее развитым оказался ФД-параметр, отвечающий за результативность ГС и характеризующий управленческое воздействие «сверху вниз». ФИ-параметр, характеризующий степень горизонтальных отношений по выработке понимания и достижению «общего бла-

Таблица 5. Набор расчетных параметров для России в 2017 г.

Table 5. Set of Calculated Parameters for Russia in 2017

	Субиндексы WGI	Значения	Субиндексы GCI	Значения
ФД	GE	-0,08	1.08	3,4
ФИ	RQ	-0,48	1.09; 1.10; 1.11	3,3; 3,6; 3,1
КД	VA; PSAV	-1,09; -0,7	1.04; 1.12	3,4; 4,0
КИ	RL; CC	-0,8; -0,89	1.03; 1.05; 1.14; 1.15; 1.16	3,2; 3,8; 4,5; 4,5; 3,8

9 Путем расчета среднего арифметического по однородным значениям одного параметра.

10 Шкала WGI находится в диапазоне от -2,5 до +2,5, шкала GCI – в диапазоне от 0 до 7. Значения шкалы WGI увеличиваются на 2,5 для перевода их в положительные и умножаются на 7, значения шкалы GCI умножаются на 5, в итоге получается единая шкала от 0 до 35.

11 Среднее арифметическое.

Таблица 6. Параметры МСУГС для рассматриваемых стран, 2017 г.
Table 6. IPSAS Parameters for the Countries under Review, 2017

Параметр	Значения			
	Россия	Украина	Казахстан	Азербайджан
ФД	16,97	13,14	17,035	19,94
ФИ	15,4033333	14,7133333	18,1783333	19,2083333
КД	14,8675	15,3175	17,0975	16,37
КИ	15,6925	14,81	17,315	18,06

га», развит меньше, что создает перекося в обеспечении устойчивости государственной системы. Суммарные оценки КД- и КИ-параметров, отвечающих за стабильность ГС, оказываются ниже суммарных оценок ФД- и ФИ-параметров, отвечающих за устойчивость, что означает более высокую уязвимость стабильности, т. е. меньшую готовность оперативно реагировать в условиях кризисов и достигать новой точки

баланса. В совокупности этот профиль можно оценить как характеризующий «хрупкость» российской ГС перед лицом стратегических вызовов.

Этот профиль, конечно же, имеет свои объяснения.

Во-первых, соотношение высокого ФД- и низкого КД-параметров показывает гипертрофию «силового» компонента в «вертикали власти» (возможность краткосрочного достижения ре-

Рисунок 2. Сравнение профилей МСУГС для России, Украины, Казахстана и Азербайджана

Figure 2. Comparison of IPSAS Profiles for Russia, Ukraine, Kazakhstan and Azerbaijan

зультата за счет мобилизации и относительно низкий авторитет ГС за счет избытка элемента принуждения). Такая ситуация скорее типична для России: сравнительно большой объем силовых структур обусловлен протяженностью границ, недоосвоенностью и сложностью части территории, что усиливается новой фазой геополитического противостояния, делаая доминирование повестки «национальной безопасности» объективным.

Во-вторых, он показывает недостаточное обеспечение участия общественности в принятии политических решений, слабость (разобщенность или локальность) структур гражданского общества, приоритет бюрократических методов управления над консоциативными при наличии достаточно высокого запроса от общества (относительно высокий уровень КИ-параметра).

В-третьих, он может показывать роль «траектории предшествующего развития»: метрополия аффирмативной империи, которая обеспечивает баланс защиты национальных интересов и процветания «окраин» одновременно, не может обеспечить баланс этих интересов и вынуждена действовать через принуждение.

У **Украины** явно видно преобладание КД-параметра (государство авторитетно, легитимно и обладает правами принуждения), при явной нехватке ФД-параметра (в этом смысле профиль прямо противоположен профилю России). Высокое значение КД-параметра может отражать специфику нации и государствовоительства в современной Украине (рост гражданского самосознания и формирования гражданской идентичности на фоне противопоставления России). В целом профиль показывает низкий уровень устойчивости при относительно более высоком уровне стабильности (это может отражать как верность выбранного стратегиче-

ского курса, который приведет к укреплению устойчивости в перспективе, так и просто провалы в текущем государственном управлении), при этом абсолютные показатели ниже российских.

Формирование новой национально-государственной идентичности Украины осуществляется на отрицании советского опыта и коммунистической идеологии (прямой запрет Коммунистической партии Украины и жесткий контроль всех инициатив в левой части политического спектра). Кроме того, усилиями Института национальной памяти и других идеологических структур период между Первой и Второй мировыми войнами репрезентируется как становление новой, независимой Украины, активно сопротивляющейся советизации. Этой же задаче подчинена целенаправленная работа по формированию нового пантеона героев и выработке новых практик коммеморации (наиболее одиозные примеры здесь связаны с ревизией истории голода 1930-х гг. – так называемого голодомора, событий Великой Отечественной войны и последующей борьбы «лесных братьев»).

У **Казахстана** все показатели выше, чем у России и Украины, но есть своя девиация в сторону функционально-инфраструктурного параметра, т. е. в сторону общественного (функционального) представительства и достижения общественного блага. Это требует осмысления, однако, возможно, формирует специфику казахстанской модели устойчивости и стабильности. Возможно, стоит обратить внимание на эволюцию партийной системы Казахстана, которая лишь отчасти выполняет представительские функции, или на неформальную структуру управления, сложившуюся на основе культурно-этнической специфики.

У **Азербайджана** преобладание функционально-деспотического и функционально-инфраструктурного

компонентов при «проседании» консолидационно-деспотического: государственная система способна «продавливать» свои решения и делает это в целом в интересах общего блага и с представительством интересов, однако системе не хватает признания (авторитетности и легитимности), хотя его уровень выше, чем у Украины и России.

По результатам сравнения четырех стран получается, что Азербайджан и Казахстан имеют как наибольшие абсолютные значения, так и покрывают наибольшую площадь четырехугольника, что может означать более высокий уровень стабильности и устойчивости. У Украины наименьшая площадь, что может означать наименьший уровень устойчивости и стабильности.

При этом важно отметить, что полученные данные не совпадают с данными индекса «хрупкости» государств: например, Азербайджан в нем находится на достаточно низких позициях. Таким образом, требуется дальнейшая верификация инструментов оценки.

Рассмотрение политических трансформаций постсоветских республик вызывает значительные сложности в подборе адекватных параметров сравнения. Это касается анализа политических институтов и их изменений, а также механизмов формирования политических элит и принятия решений. Немалое значение имеет также определение возможностей общества влиять на политические процессы, контролировать государственную власть и выступать адекватной частью социально-политической системы. Но, поскольку на пространстве бывшего Советского Союза сложились весьма разные политические системы независимых республик (от конкурентного парламентаризма и умеренного авторитаризма до неопатримониальных, квазимонархических систем), требуется более тонкий инструментарий, позволяющий про-

водить более корректные сравнения и диагностировать их функциональность и способность развиваться. Более того, возникает запрос на дальнейшее углубление в изучение специфики постсоветских государственных систем, а именно особенностей их функционирования в формальном и неформальном измерении, во взаимодействии между уровнями иерархии государственного аппарата и в сетевом взаимодействии различных участников политического процесса, чтобы лучше оценить «управляемость» этих систем, понимаемую как свойство ГС адекватно реагировать на внешние и внутренние сигналы как на оперативном, так и на стратегическом уровнях формирования государственной политики, обеспечивая при этом должный уровень внутренней согласованности.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на существенные различия векторов постсоветского развития, ННГ имеют общие характеристики, влияющие на оценку их устойчивости и стабильности, а также на перспективы их развития.

Сформированные на осколках СССР, они продолжают быть в значительной степени зависимыми от экономического наследия, созданного еще в советское время, которое с разной степенью успеха они пытаются использовать для интеграции в глобальную экономику и вокруг которой между ними возникают существенные споры. Извлечение этой ренты из советского наследия, равно как и нахождение на периферии глобальной экономики (по сути, формирующие «заколдованный круг» для развития и генерирующие высокие риски при возникновении глобальных кризисов), генериру-

ют запрос на сильное «девелопменталистское государство», которое в условиях внешних вызовов трансформируется в «государство национальной безопасности», стремящееся консолидировать власть для защиты от сильных внешних игроков. Степень его силы и эффективности зависит от исторического наследия и традиций, а также ресурсной обеспеченности.

Это приводит к тому, что задача сохранения собственной государственности подчиняет себе задачу обеспечения государственной состоятельности, что, в свою очередь, формирует основу «хрупкости» ННГ. Данное явление пока не нашло адекватного отражения в международных системах оценки устойчивости и стабильности государственных систем и эффективности государственного управления. Иначе говоря, существует ярко выраженный вектор на сохранение и воспроизводство собственной государственности в исторической перспективе, который доминирует у правящих элит. Можно предположить, что его заметность – прямое следствие понимания угроз государственности в элитах, возможно, отчасти связанное с фактором России, способной активно влиять на политическое пространство в постсоветской Евразии. Кроме того, пока все ННГ (кроме России) не продемонстрировали эффективного решения проблемы смены поколений элиты: до сих пор основу правящего класса составляли выходцы из социальной среды Советского Союза либо диссиденты. Но в ближайшее время будут все более мощно заявлять о себе первое и последующие постсоветские поколения политиков в этих странах.

Понятийный аппарат, сформированный в ранее сделанной в рамках общего исследовательского проекта публикации, описывающий государственную систему, ее устойчивость и ста-

бильность, а также разработанная четырехпараметрическая модель стабильности и устойчивости государственных систем дают возможность обнаружить причины «хрупкости» в дисбалансе деспотического и инфраструктурного параметров, а также в дефицитах функциональной и консолидационной составляющих государственных систем ННГ.

Проведенные расчеты МСУГС для четырех постсоветских стран с использованием данных имеющихся рейтингов WGI и GCI показывают как достаточный объяснительный потенциал разработанной модели, так и дефицит данных для оценки, требующий формирования собственного оценочного инструментария.

Список литературы

Вардомский Л.Б. (ред.) (2012) Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. М.: Институт экономики РАН.

Вилисов М.В. (2017) Политические стратегии Белоруссии, Казахстана и России: проблемы формирования и практической реализации // Политическая наука. Специальный выпуск. С. 41–62 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-strategii-belorussii-kazahstana-i-rossii-problemy-formirovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii/viewer>, дата обращения 25.08.2020.

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. (2020) От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития. № 1(96). С. 7–27. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

Джессоп Б. (2019) Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Дело.

Доклад об экономике России № 43. Россия: рецессия и рост во вре-

мя пандемии (2020) // Всемирный банк // <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. № 4. С. 7–33 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15120820_42454659.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. (2010) Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. № 3. С. 26–39 // http://old.politstudies.ru/fulltext/free-access/2010/3/Ilyin,Meleshkina,Melville_3_10.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Капустин Б.Г. (2001) Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // ПОЛИС. № 4. С. 6–26 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078487_59115426.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. (2004) Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // ПОЛИС. № 4. С. 6–27. DOI: 10.17976/jpps/2004.04.02

Кузнецов И.И. (2000) Парадигма транзитологии (Плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. № 5. С. 46–51 // <http://ecsocman.hse.ru/data/103/352/1216/005kUZNECOW.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Локшин И.М. (2011) Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Полития. № 4. С. 74–92. DOI: 10.30570/2078-5089-2011-63-4-74-92

Мельвиль А.Ю. (2020) Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских иссле-

дований/Russian Studies в современную политическую науку // ПОЛИС. № 1. С. 22–43. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.03

Мировое экономическое положение и перспективы, 2019 год: Краткое резюме (2019) // ООН // <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/2019/70>, дата обращения 25.08.2020.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2009) Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта.

Полтерович В.М. (1999) Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. № 2. С. 3–19 // http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_poltterovich/files/ep99001.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Ринген С. (2016) Народ дьяволов: демократические лидеры и проблемы повиновения. М.: Дело.

Фукуяма Ф. (2007) Америка на распутье. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2003) Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.

Хантингтон С. (2004) Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция.

Хелд Д., Макгрю Э., Гольдблатт Д., Перратон Дж. (2004) Глобальные преобразования: политика, экономика, культура. М.: Праксис.

DHL Global Connectedness Index 2018 (2018) // DHL, December 4, 2019 // <https://www.dhl.com/global-en/home/insights-and-innovation/thought-leadership/case-studies/global-connectedness-index.html>, дата обращения 25.08.2020.

Elster J., Offe C., Preuss U. (1998) Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea, Cambridge: Cambridge University Press.

Erdman G., Engel U. (2007) Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Con-

cept // *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 45, no 1, pp. 95–119. DOI: 10.1080/14662040601135813

Fragile States Index 2019 (2019) // Fund for Peace, April 10, 2019 // <https://fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/>, дата обращения 25.08.2020.

Fukuyama F. (2005) “Stateness” First // *Journal of Democracy*, vol. 16, no 1, pp. 84–88. DOI: 10.1353/jod.2005.0006

Hogan M.J. (1998) *A Cross of Iron*. Harry S. Truman and the Origins of the National Security State 1945–1954, Cambridge: Cambridge University Press.

Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. (2012) Factors of Post-Socialist Stateness. National Research University Higher School of Economics, Working paper WP BRP 03/PS/2012 // <https://publications.hse.ru/en/preprints/58953142>, дата обращения 25.08.2020.

Index of Economic Freedom 2020 (2020) // Heritage Foundation // <https://www.heritage.org/index/ranking>, дата обращения 25.08.2020.

Konoplyanik A.A. (2013) Global Oil Market Developments and Their Consequences for Russia // *The Handbook of Global Energy Policy* (ed. Goldthau A.), Chichester, UK: Wiley, pp. 477–500. DOI: 10.1002/9781118326275.ch28

Luong P.J., Weinthal E. (2001) Prelude to the Resource Curse. Explaining Oil and Gas Development Strategies in the Soviet Successor States and Beyond // *Comparative Political Studies*, vol. 34, no 4, pp. 367–399. DOI: 10.1177/0010414001034004002

Mann M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, vol. 25, no 2, pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239

Messner J.J. (2017) Fragile States Index 2017 // Fund for Peace, May 14, 2017 // <https://fundforpeace.org/2017/05/14/fragile-states-index-2017-factionaliza->

[tion-and-group-grievance-fuel-rise-in-in-stability/](#), дата обращения 25.08.2020.

Mitrova T., Melnikov Yu. (2019) Energy Transition in Russia // *Energy Transitions*, no 3, pp. 73–80. DOI: 10.1007/s41825-019-00016-8

National Security Strategy of the United States of America (2017) // The White House, December, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Overland I., Bazilian M., Uulu T.I., Vakulchuk R., Westphal K. (2019) The GeGaLo Index: Geopolitical Gains and Losses after Energy Transition // *Energy Strategy Reviews*, vol. 26, 100406. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100406

The Global Competitiveness Report 2017–2018 (2017) // World Economic Forum, September 26, 2017 // <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>, дата обращения 25.08.2020.

The Global Competitiveness Report 2019 (2019) // World Economic Forum // http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf, дата обращения 25.08.2020.

World Bank (1) (2020). *Doing Business 2020*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1440-2

World Bank (2) (2020). *Global Economic Prospects*, June 2020. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9

Worldwide Governance Indicators // The World Bank // <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, дата обращения 25.08.2020.

Zselyke Csaky (2020) Nations in Transit 2020. Dropping the Democratic Façade // Freedom House // <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2020/dropping-democratic-facade>, дата обращения 25.08.2020.

Political Theory

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

The Post-Soviet State Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model

Vladimir V. YAKUNIN

DSc in Politics, Head of the Public Policy Department, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: gospolitika_msu@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0006-1252

Igor I. KUZNETSOV

DSc in Politics, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Faculty
of Political Science

Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: politbum@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0274-8728

Maksim V. VILISOV

PhD in Politics, Deputy Head of the Public Policy Department, Faculty of Political
Science

Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: vilisov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-6634-3829

CITATION: Yakunin V.V., Kuznetsov I.I., Vilisov M.V. (2020) The Post-Soviet State
Systems' Resilience: An Outline of the Theoretical Model. *Outlines of Global
Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 6–33 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-1

Received: 16.07.2020.

ABSTRACT. *An upcoming anniversary of the USSR dissolution raises the opportunity to overview the tendencies of the development of the state systems, emerged on its fragments. A retrospective view of this process, which has received various (sometimes contradictory) political and expert assessments, raises the main question – the viability and prospects of sustainable development of the former USSR countries.*

The shared past continues to have a significant impact through the Soviet legacy, making these countries difficult to analyze and raise questions about the effectiveness of common tools for assessing their resilience and stability.

The paper describes the application of the model of resilience and stability of the state systems, developed earlier in a co-authorship within the framework of joint re-

search. The estimates obtained make it possible to form the profile of some countries and determine the structural imbalances in the development of their state systems in terms of resilience and stability.

KEY WORDS: *resilience, stability, political order, statehood, stateness, state system*

References

- DHL Global Connectedness Index 2018. DHL, December 4, 2019. Available at: <https://www.dhl.com/global-en/home/insights-and-innovation/thought-leadership/case-studies/global-connectedness-index.html>, accessed 25.08.2020.
- Elster J., Offe C., Preuss U. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Erdman G., Engel U. (2007) Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Commonwealth & Comparative Politics*, vol. 45, no 1, pp. 95–119. DOI: 10.1080/14662040601135813
- Fragile States Index 2019 (2019). *Fund for Peace*, April 10, 2019. Available at: <https://fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/>, accessed 25.08.2020.
- Fukuyama F. (2005) “Stateness” First. *Journal of Democracy*, vol. 16, no 1, pp. 84–88. DOI: 10.1353/jod.2005.0006
- Fukuyama F. (2007) *America at the Crossroads*, Moscow: AST (in Russian).
- Held D., MacGrew A., Goldblatt L., Perraton J. (2004) *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*, Moscow: Praksis (in Russian).
- Hogan M.J. (1998) *A Cross of Iron. Harry S. Truman and the Origins of the National Security State 1945–1954*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington S. (2003) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Huntington S. (2004) *Political Order in Changing Societies*, Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- Ilyin M.V. (2008) Is It Possible to Create a Universal Typology of States? *Political Science (RU)*, no 4, pp. 7–33. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15120820_42454659.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., Zharikova E. (2012) *Factors of Post-Socialist Stateness*. National Research University Higher School of Economics, Working paper WP BRP 03/PS/2012. Available at: <https://publications.hse.ru/en/preprints/58953142>, accessed 25.08.2020.
- Ilyin M.V., Meleshkina Ye.Yu., Melville A.Yu. (2010) Formation of the New States: Domestic and External Factors of Consolidation. *POLIS*, no 3, pp. 26–39. Available at: http://old.politstudies.ru/fulltext/free-access/2010/3/Ilyin,Meleshkina,Melville_3_10.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Index of Economic Freedom 2020 (2020). *Heritage Foundation*. Available at: <https://www.heritage.org/index/ranking>, accessed 25.08.2020.
- Jessop B. (2019) *The State: Past, Present, Future*, Moscow: Delo (in Russian).
- Kapustin B.G. (2001) The End of “Transitology”? (Reflecting on the First Post-Communist Decade as Subject of Theoretical Interpretation). *POLIS*, no 4, pp. 6–26. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078487_59115426.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Karl T.L., Shmitter F. (2004) Democratization: Concepts, Postulates, Hypotheses (Reflections on the Applicability of the Transitological Paradigm in the Study of post-Communist Transformations). *POLIS*, no 4, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2004.04.02
- Konoplyanik A.A. (2013) Global Oil Market Developments and Their Con-

sequences for Russia. *The Handbook of Global Energy Policy* (ed. Goldthau A.), Chichester, UK: Wiley, pp. 477–500. DOI: 10.1002/9781118326275.ch28

Kuznetsov I.I. (2000) Transitology Paradigm (Pros and Cons of the Explanatory Concepts of the Transition Period). *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 46–51. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/103/352/1216/005kUZNE-COW.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Lokshin I. (2011) Political Regimes and Quality of State Functioning: Analysis of Interrelationship. *Politeia*, no 4, pp. 74–92 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2011-63-4-74-92

Luong P.J., Weinthal E. (2001) Prelude to the Resource Curse. Explaining Oil and Gas Development Strategies in the Soviet Successor States and Beyond. *Comparative Political Studies*, vol. 34, no 4, pp. 367–399. DOI: 10.1177/0010414001034004002

Mann M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, vol. 25, no 2, pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239

Melville A.Yu. (2020) “Out of the Ghetto”: On the Contribution of Post-Soviet/Russian Studies to Contemporary Political Science. *POLIS*, no 1, pp. 22–43 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.01.03

Messner J.J. (2017) Fragile States Index 2017. *Fund for Peace*, May 14, 2017. Available at: <https://fundforpeace.org/2017/05/14/fragile-states-index-2017-factionalization-and-group-grievance-fuel-rise-in-instability/>, accessed 25.08.2020.

Mitrova T., Melnikov Yu. (2019) Energy Transition in Russia. *Energy Transitions*, no 3, pp. 73–80. DOI: 10.1007/s41825-019-00016-8

National Security Strategy of the United States of America (2017). *The White House*, December, 2017. Available at:

<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, accessed 25.08.2020.

Nureev R.M., Latov Yu.V. (2009) *Russia and Europe: Path Dependence (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)*, Kaliningrad: RGU im. I. Kanta (in Russian).

Overland I., Bazilian M., Uulu T.I., Vakulchuk R., Westphal K. (2019) The GeGaLo Index: Geopolitical Gains and Losses after Energy Transition. *Energy Strategy Reviews*, vol. 26, 100406. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100406

Polterovich V.M. (1999) The Institutional Traps and Economic Reforms. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 35, no 2, pp. 3–19. Available at: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ep99001.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Ringen S. (2016) *The Nation of Devils: Democratic Leaders and the Problem of Obedience*, Moscow: Delo (in Russian).

Russia Economic Report No 43. Recession and Growth under the Shadow of a Pandemic (2020). *The World Bank*. Available at: <http://pubdocs.worldbank.org/en/483351593984893149/RUS-RER43-July5.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

The Global Competitiveness Report 2017–2018 (2017). *World Economic Forum*, September 26, 2017. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>, accessed 25.08.2020.

The Global Competitiveness Report 2019 (2019). *World Economic Forum*. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitiveness-Report2019.pdf, accessed 25.08.2020.

Vardomsky L. (ed.) (2012) *New Independent States: Comparative Results of Social and Economic Development*, Moscow: Institute of Economy (in Russian).

Vilisov M.V. (2017) Political Strategies of Belarus, Kazakhstan and Russia: Problems of Formation and Practical Implementation.

Political Science (RU), Special Issue, pp. 41–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-strategii-belorussii-kazahstana-i-rossii-problemy-formirovaniya-i-prakticheskoy-realizatsii/viewer>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

VilISOV M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. (2020) From Resilience to Stability: What Makes Good Public Administration. *Politika*, no 1(96), pp. 7–27 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27

World Bank (1) (2020). Doing Business 2020. Washington, DC: World Bank. DOI:10.1596/978-1-4648-1440-2

World Bank (2) (2020). Global Economic Prospects, June 2020. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9

World Economic Situation and Prospects 2019: Executive Summary (2019). *United Nations*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/мировое-экономическое-положение-и-пе-2/>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Worldwide Governance Indicators. *The World Bank*. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, accessed 25.08.2020.

Zselyke Csaky (2020) Nations in Transit 2020. Dropping the Democratic Façade. *Freedom House*. Available at: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2020/dropping-democratic-facade>, accessed 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2

Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация?

Борис Аронович ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Институт экономики РАН, 117418, Нахимовский просп., д. 32, Москва, Российская Федерация;
профессор
Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, Ленинградский проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация
E-mail: bah412@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6009-434X

Вероника Юрьевна ЧЕРНОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра маркетинга
Российский университет дружбы народов, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;
доцент, кафедра рекламы и связи с общественностью, Институт маркетинга
Государственный университет управления, 109542, Рязанский проспект, д. 99, Москва, Российская Федерация
E-mail: veronika_urievna@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5951-9091

ЦИТИРОВАНИЕ: Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2020) Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 34–52.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2

Статья поступила в редакцию 07.05.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме влияния нового экономического кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на развитие процессов глобализации. В центре внимания авторов – четыре классических потока (торговый, инвестиционный, человеческий и информационно-коммуникационный), которые охватывают большинство аспектов международной деятельности. Авторы отмечают, что современный этап глобализации характеризуется новыми взаимосвязями и взаимозависимостями национальных экономик, а международные факторные потоки еще*

до распространения COVID-19 показывали ослабление торговой и инвестиционной составляющей глобализации. При этом туристический и миграционный потоки прежде демонстрировали свою способность к быстрому восстановлению и после небольшого снижения в период кризиса 2008–2009 гг. продолжили рост вплоть до 2020 г., когда произошла их резкая остановка. Особое внимание уделено влиянию на процессы глобализации «китайского фактора» и цифровых технологий. Китай, как «всемирная фабрика», занимает центральное место в глобальных цепочках со-

здания стоимости. Последствия нарушения поставок из-за COVID-19 имеют серьезные последствия как для МНК (многонациональных компаний), расположенных в Китае, так и за его пределами. Имеющиеся прогнозы показывают, что в течение 2020 г. можно ожидать усиления неблагоприятных тенденций в развитии глобализации. Отмечено, что новый кризис ускорит развитие технологий четвертой промышленной революции, которым отводится ключевая роль для восстановления экономики после выхода из карантина. Десятилетие после 2020 г., вероятно, станет десятилетием трансформации международного производства, развитие которого будет определяться темпами и масштабами внедрения цифровых технологий. В отличие от других направлений глобализации, в сфере интернетизации и информатизации пандемия сыграла положительную роль, значительно увеличив объем межгосударственного трафика по каналам Интернета и других коммуникаций. В этот период дополнительный импульс получили социальные сети, компании интернет-торговли, новые платформы. В заключении авторы приходят к выводу, что новый импульс развитию современной глобализации может дать восстановление глобализации потребителей и поиск новых форм и направлений их информационно-коммуникационного взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, пандемия, кризис, COVID-19, глобальные цепочки создания стоимости

Введение

Новый глобальный экономический кризис, связанный с пандемией COVID-19, оказывает серьезнейшее влияние на развитие процессов глобализации. Если после глобально-

го финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стали говорить о постепенном замедлении глобализации или даже ее закате, то современная глобальная угроза кардинально приостановила многие глобализационные процессы, восстановление которых потребует, как становится все более очевидным, значительного периода времени и заставит пересмотреть наши представления о данном феномене – по крайней мере до разработки эффективных лекарств и вакцины против COVID-19.

Уже сейчас некоторые страны закрыли свои границы на длительный срок, что сильно ударит по трудовой миграции, туризму, научным и культурным обменам. А приостановка производственной деятельности в некоторых секторах экономики наносит ущерб по поставкам внутри глобальных производственных цепочек. По прогнозу ОЭСР, подготовленному для виртуального саммита G20, каждый месяц карантина может снижать годовой ВВП на 2% [OECD 2020]. В список наиболее пострадавших от COVID-19 отраслей экономики вошли все отрасли, зависимые от высокого социального взаимодействия: туристический сектор, где ожидается падение до 70%; авиаперевозчики, потери которых, по предварительному прогнозу, могут составить от 63 до 113 млрд долл. [Segal, Gerstel 2020]; гостиничный бизнес; международный кинорынок (потери более 5 млрд долл.); индустрия развлечений и др.

По сравнению с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., возрастающая роль Китая на мировых рынках увеличивает размер экономических последствий для других стран от шока китайской экономики. По оценке Центра стратегических и международных исследований, в Китае фактический ущерб эко-

номике по итогам января и февраля 2020 г. оказался серьезнее, чем прогнозировалось в начале эпидемии: продажи автомобилей упали на рекордные 80%, а экспорт сократился на 17,2% [Segal, Gerstel 2020]. Правда, Китай стал одним из первых, где началось восстановление после первого шока нового кризиса.

Даже если продолжительность пандемии окажется кратковременной, с постепенным восстановлением экономической деятельности в течение следующих нескольких месяцев, она все равно окажет существенное влияние на глобальный рост и внешние связи на ближайшие два-три года.

Современный этап глобализации характеризуется новыми взаимосвязями и взаимозависимостями национальных экономик [Хейфец 2018]. Одной из основных тем острых дискуссий о глобализации является утверждение о том, что мир может расколоться на региональные союзы (см. [Barbieri 2019; Зевин 2016; Смыслов 2019]). Появились суждения, что многополярный мир с разрушающимися отношениями между крупнейшими экономиками может привести к увеличению доли внутрирегиональных международных потоков [Krapohl 2019]. Эту точку зрения фактически подкрепляет позиция, что на современном этапе глобализация изжила себя, в то время как идея укрепления регионального и национального экономического суверенитета, как олицетворение практически забытой концепции автаркического развития, становится все более актуальной [Emerald 2020].

Возрастающая напряженность в международных отношениях, а также относительное снижение политического и экономического веса Запада сделали регионализм более подходящим инструментом для решения широкого круга проблем, возникающих в различ-

ных областях [Barbieri 2019]. В современных условиях, когда существенная доля международной торговли приходится на промежуточные товары, повысилась значимость надежности, скорости и ритмичности трансграничных поставок комплектующих узлов, деталей и полуфабрикатов [Оболенский 2015]. Пандемия COVID-19 показала уязвимость глобальных цепочек создания стоимости и способствовала их ограничению в плане широты и глубины охвата отдельных национальных юрисдикций.

В данном контексте особое значение имеет приближение производства к потребителям, что снижает роль внешней торговли и ограничивает риски международной кооперации. В этом отношении показателен пример Китая, развитие производственного опыта и знаний которого позволило производить многие компоненты электронных изделий самостоятельно, отказавшись от их импорта, [Смыслов 2019], а также политика возврата производственных мощностей развитых стран в материнскую юрисдикцию (решоринг) или в близлежащие страны (ниаршоринг). В то же время следствием развития данной тенденции станет не только усиление диверсификации структуры национальных экономик, но и снижение их эффективности за счет отказа от многих преимуществ международного разделения труда.

Для оценки перспектив экономической глобализации и влияния на нее нового кризиса мы сосредоточили внимание на четырех классических потоках (торговом, инвестиционном, человеческом и информационно-коммуникационном), которые охватывают большинство аспектов международной деятельности и по которым имеются достоверные данные за длительный период времени.

Внешняя торговля

После небольшого посткризисного восстановления в 2010–2012 гг. наблюдалось замедление динамики мирового ВВП и экспорта (рис. 1). Уже сейчас очевидно, что этот кризис будет более глубоким, чем предыдущий глобальный финансово-экономический кризис, когда в 2009 г. мировой ВВП упал всего на 0,7%.

По июньскому прогнозу МВФ, в 2020 г. глобальный ВВП может упасть на 4,9%, хотя в его апрельском прогнозе падение было оценено в 3% [IMF (2) 2020]. МВФ считает, что у 170 государств мира в 2020 г. будут отрицательные показатели прироста душевого ВВП. Для еврозоны и США показатели падения ВВП составят от 8 до 12,8% (рис. 2).

МВФ ожидает и более медленного восстановления мировой экономики в 2021 г. – плюс 5,4% (в предыдущем прогнозе было 5,8%). Всемирный банк (ВБ) дает два прогноза развития мировой экономики. Базовый сценарий предполагает, что глобальный ВВП в 2020 г. сократится на 5,2%, а в 2021 г. возрастет на 4,2%. Сценарий спада допускает воз-

можность сокращения роста ВВП на 8% в 2020 г. [World Bank (2) 2020].

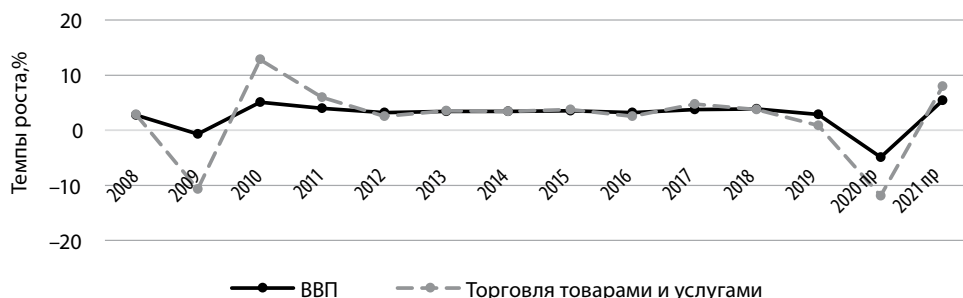
Такое пессимистическое изменение прогнозов говорит об еще одной существенной особенности нового глобального экономического кризиса – его высокой степени неопределенности. Это связано с прогнозируемой многими экспертами второй волной пандемии, которая вызовет новые проблемы в мировой экономике.

Похожая с ВВП динамика будет наблюдаться у экспорта товаров и услуг, который, по прогнозам, в 2020 г. может упасть на 11–12%. Это также немного превзойдет спад 2009 г. Ожидается и более медленное восстановление мировой торговли в 2021 г. по сравнению с 2010 г.

Прогнозируется, что COVID-19 может поставить под угрозу по меньшей мере половину всей торговли товарами и услугами. За I квартал 2020 г. 80 стран и отдельных таможенных территорий ввели запреты или ограничения на экспорт в результате пандемии, включая 72 члена ВТО. Большинство из них были описаны как временные меры, которые будут сниматься в связи с развитием ситуации [WTO 2020].

Рисунок 1. Динамика ВВП и торговли товарами и услугами в глобальной экономике, %

Figure 1. Dynamics of GDP and Trade in Goods and Services in the Global Economy, %

Источник: [IMF, World Economic Outlook (за соответствующие годы)].

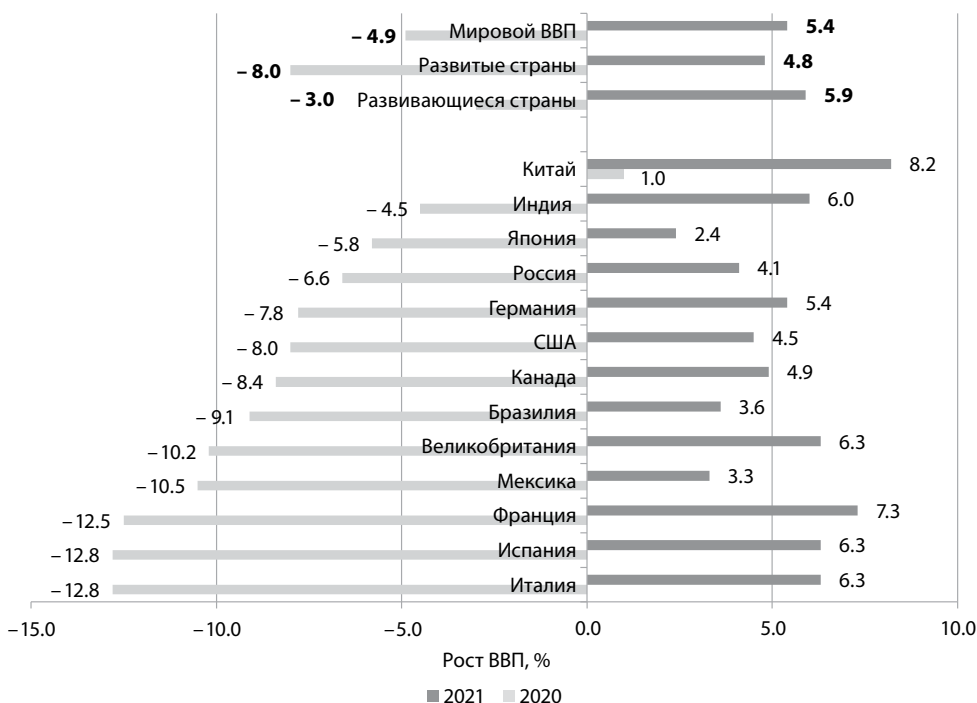
Source: [IMF, World Economic Outlook (for the corresponding years)].

При этом крайне отрицательное влияние на торговлю окажет падение цен на нефть и газ.

Несколько отличная от торговли товарами была динамика торговли услугами, превысившей в 2019 г. 30% объема мировой торговли товарами. Экспорт услуг в мире возрос с 4,8 трлн долл. в 2013 г. до 6 трлн долл. в 2019 г. Правда, если в 2017–2018 гг. ежегодные темпы его прироста составляли 7,8%, то в 2019 г. они снизились до 2,7% [UNCTAD 2019, pp. 16, 34; UNCTAD (1) 2020]. В то же время вряд ли можно ожидать повторения ситуации кризиса 2008–2009 гг., когда эта торговля демонстрировала большую устойчивость к кризисным явлениям по сравнению с торговлей товарами [Shingal 2020].

Отрицательное влияние пандемии на одни виды услуг (образование, пассажирские перевозки, услуги отелей, ресторанов и пр.) будет более значительным, тогда как влияние пандемии на другие виды услуг (телекоммуникационные, компьютерные, страховые, финансовые и пр.) окажется ограниченным. Это связано с тем, что большинство этих услуг могут предоставляться онлайн и, следовательно, более устойчивы к любым видам социального дистанционирования. Даже после нейтрализации новых угроз коронавируса у людей сохранится привычка к такому способу получения услуг. Например, в Китае после отмены мер, ограничивающих перемещение людей, покупки в формате офлайн не превы-

Рисунок 2. Прогноз роста ВВП в 2020 и 2021 гг., %
Figure 2. GDP Growth Forecast for 2020 and 2021, %

Источник: [IMF (2) 2020].
Source: [IMF (2) 2020].

шают 79% от докризисного уровня при росте онлайн-торговли на 15% в сравнении с аналогичным показателем до вспышки эпидемии и введения карантинных мер [Вишневский, Дементьев, Приворотская 2020]. При этом последовательно будет возрастать объем офшорных услуг с использованием иностранных юрисдикций, т. е. межгосударственной торговли ими.

Движение капиталов

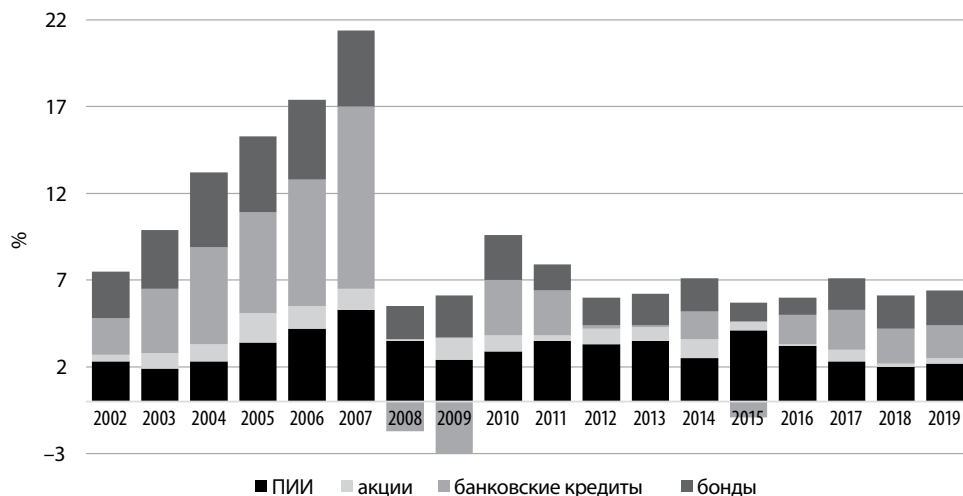
После глобального кризиса 2008–2009 гг. наблюдалось и существенное замедление трансграничных потоков капитала, включая ПИИ, банковские кредиты, покупку акций и облигаций. Эти финансовые потоки сократились в 2008–2019 гг. почти на 50%, хотя были отдельные попытки роста в 2014 и 2017 гг. Половина снижения капитальных потоков пришлось на существен-

ное уменьшение трансграничных операций банков (см. рис. 3).

Слабые результаты показывают глобальные ПИИ, которые уже 10 лет не могут превзойти их докризисный уровень 2007 г. При этом тенденция снижения ПИИ усилилась в 2017–2019 гг. Похожие негативные тренды наблюдаются и у трансграничных слияний и поглощений, а также у объявленных инвестиций в новые активы, по которым можно судить об инвестиционных перспективах, что связано с сохраняющейся высокой неопределенностью и слабыми ожиданиями будущего роста (рис. 4).

В целом можно ожидать дальнейшее снижение динамики ПИИ в связи с замедлением экономической активности и усилением национального эгоизма. COVID-19 приведет к переоценке меганациональными корпорациями цепочек создания стоимости с точки зрения надежности поставок со сменой страте-

Рисунок 3. Трансграничные потоки капитала в 2002–2019 гг., % от ВВП
Figure 3. Cross-border Capital Flows in 2002–2019, % of GDP

Источник: [UNCTAD Database. Global Investments Trends and Prospects (за соответствующие годы)].
Source: [UNCTAD Database. Global Investments Trends and Prospects (for the corresponding years)].

гии «сокращение издержек» на стратегию «обеспечения стабильности поставок» и возможности переноса их производственной деятельности ближе к рынкам сбыта. Так, Д. Трамп с новой силой настаивает на возвращении производственных мощностей американских МНК в США. Не случайно, что Всемирный банк прогнозирует снижение ПИИ в государства с низким и средним уровнем дохода в 2020 г. на более чем 35% [World Bank (1) 2020, p. 8].

В целом эксперты ЮНКТАД ожидают, что глобальные потоки ПИИ в 2020 г. сократятся на 40% по сравнению с 2019 г., т. е. впервые с 2005 г. они будут ниже 1 трлн долл. В 2021 г. ПИИ упадут еще на 5–10% и начнут восстановление только в 2022 г. [UNCTAD (2) 2020].

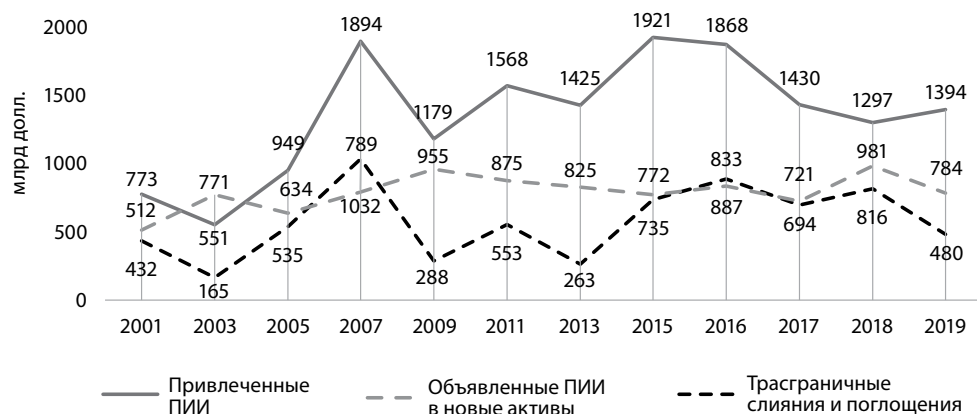
Отчасти снижение динамики торговых и инвестиционных потоков имеет и другую объективную причину. Это развитие новых технологий в производстве и сфере услуг, что позволит снизить затраты природных ресурсов

и энергии, обеспечить более высокую производительность и безопасность экономической деятельности, изменить представления об эффективных масштабах производства и потребностях в логистике. Например, по прогнозу McKinsey Global Institute, автоматизация, аддитивные технологии и искусственный интеллект к 2030 г. сократят глобальную торговлю товарами больше чем на 10%. Банк ING прогнозирует, что только 3D-принтеры могут увеличить промышленное производство местных товаров и способствовать снижению мировой торговли на 40% к 2040 г. COVID-19 значительно ускорит эти процессы.

По оценке экспертов ЮНКТАД, следующее десятилетие, вероятно, станет десятилетием трансформации международного производства. Дальнейшее развитие международного производства будет определяться тремя ключевыми технологическими направлениями: автоматизация на основе робото-

Рисунок 4. Динамика показателей, характеризующих трансграничное движение инвестиций в мировой экономике, млрд долл.

Figure 4. Dynamics of Indicators Characterizing the Cross-border Movement of Investments in the Global Economy, Billion Dollars

Источник: [UNCTAD Database. Global Investments Trends and Prospects (за соответствующие годы)].

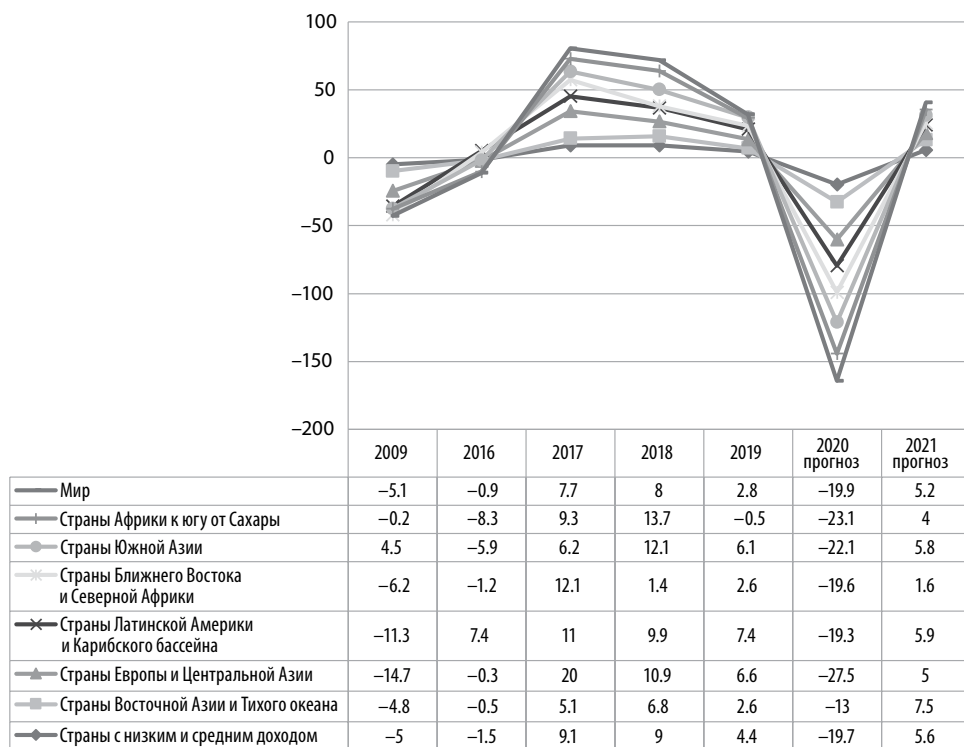
Source: [UNCTAD Database. Global Investments Trends and Prospects (for the corresponding years)].

техники, цифровизация цепочки поставок и аддитивные технологии. Темпы и масштабы внедрения этих технологий зависят от институциональной торгово-инвестиционной среды, которая в последние годы имеет тенденцию к протекционизму и переходу от многосторонних отношений к региональным и двусторонним отношениям [UNCTAD (2) 2020].

Можно ожидать разнонаправленную динамику других финансовых потоков. Так, за январь-февраль 2020 г. отток портфельных инвестиций с развивающихся рынков составил около 100 млрд долл. Всемирный банк прогнозирует, что иностранные портфель-

ные инвестиции в государства с низким и средним уровнем дохода уменьшатся в 2020 г. на 80%. В то же время можно ожидать увеличения межгосударственных портфельных инвестиций в долговые бумаги, в т. ч. выпускаемые в рамках специальных программ масштабного дополнительного финансирования во время нового кризиса (США, ЕС). Возрастут и потоки официальных международных кредитов. Так, МВФ получил беспрецедентное количество обращений за экстренным финансированием из более чем 90 стран и согласился удвоить спрос в финансовой помощи в размере около 100 млрд долл. [IMF (1) 2020; World Bank (1) 2020, p. 8].

Рисунок 5. Темпы роста трансграничных денежных переводов, %
Figure 5. Growth Rates of Cross-border Money Transfers, %

Источник: [Ratha, De, Kim, Plaza, Seshan, Yameogo 2020].

Source: [Ratha, De, Kim, Plaza, Seshan, Yameogo 2020].

Однако сократятся трансграничные денежные переводы, которые играют важнейшую роль в экономиках многих бедных развивающихся стран. Всемирный банк оценивает падение объема межгосударственных денежных переводов на 19,7% – с 714 млрд долл. в 2019 г. до 572 млрд долл. в 2020 г. (рис. 5), основная часть этого сокращения придется на государства с низким и средним уровнем дохода – с 554 млрд долл. до 445 млрд долл. соответственно [World Bank (1) 2020, p. 8].

Туристические и миграционные потоки

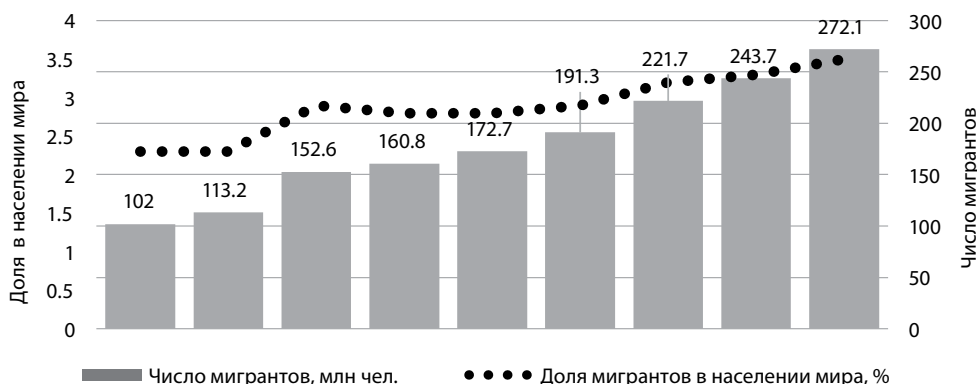
Прогресс глобализации за счет трансграничных перемещений населения обеспечен преимущественно туристическими потоками. Это вызвано как улучшением визовой политики многих стран, так и увеличением количества людей, которые могут себе позволить заграничную поездку [Donnan, Leatherby 2019].

Туризм стал одним из самых динамичных и быстрорастущих секторов

глобальной экономики. Правда, в 2019 г. его рост замедлился (+4%) в сравнении с показателями 2017 г. (+6%) и 2018 г. (+6%) в связи с замедлением роста мировой экономики и геополитической напряженностью [UNWTO 2020].

Пандемия оказала катастрофическое влияние на туристический сектор. На него в мире в 2018 г. приходилось около 319 млн рабочих мест (10% от общей занятости), не считая занятости в смежных областях, включая сельское хозяйство, транспорт, ремесленные изделия, продукты питания и напитки и т. п. В марте 2020 г. международный туризм, по сути, остановился. Такие меры, как ограничения на поездки, отмена рейсов и другие, значительно сократили предложение и спрос на услуги внутреннего и международного туризма. Так, по оценкам МОТ, туристическая отрасль ЕС ежемесячно теряет около 1 млрд евро дохода из-за существенного сокращения туристического потока из Китая, Японии, США и почти полного прекращения внутреннего туризма. Серьезный ущерб нанесен азиатским туристическим рынкам, которые в значитель-

Рисунок 6. Динамика международной миграции в 1980–2019 гг.
Figure 6. The Dynamics of International Migration in 1980–2019

Источник: [IOM 2018; Migration Data Portal 2020].
Source: [IOM 2018; Migration Data Portal 2020].

ной степени зависимы от туристического потока из Китая. В Северной и Южной Америке от пандемии сильнее всего пострадали Соединенные Штаты Америки, а также Канада, Бразилия, Чили, Перу и Эквадор [ILO 2020].

Межгосударственная миграция в допандемический период была еще одним растущим глобализационным потоком. Так, в 2001–2019 гг. число мигрантов увеличилось со 173 млн до 272 млн; 2/3 всех мигрантов приходилось на трудовых мигрантов. При этом доля международных мигрантов в мировом населении возросла незначительно (см. рис. 6).

Коронавирус окажет существенное влияние на трудовую миграцию. По данным МОТ, при благоприятном развитии ситуации с коронавирусом рост безработицы в мире составит от 5,3 млн до 7 млн человек, при худшем сценарии – от 24,7 млн до 36 млн человек. Это вкупе с ограничениями на пе-

редвижение людей будет способствовать ослаблению потока трудовых мигрантов в краткосрочной перспективе [ILO 2020]. Нельзя не учитывать и социальный фактор – усиление ксенофобии к «приезжим», которая связана с COVID-19.

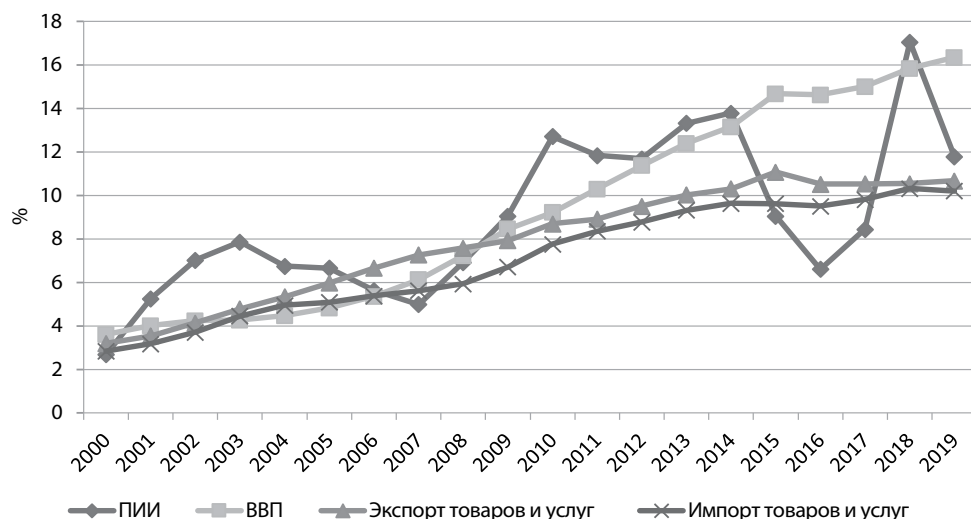
В то же время именно туристический сектор и миграция не раз демонстрировали свою способность к быстрому восстановлению. Эти сферы могут сыграть важную роль в оживлении мировой экономики после завершения кризиса.

Китайский фактор

За последние 20 лет значительно возросла роль Китая в глобальном ВВП, на мировых рынках товаров и услуг, ПИИ (рис. 7).

Пандемия коронавируса нанесла серьезный ущерб китайской экономи-

Рисунок 7. Доля Китая в глобальной торговле, инвестициях и ВВП, %
Figure 7. China's Share in Global Trade, Tourism, Investment and GDP, %

Источник: расчеты авторов на основе данных [World Bank Open Data 2020].

Source: authors' calculations based on [World Bank Open Data 2020].

ке. Китай как «всемирная фабрика» занимает центральное место в глобальных цепочках создания стоимости. Последствия нарушения поставок из-за COVID-19 в первую очередь затронули производства, работающие с нулевым запасом (Just-in-Time). В результате автомобильные концерны Hyundai и Toyota, например, объявили о прекращении производства в Корее и Японии, перебои с поставками отдельных компонентов, изготавливаемых в Китае, испытывает крупнейший производитель электроники, компьютерных комплектующих и комплектующих высокотехнологичной продукции – тайваньская Foxconn.

В 2015–2016 гг. произошло замедление роста доли Китая в мировом экспорте, что является следствием очень быстрого роста затрат на рабочую силу (на 13% в год в течение последних десяти лет) и повышения минимального уровня заработной платы (в 2 раза в сравнении с аналогичным показателем во Вьетнаме – (369 и 180 долл. в 2019 г.). Сказались и протекционистские меры США, введенные в 2018 г. В результате китайский экспорт в 2019 г. сократился более чем на 20% [Fouquin, Chaponnière 2020].

Снижение внутреннего спроса в Китае, вызванного пандемией, имеет серьезные последствия для некоторых МНК, расположенных в Китае. Например, General Motors продает в Китае в 2 раза больше автомобилей, чем в США. Точно так же немецкие автомобильные концерны продают больше автомобилей в Китае, чем в Европе. Другими секторами, в которых присутствуют МНК и которые оказались непосредственно затронуты решительными мерами правительства Китая по сдерживанию распространения COVID-19, являются общественное питание (закрытие MacDo, KFC, Starbucks и др.), торговля (закрытие Uniqlo, Muji, Ikea). С другой сторо-

ны, высокая взаимосвязанность Китая с пострадавшими от пандемии государствами через цепочки добавленной стоимости также становится препятствием для более быстрого восстановления его экономического роста.

COVID-19 и «Глобализация 4.0»

В 2010-е гг. в связи с бурным развитием четвертой промышленной революции появились исследования, в которых пишут, что можно говорить о постепенном переходе к новому этапу глобализации, который получил название «Глобализация 4.0» [WEF 2019; Baldwin 2019; Schwab 2019; Хейфец 2019]. «Глобализацию 4.0» характеризуют прежде всего интернетизация и цифровизация экономики, которые способствуют внедрению и развитию революционных технологических инноваций. Этот этап глобализации характеризуют такие показатели, как объем трансграничного трафика информационных потоков (Интернета, телефонной связи, включая мобильную связь), объем интернет-торговли, число интернет-пользователей и подписчиков социальных сетей и т. п.

Объем глобального трафика сети Интернет увеличился с примерно 100 Гб/день (1992 г.) до 45 000 Гб/с (2017 г.), а в 2022 г., как ожидается, составит 150 700 Гб/с. По прогнозам, глобальный рынок Интернета вещей вырастет со 151 млрд долл. в 2018 г. до 1567 млрд долл. в 2025 г.

В 1995 г. насчитывалось 15 млн интернет-пользователей (0,39% всего населения земли), к 1 апреля 2020 г. их число возросло до 4,6 млрд (58,7% всех жителей).

В настоящее время по каналам Интернета осуществляется свыше 15% международной торговли товарами и около 50% торговли услугами. Объем роз-

ничных онлайн-продаж в 2016–2019 гг. рос в среднем на 20% в год, в то же время розничные продажи увеличивались всего лишь на 3,5% в год. Уже больше 50% онлайн-покупателей на Ближнем Востоке, в Африке, Европе и Латинской Америке выбирают товары на иностранных сайтах. Так, 1000 крупнейших интернет-магазинов Северной Америки продают товаров на сумму 143 млрд долл. покупателям за пределами США. При этом доля Amazon в этих международных продажах составила 44%. Две трети ритейлеров считают, что именно трансграничная электронная коммерция является важнейшим источником будущего роста для их компании, т. к. она дает много международных клиентов.

В 2018 г. около 50 млн предприятий малого и среднего бизнеса продвигали свои товары и услуги через социальную сеть Facebook. Благодаря основным провайдерам рынка электронной коммерции Alibaba, Amazon, eBay, Flipkart и Rakuten, десятки миллионов малых и средних предприятий

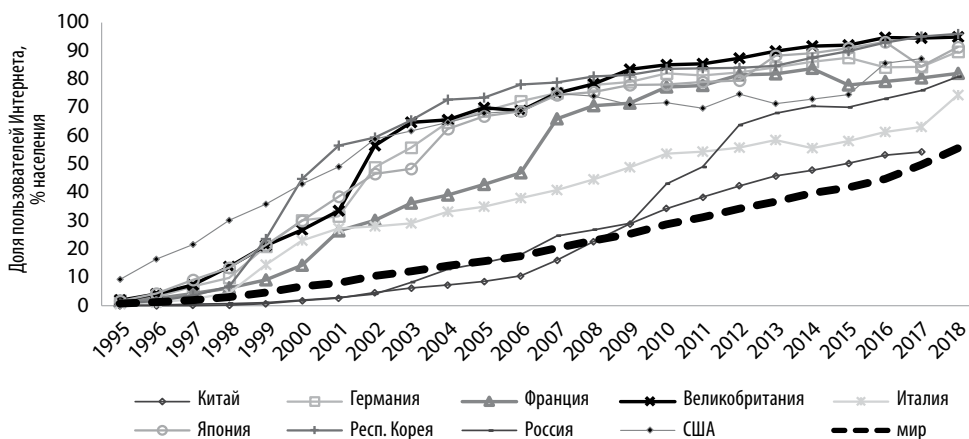
во всем мире получили доступ к внешним рынкам. Более 80% технологических стартапов ведут трансграничную деятельность.

По мнению экспертов Alibaba Group, если раньше международную торговлю предопределяли около 65 тыс. МНК, то в ближайшие пять десятков лет лидерами мировой торговли станут 60 млн предприятий малого и среднего бизнеса, работающие через Интернет.

Оценка степени интернетизации и глобальной информатизации показывает впечатляющий рост по всем странам (рис. 8).

В отличие от других направлений глобализации в этой сфере пандемия сыграла положительную роль, значительно увеличив объем межгосударственного трафика по каналам Интернета и других коммуникаций. В этот период дополнительный импульс получили социальные сети, компании интернет-торговли, новые платформы. Например, в лидеры онлайн-коммуникаций вышла платформа Zoom, число пользователей которой в марте 2020 г.

Рисунок 8. Оценка степени интернетизации и глобальной информатизации
Figure 8. Degree of Internet Penetration and Global Informatization

Источник: [World Bank Open Data 2020].

Source: [World Bank Open Data 2020].

составило 200 млн человек, увеличившись за три предыдущих месяца в 20 раз. За I квартал 2020 г. почти 16 млн человек создали аккаунты на платформе американского стриминг-сервиса Netflix, увеличив число платных подписчиков до 182 млн человек.

Ключевая роль отводится цифровым технологиям для восстановления экономики после выхода из карантина. Так, по мере спада заболеваемости, большинство стран сфокусировались на восстановлении экономического роста. При этом многие частные компании и государственные органы планируют внедрить гибкие схемы занятости и сохранить практику удаленной работы в качестве основной модели занятости для своих сотрудников.

Таким образом, новый глобальный экономический кризис, во многом спровоцированный COVID-19, вызвал дополнительную озабоченность в отношении перспектив экономической глобализации, закат которой прогнозировался в последнее десятилетие. Международные факторные потоки еще до распространения COVID-19 показывали ослабление торговой и инвестиционной составляющей глобализации. Правда, туристический и миграционный потоки после небольшого снижения в период кризиса 2008–2009 гг. продемонстрировали быстрое восстановление и продолжили рост вплоть до 2020 г., когда произошла их резкая остановка.

Имеющиеся прогнозы показывают, что в 2020 г. можно ожидать усиления неблагоприятных тенденций в развитии глобализации, хотя уже в 2021 г. ситуация может измениться к лучшему. Это будет связано с восстановлением роста китайской экономики, экономики США и других развитых стран. Важную роль будет играть появление

эффективных лекарственных средств для борьбы с коронавирусом.

В то же время свою устойчивость к пандемии продемонстрировали информационные потоки, темпы роста которых остаются стабильно высокими даже в условиях кризиса. В перспективе можно ожидать, что новый кризис ускорит развитие технологий четвертой промышленной революции и структурно-технологическую модернизацию глобальной экономики. Это создаст предпосылки для развития «Глобализации 4.0», которая станет основным драйвером нового этапа глобализации.

Проведенный анализ также подтвердил важнейшую роль в современных условиях глобализации потребителей [Хейфец 2018]. Именно коллапс данных связей из-за угроз COVID-19 притормозил другие глобализационные потоки. Поэтому представляется, что восстановление глобализации потребителей и поиск новых форм и направлений их информационно-коммуникационного взаимодействия должны придать новый импульс развитию современной глобализации.

Список литературы

- Вишневский К., Дементьев В., Приворотская С. (2020) Мониторинг политики в сфере цифровой экономики: меры по борьбе с распространением коронавируса // НИУ ВШЭ. 18 июня 2020 // https://issek.hse.ru/covid_digit, дата обращения 25.08.2020.
- Зевин Л. (2016) Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 8. С. 26–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33
- Оболенский В. (2015) Глобализация регионализма: вызовы и риски для России // Мировая экономика и международные отношения. № 9. С. 5–13 //

https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/09_2015/5_13_OBOLENSKII.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Смыслов Д. (2019) Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 2. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-5-12

Хейфец Б.А. (2018) Метаморфоза экономической глобализации. М.: Институт экономики РАН.

Хейфец Б.А. (2019) Глобализация 4.0 и Россия // Труды Вольного экономического общества России. Т. 218. С. 288–296 // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-4-0-i-rossiya/viewer>, дата обращения 25.08.2020.

Baldwin R. (2019) Globalisation 1.0 and 2.0 Helped the G7. Globalisation 3.0 Helped India and China Instead. What Will Globalisation 4.0 Do? // VoxEU, January 21, 2019 // <https://voxeu.org/content/globalisation-10-and-20-helped-g7-globalisation-30-helped-india-and-china-instead-what-will-globalisation-40-do>, дата обращения 25.08.2020.

Barbieri G. (2019) Regionalism, Globalism and Complexity: A Stimulus towards Global IR? // A TWQ Journal, vol. 4, no 6, pp. 424–441. DOI: 10.1080/23802014.2019.1685406

Donnan S., Leatherby L. (2019) Globalization Isn't Dying, It's Just Evolving // Bloomberg, July 23, 2019 // <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-globalization/>, дата обращения 25.08.2020.

Emerald (2020). COVID-19 Strengthens EU Drive for Economic Sovereignty. Expert Briefings // <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OXAN-DB253171/full/html>, дата обращения 25.08.2020.

Fouquin M., Chaponnière J.-R. (2020) Coronavirus: Un Grain de Sable dans

l'Économie Mondiale // CEPPII, Mars 2, 2020 // <http://www.cepii.fr/BLOG/bi/post.asp?IDcommuniqu=786>, дата обращения 25.08.2020.

ILO (2020). COVID-19 and the Tourism Sector. Briefing Note, April 20, 2020 // https://www.ilo.org/empent/Projects/the-lab/WCMS_741468/lang--en/index.htm, дата обращения 25.08.2020.

IMF (1) (2020). Confronting the Crisis: Priorities for the Global Economy // <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/07/sp040920-SMs2020-Curtain-Raiser>, дата обращения 25.08.2020.

IMF (2) (2020). World Economic Outlook Update, June 2020. A Crisis like No Other, an Uncertain Recovery // https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdate-June2020?utm_medium=email&utm_source=govdelivery, дата обращения 25.08.2020.

IMF. World Economic Outlook (за соответствующие годы) // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues>, дата обращения 25.08.2020.

IOM (2018). World Migration Report 2018, pp. 15, 28 // https://www.iom.int/sites/default/files/country/docs/china/r5_world_migration_report_2018_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Krapohl S. (2019) Games Regional Actors Play: Dependency, Regionalism, and Integration Theory for the Global South // Journal of International Relations and Development. DOI: 10.1057/s41268-019-00178-4

Migration Data Portal // https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_&t=2019, дата обращения 25.08.2020.

OECD (2020). OECD Updates G20 Summit on Outlook for Global Economy // <https://www.oecd.org/newsroom/oecd-updates-g20-summit-on-outlook-for-global-economy.htm>, дата обращения 25.08.2020.

Ratha D.K., De S., Kim E.J., Plaza S., Seshan G.K., Yameogo N.D. (2020)

COVID-19 Crisis through a Migration Lens // The World Bank. Migration and Development Brief. No. 32 // <http://documents1.worldbank.org/curated/en/989721587512418006/pdf/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Schwab K. (2019) Globalization 4.0 // Foreign Affairs, January 16, 2019 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-01-16/globalization-40>, дата обращения 25.08.2020.

Segal S., Gerstel D. (2020) The Global Economic Impacts of COVID-19 // CSIS, March 10, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/global-economic-impacts-covid-19>, дата обращения 25.08.2020.

Shingal A. (2020) Services Trade and COVID-19 // VoxEU, April 25, 2020 // <https://voxeu.org/article/services-trade-and-covid-19>, дата обращения 25.08.2020.

UNCTAD (2019). Handbook of Statistics, New York: United Nations Publications // <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2591>, дата обращения 25.08.2020.

UNCTAD (1) (2020). Total Trade in Services // <https://stats.unctad.org/handbook/Services/Total.html>, дата обращения 25.08.2020.

UNCTAD (2) (2020). World Investment Report 2020 // <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2769>, дата обращения 25.08.2020.

UNCTAD Database (2020). Global Investments Trends and Prospects for the

Corresponding Years // www.unctad.org, дата обращения 25.08.2020.

UNWTO (2020). World Tourism Barometer, vol. 18, January, 2020 // <https://www.unwto.org/world-tourism-barometer-n18-january-2020>, дата обращения 25.08.2020.

WEF (2019). Globalization 4.0 Shaping a New Global Architecture in the Age of the Fourth Industrial Revolution // <https://www.weforum.org/whitepapers/globalization-4-0-shaping-a-new-global-architecture-in-the-age-of-the-fourth-industrial-revolution>, дата обращения 25.08.2020.

World Bank Open Data (2020) // <https://data.worldbank.org/>, дата обращения 25.08.2020.

World Bank (1) (2020). COVID-19 Crisis through a Migration Lens. Migration and Development Brief. No. 32 // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33634>, дата обращения 25.08.2020.

World Bank (2) (2020). Global Economic Prospects, June, 2020, p. 4 // <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>, дата обращения 25.08.2020.

WTO (2020). WTO Report Finds Growing Number of Export Restrictions in Response to COVID-19 Crisis // https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/rese_23apr20_e.htm, дата обращения 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2

The New Global Economic Crisis: How Will Globalization Change?

Boris A. KHEIFETS

DSc in Economics, Chief Researcher

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117418, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation;

Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, Leningradsky Av., 49, Moscow, Russian Federation

E-mail: bah412@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6009-434X

Veronika Yu. CHERNOVA

PhD in Economics, Senior Lecturer, Department of Marketing

RUDN University, 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation; Assistant Professor, Department of Advertising and Public Relations, Institute of Marketing

State University of Management, 109542, Ryazansky Av., 99, Moscow, Russian Federation

E-mail: veronika_urievna@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5951-9091

CITATION: Kheifets B.A., Chernova V.Yu. (2020) The New Global Economic Crisis: How Will Globalization Change? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 34–52 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2

Received: 07.05.2020.

ABSTRACT. *The article is devoted to the problem of the impact of the new economic crisis associated with the COVID-19 pandemic on the development of globalization processes. The authors focus on four classical streams (trade, investment, human and information and communication), which cover most aspects of international activity. The authors note that the current stage of globalization is characterized by new interconnections and interdependencies of national economies, and international factor flows, even before the spread of COVID-19, showed a weakening of the trade and investment component of globalization. At the same time, tourist and migration flows pre-*

viously demonstrated their ability to quickly recover even after a slight decline during the crisis of 2008-2009. continued to grow until 2020, when there was a sharp stop. Particular attention is paid to the impact on the globalization processes of the “Chinese factor” and digital technologies. China, as a “global factory,” is central to global value chains. Consequences of supply disruption due to COVID-19 has serious consequences for both MNCs located in China and beyond. Available forecasts show that during 2020 we can expect an increase in adverse trends in the development of globalization. It is noted that the new crisis will accelerate the development of technologies of the

fourth industrial revolution, which play a key role in restoring economies after quarantine. The decade after 2020 is likely to be the decade of the transformation of international production, the development of which will be determined by the pace and scale of the introduction of digital technologies. Unlike other areas of globalization, in the field of internet penetration and informatization, the pandemic played a positive role, significantly increasing the volume of interstate traffic through the Internet and other communications. During this period, social networks, Internet commerce companies, new platforms received an additional impetus. In conclusion, the authors conclude that the restoration of globalization of consumers and the search for new forms and directions of their information and communication interaction can give a new impetus to the development of modern globalization.

KEY WORDS: globalization, pandemic, crisis, COVID-19, global value chains

References

- Baldwin R. (2019) Globalisation 1.0 and 2.0 Helped the G7. Globalisation 3.0 Helped India and China Instead. What Will Globalisation 4.0 Do? *VoxEU*, January 21, 2019. Available at: <https://voxeu.org/content/globalisation-10-and-20-helped-g7-globalisation-30-helped-india-and-china-instead-what-will-globalisation-40-do>, accessed 25.08.2020.
- Barbieri G. (2019) Regionalism, Globalism and Complexity: A Stimulus towards Global IR? *A TWQ Journal*, vol. 4, no 6, pp. 424–441. DOI: 10.1080/23802014.2019.1685406
- Donnan S., Leatherby L. (2019) Globalization Isn't Dying, It's Just Evolving. *Bloomberg*, July 23, 2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-globalization/>, accessed 25.08.2020.
- Emerald (2020). COVID-19 Strengthens EU Drive for Economic Sovereignty. Expert Briefings. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OXAN-DB253171/full/html>, accessed 25.08.2020.
- Fouquin M., Chaponnière J.-R. (2020) Coronavirus: Un Grain de Sable dans l'Économie Mondiale. *CEPII*, Mars 2, 2020. Available at: <http://www.cepii.fr/BLOG/bi/post.asp?IDcommuniqu=786>, accessed 25.08.2020.
- ILO (2020). COVID-19 and the Tourism Sector. Briefing Note, April 20, 2020. Available at: https://www.ilo.org/empent/Projects/the-lab/WCMS_741468/lang-en/index.htm, accessed 25.08.2020.
- IMF (1) (2020). Confronting the Crisis: Priorities for the Global Economy. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/07/sp040920-SMs2020-Curtain-Raiser>, accessed 25.08.2020.
- IMF (2) (2020). World Economic Outlook Update, June 2020. A Crisis like No Other, an Uncertain Recovery. Available at: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020?utm_medium=email&utm_source=govdelivery, accessed 25.08.2020.
- IMF. *World Economic Outlook* (for the corresponding years). Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues>, accessed 25.08.2020.
- IOM (2018). World Migration Report 2018, pp. 15, 28. Available at: https://www.iom.int/sites/default/files/country/docs/china/r5_world_migration_report_2018_en.pdf, accessed 25.08.2020.
- Kheifets B.A. (2018) *Metamorphosis of Economic Globalization*, Moscow: Institute of Economics (in Russian).
- Kheifets B.A. (2019) Globalization 4.0 and Russia. *Transactions of the Free Economic Society of Russia*, vol. 218, pp. 288–296. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-4-0-i-rossiya/viewer>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

- Krapohl S. (2019) Games Regional Actors Play: Dependency, Regionalism, and Integration Theory for the Global South. *Journal of International Relations and Development*. DOI: 10.1057/s41268-019-00178-4
- Migration Data Portal. Available at: https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_&t=2019, accessed 25.08.2020.
- Obolensky V. (2015) Globalization of Regionalism: Challenges and Risks for Russia. *World Economy and International Relations*, no 9, pp. 5–13. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/09_2015/5_13_OBOLENSKII.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- OECD (2020). OECD Updates G20 Summit on Outlook for Global Economy. Available at: <https://www.oecd.org/newsroom/oecd-updates-g20-summit-on-outlook-for-global-economy.htm>, accessed 25.08.2020.
- Ratha D.K., De S., Kim E.J., Plaza S., Seshan G.K., Yameogo N.D. (2020) COVID-19 Crisis through a Migration Lens. *The World Bank. Migration and Development Brief*. No. 32. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/989721587512418006/pdf/COVID-19-Crisis-Through-a-Migration-Lens.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Schwab K. (2019) Globalization 4.0. *Foreign Affairs*, January 16, 2019. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-01-16/globalization-40>, accessed 25.08.2020.
- Segal S., Gerstel D. (2020) The Global Economic Impacts of COVID-19. CSIS, March 10, 2020. Available at: <https://www.csis.org/analysis/global-economic-impacts-covid-19>, accessed 25.08.2020.
- Shingal A. (2020) Services Trade and COVID-19. *VoxEU*, April 25, 2020. Available at: <https://voxeu.org/article/services-trade-and-covid-19>, accessed 25.08.2020.
- Smyslov D. (2019) The Evolution of Globalization of the World Economy: Current Trends. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 2, pp. 5–12 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-5-12
- UNCTAD (2019). Handbook of Statistics, New York: United Nations Publications. Available at: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2591>, accessed 25.08.2020.
- UNCTAD (1) (2020). Total Trade in Services. Available at: <https://stats.unctad.org/handbook/Services/Total.html>, accessed 25.08.2020.
- UNCTAD (2) (2020). World Investment Report 2020. Available at: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2769>, accessed 25.08.2020.
- UNCTAD Database (2020). Global Investments Trends and Prospects for the Corresponding Years. Available at: www.unctad.org, accessed 25.08.2020.
- UNWTO (2020). World Tourism Barometer, vol. 18, January, 2020. Available at: <https://www.unwto.org/world-tourism-barometer-n18-january-2020>, accessed 25.08.2020.
- WEF (2019). Globalization 4.0 Shaping a New Global Architecture in the Age of the Fourth Industrial Revolution. Available at: <https://www.weforum.org/whitepapers/globalization-4-0-shaping-a-new-global-architecture-in-the-age-of-the-fourth-industrial-revolution>, accessed 25.08.2020.
- Vishnevsky K., Dementiev V., Privorotskaya S. (2020) Policy Monitoring in the Digital Economy: Measures to Combat the Spread of Coronavirus. *HSE*, June 18, 2020. Available at: https://issek.hse.ru/covid_digit, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- World Bank Open Data (2020). Available at: <https://data.worldbank.org/>, accessed 25.08.2020.
- World Bank (1) (2020). COVID-19 Crisis through a Migration Lens. Migration

and Development Brief. No. 32. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33634>, accessed 25.08.2020.

World Bank (2) (2020). Global Economic Prospects, June, 2020, p. 4. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>, accessed 25.08.2020.

WTO (2020). WTO Report Finds Growing Number of Export Restrictions

in Response to COVID-19 Crisis. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/rese_23apr20_e.htm, accessed 25.08.2020.

Zevin L. (2016) Megaregions in a Globalizing Economy. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 8, pp. 26–33 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы

Александра Викторовна ХУДАЙКУЛОВА

кандидат политических наук, доцент, кафедра прикладного анализа
международных проблем

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация

E-mail: khudaykulova@mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-0680-9321

ЦИТИРОВАНИЕ: Худайкулова А.В. (2020) Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Статья поступила в редакцию 24.08.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

АННОТАЦИЯ. Геополитические треугольники играют важную роль в изменении соотношения сил на международной арене в контексте конкуренции между традиционными и восходящими центрами силы. В политическом дискурсе существует несколько различных интерпретаций понятия «треугольник». Формирование треугольников происходит при одновременном воздействии двух факторов: политической стратегии государств и геополитической ситуации. В статье исследуется конфигурация треугольников в постбиполярном мире. Особое внимание уделяется критериям выделения стран, лежащих в вершинах треугольника: это либо самые мощные государства (как традиционные, так и восходящие цен-

тры силы), либо так называемые опорные страны.

На фоне существования с 1970-х гг. стратегического треугольника США – Китай – Россия в настоящее время функционирует множество региональных треугольных схем, представляющих преимущественно восходящие центры силы, которые влияют не только на обеспечение безопасности и поддержание баланса сил в соответствующих регионах, но и на мировые процессы в целом. В статье представлен теоретический обзор треугольников с опорой на прикладной анализ стратегического треугольника США – Китай – Россия, а также двух региональных схем взаимодействия, имеющих важное значение для российской внешнеполитиче-

ской стратегии: Россия – Индия – Китай и Россия – Иран – Турция.

Взаимодействие в стратегическом треугольнике РФ – КНР – США анализируется в статье в политической сфере (в рамках ООН, международных институтов БРИКС, ШОС, ЕАЭС, инициативы «Один пояс – один путь»), в экономической и финансовой областях, с точки зрения развития инфраструктурного и научно-технического потенциала, а также военного потенциала и военных технологий. Для анализа применяется теоретическая схема Л. Диттмера.

В заключении делается вывод об идеальной конфигурации геополитических треугольников и о перераспределении силового потенциала традиционных и восходящих центров силы в рамках стратегического треугольника РФ – КНР – США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *геополитика, международная безопасность, трехсторонняя дипломатия, стратегический треугольник, региональные треугольники, миропорядок, национальные интересы, новая bipolarность*

Несмотря на то, что идея треугольного сотрудничества имеет давние концептуальные корни¹, первые разработки по проблематике стратегических треугольников в рамках международно-политической науки появляются в 1970-е гг. – тогда же, когда предпринимаются первые практические шаги по их формированию. 37-й президент США Ричард Никсон и его помощник по национальной безопасности Генри Киссинджер в определенной степени изменили традиционный вектор внешнеполитической стратегии

США, сделав ставку на американо-китайское сближение с расчетом оказать давление на политику Советского Союза [Kissinger 1979]. Решение о сближении с Китаем во многом стало результатом переговоров Г. Киссинджера во время двух его тайных поездок в Китай в 1971 г., а затем Р. Никсона в рамках первого официального визита в феврале 1972 г., ставшего по меркам того времени историческим событием. Ключевые принципы американо-китайского сближения были сформулированы в совместном Шанхайском коммюнике, в т. ч. заявление США противостоять любым попыткам СССР доминировать над КНР. В мае того же года президент Никсон совершил официальный визит в Москву, где были подписаны первое Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) и «Основы взаимоотношений между СССР и США», которые сформулировали основные принципы мирного сосуществования в советско-американских отношениях, вступивших в более сдержанную и предсказуемую фазу. Однако, несмотря на определенную разрядку, отношения между тремя государствами продолжали базироваться на непримиримой конкуренции.

Так, с легкой руки Никсона и в концептуальном оформлении Киссинджера был запущен механизм трехсторонней дипломатии и начал формироваться стратегический треугольник США – Китай – СССР, который, по логике американской стороны начала 1970-х гг., должен был ослабить позиции СССР и усилить советско-китайский раскол на фоне сближения США и Китая.

Формула американского лидерства в задумке Киссинджера выглядела довольно просто и заманчиво: «Наши от-

¹ Например, в опубликованной в 1896 г. работе Исмаила Гаспринского «Русско-восточное соглашение» был обоснован концепт взаимовыгодного сближения России как с Турцией, так и с Персией.

ношения с возможными оппонентами должны быть такими, чтобы наши возможности в отношениях с ними были более значительными, чем их возможности в отношениях между собой» [Kissinger 1979, p. 169].

Треугольные альянсы времен холодной войны характеризовали суть равновесной политики сверхдержав, которые на фоне нарастания напряженности поступательно смещали свои интересы на периферию системы. Это создавало благоприятные условия для создания региональных союзов, партнерств и разного рода «фигурных» форматов балансирования с участием восходящих центров силы, например, триада отношений Пакистана, Индии и Китая в Южной Азии; Ирана, Ирака и Саудовской Аравии на Ближнем Востоке; Аргентины, Бразилии и Чили в Латинской Америке. В этом смысле многие треугольники эпохи биполярности имели преимущественно региональный характер, однако инициировались по-прежнему сверхдержавами [Юртаев 2017].

С начала 2000-х гг. по мере ослабления однополярности концепт треугольников обрел второе дыхание, во многом благодаря динамике отношений внутри треугольника США – Китай – Россия, что заставило многих экспертов вернуться к забытой теме и попытаться спроецировать опыт треугольников времен холодной войны на современные реалии в контексте конкуренции традиционных и восходящих держав. Так, новое звучание обрели трехсторонние взаимодействия в рамках множества треугольников, зачастую асимметричных: Россия – Индия – Китай, США – Китай – Индия, Россия – США – Япония, Китай – Япония – Южная Корея, Индия – Мьянма – Китай и др. В международных отношениях присутствуют разные конфигурации треугольных взаимосвязей, мно-

гие из них недолговечны, т. к. подобные схемы взаимодействия подвержены влиянию региональной и международной обстановки и во многом зависят от общей структуры взаимодействия на международной арене. Однако, несмотря на внушительные подвижки в расстановке сил в мире, треугольник США – Китай – Россия по-прежнему сохраняет свою значимость с точки зрения определяющего влияния на всю систему международных отношений в долгосрочной перспективе.

Современный миропорядок характеризуется крайне сложной моделью функционирования, разноформатными интеграционными трендами [Байков 2017], а также обострением противоречий между традиционными и восходящими центрами силы [Худайкулова 2016]. Возможно ли объяснить столь сложные процессы через великодержавное треугольное взаимодействие? Каков основной принцип треугольников – равносторонность или неравномерность? Какие существуют тенденции в развитии отношений в треугольниках и как будет складываться баланс сил в будущем? В состоянии ли треугольники оказывать направляющее воздействие на международные процессы?

Треугольники в международной политике: теоретический ракурс и развитие

Диапазон оценок треугольных схем как инструмента геополитического балансирования разнится от негативных, описывающих последних в терминах анахронизма и скорее стремления, нежели чем реальности, до явно восторженных, предрекающих им новую жизнь в силу их решающего влияния на всю систему между-

народных отношений. Так, Л. Бобо полагает, что современные треугольники представляют собой довольно наивные и идеалистические схемы, которые изначально обречены на провал. Настоящий стратегический треугольник требует наличия трех сторон, которые, если и не равны, то являются достаточно сильными и достаточно вовлеченными в трехсторонние отношения, чтобы оказывать на них существенное влияние. Автор приходит к выводу, что в современной международной политике пример стратегического треугольника отсутствует вовсе [Бобо 2010].

Есть и более сдержанные характеристики, согласно которым трехсторонние формы сотрудничества в реальности чаще всего представляют собой систему «сдержек и противовесов», а не баланса сил [Заиченко 2010]; «треугольная» логика развития геополитических процессов является лишь одной из многих, действующих одновременно [Елацков 2015]; «треугольный штамп» – это, скорее, конъюнктурное применение данной модели [Троицкий 2003].

Столь большой разброс объясняется среди прочего наличием разных подходов к пониманию и интерпретации данной модели, которая отличается амбивалентностью. В самом общем виде треугольники определяются как неформальная функциональная модель тесных и взаимозависимых отношений трех государств (вершин или опорных точек треугольника) с собственной логикой развития (триады) в виде кооперационного или конфликтного поведения. Стратегический треугольник отличается военно-стратегической взаимозависимостью безопасности каждой из трех сторон от отношений двух других. В этом смысле под стратегическим треугольником традиционно понимались отношения

США – КНР – СССР. Еще в 1970-х гг., в самом начале пути концептуального анализа треугольников, Л. Диттмер прогнозировал, что стратегический треугольник СССР – США – Китай имеет непосредственное значение для всех государств и будет оказывать решающее влияние на международные отношения в долгосрочной перспективе.

Как правило, вершины треугольника – это самые мощные в мире или регионе державы, баланс сил в отношениях которых сложился исторически и сохраняется в течение продолжительного времени в рамках динамического равновесия. Так, например, данная схема применима к Азии, где традиционно выделяются ведущие игроки как центры силы, отношения между которыми и определяют баланс сил. Например, Китай, Индия и Пакистан составляют важный треугольник в Южной Азии, который отличает логика асимметрии. Многолетняя ось взаимодействия между Китаем и Пакистаном в виде стратегического альянса противопоставлена Индии. Китай рассматривает Индию как сильного в регионе конкурента. Пакистан выступает ближайшим региональным союзником Китая. Оба государства проводят политику сдерживания Индии.

На Ближнем Востоке такими государствами выступали страны – лидеры зоны Персидского залива: Ирак (до 2003 г.), Саудовская Аравия и Иран, соперничавшие за лидерство в регионе. Война в Ираке 2003 г. нарушила традиционную систему баланса и спровоцировала новую расстановку сил. Ирак временно выбывает из борьбы за региональное лидерство, образовавшийся вакуум стремятся заполнить США. Сейчас баланс сил в регионе поддерживается искусственно, довольно высокая степень региональной нестабильности. После частичного снятия санкций

с Ирана в 2016 г. делались прогнозы относительно усиления его роли как регионального актора в военно-политическом и экономическом плане и нового изменения баланса сил в зоне Персидского залива. Это те опорные точки, опираясь на которые можно сместить баланс сил в свою пользу, нарушив тем самым существующий баланс сил. Г. Киссинджер рассматривает треугольники как раз в рамках второго подхода в контексте сохранения американского лидерства (т. е. нарушения баланса сил и одностороннего доминирования США). Но этот подход не следует рассматривать как единственно возможный.

Треугольники, как правило, отличаются пространственно-силовым характером. Региональные игроки заинтересованы в пространственном транслировании своей мощи в конкретный регион или субрегион. Формирование треугольника на базе пространственно-географического принципа способно обеспечить им неоспоримые преимущества в виде контроля над стратегически важными территориями, ресурсами и пр. Например, задумывавшийся и оставшийся лишь в теории треугольник безопасности Индийского океана (Австралия – Иран – ЮАР) иллюстрирует интерес шахского Ирана (до 1979 г.), претендовавшего на роль силового центра в регионе, продвигаться в Индийском океане, вплоть до ЮАР. Шахский Иран рассматривался США в качестве «жандарма региона» и одновременно был призван выполнять роль центрального игрока в треугольнике. ЮАР выступала «гарантом» подступов к острову Диего-Гарсиа, где создавалась американская военная база. Сам же шахский

Иран, совместно с ведущими странами региона, должен был обеспечивать развитие, безопасность и оборону стран бассейна Индийского океана как «безъядерной зоны» и в рамках планировавшегося «общего рынка» прибрежных государств Азии, Африки и Океании. Исламская революция 1979 г. не изменила фундаментальную озабоченность Ирана (и США) по обеспечению региональной стабильности в целях гарантий поставок нефти, но изменила роли игроков. Поэтому «желание США иметь Иран гегемоном в Персидском заливе исчезло вместе с шахом» [Юртаев 2017].

В этом контексте любопытна концепция так называемых опорных государств (англ. *pivot states*), обладающих военными, идеологическими и экономическими активами и находящимися на пересечении сфер влияния великих держав. Оснований для классификации государства в качестве опорного может быть несколько: идеологический фактор (Куба, Иран, Украина), переход из сферы влияния одной великой державы к другой (Грузия, Ирак) и др.² Хотя к опорным государствам не обязательно относятся лидеры по объему экономической и военно-политической мощи, контроль над ними оказывается стратегически важен для смещения регионального баланса сил.

Формирование треугольников происходит при одновременном воздействии двух факторов: политической стратегии государств и геополитической ситуации. Для создания треугольника необходимы три базовых компонента: 1) есть возможность ограничить участников отношений только тремя разумными автономными актора-

2 22 опорных государства географически распределены по пяти основным кластерам: Карибский бассейн (Венесуэла и Куба); Восточные границы Европы (Украина и Грузия); Ближний Восток (Египет, Сирия, Ирак, Иран, Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман и Джибути); Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Пакистан и Монголия); Юго-Восточная Азия (Мьянма, Таиланд, Индонезия и Австралия) [Sweijts et al. 2014].

ми; 2) бинарное отношение между любыми двумя из них зависит от их отношений с третьим; 3) каждый актер активно стремится привлечь одного или обоих остальных к сотрудничеству, препятствовать их враждебному сговору и продвигать собственные интересы [Dittmer 1981]. То есть предполагается, что при создании треугольника происходит влияние интеракций двух сторон на третью при одновременном влиянии со стороны последней при наличии серьезных опасений у каждой из них оказаться в изоляции из-за сближения между двумя другими. Если одна из сторон быстро укрепляет свои позиции и набирает слишком много веса, то две другие, скорее всего, будут объединяться в ось, чтобы компенсировать эту ситуацию и уравновесить влияние первой. Любой стороне всегда приходится сохранять высокую бдительность касательно двусторонних отношений между двумя другими.

С точки зрения структуры треугольники бывают симметричными и асимметричными. Симметричные треугольники состоят из государств, которые либо все являются великими державами, либо все – средние и малые. Асимметричные треугольники в свою очередь характеризуются неравным распределением мощи между сторонами и подразделяются на бицентричные (англ. *bicentric*) и одноцентричные (англ. *unicentric*) типы. В бицентричном треугольнике силы не равны, т. к. присутствуют две великие державы и одна второстепенная. Одноцентричный треугольник состоит из одной великой державы и двух второстепенных. Однако данные структуры не могут считаться раз и навсегда заданными, в треугольник может быть вовлечен актер с нечетким статусом, а мотивация действий может варьироваться в зависимости от множества эндогенных факторов.

М. Партем выдвигает созвучную с концептом треугольников теорию «буферного государства», согласно которой треугольная схема может возникнуть в случае, когда два государства примерно равны по силе и влиянию, а третье им значительно уступает по степени мощи, являясь «буфером» между ними. При этом буферное государство независимо, а два других – соперники в борьбе за влияние на это государство [Partem 1983].

Успешность взаимодействия сторон в треугольнике зависит от соблюдения ряда условий, в первую очередь включающих: 1) соизмеримость потенциалов участников треугольника; 2) сопоставимость интенсивности и однородности взаимодействия между этими участниками; 3) определенную замкнутость системы отношений внутри треугольника, самодостаточность относительно внешнего мира [Троицкий 2003]. Как верно полагает М. Троицкий, однородность взаимодействия в рамках треугольника подразумевает сходный характер проблем, стоящих на повестке дня отношений между всеми тремя участниками схемы. В этом смысле, по мнению М. Троицкого, в отношениях России с США и Западной Европой не применима «логика треугольника», т. к. не выполняются необходимые условия – интенсивность и однородность отношений России с Западом значительно уступает трансатлантическому взаимодействию.

Г. Киссинджер выделял две основные формы треугольного взаимодействия, дружескую и соперническую, от соотношения которых зависит, как будет выглядеть трехстороннее взаимодействие. Сложные взаимоотношения внутри треугольников он сводил к четырем возможным фигурам: «друзья», «враги», «центр – фланги», «партнеры – изгой».

Структура «друзья» более выгодна, чем структура «враги», т. к. большее количество друзей в треугольнике ведет к улучшению положения стороны в структуре. Все три стороны становятся «друзьями» тогда, когда каждая рассматривает двух других как стремящихся к совместной работе. Структура «партнеры – изгой» предполагает ситуацию, в которой партнеры поддерживают «дружеские» отношения друг с другом и настраивают своего партнера против общего «соперника». В 1950-е гг. партнерство Москвы и Пекина и антагонизм в отношениях с США создали структуру «партнеры – изгой», в которой США противостояли блоку двух коммунистических гигантов, СССР противостоял США для того, чтобы поддержать партнерство с Китаем. Наличие общего соперника подталкивало Китай и СССР к укреплению своего партнерства. Киссинджер грамотно полагал, что самое выгодное, но не всегда достижимое, – положение «центра», который сохраняет «дружеские» отношения с двумя другими «флангами» («крыльями»). «Центр» сможет поддерживать свой статус и выгодное положение при условии наличия неприязни между «крыльями», т. к. это исключает возможность их «дружбы» против «центра». «Фланги» при таком раскладе будут пытаться заручиться поддержкой «центра», который в свою очередь будет провоцировать панику в их рядах, приближая то одну, то другую сторону.

В 1970-е гг. начал формироваться стратегический треугольник США – СССР – Китай, в котором три стороны выступали как автономные величины, между которыми действовали разные комбинации отношений соперничества и сотрудничества. Наряду с совпадающими, у сторон были свои автономные интересы: у США – избежать противоборства с двумя другими одновремен-

но, у СССР – демонстрировать Вашингтону свою «руководящую роль» в мировом коммунистическом движении, у Китая – самому участвовать в решении всех вопросов, относившихся к сфере его интересов (Корея, Тайвань, Индокитай, Тибет), без патронажа со стороны Москвы [Кременюк 2012, с. 36]. США, по сути, воспользовались ситуацией настороженности китайского руководства в отношении СССР, им было важно обеспечить собственное преимущество за счет поддержания лучших отношений с Китаем и СССР, чем допустить их сближение даже несмотря на объединяющий их идеологический фактор. Такая позиция США не отличалась неуязвимостью, требовала дипломатического искусства и ресурсов для поддержания баланса.

Вашингтон сместил акцент в сторону маневрирования сторон друг против друга при невозможности взаимного уничтожения. Соединенные Штаты обрели возможность играть роль «балансира» этих отношений. В каких-то вопросах они демонстрировали близость с СССР (контроль над стратегическими вооружениями и поддержание баланса в Европе), а в каких-то – неизмеримо большую близость с Китаем (положение в Восточной Азии, поддержка китайской экономической реформы, отношения с Вьетнамом, положение в Юго-Восточной Азии) [Кременюк 2012, с. 37].

Треугольники отличаются достаточно высокой степенью гибкости, подвижки в сближении между двумя сторонами в противовес третьей могут происходить на краткосрочной основе, создавая разные конфигурации. На конец 1970-х гг. приходится окончательное становление треугольной схемы взаимодействия США – Китай – СССР, которая начала формироваться на основе сближения США и Китая при ярко выраженной антисоветской направленности. Однако по мере раз-

вития американско-китайских отношений все очевиднее проявлялось стремление сторон к самостоятельности на фоне противоречий и неразрешимости многих вопросов, при этом важнейшим препятствием на пути к финальной нормализации американско-китайских отношений был вопрос о статусе Тайваня. В 1980-е гг. Китай начинает приобретать черты «центра», пытаясь переместить США и СССР на «фланговые» позиции и поддерживать дистанцию между обоими, используя их неприязнь и недоверие.

Стратегический треугольник США – Китай – Россия: отзвуки прошлого или новое звучание политики равновесия?

В современных обстоятельствах треугольник США – Китай – Россия в том виде, в каком он существовал ранее, ушел в прошлое. По сравнению с холодной войной влияние треугольника на международную политику утратило абсолютный характер. Однако его воздействие сохраняется, пусть и не в глобальном масштабе, как до конца 1990-х гг., но по-прежнему в стратегическом ключе. Взаимодействие сторон не носит абсолютного характера, т. к. не покрывает всю повестку и географию. АТР выступает основным полем пересечения интересов держав. Многие нерешенные вопросы локализованы в Северо-Восточной Азии (территориальные споры между Японией и Китаем, Японией и Россией, Южной Кореей и Россией, территориальная целостность Китая из-за неразрешимости проблемы Тайваня, напряженность на Корейском полуострове, отсутствие мирных договоров между США и Северной Кореей, Россией и Японией). Взаимодействие также простирается на Центральную Азию, Ближний Восток и другие регио-

ны, где многие проблемные узлы являются прямым отголоском наследия холодной войны.

Все три державы придерживаются схожих или близких взглядов на главные задачи современного мира, не декларируют намерения использовать силу для изменения сложившейся ситуации и готовы в разной степени к сотрудничеству на базе существующих общепринятых принципов [Кременюк 2012, с. 38].

Внутри треугольника между тремя крупнейшими мировыми державами, которые не являются ни стратегическими союзниками, ни откровенными противниками, не наблюдается равенства и симметричности. Асимметрия между ними сегодня присутствует по многим показателям и во многих сферах, что дает основания многим экспертам сомневаться в самой сути и возможности подобного формата. Китайский эксперт Ч. Хуашэн отмечает в этой связи, что при заключении китайско-российского союза США будет восприниматься в качестве открытого врага, поэтому стороны от этого воздерживаются, оставаясь в рамках партнерства [Хуашэн 2019].

Все три государства треугольника входят в состав постоянных членов СБ ООН, что обеспечивает им равные права с точки зрения голосования. Ситуация с вето в СБ ООН отражает неравномерность его использования: в период с 2010 по 2014 г. Россия использовала данное право 5 раз, США – 1, КНР – 4. С 2015 по 2018 г. ситуация выглядит следующим образом: РФ – 11, США – 2, КНР – 2, что во многом объясняется переговорами вокруг сирийского конфликта. Однако сильная диспропорция присутствует в страновых квотах при голосовании в МВФ: США – 16,471%, РФ – 2,586%, КНР – 6,068%.

Отсутствие симметричных показателей наблюдается главным образом в

экономике, где конкуренция происходит между США и Китаем, отбрасывая Россию в список аутсайдеров. Экономический рост Китая за последние два десятилетия определяющим образом повлиял на его международный потенциал и конфигурацию в треугольнике. Так, по абсолютному размеру ВВП, подсчитанному по ППС, Китай с 6-го места в 1991 г. вышел на 1-е место в 2014 г., открыв «Век Китая» и сместив на 2-е место США³. Россия с 3-го места в 1991 г. «упала» в 1999–2000 гг. на 10-е место, после чего поступательно возвращала утраченные позиции, вернувшись к 2003 г. на 6-е место.

По показателю научно-технического потенциала наметился тренд по сближению позиций Китая и США. Уже в краткосрочной перспективе можно ожидать, что расходы Китая на НИОКР (3% – 2000 г., 16% – 2015 г.) сравняются с аналогичными показателями США (26% – 2000 г., 20% – 2015 г.). Динамика доли стран в мировом высокотехнологичном экспорте показывает растущее лидерство Китая (уже более четверти мирового экспорта) на фоне снижения доли США (с 17% в 2000 г. до 7% в 2015 г.), тем не менее КНР еще далеко до США по показателям НТП и эффективности расходов на НИОКР. На фоне столь высоких показателей более чем скромно выглядит позиция России – неизменные 2% (хотя и с вдвое большим объемом – 21,6 млрд долл. США в 2000 г. и 40,6 млрд долл. США в 2015 г.). Динамика доли стран в мировом высокотехнологичном экспорте показывает растущее лидерство КНР (уже более четверти мирового экспорта), снижение доли США (с 17% в 2000 г. до 7% в 2015 г.). Россия находится на 30-м ме-

сте (при этом доля страны в мировом экспорте увеличилась с 0,3% в 2010 г. до 0,5% в 2014 г.)⁴.

Наконец, военный потенциал сторон также демонстрирует весьма любопытные результаты для балансирования внутри треугольника. Доля США в мировых военных расходах в 2000-е гг. немного увеличилась (с 40% в 2000 г. до 46% в 2010 г.), однако к 2017 г. данный показатель снизился до 35%. КНР демонстрирует по данному показателю поступательный рост: в 1990 г. – всего 2%, в 2000 г. – 4%, в 2010 г. – 8% (2-е место после США), 2017 г. – 14% (по-прежнему уступая только лишь США). Доля СССР на пике могущества в 1990 г. составляла всего 14% (показатель, который КНР достиг в 2017 г.). Россия неизменно входит в десятку стран-лидеров, демонстрируя тенденцию к росту (10-е место (2%) в 2000 г., 8-е место (3%) в 2010 г., 6-е место (3%) в 2017 г.). С точки зрения подсчета расходов на оборону стран мира по ППС ситуация выглядит несколько иначе. Доля США в мировых военных расходах все также достигает максимального показателя в 2010 г., но составляет он уже не 46%, а 31%, сократившись к 2017 г. до 22%. При этом показатель военных расходов КНР увеличивается до 16% и в краткосрочной перспективе будет сопоставим с показателем США⁵.

Однако по ряду военных технологий РФ и КНР бросают вызов США, чей военный бюджет по-прежнему превышает суммарный бюджет следующих в списке лидеров-стран). В ходе слушаний в Конгрессе США в мае 2018 г. начальник штаба сухопутных войск США генерал М. Миллей доказывал, что военные бюджеты США, КНР и РФ на са-

3 World Development Indicators. Databank // The World Bank // <http://databank.worldbank.org/data/>, дата обращения 25.08.2020.

4 World Development Indicators: Science and Technology // The World Bank // <http://wdi.worldbank.org/table/5.13>, дата обращения 25.08.2020.

5 SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI // <https://www.sipri.org/databases/milex>, дата обращения 25.08.2020.

мом деле не так сильно отличаются при расчете по паритету покупательской способности и учету стоимости рабочей силы. Более того, если вычесть расходы на содержание военного персонала, то военный бюджет США составит около 356 млрд долл. США, что меньше военного бюджета КНР, рассчитанного по ППС.

По численности вооруженных сил США опустились с 3-го места в 1990–2010 гг. на 5-е место в 2016 г. Китай лидировал по данному показателю в 2010 г., уступив 1-е место Индии в 2016 г.⁶ Россия занимает 4-е место. Со времен холодной войны США остаются единственной страной в мире с точки зрения глобального военного разветвления. Неожиданно выглядит статистика по участию в миротворческих операциях. По состоянию на конец 2017 г. Россия и Китай участвовали лишь в 9 операциях, правда, с разным миротворческим контингентом – 90 и 2 486 человек соответственно. США имеют всего 50 миротворцев в миссиях ООН, но около 10 тыс. человек в операциях НАТО в Афганистане и Косово [SIPRI 2018, р. 108]. Анализ финансирования миротворческих операций ООН показывает стабильное лидерство США (28,47%), выход на 2-е место КНР (10,25%) и 7-е – России (3,99%).

Баланс сил в треугольнике изменился, как и двусторонние оси взаимодействия. Однако каждая из сторон треугольника продолжает незримо сохранять присутствие в двусторонних отношениях двух других, хотя и не в состоянии реально влиять на их поведение.

По данным недавно опубликованного коллективного исследования, проведенного с использованием количественной методологии для измерения интенсивности взаимодействия сторон внутри треугольника, в 2014 г. наиболее плодотворное двустороннее сотрудничество имело место между Китаем и США, с особо активными связями в экономической и гуманитарной сферах. В целом отношения США – КНР и КНР – РФ были сопоставимы друг с другом в противовес сотрудничеству РФ – США, которое не могло с ними конкурировать. Авторы пришли к выводу, что по состоянию на 2014 г. формула Киссинджера по сохранению американского лидерства выполнялась. Вашингтону удавалось сохранять отношения с Москвой и Пекином суммарно более тесными, чем связи последних друг с другом, хотя уровень комплексного взаимодействия РФ и КНР практически сравнивался с уровнем взаимодействия США и КНР [Бадрутдинова и др. 2017].

Если поместить полученные результаты в теоретический каркас Л. Диттмера, современное состояние отношений между США, РФ и КНР можно назвать «романтическим треугольником»⁷, где стержневым игроком отныне выступает Китай. В постбиполярный период наибольший выигрыш от сохранения треугольной логики получил именно Китай, который смог улучшить свои отношения с Россией и США при повышении градуса напряженности российско-американского диалога.

6 Armed Forces Personnel, Total // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MILT.TOTL.P1>, дата обращения 25.08.2020.

7 Л. Диттмер описывает четыре возможных конфигурации треугольника: «треугольник всеобщего вето» (англ. unit-veto triangle), который подразумевает взаимный антагонизм между тремя сторонами; «стабильный брак» (англ. stable marriage) – позитивные отношения между двумя сторонами, каждая из которых негативно относится к третьей; «романтический треугольник» (англ. romantic triangle) – существует стержневой «игрок», имеющий положительные связи с двумя другими, которые в свою очередь слабо связаны друг с другом или находятся в состоянии вражды; «тройственный союз» (фр. ménage à trois) – крепкие позитивные отношения между тремя сторонами [Dittmer 2014].

В XXI веке международные усилия Китая направлены на создание привлекательного образа страны, в т. ч. через инициативу «Один пояс – один путь» и не менее амбициозную концепцию «общего будущего человечества». Китай активно заявляет о необходимости восстановления гармонии в международной политике. В его логике гармоничного мира сближение любых двух сторон в стратегическом треугольнике не приводит к противостоянию с третьей.

На сегодняшний день в связи с отставанием России по совокупности показателей, можно говорить о смене конфигурации в стратегическом треугольнике. Россия становится на место Китая эпохи биполярности: слабости экономическо-финансовой ситуации компенсируются эффективностью дипломатии и присутствием в ключевых конфликтных зонах в качестве активного посредника. Россия вынуждена лавировать между Китаем и США, одновременно пытаясь продвигать новые конфигурации за рамками треугольника (БРИКС, ШОС, ЕАЭС).

При этом Китай встает на место США – его отношения с Россией и Америкой по отдельности лучше, чем отношения между США и РФ. Благодаря экономическому росту, увеличению масштабов внешней помощи, а также тесным отношениям с Россией и США, Китай обеспечивает себе благоприятные условия не только для продолжающегося устойчивого развития, но и для расширения своего влияния на международном уровне.

При более или менее понятной динамике китайско-российских отношений единое видение развития оси китайско-американского взаимодействия отсутствует. Согласно первому подходу, даже при отсутствии агрессивных устремлений со стороны Вашингтона и Пекина обе стороны будут вынуждены усиливать конкуренцию в связи

с невозможностью достоверно определять мотивы друг друга и на фоне наращивания наступательных потенциалов. В этом смысле американский политический истеблишмент, пронизанный идеями наступательного реализма (в частности, работах Дж. Миршаймера), уверен, что дальнейший подъем Китая не может быть мирным в условиях геополитической дуэли США и Китая. И даже дальнейший рост финансово-экономической взаимозависимости двух стран не в состоянии затормозить дугу нестабильности, которая не исключает даже сценария военного конфликта. Другой подход содержит более сдержанный прогноз и основывается на приоритете широкого торгового и финансово-экономического сотрудничества двух стран над их геополитическими противоречиями. И в этом смысле любые попытки обосновать возможность глобального конфликта КНР и США беспочвенны. Очевидно, что и в среднесрочной перспективе двусторонний трек отношений США – Китай будет определяться формулой «взаимодействие в противоборстве».

В этом смысле концепт «мягкой биполярности» с опорой на американо-китайскую ось взаимодействия/соперничества в определенной степени может определять возможную конфигурацию треугольника и, в какой-то степени, миропорядка.

Палитра региональных треугольников: возможности эффективного балансирования

Помимо большого стратегического треугольника США – Китай – Россия, существует немало форматов региональных треугольников, взаимодействие в которых не всегда происходит по предложенной Киссинджером схеме. Напротив, региональные форма-

ты треугольников отличаются наличием общих для всех трех сторон интересов и конфигураций, которые, как правило, отражают кооперационную модель поведения даже при несовпадении геостратегических интересов.

С 1998 г. Россия, Индия и Китай начали постепенно продвигаться к созданию треугольной оси РИК, которая первое время воспринималась как некая виртуальная комбинация, но со временем переоплотившаяся в реальный конструктор. Российская инициатива по созданию треугольника РИК была выдвинута в 1998 г. вслед за подписанием годом ранее российско-китайской Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Премьер-министр РФ Е.М. Примаков в неофициальной обстановке в ходе визита в Индию озвучил мнение о «желательной необходимости» формирования триалога в составе России, Индии и Китая для координации политической корректировки. Инициатива была встречена весьма настороженно и сдержанно, если не сказать скептически, в т. ч. потенциальными союзниками по треугольнику. Индия осторожно заявила, что официального предложения о создании союза не поступало. Китай, рассчитывающий в тот период на расширение объемов западных инвестиций, отреагировал более резко, заявив, что, выступая за сотрудничество с Россией и любыми другими державами, он не собирается вступать с ними в блоки или альянсы. Индии и Китаю понадобилось время, чтобы оформить собственное видение возможного трехстороннего сотрудничества. Формирование тройственного союза происходило в силу изменений геополитической ситуации, которые подталкивали стороны к более тесному взаимодействию. Сомнения относительно реальности и эффективности будущего треугольника сводились, сре-

ди прочего, к следующим факторам: сохраняющийся дисбаланс между политической повесткой и довольно низкими показателями сотрудничества по другим направлениям; слабый экономический фундамент; возможный уклон в сторону двустороннего диалога на фоне большой заинтересованности Индии и Китая в российских военных поставках, а России – в инвестициях и технологиях своих партнеров; фактор США для Индии и Китая как главного торгового партнера.

Идеология неформализованного треугольника опиралась на единство повестки дня, близость интересов и задач сторон, а также необходимость создания противовеса западному влиянию, хотя официально все три стороны декларировали, что их союз не направлен против внешней стороны и не носит антизападного характера. Формирование треугольника происходило при широкой экспертной поддержке. С 2001 г. начали проводиться ежегодные заседания по обсуждению наиболее приемлемых форм совместной работы. В 2008 г. состоялся геостратегический семинар РИК по формуле «Трек 2 плюс 1» с участием как экспертного сообщества, так и дипломатического корпуса. С 2000-х гг. треугольник перешел из разряда инициатив в политическую реальность. Первые встречи «тройки» на межправительственном уровне, главным образом с участием глав МИД, проходили на полях ГА ООН, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, G20, затем на территории одного из государств-членов. Первый саммит лидеров трех государств состоялся в 2006 г. в Петербурге в рамках G8, результатом которого, среди прочего, стало создание БРИКС. Следующая встреча первых лиц состоялась лишь в 2018 г. на полях саммита G20 в Буэнос-Айресе.

Несмотря на схожесть позиций по многим сюжетам международной по-

вестки и развитие трехстороннего сотрудничества по восходящей линии, треугольник, априори создававшийся как модель сотрудничества, не лишен конкурентного начала. Утверждение российского политолога М.Ю. Панченко от 2009 г., что «с учетом претензий на геополитическое лидерство России, Индии и Китая, их можно рассматривать скорее как потенциальных стратегических конкурентов, чем союзников» [Панченко 2009, с. 5], соответствует реалиям 2019 г. Несмотря на то, что данная модель треугольника в схеме Киссинджера описывает структуру «друзья», ни одна из сторон не готова быть на второстепенных ролях. Китай и Индия делят между собой пальму первенства в Азии. Все три государства так или иначе претендуют на мировое лидерство. Индия является одним из очевидных претендентов на членство в СБ ООН. Несмотря на то, что все пять постоянных членов СБ крайне осторожно высказываются относительно возможного расширения СБ, в 2014 г. Россия открыто поддержала кандидатуру Индии, что вряд ли отвечает интересам Китая. Индия все больше опирается на стратегическое партнерство с США. Между Индией и Китаем присутствует соперничество за лидерство в Южной и в Юго-Восточной Азии, сложными остаются приграничные вопросы. По-прежнему ощутимы различия в подходах России и Китая к сотрудничеству со странами Центральной Азии, особенно в энергетической отрасли, которая все больше включается в зону интересов Китая, в частности по линии инициативы «Один пояс – один путь». Наконец, до сих пор существуют территориальные споры в индийско-китайских отношениях.

Десять лет назад на экспертном уровне выдвигались три возможных сценария дальнейшего развития РИК как управленческого триумвиата в

АТР: 1) пессимистический (перспектива развития РИК отсутствует в силу обострения внутренних противоречий за мировое и региональное лидерство, максимизация мощи Китая способна подтолкнуть Россию и Индию блокироваться с США и Западом для сдерживания Китая); 2) оптимистический (перспектива укрепления РИК во всех областях управления АТР более чем реальна, что в перспективе создаст почву для формирования политического союза); 3) умеренно-оптимистический (перспектива сохранения статус-кво в виде «партнерства без союзничества» исключительно на базе прагматизма) [Панченко 2009, с. 8–9].

Сегодня РИК – это крупнейшие «поднимающиеся» страны мира, совокупное население которых составляет 40% мирового и на которые приходится 20% мирового ВВП. РИК становится реальной политической конструкцией, в которой каждая из трех стран не направляет свои интересы против других двух стран. Стороны заявляют о своей заинтересованности в его расширении, возможно, даже при подключении Ирана. Однако все три стороны придерживаются умеренно-оптимистического сценария развития. К 2019 г. треугольник смог преодолеть часть внутренних противоречий по линии двусторонних осей, поступательно продвигается к равностороннему взаимодействию. Так, например, в 2013 г. было подписано соглашение между Индией и Китаем о военном сотрудничестве на границе, посредством которого предполагалось снизить напряженность на линии фактического контроля между государствами.

Стороны заявляют, что повестка РИК должна выходить на более высокий уровень. Сегодня вопросы обеспечения региональной и глобальной безопасности составляют первостепенное направление функциональной дея-

тельности РИК. При этом в повестку дня включен весь комплекс вопросов широкого регионального сотрудничества: работа в военно-технической сфере, повышение инвестиционного уровня, развитие экономических и инфраструктурных проектов (в т. ч. через соприкосновение инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза). Помимо РИК, все три государства объединены членством в других многосторонних региональных форматах (G20, БРИКС и ШОС после присоединения Индии в 2018 г.; Россия и Китай – члены АТЭС). Считается, что РИК является встроенной конструкцией в структуры БРИКС и ШОС [Юртаев, Рогов 2017], что, впрочем, не умаляет его значимости. Россия, Индия и Китай будут вести сложную политическую игру, стремясь поддерживать конструктивные отношения между собой и одновременно не обострять тесные взаимосвязи с США [Панченко 2009, с. 8–9].

Треугольник США – КНР – Индия

Особое значение на стратегический баланс сил в XXI веке будет оказывать взаимодействие в треугольнике США – КНР – Индия [Paul, Underwood 2019]. Данный треугольник нельзя в полной мере назвать стратегическим. Индия не входит в число постоянных членов СБ ООН, а также не относится к числу наиболее сильных военных держав мира. Так, по Global Fire Power Index, страна занимает только 4-е место,

существенно отставая от США, РФ и КНР⁸. С другой стороны, по абсолютному размеру ВВП, измеренному по паритету покупательской способности, Индия занимает 3-е место (после КНР и США), почти в 2 раза опережая следующую за ней Японию⁹.

Несмотря на то, что ряд аналитиков верит в возможность «стратегической конвергенции» в данном треугольнике [Singh 2016], после прихода Д. Трампа США и КНР все чаще переходят к открытому противостоянию в контексте формирующейся «новой биполярности» [Дегтерев 2019]. В этом контексте возникает стратегическая неопределенность относительно того, какую сторону поддержит Индия. В сентябре 2019 г. «на полях» ГА ООН страна приняла участие как в консультациях формирующегося «четырехугольника безопасности» (США – Индия – Австралия – Япония), так и в консультациях по линии БРИКС¹⁰. Индия традиционно воздерживается от присоединения к военным блокам («стратегическая автономность»), что было в очередной раз подтверждено в 2012 г. в докладе влиятельных индийских исследователей «Неприсоединение 2.0». В докладе особо подчеркивается важность сохранения баланса в треугольнике Индия – США – КНР [Khilnani et al. 2012, p. 32].

На данный момент США и Индия не имеют договора о совместных действиях в сфере безопасности, однако уже подписали три из четырех наиболее важных «технических» соглашений для военного сотрудничества: Соглашение об обмене информацией военного ха-

8 2020 Military Strength Ranking // Global FirePower // <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>, дата обращения 25.08.2020.

9 GDP Ranking, PPP Based // The World Bank // <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/gdp-ranking-ppp-based>, дата обращения 25.08.2020.

10 Chaudhury D. (2019) India's Fine Balancing Act with Quad and BRICS Meet in New York // The Economic Times, September 28, 2019 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-fine-balancing-act-with-quad-and-brics-meet-in-new-york/articleshow/71338616.cms>, дата обращения 25.08.2020.

рактера (GSOMIA) в 2002 г., Меморандум о соглашении по логистическому обмену (LEMOA) в августе 2016 г. (позволяет использовать военные базы друг друга для заправки) и Соглашение о совместимости средств связи и безопасности (COMCASA) в сентябре 2018 г. [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018, p. 189].

В СНБ США 2017 г. Индия объявлена главным партнером США в Индо-Тихоокеанском регионе¹¹. Индия является одним из крупнейших импортеров американского вооружения и в 2016 г. получила статус основного оборонного партнера (major defense partner). Между США и Индией также начались политико-дипломатические консультации (2+2), однако отмечается расхождение позиций стран по ряду вопросов. Будучи в «Квад», Индия не отказывается от участия в БРИКС, а недавно вошла и в ШОС, что рассматривает как проявление своей «стратегической автономности» [Pant, Rej 2018]. Тем не менее в последние несколько лет увеличивается «дрейф» Индии в сторону США.

Треугольники сирийского кризиса

В рамках урегулирования сирийского конфликта с середины 2016 г. все чаще апеллируют к треугольнику в составе России, Ирана и Турции, который получил дополнительный импульс после провала российско-американских переговоров в октябре 2016 г. Двусторонний посреднический трек по сути сменился на трехсторонний формат, известный также под названия-

ми «московский триумвират» и «астанинский треугольник»¹², который, по мнению экспертов, представляет собой адаптированную и минимизированную версию треугольника РИК [Гаспарян 2017, с. 37]. С точки зрения классификации сторон состав треугольника включает одну великую и две крупные региональные державы, поддерживающие при этом противоположные стороны в конфликте. 30 декабря 2016 г. было объявлено о введении в Сирии режима прекращения боевых действий при гарантиях участников треугольника, что усилило ощущение происходящей диверсификации акторов сирийского урегулирования. С января 2017 г. был дан старт практически ежемесячным Международным встречам по Сирии в Астане, которых всего насчитывается восемь.

Основой для геополитического взаимодействия трех стран послужило ситуативное сближение их интересов, обусловленное совокупностью внутренних и внешних факторов. В повестке трехстороннего формата значилась вполне конкретная задача – согласование позиций по урегулированию сирийского конфликта. Все три посредника выражают, пусть и в силу разных причин, общую заинтересованность в сохранении формального территориального единства Сирии. Однако интересы трех стран не располагаются на одном уровне. Интересы Турции имеют преимущественно локальный характер и ограничиваются севером территории. Для Турции жизненно важно предотвратить усиление курдов и возникновение единого курдского протогосударства у своих границ. Турция также

11 US National Security Strategy (2017) // The White House // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

12 Треугольник «Россия-Турция-Иран» и перспективы трансформации Большого Ближнего Востока (2017) // Ситуационный анализ // ИНИОН РАН. 2 марта 2017 // http://inion.ru/site/assets/files/1414/treugolnik_rf_iri_turtsiia_otchet.pdf, дата обращения 25.08.2020.

препятствует закреплению там военного присутствия Ирана и военизированных шиитских формирований. Шиитскому Ирану важно сохранить лидирующие позиции алавитов в Сирии на фоне вечного противоборства с арабскими суннитами. Россия решает не только внутренние сирийские вопросы, но совмещает их с глобальной повесткой: борьбой с терроризмом, усилением влияния на международной арене через возвращение на Ближний Восток и демонстрацию военно-дипломатического потенциала. Как и в случае РИК, треугольник Россия – Иран – Турция отличает разнонаправленность интересов сторон, в т. ч. в отношениях с США, которые по-прежнему влияют на действия двух других важных региональных акторов – Израиль и Саудовскую Аравию.

Итак, на сирийском направлении помимо двусторонних каналов усилилась дипломатическая работа по трехсторонней оси Россия – Иран – Турция. Усилия треугольника вполне ощутимы, о чем свидетельствуют конкретные результаты. По мере наполняемости треугольника конкретным содержанием озвучивались разные сценарии его развития: 1) сохранение треугольника при его нацеленности исключительно на решение ограниченного спектра вопросов на *ad hoc*-основе; 2) усиление трехстороннего формата и возможность его трансформации в конфигурацию с большим количеством сторон (Катар); 3) распад треугольника в силу сохраняющегося потенциала конфликтности внутри треугольника, а также влияния внешних факторов (США).

Треугольник поддерживался обоюдной заинтересованностью политических элит и необходимостью для каждой из сторон продолжать активную политику в регионе. Каждая из сторон при заинтересованности в сохранении единой Сирии и наличии своих особых

интересов рассчитывала на позитивный баланс выигрышей. Но астанинский формат при всех своих преимуществах не смог оставаться консолидированным и довольно скоро начал распадаться на отдельные элементы. Параллельно был запущен формально совмещенный с астанинским амманский канал в составе России, США, Иордании. Главной причиной определенной неустойчивости астанинской площадки был локальный характер влияния «на земле» вовлеченных в нее игроков (прежде всего Турции), помноженный на активность России в области развития двусторонних контактов с НВФ «на земле». Это потребовало выхода усилий по поддержанию РПБД в САР и обеспечению перемирия в зонах деэскалации за рамки астанинского формата и создания амманского «треугольника» [Ходынская-Голенищева 2018].

Заключение

Модель стратегического треугольника, впрочем, как и любую другую, с точки зрения объяснения сложных мировых процессов нельзя абсолютизировать. Тем не менее она продолжает присутствовать и влиять на международную политику. Второе десятилетие XXI века демонстрирует, что в международной системе по-прежнему актуальна конкуренция трех крупнейших мировых держав – США, России и Китая (одна традиционная, две восходящие державы), которые составляют стратегический треугольник. В нынешнем треугольнике, который не отличается симметричностью и глобальным охватом, США и Россия являются относительно равными сторонами в военном отношении, Китай приближается к США по экономическим показателям. Тенденция развития отношений в треугольнике за последние 5 лет де-

монстрирует, что связи РФ и США слабеют, а сотрудничество по линии РФ – КНР все больше укрепляется. Ожидается, что в экономической и гуманитарной сферах отношения РФ и КНР получат большее развитие, однако пока недостаточное для того, чтобы вступать в сравнение со связями КНР и США в данных сферах.

Очевидно, что между всеми сторонами треугольника сегодня нет четкого понимания стратегических взаимоотношений в долгосрочной перспективе. Но каждая из них по-прежнему ведет тонкое дипломатическое маневрирование в духе Киссинджера по сдерживанию друг друга. В настоящее время равновесие основано главным образом на соперничестве. США будут и впредь предпринимать усилия по сдерживанию экономического роста Китая и военной мощи России. Но конфронтация в треугольнике вряд ли будет переноситься в плоскость вооруженных столкновений.

Стратегическую неопределенность создают отношения в треугольнике США – КНР – Индия. Опасаясь роста мощи китайского соседа и несмотря на декларируемую «стратегическую автономность», Индия все больше «дрейфует» в сторону США в военно-политической сфере. В перспективе это может создать напряженность в рамках ШОС и БРИКС (путем уменьшения доверия в треугольнике РИК), а также изменить геополитическое равновесие в регионе.

Список литературы

- Байков А.А. (2017) Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 4. С. 38–53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53
- Батрутдинова К.Р., Дегтерев Д.А., Степанова А.А. (2017) Отношения в треугольнике США-РФ-КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // *Вестник международных организаций*. Т. 12. № 1. С. 81–109. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81
- Бобо Л. (2010) Россия, Китай и США: прошлое и будущее стратегического треугольника // *Russie. Nei. Visions*. No. 47. Париж: ИФРИ.
- Гаспарян В.З. (2017) Россия, Иран, Турция: проблемы и перспективы геополитического взаимодействия // *Архонт*. № 2. С. 37–40 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779511_41291482.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Дегтерев Д.А. (2019) Многополярный миропорядок: старые мифы и новые реалии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. Т. 19. № 3. С. 404–419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
- Елацков А.Б. (2015) Обобщенная модель «геополитического треугольника» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10. Ч. 3. С. 56–60 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24155540_94859444.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Заиченко О.А. (2010) «Стратегические треугольники» как форма регионального сотрудничества: теоретический аспект // Буяров Д.В. (ред.) *Актуальные проблемы современности. Материалы 5-й Всероссийской научной практической конференции «Альтернативный мир»*. М. С. 87–94.
- Кременюк В.А. (2012) «Чем дальше в лес...»: нарастание неравномерности в треугольнике США-Китай-Россия // *Сравнительная политика*. № 4. С. 36–46. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-4(10)-36-46
- Панченко М.Ю. (2009) Управление АТР на примере «стратегического тре-

угольника Россия-Индия-Китай»: меж-парадигмальный подход // Государственное управление. Выпуск № 21 // http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__21._dekabr_-2009_g./panchenko.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Троицкий М.А. (2003) «Иллюзии треугольников» в современных отношениях России с Западом // Международные процессы. Т. 1. № 2. С. 101–107 // <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Ходынская-Голенищева М.С. (2018) Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГИМО.

Хуашэн Ч. (2019) «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. Т. 10. № 2. С. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

Худайкулова А.В. (2016) Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. Т. 14. № 4. С. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5

Юртаев В.И. (2017) Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // Касюк А.Я., Харичкин И.К., Полищук А.И. (ред.) Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ. С. 30–35.

Юртаев В.И., Рогов А.С. (2017) ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 3. С. 469–482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

Dittmer L. (1981) The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis // *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133

Dittmer L. (2014) Japan, China and the American Pivot: A Triangular Analysis // *The Troubled Triangle* (eds. Inoguchi T., Ikenberry G.), Palgrave Macmillan, pp. 185–211.

Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. (2012) *NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 Century*, Center for Policy Research.

Kissinger H. (1979) *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.

Pant H.V., Rej A. (2018) Is India Ready for the Indo-Pacific? // *The Washington Quarterly*, vol. 41, no 2, pp. 47–61. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1485403

Partem M.G. (1983) The Buffer System in International Relations // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Paul T.V., Underwood E. (2019) Theorizing India-US-China Strategic Triangle // *India Review*, vol. 18, no 4, pp. 348–367. DOI: 10.1080/14736489.2019.1662190

Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. (2018) India, the Indo-Pacific and the Quad // *Survival*, vol. 60, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470773

Singh A.G. (2016) India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 161–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (2018). DOI: 10.1093/sipri/9780199650583.003

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014) Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Geopolitical Triangles in the Context of International Security

Alexandra V. Khudaykulova

PhD in Politics, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems

MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: khudaykulova@mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-0680-9321

CITATION: Khudaykulova A.V. (2020) Geopolitical Triangles in the Context of International Security. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 53–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Received: 24.08.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) and the Autonomous Non-profit Organization Expert Institute for Social Assessment (EISA) within the framework of the scientific project No. 19-011-31389 “Traditional and emerging centers of power: discussions regarding sovereignty and conflict management”.

ABSTRACT. Geopolitical triangles play an important role in changing the balance of power in the international arena in the context of competition between traditional and emerging powers. In political discourse, there are several different interpretations of the concept of “triangle”. The formation of triangles occurs under the simultaneous influence of two factors - the political strategy of the states and the geopolitical situation. The article explores the configuration of triangles in the post-bipolar world. Particular attention is paid to the selection criteria for countries lying at the top of triangles: these are either the most powerful states (both traditional and emerging powers), or pivot countries.

In comparison to 1970-s with one strategic triangle (US-China-Russia) currently there are many regional geopolitical triangles, representing predominantly ascending centers of power, which affect not on-

ly regional security and maintain balance of power in the respective regions, but also have global impact. The article presents a theoretical overview of triangles based on an applied analysis of the US-China-Russia strategic triangle, as well as of two regional interaction schemes that are important for the Russian foreign policy strategy – Russia-India-China and Russia-Iran-Turkey.

The interaction in the strategic triangle of the RF-China-USA is analyzed in an article in the political sphere (within the framework of the UN, international institutes BRICS, SCO, EAEU, Belt and Road Initiative), in the economic and financial fields, infrastructural, scientific potentials are compared, as well as military potential and military technologies. For applied analysis of this traditional triangle, the theoretical scheme of L. Dittmer is used.

The conclusion is made about the ideal configuration of geopolitical triangles and the

redistribution of the power potential of traditional and emerging centers of power within the strategic triangle of the RF-PRC-USA.

KEY WORDS: *geopolitics, international security, tripartite diplomacy, strategic triangle, regional triangles, world order, national interests, new bipolarity*

References

- Badrutdinova K., Degterev D., Stepanova A. (2017) Interconnections among the United States, Russia and China: Does Kissinger's American Leadership Formula Apply? *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 1, pp. 81–109 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81
- Baykov A.A. (2017) Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 4, pp. 38–53 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53
- Bobo L. (2010) Russia, China and the USA: Past and Future of the Strategic Triangle. *Russie. Nei. Visions*. No. 47, Paris: IFRI.
- Degterev D.A. (2019) Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 19, no 3, pp. 404–419 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419
- Dittmer L. (1981) The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133
- Dittmer L. (2014) Japan, China and the American Pivot: A Triangular Analysis. *The Troubled Triangle* (eds. Inoguchi T., Ikenberry G.), Palgrave Macmillan, pp. 185–211.
- Elatkov A.B. (2015) A Generalized Model of the “Geopolitical Triangle”. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*, no 10, part 3, pp. 56–60. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24155540_94859444.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Gasparyan V.Z. (2017) Russia, Iran, Turkey: Problems and Prospects of Geopolitical Interaction. *Archon*, no 2, pp. 37–40. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779511_41291482.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Huasheng Z. (2019) “New Triangle” in Relations between China, Russia and the USA. *Comparative Politics Russia*, vol. 10, no 2, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017
- Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. (2012) *NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 Century*, Center for Policy Research.
- Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2018) *Syrian Crisis in a Transforming System of International Relations*. The dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow: MGIMO (in Russian).
- Khudaykulova A. (2016) Conflict Management in the New Centura. Back to Proxy Wars? *International Trends*, vol. 14, no 4, pp. 67–79 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5
- Kissinger H. (1979) *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.
- Kremenyuk V.A. (2012) “The Deeper into the Wood...”: Relations in the Triangle USA-China-Russia Are Increasingly Getting Uneven. *Comparative Politics Russia*, vol. 3, no 4, pp. 36–46 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-4(10)-36-46
- Panchenko M.Yu. (2009) Governance in Asia-Pacific Region (Case of “Russia-India-China Strategic Triangle”): Inter-Paradigm Approach. *Public Administration*, no 21. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__21._dekabr_2009_g./panchenko.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Pant H.V., Rej A. (2018) Is India Ready for the Indo-Pacific? *The Washington Quarterly*, vol. 41, no 2, pp. 47–61. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1485403

Partem M.G. (1983) The Buffer System in International Relations. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Paul T.V., Underwood E. (2019) Theorizing India-US-China Strategic Triangle. *India Review*, vol. 18, no 4, pp. 348–367. DOI: 10.1080/14736489.2019.1662190

Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. (2018) India, the Indo-Pacific and the Quad. *Survival*, vol. 60, no 3, pp. 181–194. DOI: 10.1080/00396338.2018.1470773

Singh A.G. (2016) India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 161–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (2018). DOI: 10.1093/sipri/9780199650583.003

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014) *Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security*, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

Troitsky M.A. (2003) “Illusions of Triangles” in the Current Relations of Rus-

sia with the West. *International Trends*, no 3, pp. 101–107. Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Yurtaev V.I. (2017) Particularities of Iran's Regional Diplomacy at the Beginning of the XXIst Century. *Cooperation between Russia and Iran in the Political, Economic and Cultural Fields as a Factor in Strengthening Peace and Security in Eurasia*. Materials of the International Scientific-practical Conference (eds. Kasyuk I., Kharichkina I.K., Polishchuk A.I.), Moscow: Moscow State Linguistic University, pp. 30–35 (in Russian).

Yurtaev V.I., Rogov A.S. (2017) BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no 3, pp. 469–482 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

Zaichenko O.A. (2010) “Strategic Triangles” as a Form of Regional Cooperation: Theoretical Aspect. *Actual Problems of Our Time. Materials of the 5th All-Russian Scientific-Practical Conference “Alternative World”* (eds. Buyarov D.V.), Moscow, pp. 87–94 (in Russian).

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-4

Трансформация глобальной финансовой системы в первые два десятилетия XXI века

Михаил Юрьевич ГОЛОВНИН

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора

Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: mg-inecon@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6687-0744

ЦИТИРОВАНИЕ: Головнин М.Ю. (2020) Трансформация глобальной финансовой системы в первые два десятилетия XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 74–96. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-4

Статья поступила в редакцию 09.07.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются изменения, произошедшие в глобальной финансовой системе в XXI веке. При этом исследование охватывает глобальную финансовую систему в ее целостности как совокупности отдельных финансовых рынков и международных финансовых институтов. На основе анализа статистических данных показано, что глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. привел к сокращению международных потоков капитала, изменению их структуры (в сторону увеличения доли прямых иностранных инвестиций) и снижению трансграничной финансовой активности. В посткризисный период относительно более динамично развивались рынки государственного долга и долевых ценных бумаг, тогда как банковская активность сдерживалась, в том числе в результате межсекторального регу-

лятивного арбитража, который начал развиваться в ходе проводимых реформ. Процесс реформирования глобальной финансовой системы позволил снизить риски на отдельных сегментах мирового финансового рынка (рынках банковских услуг, внебиржевых производных финансовых инструментов), но сохранил относительно менее регулируемые сегменты, которые в перспективе могут быть подвержены рискам финансовых потрясений. Изменения в глобальной финансовой архитектуре привели к формальному вовлечению стран с формирующимися рынками в процесс реформирования мировой финансовой системы (через «Группу 20») и к некоторому усилению наднационального компонента регулирования. Однако в целом интересы стран с формирующимися рынками как в процессах реформирования, так и в построении глобальной финан-

совой архитектуры учтены не в полной мере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *глобальная финансовая система, глобальная финансовая архитектура, мировая банковская система, мировые рынки ценных бумаг, трансграничные потоки капитала*

В XXI веке произошли значительные изменения в мировой финансовой системе, которые требуют теоретического и практического осмысления. Поворотным моментом в этих изменениях безусловно стал глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг.¹ После этого кризиса произошли значительные изменения как на мировых финансовых рынках, так и в механизмах их регулирования под воздействием начавшегося процесса реформирования мировой финансовой системы. Одновременно начались изменения и в структуре международных организаций, занимающихся проблемами мировой финансовой системы. Кроме того, дополнительную актуальность данной работе придает начавшийся в 2020 г. новый мировой экономический кризис, связанный с распространением пандемии COVID-19, который уже затронул отдельные сегменты мировой финансовой системы и последствия которого, по всей видимости, еще не проявились в полной мере.

В данной статье мы будем использовать термин «глобальная финансовая система», понимая под ним совокупность мировых финансовых рынков в широком смысле (включая рынки ценных бумаг и рынки банковских услуг) и систему регулирующих их функцио-

нирование международных институтов. Фактически глобальная финансовая система рассматривается нами как мировая финансовая система на этапе финансовой глобализации. Существуют различные подходы к периодизации этапа финансовой глобализации. Мы придерживаемся точки зрения, что этот этап наступил на рубеже 1980–1990-х гг., характеризовавшемся ростом объемов операций на мировых финансовых рынках и распространением качественных изменений, связанных со стиранием границ между национальными финансовыми рынками и отдельными сегментами мирового финансового рынка. Анализ трансформаций, приведших к формированию глобальной финансовой системы, выходит за рамки нашего непосредственного анализа.

Мы отдаем себе отчет, что проблемы функционирования и реформирования глобальной финансовой системы в рассматриваемый нами период получили отражение в обширной экономической литературе. Поэтому мы сосредоточимся в данной статье на характеристике тех изменений в глобальной финансовой системе, которые произошли в первые два десятилетия XXI века и наиболее значимы, на наш взгляд, опираясь на существующую литературу и собственный анализ статистических данных. Статья состоит из трех разделов, в которых раскрываются трансформации, имевшие место на мировых финансовых рынках, процессы реформирования мировой финансовой системы и изменения в глобальной финансовой архитектуре, призванной регулировать мировую финансовую систему.

¹ Существуют различные подходы к периодизации данного кризиса. Мы исходим из того, что первые его проявления в мировой финансовой системе возникли в 2007 г., а в 2009 г. кризис в полной мере распространился на реальный сектор экономики.

Изменения на мировых финансовых рынках

Прошедшие два десятилетия XXI века не были отмечены однонаправленными трендами на мировых финансовых рынках. Можно выделить четыре основных периода в рамках рассматриваемого временного горизонта.

1. Первые годы XXI века были отмечены кризисом на мировом фондовом рынке и продолжавшимися кризисами в отдельных странах с формирующимися рынками.

2. К 2003 г. эти негативные тенденции были преодолены, и мировые финансовые рынки вступили в период бурного роста, который продолжался до 2007 г. и

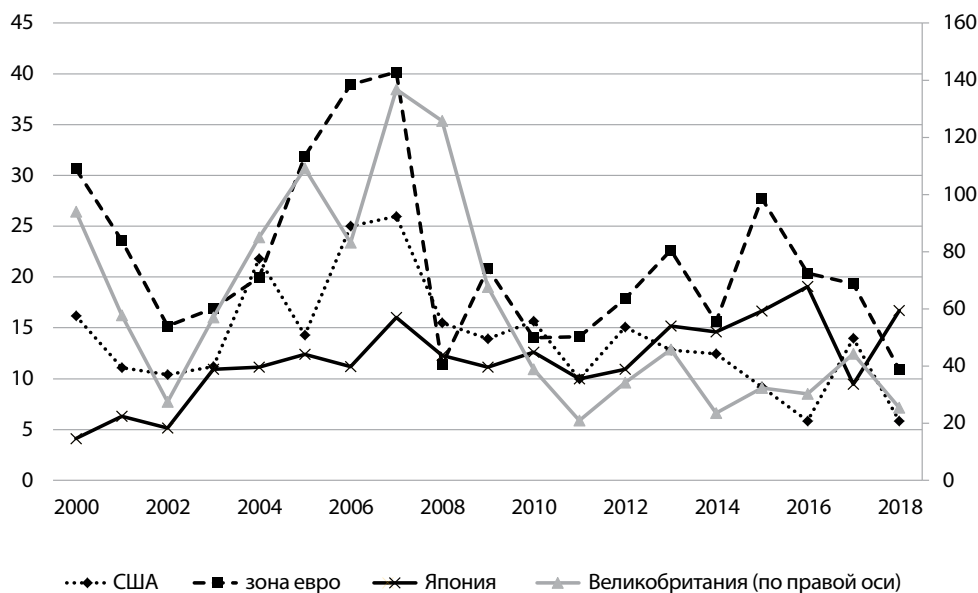
был обусловлен предшествовавшей политикой низких процентных ставок ведущих центральных банков, сочетанием высоких темпов экономического роста и низкой инфляции, наряду с продолжавшимися тенденциями валютной и финансовой либерализации.

3. В 2007 г. на мировых финансовых рынках стали проявляться первые признаки глобального экономического и финансового кризиса, острая фаза которого наступила в сентябре 2008 г. и продолжалась до 2009 г.

4. Посткризисный период, продолжавшийся до 2019 г., был отмечен неоднородными тенденциями на различных сегментах мировых финансовых рынков, которым в значительной

Рисунок 1. Валовые трансграничные потоки в странах с ведущими мировыми валютами, % к ВВП

Figure 1. Gross Cross-border Flows in Countries with the World's Leading Currencies, % of GDP

Источник: расчеты на основе данных Международного валютного фонда: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>, дата обращения 25.08.2020.

степени будет посвящен дальнейший анализ. Наконец, второе десятилетие XXI века отмечено началом нового глобального экономического кризиса, связанного с распространением пандемии COVID-19. Подобная динамика может служить подтверждением наличия длительных циклических процессов на мировых финансовых рынках, которые выделяют ряд авторов (см., например, [Миркин и др. 2019, с. 31–33]).

Указанные периоды нашли отражение в динамике валовых трансграничных потоков капитала² (см. рисунок 1), которые мы рассматриваем как некоторый агрегированный показатель изменений в мировой финансовой системе. Кризисные события начала XXI века и, особенно, глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. повлекли за собой сокращение трансграничных потоков капитала. Подобное сокращение ожидается и в 2020 г.

Если сравнивать периоды до и после глобального экономического и финансового кризиса, то практически во всех ведущих центрах международного движения капитала из числа развитых стран можно отметить сокращение соответствующих потоков (в % от ВВП): в США с 17,5% в 2000–2007 гг. до 10,5% в 2011–2018 гг., в зоне евро – с 28,5 до 18,3% за тот же период. Наиболее существенным было это сокращение в Великобритании: с 86,4% ВВП в 2000–2007 гг. до 31,9% ВВП в 2011–2018 гг. Некоторое увеличение трансграничных потоков капитала наблюдалось в Японии – с 9,7 до 13,8% ВВП³, однако следует отметить, что экономика Японии в целом является менее финансово открытой, чем перечисленные выше страны.

Произошли изменения и в структуре трансграничных потоков капитала (см. табл. 1). Практически во всех развитых странах, играющих значитель-

Таблица 1. Доля различных видов трансграничных потоков капитала в совокупных потоках капитала по отдельным странам и их группам, %

Table 1. The Share of Different Types of Cross-border Capital Flows in Total Capital Flows for Individual Countries and their Groups, %

	США		Зона евро		Великобритания		Япония	
	2000–2007	2010–2018	2000–2007	2010–2018	2000–2007	2010–2018	2000–2007	2010–2018
Прямые инвестиции	21,8	34,3	24,4	48,3	16,1	16,9	12,6	21,4
Портфельные инвестиции	45,5	42,4	35,1	29,9	22,3	29,5	56,8	44,6
Прочие инвестиции	32,7	23,2	40,5	21,8	61,7	53,6	30,6	34,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты на основе данных Международного валютного фонда // <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>, дата обращения 25.08.2020..

2 Мы рассчитываем валовые трансграничные потоки капитала как сумму основных статей финансового счета платежного баланса (прямые, портфельные и прочие инвестиции) по активам и пассивам без учета знака операции.

3 Расчеты на основе данных Международного валютного фонда: Japan: Balance of Payments Standard Presentation // IMF // <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>, дата обращения 25.08.2020.

ную роль в международном движении капитала, в посткризисный период (2010–2018 гг.) по сравнению с предкризисным (2000–2007 гг.) возросла доля прямых инвестиций при сокращении доли прочих инвестиций. В качестве некоторых отклонений можно отметить лишь увеличение доли портфельных инвестиций в Великобритании и прочих инвестициях в Японии. Поскольку прямые инвестиции традиционно считаются более устойчивой формой трансграничного движения капиталов, подобные тенденции должны были бы свидетельствовать о снижении роли спекулятивных потоков капитала в международном движении данного фактора⁴.

Тесно связана с международными потоками капитала проблема глобальных дисбалансов в мировой экономике, под которой понимаются дисбалансы между потреблением и сбережением в глобальном масштабе и в качестве измерения которой используются размеры сальдо (дефицита/профицита) текущего счета платежного баланса отдельных стран и их групп в мировой экономике (см. рис. 2).

С точки зрения подхода, концентрировавшегося именно на дисбалансах текущего счета, возникали взаимные обвинения разных групп стран в возникновении глобальных дисбалансов. Развитые страны обвиняли страны с формирующимися рынками (пре-

Рисунок 2. Сальдо текущего счета платежного баланса
Figure 2. Current Account Balance of the Balance of Payments

Источник: World Economic Outlook Database as of October 2019: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>, дата обращения 25.08.2020.

4 Заметим, что к схожим выводам на основе сопоставления менее длительных временных горизонтов (2005–2007 и 2012–2014 гг.) приходят и специалисты Европейского центрального банка. См. [Bussiere et al. 2016, p. 17].

жде всего Китай, хотя подобная практика была свойственна и другим странам) в регулировании курсов своих валют и отклонении последних от фундаментальных рыночных значений. В подобной логике повышение гибкости валютных курсов должно было бы способствовать преодолению проблемы глобальных дисбалансов. Со стороны стран с формирующимися рынками также звучали обвинения в отношении развитых стран в манипулировании валютными курсами, однако уже с помощью косвенных инструментов, в частности, политики «количественного смягчения». Вместе с тем имел место и иной подход, который нам представляется более обоснованным. Он связывает рост дисбалансов текущего счета с ростом трансграничных потоков капитала⁵, который имел место в тот же период, предшествовавший глобальному экономическому и финансовому кризису.

Следует отметить, что резкое сокращение глобальных дисбалансов произошло как раз в 2009 г., когда под воздействием глобального кризиса резко сократились и трансграничные потоки капитала (см. рис. 1). В последующие годы вновь произошло нарастание глобальных дисбалансов, однако они уже не достигали предкризисных значений (см. рис. 2).

Еще более важным стало изменение структуры стран на двух полюсах глобальных дисбалансов. На «отрицательном» полюсе основную роль продолжали играть США. Однако их доля устойчиво снижалась с 91% в 2005 г. до 40% в 2013 г., после чего вновь вы-

росла до 60% в 2018 г.⁶ На «отрицательном» полюсе на протяжении всего рассматриваемого периода находились и некоторые другие англосаксонские страны, прежде всего Великобритания и Австралия. Некоторые группы стран, занимавшие «положительный» полюс до глобального экономического и финансового кризиса, перешли впоследствии к «отрицательному» полюсу – страны Латинской Америки и страны Африки южнее Сахары, а среди развитых стран – Канада. Еще более существенные изменения за рассматриваемый период в 15 лет произошли на «положительном» полюсе глобальных дисбалансов. Здесь ведущая роль от стран Ближнего Востока и Центральной Азии, Китая и Японии, которая принадлежала им в период до глобального экономического и финансового кризиса, перешла к еврозоне при сохранении значимой позиции Японии. Таким образом, к 2018 г. основными игроками на обеих сторонах глобальных дисбалансов стали развитые страны. И аргумент, связанный с необходимостью повышения гибкости валютных курсов для преодоления данной проблемы, утратил свою актуальность [Clayes et al. 2017, p. 9].

Глобальные дисбалансы между потреблением и сбережением отражают, по сути, дисбаланс между потреблением в настоящем и будущем, который тесно связан с проблемой наращивания общей долговой нагрузки в мировой экономике⁷. По расчетам аналитиков McKinsey, отношение глобального долга к мировому ВВП выросло с 207% в 2007 г. до 237% в 2016 г. при том, что

5 См., например, [Borio, Disyatat 2011; Obstfeld 2018]. М. Обстфельд, кроме того, обращает внимание на роль динамики мировых цен на энергоносители в формировании глобальных дисбалансов.

6 Рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of October 2019: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>, дата обращения 25.08.2020.

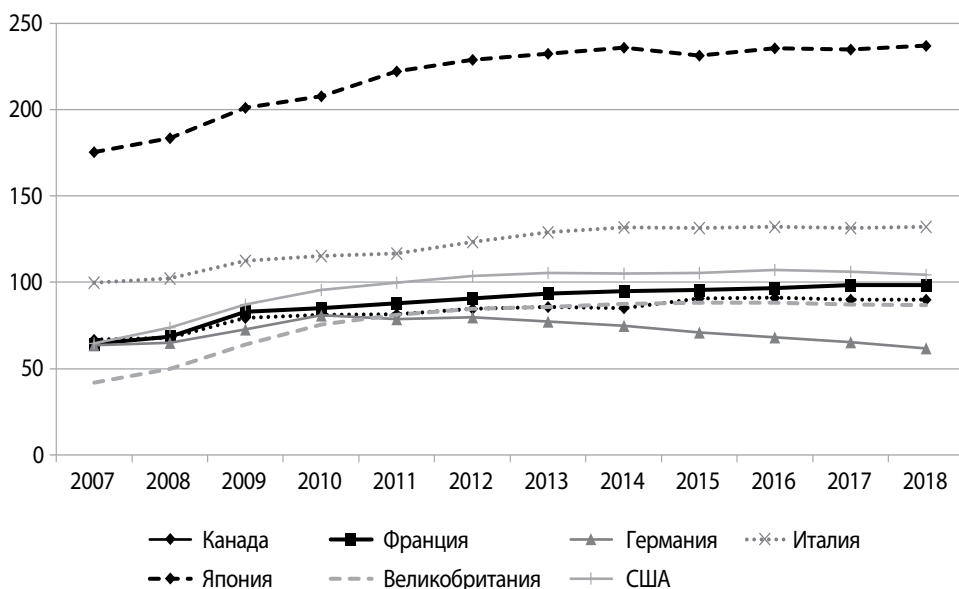
7 [Звонова и др. 2016, с. 36] отдельно выделяют дисбаланс внешнего финансирования, связанный с накоплением внешней задолженности.

рост в первой половине 2000-х гг. был существенно меньше (на 2000 г. значение показателя составляло 198%). При этом отмечается, что больше трети прироста глобального долга со времени мирового экономического и финансового кризиса обеспечил Китай [McKinsey 2018].

Общее увеличение долговой нагрузки в посткризисный период произошло за счет наращивания государственного долга, отношение которого к мировому ВВП выросло с 69% в 2007 г. до 105% в первой половине 2017 г., тогда как за тот же период частный долг остался примерно на том же уровне (164% ВВП) [McKinsey 2018]. Рост государственного долга происходил главным образом в период глобального экономического и

финансового кризиса, отражая активные меры по поддержке совокупного спроса со стороны государства прежде всего в развитых рыночных экономиках (см. рис. 3). После прохождения кризисного периода большинству крупнейших развитых рыночных экономик удалось стабилизировать государственный долг на новом уровне, однако снижения уровня долга удалось достичь лишь Германии. Новые вызовы, связанные с распространением кризиса 2020 г., с высокой долей вероятности приведут к новому резкому наращиванию долговой нагрузки как по линии бюджетно-налоговой политики, так и через увеличение частного долга в условиях низких процентных ставок. Международный валютный фонд прогнозирует увели-

Рисунок 3. Валовой государственный долг (% к ВВП) в странах G7
Figure 3. Gross Public Debt (% of GDP) in G7 Countries

Источник: World Economic Outlook Database as of April 2019: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx>, дата обращения 25.08.2020..

чение валового государственного долга в мировом масштабе с 82,8% ВВП в 2019 г. до 101,5% ВВП в 2020 г. и 103,2% ВВП в 2021 г. [World Economic Outlook 2020, p. 20].

При этом международная составляющая рынка долговых ценных бумаг увеличивалась в посткризисный период, хотя и существенно более низкими темпами, чем до 2008 г., а относительно мирового ВВП объем международных долговых ценных бумаг к погашению после существенного спада в 2010–2011 гг. стабилизировался (см. рис. 4).

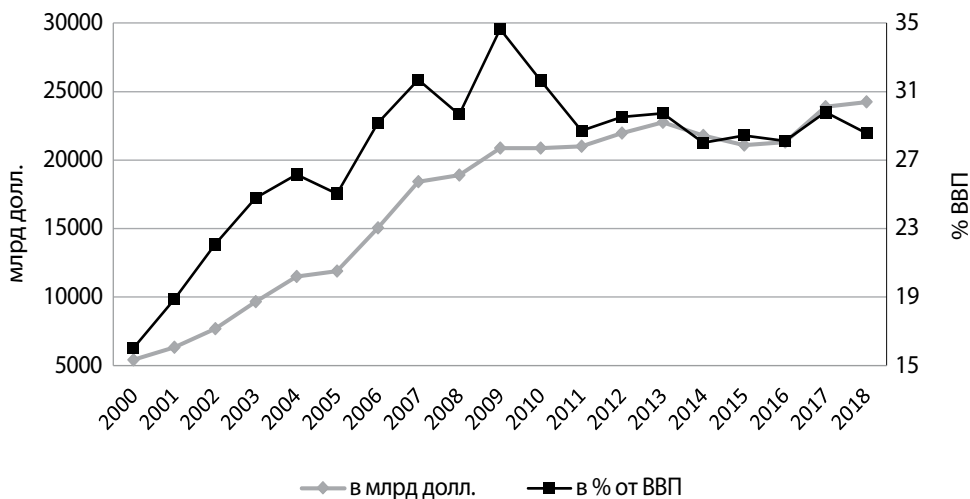
Развитие мирового фондового рынка в XXI веке в целом происходило в рамках выделенных нами в начале ста-

ты периодов. Показатели капитализации и ликвидности мирового рынка акций демонстрировали циклическую динамику. При общем сохранении лидерства США на этом сегменте мирового финансового рынка следует отметить, что рост ликвидности в 2014–2015 гг. обеспечивали также Китай (где «пузырь» на национальном фондовом рынке лопнул в 2015 г.) и Япония⁸. При этом следует отметить, что максимальная волатильность на мировом рынке акций имела место во время глобальных экономических кризисов: в 2008–2009 гг. и 2020 г. (см. рис. 5).

Банковский сектор, как и остальные сегменты мировой финансовой системы, серьезно пострадал после

Рисунок 4. Объем международных долговых ценных бумаг в обращении (на конец периода)

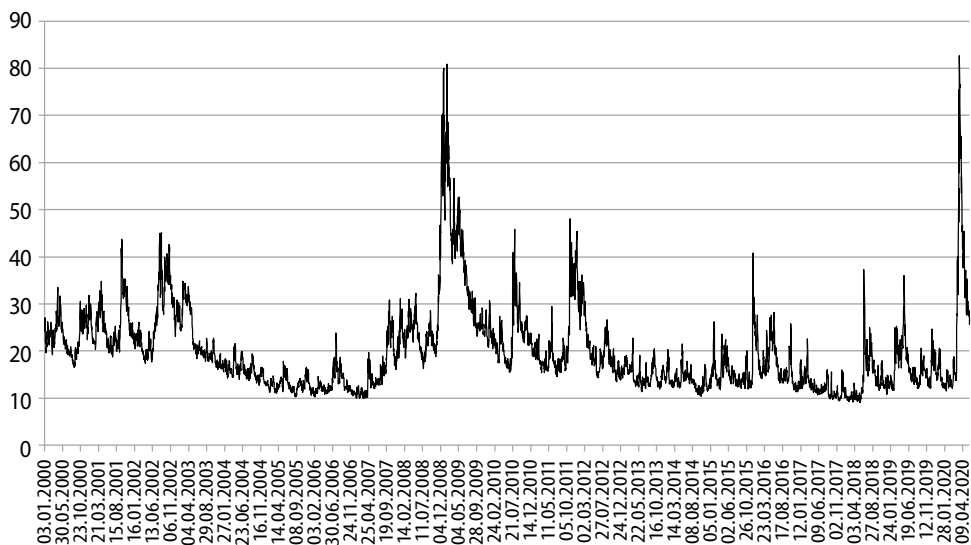
Figure 4. Volume of International Debt Securities in Circulation (at the End of the Year Period)

Источник: Summary of Debt Securities Outstanding // BIS // [http://stats.bis.org/statx/srs/table/c1?p=20174&c=](http://stats.bis.org/statx/srs/table/c1?p=20174&c=,), дата обращения 25.08.2020.

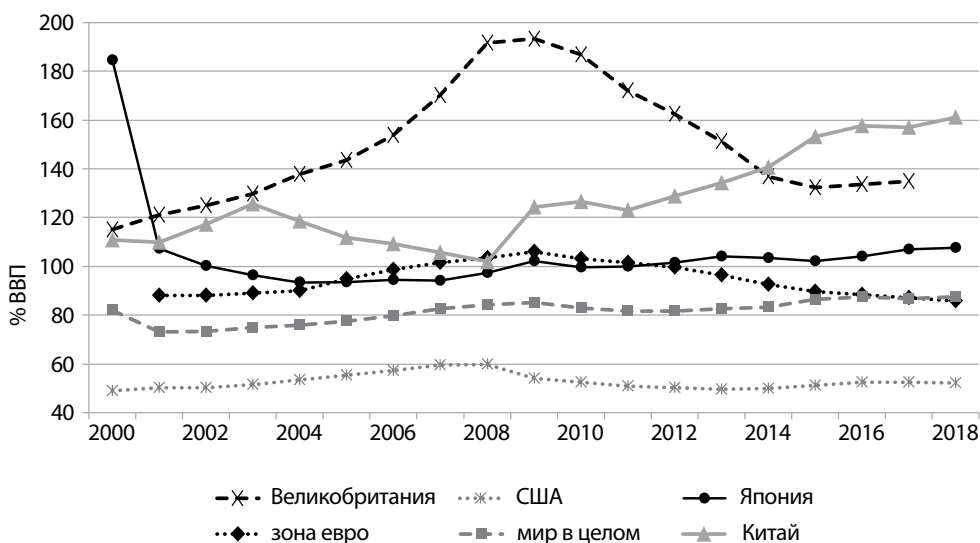
8 Выводы получены на основе анализа статистических данных Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAP.GD.ZS>; <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.TRAD.GD.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

Рисунок 5. Значения индекса VIX в 2000–2020 гг.
Figure 5. The Value of the VIX Index in the Years 2000-2020

Источник: <https://ru.investing.com/indices/volatility-s-p-500-historical-data>, дата обращения 25.08.2020.

Рисунок 6. Банковский кредит частному сектору, % от ВВП
Figure 6. Bank Credit to the Private Sector, % of GDP

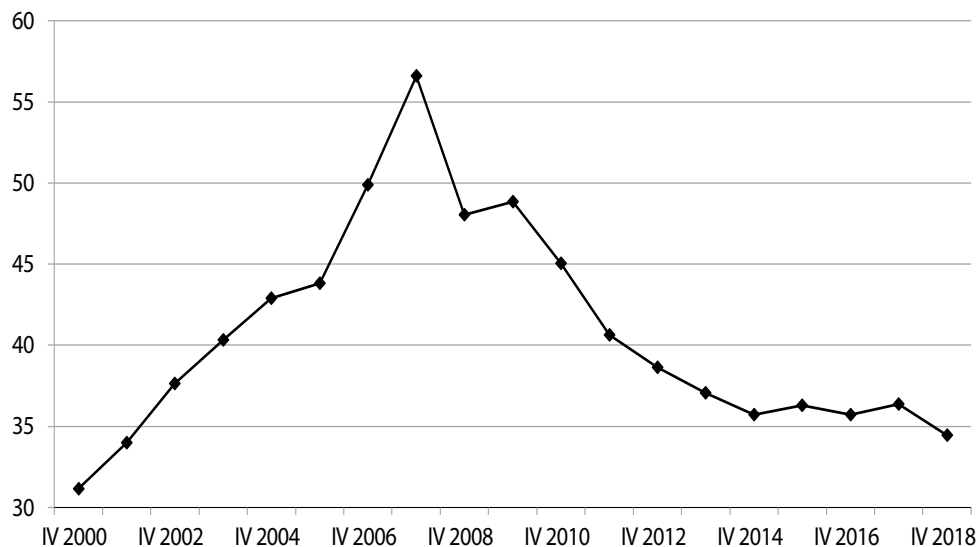
Источник: данные Всемирного банка: <https://data.worldbank.org/indicator/FD.AST.PRVT.GD.ZS>, дата обращения 25.08.2020

глобального экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг., хотя во время самого кризиса получил масштабную поддержку со стороны государства. Это во многом позволило поддержать уровень кредита банковского сектора в кризисный период, но затем соответствующий показатель относительно ВВП стал сокращаться (см. рис. 6). В ряде стран начался этап экономического роста, не сопровождавшийся ростом банковского кредитования, вследствие чего этот период в экономической литературе стали называть периодом бескредитного восстановления. Среди крупнейших развитых рыночных экономик наиболее явно сокращение отношения банковского кредита к ВВП в посткризисный период наблюдалось в Великобритании и зоне евро, несколько менее выражено – в США. В Японии, на-

оборот, в посткризисный период уровень банковского кредита был выше, чем в докризисный. Особого внимания заслуживает Китай, в котором до глобального экономического и финансового кризиса процессы банковского кредитования сдерживались, тогда как в результате кризиса и после него кредитная активность банков существенно увеличилась.

Что касается трансграничной банковской активности, то здесь наблюдается явный водораздел в виде глобального экономического и финансового кризиса (см. рис. 7). Если до него в XXI веке происходил устойчивый рост отношения трансграничных банковских требований к мировому ВВП, то во время кризиса и после – столь же устойчивое снижение. Значение показателя стабилизировалось около отметки 35% лишь к концу 2014 г. Ана-

Рисунок 7. Трансграничные банковские требования, % от мирового ВВП
Figure 7. Cross-border Banking Requirements, % of Global GDP

Источник: рассчитано на основе данных Банка международных расчетов: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/a1?m=S>, дата обращения 25.08.2020.

литики McKinsey Global Institute отмечают, что сокращение трансграничной банковской активности происходило главным образом за счет европейских банков, прежде всего германских, тогда как банки ряда стран (Канады, Китая, Японии) увеличили свою трансграничную активность в посткризисный период [McKinsey 2018]. Таким образом, переключение активности в банковском секторе от европейских банков к азиатским, в большей степени ориентированным на внутренние рынки, повлекло за собой относительное снижение трансграничных банковских требований.

Таким образом, на всех сегментах мирового финансового рынка глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. стал переломным моментом. После него сократились в относительном выражении международные потоки капитала по сравнению с докризисным периодом, спад наблюдался и на международных сегментах финансовых рынков. Между тем в рамках мировой финансовой системы относительно более благоприятная динамика наблюдалась на рынках государственного долга и акций. В целом можно говорить о продолжении смещения в мировой финансовой системе в сторону модели, основанной на рынках ценных бумаг, по сравнению с традиционной банковской моделью. В структуре глобальных дисбалансов произошло усиление позиций развитых стран на обеих сторонах этих дисбалансов. Текущий экономический кризис 2020 г. уже оказал мощное негативное воздействие на рынок акций, хотя пока оно носило краткосрочный характер. В более длительном периоде весьма вероятным будет продолжение тенденции наращивания

долговой нагрузки, в т. ч. по линии государственного долга, как реакция на применяемые в настоящее время стимулирующие меры экономической политики.

Процессы реформирования глобальной финансовой системы

Глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. вскрыл основные проблемы, присущие глобальной финансовой системе. К числу этих проблем можно отнести:

1. Образование «пузырей»⁹ на различных сегментах мирового финансового рынка или, по мнению ряда исследователей, даже в глобальной финансовой системе в целом. Примерами подобных «пузырей» могут служить «кризис доткомов», вылившийся в масштабный кризис на мировом фондовом рынке 2000–2002 гг., кризис на рынке недвижимости в США, ставший «спусковым крючком» для глобального экономического и финансового кризиса в 2007 г. Продолжалось их возникновение и после глобального кризиса: «пузыри» на рынке государственного долга отдельных европейских стран, которые стали очевидны после 2009 г., «пузырь» на фондовом рынке Китая в 2015 г. и др.

Особо следует отметить, что последствия кризисов на финансовых рынках оказывают все более значимое воздействие на экономику в целом, что особенно ярко продемонстрировал глобальный экономический и финансовый кризис.

2. Распространение эффектов «заражения» кризисами между различными странами и группами стран в мировой

9 Понятие «пузыря» мы рассматриваем в русле концепции Ч. Киндлбергера. См., например, [Kindleberger, Aliber 2005].

экономике в условиях глобализации. При этом действие подобных эффектов распространяется не обязательно на экономики со слабыми макроэкономическими показателями – они могут затрагивать и экономики, положение которых выглядит достаточно благополучно [Schmukler et al. 2003]. Во время мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. можно было наблюдать действие эффекта «заражения» в глобальном масштабе. Эффекты «заражения» продолжали действовать и после глобального кризиса. Ярким их примером стал европейский долговой кризис, начавшийся в 2010 г. «Заражение» кризисом в экономическом смысле произошло и в 2020 г. – как через финансовые рынки, так и через остановку глобальных производственных цепочек.

3. Распространение «заражения» в мировой финансовой системе происходит в значительной степени через трансграничные потоки капитала. Их высокая волатильность, наряду с зависимостью от них отдельных стран, формирует макроэкономические риски. Одним из наиболее значимых является риск «остановки потоков капитала» (sudden stop). Мировая финансовая система во время кризиса в 2008–2009 гг. столкнулась с подобной остановкой в глобальном масштабе (см. рис. 1). Повторение такой глобальной остановки потоков капитала (global sudden stop) уже происходит во время текущего экономического кризиса 2020 г., связанного с распространением пандемии COVID-19 [BIS 2020, pp. 1–20].

4. Кроме того, свободное трансграничное движение капитала создает возможность для «межюрисдикционного арбитража», позволяющего обходить регулирующие нормы, установленные на национальном уровне.

Одной из основных форм использования «межюрисдикционного арби-

тража» является активное применение в трансграничных сделках с капиталом низконалоговых офшорных юрисдикций, формирующее риски для осуществления национальной бюджетно-налоговой политики.

5. Распространение новых финансовых инструментов, которые изначально были нацелены на снижение уровня риска в национальных финансовых системах, а впоследствии существенно увеличили этот риск [Некипелов 2010, с. 67]. Речь идет, прежде всего, о производных финансовых инструментах, которые способствовали распространению мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. как между различными сегментами мировой финансовой системы, так и усиливая географический «эффект заражения» (в частности, способствуя перетеканию кризиса из американской в европейскую банковскую систему). Хотя в целом рынок производных финансовых инструментов отличался снижением активности после глобального экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг., в числе новых возможных источников риска аналитики McKinsey Global Institute называют обеспеченные долговые обязательства (collateralized debt obligations – CDO) [McKinsey 2018].

6. Глобальная финансовая система зависит от деятельности узкого круга игроков, определяемых в настоящее время как системно значимые финансовые институты. Эффект, возникший в результате банкротства глобального банка Lehman Brothers 15 сентября 2008 г., всю мировую финансовую систему заставил обратить особое внимание на роль подобных институтов. Тем не менее высокая концентрация игроков на отдельных сегментах глобальной финансовой системы сохранилась. В частности, показательным было исследование Банка международных рас-

четов [Aldasoro, Ehlers 2019], продемонстрировавшее высокий уровень концентрации на рынке трансграничных банковских операций, несмотря на некоторое снижение его относительных объемов, отмеченное нами выше.

Для преодоления накопившихся в глобальной финансовой системе проблем на пике глобального экономического и финансового кризиса был запущен процесс ее реформирования. Этот процесс, как отмечает Л.С. Худякова, фактически возглавили США, которых поддерживали страны ЕС [Худякова 2019, с. 93]. Таким образом, повестка дня реформирования изначально определялась исходя из интересов стран с развитой рыночной экономикой. Между тем санкционировались основные направления реформирования глобальной финансовой системы в рамках «Группы 20», т. е. с участием крупнейших стран с формирующимися рынками.

Выделим основные направления процесса реформирования глобальной финансовой системы, которые оформились в течение посткризисного периода.

1. Основной прогресс наблюдается в области *реформирования мировой банковской системы*, где главным достижением стало принятие и начало имплементации нормативов Базеля III. В рамках этих нормативов не только изменялись подходы к оценке достаточности капитала банков (основное направление в рамках подходов Базеля I и II), но и были введены новые показатели: финансовый рычаг (leverage ratio), коэффициент покрытия ликвидности, требование чистого стабильного финансирования (Net Stable Funding Ratio – NSFR). К стандартному нормативу достаточности капитала (который повысился до 6%) были добавлены буфер консервации капитала (capital conservation buffer) (2,5%) и контрциклический буфер капитала (countercyclical

capital buffer) (до 2,5% в условиях кредитного бума).

В рамках реформирования мировой банковской системы особое внимание уделяется регулированию системно значимых финансовых институтов (как на национальном, так и на глобальном уровне), в отношении которых действует известная характеристика «слишком большие, чтобы обанкротиться». Для подобных институтов Базель III предусматривает введение дополнительной «надбавки» к коэффициенту достаточности капитала, а также использование механизма по абсорбированию убытков (Total Loss Absorbing Capacity – TLAC). Однако внедрение регулирующих норм в отношении национальных и глобальных системно значимых финансовых институтов происходит с трудом и проходит весьма дискуссионно [Худякова 2019, с. 98–99].

2. Еще одним значимым сегментом реформирования стал *рынок внебиржевых производных финансовых инструментов*, который был важным каналом распространения финансовых потрясений во время глобального экономического и финансового кризиса при весьма ограниченном уровне его регулирования. Основными направлениями реформирования в рамках данного сегмента стали централизованный клиринг стандартизованных внебиржевых деривативов; перевод торгов по стандартизованным внебиржевым деривативам на биржи или электронные торговые платформы; подача отчетности в торговые репозитории; более высокие требования к капиталу и маржинальные требования для деривативов, по которым не осуществляется централизованный клиринг [Quarles 2019].

3. Меры, направленные на *регулирование «теневой» банковской деятельности* (shadow banking). Существуют различные подходы к определению «теневой» банковской деятельности (см.

[Худякова 2019, с. 100]), которые по сути можно свести к двум основным направлениям: 1) деятельность, осуществляемая небанковскими организациями, но близкая по экономической сущности к банковской деятельности (узкая трактовка); 2) широкий спектр видов деятельности, осуществляемых небанковскими финансовыми организациями, в т. ч. затрагивающий конкурирующие с банками сферы деятельности (широкая трактовка). Различия в подходах можно объяснить «лакунами» в регулировании, которые возникли при осуществлении реформы мировой финансовой системы. Как мы показали выше, реформой были затронуты главным образом банковский сегмент и рынок внебиржевых производных финансовых инструментов. Соответственно, появление межсекторального регулятивного арбитража способствовало расширению активности небанковских финансовых посредников, что можно наблюдать, например, в опережающем росте рынков ценных бумаг по сравнению с традиционными банковскими операциями в посткризисный период (см. выше). Наличие подобного регулятивного арбитража, с одной стороны, создает относительно неблагоприятную среду для одной группы экономических агентов (банков), а с другой – формирует возможности для образования рисков в других сегментах финансовой системы. Преодолением сложившейся ситуации может стать расширение числа сегментов мировой финансовой системы, на которые распространяется процесс реформирования и регулирования.

4. Были приняты меры, направленные на *борьбу с использованием офшорных юрисдикций*. Они принимались

как на национальном уровне (например, закон 2010 г. о зарубежных счетах в США), так и на уровне ЕС (Директива 2016/1164 по противодействию уклонению от уплаты налогов, прямо влияющему на функционирование внутреннего рынка, принята 12 июля 2016 г.) и международных организаций – разработанный в рамках ОЭСР и одобренный на саммите «Группы 20» в Санкт-Петербурге в 2013 г. «План действий по борьбе с размыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения»¹⁰.

5. Намечились перспективные направления реформирования глобальной финансовой системы, к числу которых относятся ответы на технологические (направление, связанное с финтехом), климатические и социальные вызовы. В области развития финансовых технологий возникает широкий спектр вызовов, связанных с формированием новых игроков (онлайн-платформы), которые выходят за пределы действующего регулирования [Худякова 2019, с. 104], распространением криптовалют, рынки которых подвержены образованию «пузырей». В то же время распространение подобных технологий способно существенно снизить издержки финансового посредничества. Предложения по реформированию глобальной финансовой системы с учетом концепции устойчивого развития были подготовлены Программой ООН по окружающей среде [The Financial System We Need. From Momentum to Transformation 2016].

Таким образом, в отдельных сегментах мировой финансовой системы был достигнут существенный прогресс в реформировании. Не случай-

10 Хейфец Б.А. (2016) Антиофшорная политика международного сообщества: реакция на «панамские документы» // Общество и экономика. № 12. С. 5–17 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27544271_86588113.pdf, дата обращения 25.08.2020.

но отмечалось, что к текущему экономическому кризису, связанному с распространением пандемии COVID-19, в 2020 г. мировая банковская система подошла в более устойчивом состоянии, чем к глобальному экономическому и финансовому кризису 2008–2009 гг. [COVID-19 Pandemic 2020]. Однако основные направления реформирования были ограничены банковским сектором, рынком внебиржевых деривативов и борьбой с офшорными юрисдикциями и их использованием. Значительные сферы глобальной финансовой системы, например рынок ценных бумаг, были затронуты процессами реформирования лишь косвенно (главным образом через регулирование системно значимых финансовых институтов или «теневой» банковской деятельности). В результате начал развиваться межсекторальный регулятивный арбитраж. Кроме того, в процессе реформирования практически не была учтена специфика стран с формирующимися рынками, которые в итоге имплементировали реформы, актуальные для развитых стран. Тем самым, с одной стороны, они проводили не очень актуальные для своих финансовых систем меры (например, по регулированию рынка внебиржевых производных финансовых инструментов), но одновременно не решали важных для себя проблем, например, связанных с высокой волатильностью международного движения капитала. Весьма вероятно, что новый мировой экономический кризис 2020 г. с некоторым лагом повлечет за собой активизацию процессов реформирования мировой финансовой системы.

Трансформация глобальной финансовой архитектуры

Ключевыми институтами мировой финансовой системы со времени Бреттон-Вудских соглашений являются Международный валютный фонд и Всемирный банк. Кроме того, к числу «старых» институтов, играющих важную роль в регулировании мировой финансовой системы, следует отнести также Банк международных расчетов.

Глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. и последовавшие процессы реформирования мировой финансовой системы привели к некоторым сдвигам в структуре институтов глобальной финансовой архитектуры. На первый план в формировании и продвижении повестки реформирования вышла «Группа 20» (G20), что ознаменовало собой, по крайней мере, формальное, включение стран с формирующимися рынками в процесс принятия решений на глобальном уровне. В результате «Группа 20» стала своеобразным «хабом» в системе глобального управления [Ларионова, Шелепов 2019, с. 50], тесно взаимодействуя с традиционными институтами регулирования мировой финансовой системы и вновь созданными институтами, речь о которых пойдет ниже. На саммитах «Группы 20» фактически вырабатывается и принимается «повестка дня» реформирования мировой финансовой системы.

Под воздействием последствий глобального экономического и финансового кризиса в 2009 г. был создан новый орган, нацеленный на координацию практической реализации мер по реформированию мировой финансовой системы – Совет по финансовой стабильности¹¹.

11 Фактически Совет является преобразованным Форумом по финансовой стабильности, который был сформирован в 1999 г. Сейчас Совет представляет собой ассоциацию, в которую входят 24 страны и объединение стран (Европейский союз), международные финансовые институты и организации, занимающиеся разработкой правил и стандартов в отдельных сегментах мировой финансовой системы: <https://www.cbr.ru/today/ms/smo/fsb/>, дата обращения 25.08.2020.

Внутри «Группы 20» образовалось объединение БРИКС, которое фактически было нацелено на продвижение позиции стран с формирующимися рынками в рамках реформирования глобальной финансовой системы.

Активное обсуждение необходимости реформирования глобальной финансовой архитектуры началось уже на рубеже веков, но значительной реформы на тот момент проведено не было. Новым стимулом для реформирования «традиционных» институтов стал глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг.

Одним из направлений реформы системы управления МВФ стало принятие в 2008 г. новой формулы расчета квоты [Дегтярев 2016, с. 80], которая была призвана отчасти отразить позицию стран с формирующимися рынками (за счет включения в показатель ВВП с весом 40% ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности валют, и показателя валютных резервов с весом 5%). Между тем удалось сохранить лидирующую роль развитых стран, главным образом за счет применения показателей волатильности и открытости, а также сохранения в показателе ВВП с весом в 60% ВВП по официальным валютным курсам. Результаты реформы 2008 г. выразились в некотором снижении доли квот в МВФ развивающихся стран и стран с формирующимися рынками (до 36,5%) [Трошин 2017, с. 190].

Наиболее значимую роль к настоящему моменту сыграл 14-й пересмотр квот МВФ. Он был призван решить задачу, которую не была решена в рамках предыдущего пересмотра, – увеличение роли развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в общей

системе квот. Вместе с тем было принято еще одно важное решение об общем удвоении квот (до 477 млрд СДР), что позволило увеличить общие ресурсы МВФ, необходимые для расширения кредитных программ. В результате 14-го пересмотра квот доля развивающихся стран и стран с формирующимися рынками выросла до 42,4%. В процессе разработки и принятия этого пересмотра важную роль сыграли страны БРИКС, которые выступили в его поддержку на саммите «Группы 20» в Сеуле в 2010 г. [Ларионова, Шелепов 2019, с. 54]. Однако из-за позиции США принятие 14-го пересмотра квот откладывалось до января 2016 г., когда он наконец вступил в силу. Между тем многие страны, особенно относящиеся к группе стран с формирующимися рынками и развивающихся стран, особенно Китай, остались недовольны результатами 14-го пересмотра квот и возлагали надежды на 15-й пересмотр. Тем не менее, вновь из-за позиции США, 15-й пересмотр квот фактически закончился безрезультатно. И теперь страны с формирующимися рынками переносят свои ожидания на 16-й пересмотр квот [Brasilia Declaration 2019].

Сохранение за США после всех проведенных пересмотров квот более 15% голосов фактически оставляет за ними право вето и особую роль в МВФ [Дегтярев 2016, с. 81]. Очевидно, что США не готовы расстаться с этой особой ролью и, возможно, ради этого пойдут на пересмотр формулы квот, в рамках которого есть возможность для заключения различных коалиций¹².

Процесс реформирования Группы Всемирного банка привлекал существенно меньше внимания. Тем не

12 Различные варианты подобного пересмотра обсуждаются, например, в [Трошин 2017, с. 192].

13 Термин, используемый в рамках Группы Всемирного банка.

14 World Bank Reforms Voting Power, Gets \$86 Billion Boost (2010) // The World Bank, April 25, 2010 // <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2010/04/25/world-bank-reforms-voting-power-gets-86-billion-boost>, дата обращения 25.08.2020.

менее отдельные институты в рамках Группы также увеличили свой капитал и произошло некоторое перераспределение голосов. В апреле 2010 г. было принято решение об увеличении на 86,2 млрд долл. капитала Мирового банка реконструкции и развития (МБРР), в т. ч. оплаченного капитала на 5,1 млрд долл. Параллельно на 3,13 процентных пункта (до 47,19%) была увеличена доля в общих голосах стран с переходной экономикой и развивающихся стран¹³. Капитал Международной финансовой корпорации (МФК) было решено увеличить на 200 млн долл., а долю в голосах стран с переходной экономикой и развивающихся стран – на 6,07 процентных пункта (до 39,48%)¹⁴. В наибольшей степени от этой реформы выиграли Китай, Южная Корея, Турция и Мексика [Vestergaard 2011, p. 38]. В апреле 2018 г. было принято решение о дальнейшем увеличении капитала МБРР (на 60,1 млрд долл., в т. ч. на 7,5 млрд долл. оплачиваемого капитала) и МФК (на 5,5 млрд долл. оплачиваемого капитала) и перераспределении голосов¹⁵.

Недовольство стран с формирующимися рынками тем, что они фактически устранены от принятия ключевых решений в традиционных финансовых институтах (МВФ, Группа Всемирного банка), приводит к тому, что они начинают формировать собственные финансовые институты. В первую очередь следует отметить реализованные инициативы стран БРИКС в части

создания Нового банка развития и Пула условных валютных резервов.

Новый банк развития БРИКС, разрешенный к выпуску капитал которого составляет 100 млрд долл. (оплаченный капитал – 10 млрд долл.), представляет собой первый крупный многосторонний банк развития, полностью контролируемый странами с формирующимися рынками¹⁶. Хотя в перспективе возможно расширение числа стран-участниц банка, страны, основавшие его, в любом случае сохранят за собой контрольный пакет. Банк официально начал функционировать в 2015 г., а к настоящему времени уже имеет 42 одобренных проекта общей стоимостью 11,6 млрд долл.¹⁷

Пул условных валютных резервов (Contingent Reserve Arrangement – CRA) также был создан в 2015 г. К настоящему времени были проведены две тестовые операции, однако фактически Пул не начал выполнение своих основных функций – поддержку валютных курсов стран-участниц в кризисных ситуациях. Пул условных валютных резервов по сути представляет собой систему соглашений своп в иностранной валюте между странами-участницами и дополняет систему других подобных соглашений, действующих в настоящее время¹⁸.

Иногда инициативы БРИКС рассматривают как альтернативу существующим международным финансовым институтам, в частности, МВФ и Группе

15 World Bank Group Shareholders Endorse Transformative Capital Package (2018) // The World Bank, April 21, 2018 // <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/04/21/world-bank-group-shareholders-endorse-transformative-capital-package>, дата обращения 25.08.2020.

16 При этом следует отметить, что у всех стран-основательниц равные доли в капитале.

17 Банк БРИКС одобрил новые проекты в Индии, России и ЮАР на \$1,4 млрд (2019) // ТАСС. 16 сентября 2019 // <https://tass.ru/ekonomika/6889012>, дата обращения 25.08.2020.

18 Например, систему двусторонних соглашений валютного свопа Федеральной резервной системы с центральными банками других стран, которая действовала во время глобального экономического и финансового кризиса в 2008–2009 гг. и была запущена вновь во время текущего кризиса 2020 г., а также Инициативу Чианг Май, которая с 2009 г. носит многосторонний характер и представляет собой систему валютных свопов между странами Восточной и Юго-Восточной Азии, в т. ч. с участием Китая.

пе Всемирного банка. Однако на практике институты, созданные в рамках БРИКС, встроены в существующую систему международных финансовых институтов.

Таким образом, несмотря на проведенные реформы и появление новых международных организаций, играющих важную роль в реформировании мировой финансовой системы («Группа 20», Совет по финансовой стабильности, БРИКС), в целом основы глобальной финансовой архитектуры, существовавшие во второй половине XX века, продолжают сохраняться. М.В. Ларионова и А.В. Шелепов высказали интересный тезис, что фактически создание «Группы 20», которое происходило под эгидой США, позволило сохранить существующую систему институтов глобального финансового управления и избежать коренной перестройки системы [Ларионова, Шелепов 2019, с. 52]. Тем не менее происходит постепенное усиление позиций стран с формирующимися рынками в глобальной финансовой архитектуре, в т. ч. через создание ими системы параллельных финансовых институтов (Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Пул условных валютных резервов). В то же время развитые страны продолжают сохранять контроль за традиционными международными финансовыми институтами.

Глобальный экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг., ставший на настоящий момент основным рубежом в рамках трансформации глобальной финансовой системы, привел к сокращению международных потоков капитала и связанной с этим дискуссии относительно начала деглобализации мировой экономики. В структуре глобальной финансовой системы, в т. ч. под влиянием проводившихся в ней реформ, произошел сдвиг

от рынков банковских услуг к рынкам ценных бумаг, в целом продолживший тенденции, которые проявились и до кризиса. Реформирование глобальной финансовой системы привело к снижению ряда рисков ее функционирования, но сохранило возможность появления рисков на отдельных сегментах (рынка акций, рынка долговых ценных бумаг). В условиях текущего глобального экономического кризиса 2020 г. особую остроту приобретает проблема наращивания глобальной долговой нагрузки. Получили развитие новые вызовы для глобальной финансовой системы, связанные с развитием технологий, в то же время делаются попытки построить в целом сбалансированную модель мировой экономики, в которой финансовая система решала бы глобальные экономические задачи (например, устойчивого развития). Вместе с тем действующая система глобальной финансовой архитектуры, хотя постепенно трансформируется, но в целом остается неизменной и в большей степени отражает реалии предшествовавшего этапа развития глобализации. Одним из серьезных вызовов остается усиление роли стран с формирующимися рынками в глобальной финансовой архитектуре.

Список литературы

Дегтярев Д.А. (2016) Политическое влияние в международной финансовой системе // Вестник международных организаций. Т. 11. № 4. С. 77–105 // https://iorj.hse.ru/data/2016/12/14/1111732297/%D0%94.%D0%90.%20%D0%94%D0%B5%D0%B3%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2_14.12.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Звонова Е.А., Ершов М.В., Кузнецов А.В., Навой А.В., Пищик В.Я. (2016) Реформирование мировой финансовой

архитектуры и российский финансовый рынок. М.: РУСАЙНС.

Ларионова М.В., Шелепов А.В. (2019) «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 48–71. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-03

Миркин Я.М. (2019) Глобальные финансы: будущее, вызовы роста (при участии Т.В. Жуковой, А.В. Комовой, М.М. Кудиновой). М.: Лингва-Ф.

Некипелов А.Д. (2010) Причины и развитие мирового экономического кризиса // Некипелов А.Д., Головин М.Ю. (ред.) Новые вызовы для денежно-кредитной политики в современных условиях. Книга 1. Взгляд из России. М.: Институт экономики РАН.

Трошин Н.Н. (2017) Реформы Международного валютного фонда и интересы России // Россия: тенденция и перспективы развития. Т. 12. Ч. 2. С. 189–192.

Худякова Л.С. (2019) Десять лет глобальной реформе финансового регулирования: что впереди? // Вестник МГИМО-Университета. Т. 12. № 5. С. 91–113. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-91-113

A Decade after Global Financial Crisis: What Has (and Hasn't) Changed (2018) // McKinsey Global Institute Briefing Note. September 2018 // <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Financial%20Services/Our%20Insights/A%20decade%20after%20the%20global%20financial%20crisis%20What%20has%20and%20hasnt%20changed/MGI-Briefing-A-decade-after-the-global-financial-crisis-What-has-and-hasnt-changed.ashx>, дата обращения 25.05.2020.

Aldasoro I., Ehlers T. (2019) Concentration in Cross-border Banking // BIS Quarterly Review. June 2019 // https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt-1906b.htm, дата обращения 25.05.2020.

BIS Annual Economic Report (2020) // <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2020e.htm>, дата обращения 25.05.2020.

Borio C., Disyatat P. (2011) Global Imbalances and the Financial Crisis: Link or no Link? // BIS Working Papers. No. 346.

Brasilia Declaration (2019) // 11th BRICS Summit, November 14, 2019 // <http://en.kremlin.ru/supplement/5458>, дата обращения 25.05.2020.

Bussiere M., Schmidt J., Valla N. (2016) International Financial Flows in the New Normal: Key Patterns (and Why We Should Care) // EIB Working Papers. No. 2 // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/144175/1/863303153.pdf>, дата обращения 25.05.2020.

Clayes G., Demertzis M., Efstathiou K., Raposo I.G., Huettl P., Lehmann A. (2017) Analysis of Developments in EU Capital Flows in the Global Context. Taking the Perspective of the Capital Market Union // Bruegel Final Report. FISMA/2016/032/B1/ST/OP. European Commission. November 2017 // http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/01/171215study-bruegel-capital-flows_en.pdf, дата обращения 25.05.2020.

COVID-19 Pandemic: Financial Stability Implications and Policy Measures Taken (2020) // FSB, April 15, 2020 // <https://www.fsb.org/2020/04/covid-19-pandemic-financial-stability-implications-and-policy-measures-taken/>, дата обращения 25.05.2020.

Kindleberger Ch.P., Aliber R. (2005) Manias, Panics, and Crashes, Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.

Obstfeld M. (2018) Twenty-Five Years of Global Imbalances // Sustaining Economic Growth in Asia (eds. Cohen-Setton J., Helbling T., Posen A., Rhee C.), Peterson Institute for International Economics.

Quarles R.K. (2019) The Financial Stability Board at 10 Years – Looking Back and Looking Ahead // Speech at the European Banking Federation's Banking Sum-

mit “Building A Positive Future For Europe” // <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/S031019.pdf>, дата обращения 25.05.2020.

Progress in Implementation of G20 Financial Regulatory Reforms (2019) // FSB, June 25, 2019 // <https://www.fsb.org/2019/06/progress-in-implementation-of-g20-financial-regulatory-reforms/>, дата обращения 25.05.2020.

Schmukler S.L., Zoido P., Halac M. (2003) Financial Globalization, Crisis, and Contagion // Background Paper for the Globalization World Bank Policy Research Report.

The Financial System We Need. From Momentum to Transformation (2016) // UNEP. October 2016 // http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/The_Financial_System_We_Need_From_Momentum_to_Transformation.pdf, дата обращения 25.05.2020.

Vestergaard J. (2011) The World Bank and the Emerging World Order. Adjusting to Multipolarity at the Second Decimal Point // Danish Institute for International Studies (DIIS) Report. No. 5.

World Economic Outlook Update. June 2020 (2020), Washington DC; International Monetary Fund.

From the Point of Economic

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-4

Transformation of the Global Financial System in the First Two Decades of the Twenty-first Century

Mikhail Yu. GOLOVNIN

Corresponding Member RAS, DSc in Economics, Deputy Director
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117418, Nakhimovsky Av.,
32, Moscow, Russian Federation
E-mail: mg-inecon@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6687-0744

CITATION: Golovnin M.Yu. (2020) Transformation of the Global Financial System in the First Two Decades of the Twenty-first Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 74–96 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-4

Received: 09.07.2020.

ABSTRACT. The article analyzes the changes that have occurred in the global financial system in the XXI century. Moreover, the study covers the global financial system in its integrity as a combination of different financial markets and international financial institutions. Based on the analysis of statistical data, it is shown that the global economic and financial crisis of 2007–2009 led to a reduction in international capital flows, a change in their structure (towards an increase in the share of foreign direct investment) and a decrease in cross-border financial activity. In the post-crisis period, government debt and equity markets developed relatively more dynamically, while banking activity was restrained, including as a result of intersectoral arbitrage caused by international financial system reforms. The process of reforming the global financial system has reduced risks in certain segments of the global financial market (banking services markets, over-the-counter derivatives), but retained relatively less regulated segments that may be

subject to risks of financial shocks. Changes in the global financial architecture have led to the formal involvement of emerging markets in the process of reforming the global financial system (through the Group of 20) and to some strengthening of the supranational component of regulation. However, in general, the interests of countries with emerging markets both in the reform processes and in the construction of the global financial architecture are not fully taken into account.

KEY WORDS: international financial system, global financial architecture, international banking system, international securities markets, cross-border capital flows.

References

A Decade after Global Financial Crisis: What Has (and Hasn't) Changed (2018). McKinsey Global Institute Briefing Note. September 2018. Available at:

<https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Financial%20Services/Our%20Insights/A%20decade%20after%20the%20global%20financial%20crisis%20What%20has%20and%20hasnt%20changed/MGI-Briefing-A-decade-after-the-global-financial-crisis-What-has-and-hasnt-changed.ashx>, accessed 25.05.2020.

Aldasoro I., Ehlers T. (2019) Concentration in Cross-border Banking. *BIS Quarterly Review*. June 2019. Available at: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1906b.htm, accessed 25.05.2020.

BIS Annual Economic Report (2020). Available at: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2020e.htm>, accessed 25.05.2020.

Borio C., Disyatat P. (2011) Global Imbalances and the Financial Crisis: Link or no Link? *BIS Working Papers*. No. 346.

Brasilia Declaration (2019). *11th BRICS Summit*, November 14, 2019. Available at: <http://en.kremlin.ru/supplement/5458>, accessed 25.05.2020.

Bussiere M., Schmidt J., Valla N. (2016) International Financial Flows in the New Normal: Key Patterns (and Why We Should Care). *EIB Working Papers*. No. 2. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/144175/1/863303153.pdf>, accessed 25.05.2020.

Clayes G., Demertzis M., Efstathiou K., Raposo I.G., Huettl P., Lehmann A. (2017) Analysis of Developments in EU Capital Flows in the Global Context. Taking the Perspective of the Capital Market Union. *Bruegel Final Report*. FIS-MA/2016/032/B1/ST/OP. European Commission. November 2017. Available at: http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/01/171215study-bruegel-capital-flows_en.pdf, accessed 25.05.2020.

COVID-19 Pandemic: Financial Stability Implications and Policy Measures Taken (2020). *FSB*, April 15, 2020. Available at: <https://www.fsb.org/2020/04/covid-19-pandemic-financial-stability-implications-and-policy-measures-taken/>, accessed 25.05.2020.

Degterev D.A. (2016) Political Influence in the International Financial System. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 4, pp. 77–105. Available at: https://iorj.hse.ru/data/2016/12/14/1111732297/%D0%94.%D0%90.%20%D0%94%D0%B5%D0%B3%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2_14.12.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Khudyakova L.S. (2019) Ten Years of Global Financial Regulatory Reform: What Lies Ahead? *MGIMO Review of International Relations*, vol. 12, no 5, pp. 91–113 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-91-113

Kindleberger Ch.P., Aliber R. (2005) *Manias, Panics, and Crashes*, Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.

Larionova M.V., Shelepov A.V. (2019) G20, BRICS and G7 in Global Economic Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 48–71 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-03

Mirkin Y.M. (2019) *Global Finance: Future, Challenges for Growth* (in co-authorship with T.V. Zhukova, A.V. Komova, M.M. Kudinova), Moscow: Lingua-F (in Russian).

Nekipelov A.D. (2010) Causes and Development of the Global Economic Crisis. *New Challenges for Monetary Policy in Modern Conditions*. Book 1. A View from Russia (eds. Nekipelov A.D., Golovnin M.Yu.), Moscow: Institute of Economics (in Russian).

Obstfeld M. (2018) Twenty-Five Years of Global Imbalances. *Sustaining Economic Growth in Asia* (eds. Cohen-Setton J., Helbling T., Posen A., Rhee C.), Peterson Institute for International Economics.

Quarles R.K. (2019) The Financial Stability Board at 10 Years – Looking Back and Looking Ahead. *Speech at the European Banking Federation's Banking Summit "Building A Positive Future For Europe"*. Available at: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/S031019.pdf>, accessed 25.05.2020.

Progress in Implementation of G20 Financial Regulatory Reforms (2019). FSB, June 25, 2019. Available at: <https://www.fsb.org/2019/06/progress-in-implementation-of-g20-financial-regulatory-reforms/>, accessed 25.05.2020.

Schmukler S.L., Zoido P., Halac M. (2003) Financial Globalization, Crisis, and Contagion. *Background Paper for the Globalization World Bank Policy Research Report*.

The Financial System We Need. From Momentum to Transformation (2016). UNEP. October 2016. Available at: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/The_Financial_System_We_Need_From_Momentum_to_Transformation.pdf, accessed 25.05.2020.

Troshin N.N. (2017) International Monetary Fund Reforms and Russia's Interests. *Russia: Development Trends and Prospects*, vol. 2, part 2, pp. 189–192 (in Russian).

Vestergaard J. (2011) The World Bank and the Emerging World Order. Adjusting to Multipolarity at the Second Decimal Point. *Danish Institute for International Studies (DIIS) Report*. No. 5.

World Economic Outlook Update. June 2020 (2020), Washington DC; International Monetary Fund.

Zvonova E.A., Ershov M.V., Kuznetsov A.V., Navoj A.V., Pischik V.Ya. (2016) *Reforming the International Financial Architecture and Russian Financial Market*, Moscow: RUSAINS (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф

Яков Моисеевич МИРКИН

доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом международных рынков капитала

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, ул. Профсоюзная, д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: yakov.mirkin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2507-9811

ЦИТИРОВАНИЕ: Миркин Я.М. (2020) Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Статья поступила в редакцию 01.07.2020.

АННОТАЦИЯ. Дана характеристика сверхволатильной «экономики катастроф», в которой растет число шоков, вызванных природными и техногенными бедствиями. Раскрыты факторы формирования такой экономики на глобальном уровне. Сделан обзор дискуссий о будущем мира (экономика, финансы) после пандемии 2020 г. Прогнозируются новые долгосрочные тренды, возникающие в такой экономике, и связанные с ними глубокие изменения в экономических и финансовых структурах мира и Запада. В число таких трендов входят: автономизация домашних хозяйств и, соответственно, изменение их спроса (рост запасов, резервов, снижение спроса на аренду активов, большие стремления к личной собственности, к приобретению оборудования и технологий, обеспечивающих автономизацию, развитие домашних офисов и переход к другой модели жизни, а именно “большие дома - меньше офиса”); цифровизация до-

машинных хозяйств; все большая индивидуализация спроса на продукты и услуги; деагломерация («одно-двухэтажная страна»); рост мобильности; увеличение спроса на товары и услуги, связанные с защитой жизни и здоровья. Раскрыты в деталях глобальные тренды в экономическом/финансовом поведении стран: протекционизм; дирижизм; политика государства «экономика на аппарате искусственного дыхания»; изменения в экономической идеологии, в ее «мэйнстриме»; неизбежное появление концепции «экономической жертвы»; рост волатильности мировой экономики и глобальных финансов. В частности, впереди – разработка идеологии «экономики страха», демонстрация нового баланса между коллективизмом и индивидуализмом, переоценка моделей капитализма, существующих в разных странах, идеологическая революция в глобальных финансах. Показаны возможности неблагоприятного сценария в мировой экономике и

жесткий вызов, на который еще нужно ответить: впереди развитие или деструкция?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальные финансы, мировая экономика, мир после пандемии, природные бедствия, риски, структурные изменения, экономика катастроф

В последние годы крупные катастрофы стали одним из факторов, заметно влияющих на мировую экономику и глобальные финансы. Стали формироваться представления о том, что это не уникальные, разовые «черные лебеди», а постоянные явления, включенные в повседневную жизнь обществ и формирующие ее в числе других факторов. Особенно ярко это показала пандемия, создавшая в первом полугодии 2020 г. необычный, непривычный «порядок вещей» в мире.

В этой связи объектом исследования являются изменения, которые могут сложиться в мировой экономике и глобальных финансах под воздействием последовательно возникающих крупных катастроф и бедствий, которые становятся еще одной «нормальностью».

В центр статьи поставлены следующие проблемы: 1) возможно ли предположить, что в мире складывается «экономика катастроф», в которой последние являются включенным элементом, вызывающим крупнейшие структурные изменения; 2) какими могут быть структурные изменения / длительные, масштабные тренды в мировой экономике и глобальных финансах, если это предположение окажется правильным.

Статья сформирована как прогноз, предвидение, многие факты/тренды только формируются, они еще не полностью проявили себя во времени. Сделан акцент на самых ярких, в них только предстоит еще утвердиться, уложить их в системные представления об архитектуре экономики и финансов мира.

Все это обязательно будет осуще-ствлено в будущих исследованиях.

Сегодня же важно выхватить, хотя бы перечислить наиболее крупные структурные изменения, вызванные «экономикой катастроф», и обосновать их с точки зрения причинно-следственных связей, которые формируют их или могут сформировать.

«Катастрофическая» среда экономики

Растет число шоков в мировой экономике, вызванных масштабными катастрофами (природными или появившимися «под человеческим воздействием»).

Эти катастрофы – не вполне «черные лебеди». Они отчасти поддаются предвидению¹. Можно оценить границы, в пределах которых будет колебаться количество катастроф (табл. 1). Со временем можно будет статистически оценить вероятности шоков, по масштабам последствий адекватных пандемии 2020 г. Уже сейчас делаются такие попытки. По расчетам Deutsche Bank (июнь 2020 г.), – вероятность 1 к 3, что в течение следующих 10 лет произойдет один из следующих шоков: пандемия (число смертей – более чем 2 млн человек), вулканическое извержение, имеющее глобальные катастро-

¹ «Катастрофы и бедствия» (понятие, часто используемое в международной аналитике) объединено в статье термином «катастрофа». Взяты определения, используемые для их учета в университетской базе данных EM-DAT, CRED / UCLouvain, Brussels, Belgium): www.emdat.be.

фические последствия, сверхмощная вспышка на солнце, глобальная война [Reid, Templeman, Allen 2020].

Статистика крупных бедствий и катастроф (табл. 1) ведется с 1900 г. В первые десятилетия такие случаи единичны (что, по оценке, связано с утратой со временем информации, ее публичной недоступностью, локальностью наблюдений).

В этой связи табл. 1 содержит данные с 1961 г. Даже если по тем же соображениям (потеря части информации) вести отчет с начала 1980-х гг. (более-менее полный объем глобальных наблюдений), то видны: 1) нарастание числа событий (крупных бедствий и катастроф) с максимумами в ± 5 лет

вокруг 2000 г.; 2) ежегодное число таких событий в последние четверть века колеблется в пределах 500–800. Число природных катастроф (вода, воздух, огонь) выросло в 1980–2019 гг. в 4 раза [Facts + Statistics 2020].

Размеры застрахованных экономических потерь от катастроф и бедствий, как природных, так и вызванных человеческим воздействием, выросли в 1980-х – 2019 гг. примерно в 8 раз (в среднем за год, в ценах 2019 г.) [Global Catastrophes 2019].

Все это показывает, что мировая экономика находится под постоянными, растущими рисками «черных лебедей» («черных» – для тех, кто не пытается их наблюдать, не считают их рис-

Таблица 1. Динамика значимых катастроф и бедствий, единиц
Table 1. Dynamics of Significant Disasters and Disasters, Units

Годы	Геофизические	Климатологические	Гидрологические	Метеорологические	Эпидемиологические	Техногенные	Всего событий
1961–1965	31	26	77	93	11	42	280
1966–1970	72	47	130	130	28	63	470
1971–1975	36	29	116	134	6	114	435
1976–1980	110	79	206	191	49	186	821
1981–1985	110	97	292	284	43	267	1093
1986–1990	133	83	358	415	91	845	1925
1991–1995	166	87	469	452	109	924	2207
1996–2000	152	185	664	519	372	1303	3195
2001–2005	198	161	900	685	311	1748	4003
2006–2010	151	122	1046	575	204	1303	3401
2011–2015	159	128	813	609	108	1032	2849
2016–2020 (июнь)	124	104	741	512	110	725	2316

Источник: Расчеты автора на основе базы данных EM-DAT, CRED / UCLouvain, Brussels, Belgium // www.emdat.be (D. Guha-Sapir). Version: 2020-06-15 (University of Louvain, Centre for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED), The International Disaster Database).

Примечание: Геофизические – землетрясения, вулканические извержения, цунами, оползни, обрушения; гидрологические – наводнения, оползни берегов; климатологические – природные пожары, засухи; метеорологические – штормы, периоды экстремальной жары / холода, торнадо, ураганы, град; эпидемиологические – бактериальные и вирусные эпидемии, пандемии; техногенные – взрывы, пожары, крушения, авиакатастрофы, разрушения мостов и других конструкций и т. п.

ки). Системно значимые события глобального масштаба, обладающие особенной силой влияния, происходят, по оценке, не менее чем 2–3 раза в десятилетие (без учета войн).

Причины роста рисков катастроф. Одной из причин обычно считается **глобальное потепление**. С доиндустриального периода (1850–1900 гг.) до настоящих дней температура приземного воздуха выросла на 2 градуса [2020 Intergovernmental Panel 2020, р. 8]. Экспансия в использовании земли для производства продовольствия (с 1961 г. его поставки на душу населения увеличились на 1/3) привела к росту эмиссии парниковых газов, потере природных экосистем, сокращению биологического разнообразия. Около 1/4 площади земли, свободной от льда, подвержена деградации, вызванной человеческим факто-

ром. В 1961–2013 гг. площадь земель, подверженных засухам, росла со скоростью чуть больше 1% в год [2020 Intergovernmental Panel 2020, р. 7]. Происходят глобальное опустынивание, эрозия почвы. Увеличились частота и интенсивность экстремальных природных событий (в т. ч. пожары, волны высоких температур, ливневые дожди и т. п.) [2020 Intergovernmental Panel 2020, pp. 9, 17]. Смещаются климатические зоны. Изменились максимумы и минимумы температур. В связи с подъемом уровня вод будут затопливаться берега. Увеличились экономические потери от природных бедствий [Field et al. 2012, pp. 7, 16]. Возрастает волатильность климатических условий.

Значительный рост климатических рисков отмечается в США [Melillo, Richmond, Yohe 2014]. «По данным Росгидромета, за период 1990–2000 гг. на тер-

Таблица 2. Динамика роста заявок на патенты
Table 2. Dynamics of Growth of Patent Applications

Годы	Число заявок на патенты, поданных резидентами, тыс. ед.			Число заявок на патенты, поданных нерезидентами, тыс. ед.		
	Мир	В том числе		Мир	В том числе	
		США	Китай		США	Китай
1985	456,0	63,7	4,1	229,8	51,6	4,5
1990	541,4	90,6	5,8	243,6	80,5	4,3
1995	664,3	124,0	10,0	309,0	104,2	8,7
2000	823,1	164,8	25,3	447,4	131,1	26,6
2005	965,5	207,9	93,5	592,4	182,9	79,8
2010	1160,9	242,0	293,1	674,5	248,2	98,1
2015	1864,2	288,3	968,3	820,2	301,1	133,6
2018	2294,8	285,1	1393,8	845,4	312,0	148,2
Рост, 1985–2018, раз	5	4,5	340	3,7	6	33

Источник: Расчеты автора на основе базы данных data.worldbank.org на 15.06.2020, основанной в этом разделе на базе World Intellectual Property Organization (WIPO), WIPO Patent Report: Statistics on Worldwide Patent Activity.

ритории России ежегодно фиксировалось 150–200 нанесших ущерб опасным гидрометеорологических явлений (ОЯ). В последующие годы их число возросло до 250–300 в год, а начиная с 2007. в среднем один раз в два года число таких ОЯ превышало 400. При этом ОЯ, наблюдаемые в течение двух последних десятилетий, оказались более интенсивными и разрушительными, чем когда-либо» [Доклад о климатических рисках 2017, с. 4–5].

Еще одна причина – **рост по экспоненте инноваций** (табл. 2), в свою очередь неизбежно увеличивающих риски и волатильность «бытия» мира. В 1985–2018 гг. число заявок на патенты, поданных резидентами (т. е. теми, кто проживает в соответствующих странах), выросло в 5 раз, в США – в 4,5 раза, в Китае – в 340 раз (эффект низкой базы, по количеству патентов почти в 5 раз опередил США) (табл. 2). Примерно такая же картина – в динамике патентов, поданных нерезидентами. Их рост в мире – в 3,7 раза, в США – в 6 раз, в Китае – в 33 раза (табл. 2).

Сегмент «инноваций» в экономике всегда несет более высокие риски, чем традиционные отрасли (технологические риски выше, абсолютное большинство бизнесов быстро разрушаются, выживают немногие, высокие темпы и колебания роста, этот сегмент обслуживается самой рискованной частью финансов – бизнес-ангелы, венчурное финансирование, компании частного капитала (private equity) и хедж-фонды, как правило, возникают, мыльные пузыри на финансовых рынках и т. п.). Экономики, насыщенные инновациями, особо подвержены всем видам рисков, высоким колебаниям, тем более что постепенно накапливается потенциал перехода к тому, что процесс инноваций может стать неуправляемым, не понимаемым коллективным человеком.

В меру такого перехода могут расти число и масштабы техногенных катастроф.

«Экономика катастроф»

Рост в последние десятилетия системно значимых катастроф и бедствий, затрагивающих сами основы человеческого существования или приносящих материальный ущерб до 10–15% ВВП (а в будущем, возможно, и выше), их «вплетенность» в жизнь, активность и постоянство присутствия как то, что составляет часть жизни общества, создает новую реальность – «экономику катастроф» или, как синоним, «экономику страха».

Это не только сильная метафора, пытающаяся уловить суть новых явлений.

«Экономика катастроф» – это экономика, существующая в условиях повышенных рисков системно значимых катастроф, ограничивающих ресурсы, которыми она располагает, глубоко влияющих на ее структуру (спрос и предложение, производство, распределение и потребление, ресурсы и технологии), вызывающих необходимость создания долговременных резервов, которые в значительной мере покрывали бы ущерб от катастроф и обеспечивали бы жизнедеятельность общества в моменты катастроф.

«Экономика катастроф», насыщенная рисками неблагоприятных изменений, должна быть схожа, пусть и в умеренной степени, с **военной или поствоенной экономикой**.

«Экономика страха» будет использоваться как синоним «экономики катастроф». Тем не менее она может рассматриваться как отдельное явление, основываясь на следующем определении.

«Экономика страха» – экономика, в которой на поведение субъектов существенно влияет страх системно значи-

мых катастроф (акцент на поведенческие аспекты).

Черты «экономики катастроф» / «экономики страха» будут проявляться глобально, в любых моделях экономик (англосаксонской, континентальной, азиатской (развитых стран), китайской, латиноамериканской, схожей с ней российской и т. п.).

Воздействие катастроф: пандемия 2020 г. как бенчмарк

Пандемия 2020 г. – пока самый острый шок XXI века. Глубоко изменила массовое поведение людей в экономике (в объемах и структуре спроса и предложения), вызвала де-факто замораживание деятельности целых отраслей. Повсеместно привела к тяжелейшим сокращениям в национальных хозяйствах. Падение ВВП во II квартале 2020 г. в США – на 32,9% (год к году) (U.S.BEA), в еврозоне – на 12,1% (Eurostat), в Японии – на 10% (CEIC), в России – на 8,5% (Росстат), в Китае в I квартале 2020 г. – на 6,8% (Bloomberg).

Глубина воздействия пандемии, ее длительность (еще летом 2020 г. никто не мог сказать, когда она закончится), необычность условий, в которые попала значительная часть населения (длительный карантин, «затворничество»), создают прецедент, бенчмарк для того, чтобы понять, куда «развернет» человечество в случае, если будут и дальше нарастать частота и размеры системно значащих катастроф.

Пандемия 2020 г. (если она закончится этим годом) должна оставить

глубокий, многолетний след в экономическом поведении людей. Ныне живущие поколения никогда не попадали в условия таких масштабных ограничений, внезапного прекращения деятельности целых отраслей хозяйства, личной беспомощности, когда от человека ничего или почти ничего не зависит.

В этой связи статья строится на анализе последствий шоков, вызванных именно пандемией 2020 г. Глубина воздействия этих шоков на коллективное поведение населения и экономики такова (показана выше), что, с высокой вероятностью, можно предположить, что это воздействие будет носить долговременный характер, надолго останется в «памяти» экономики / коллективного поведения людей.

Такой анализ легко развернуть в системные конструкции, включающие прогноз трансформаций, вызванных всеми видами катастроф.

Экономическое будущее: ожидания

Масса идей уже высказана по поводу будущего в «постпандемическом мире» (в среде, полной рисков катастроф). Вирус, контроль за его распространением станет частью экономического ландшафта [Susskind 2020, p. 27]. Deloitte предложил четыре 3–5-летних сценария в зависимости от того, насколько тяжелой будет пандемия [The World Remade 2020, pp. 3–27]².

Экономики будут искать новый баланс между глобализацией и национализмом, «самодостаточностью» и «глу-

2 «Проходящий шторм» (Passing Storm) – наиболее мягкий сценарий постепенной нормализации; «Отличная компания» (Good Company) – более жесткий сценарий, в котором правительства рассоединены, а в восстановлении нормы ключевую роль играют крупнейшие ТНК, подвигая экономики к капитализму стейкхолдеров (stakeholder capitalism); «Солнце всходит на востоке» (Sunrise in the East), предполагающий резкий сдвиг центров экономической силы на восток; наихудший сценарий – «Одинокие волки» (Lone Wolves), в котором страны в условиях жесточайшей эпидемии разобщены, предоставлены самим себе и борются в одиночку.

бокой взаимозависимостью», в частности, в том, чтобы предотвратить шоки от внезапного прекращения поставок из «мастерских мира» [Challenges and Opportunities 2020, p. 21; COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33]. Произойдет «регионализация цепочек поставок» [Susskind 2020, p. 27]. Проблемы мира будут те же, что и до пандемии, но выражены жестче, в более экстремальной форме [Susskind 2020, p. 27]. Прогнозируется резкое расширение «цифрового общества» в глобальном масштабе [Challenges and Opportunities 2020, p. 27]. Изменения в рабочих местах, резкое расширение дистанционной работы, до 1/3 рабочих мест, существовавших до пандемии, под угрозой сокращения [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 34]. Произойдет реструктуризация личного потребления [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33]. Будут формироваться механизмы трансферта рисков, адекватные размерам рисков катастроф (в частности, в страховой индустрии) [Challenges and Opportunities 2020, p. 41]. Предполагаются глубокие изменения в экономике городов, основанные на максимальном исключении физических контактов, на цифровизации, виртуализации и контроле за массовым поведением и эпидемиологической обстановкой [Challenges and Opportunities 2020, pp. 18–19], рост значимости крупнейших компаний (stakeholder capitalism) [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33], рост этатизма, падение доверия к механизмам свободного рынка как результат расширенного вмешательства государства во время пандемии [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 37]. Государства в экономике станут больше после того, как оно сыграло роль страховщика и инвестора последней инстанции. Впереди – «мыльный пузырь» государственного долга [Susskind 2020, p. 29].

Классификация трансформаций в «экономике катастроф»

В такой экономике будут происходить изменения:

- в структуре спроса и, соответственно, предложения, что, как следствие, будет менять структуру производства, воздействовать на технологии;
- в экономической (и не только) политике государств (глобализация – протекционизм, дирижизм, политика «экономика на аппарате искусственного дыхания» и др.);
- в экономической идеологии (в т. ч. концепция «экономической жертвы»);
- в том, что станет «новой нормальностью».

Именно в этой последовательности анализа трансформаций построена статья.

Изменения структуры спроса в «экономике катастроф», автономизация

«Экономика страха» выражается, прежде всего, в возникновении сильнейшего интереса домашних хозяйств к **автономизации**. В периоды катастроф, пандемий семьи в полной мере осознают свою зависимость от централизованных систем (электроэнергия, газ, тепло, вода, продовольствие, очистка и т. п.). Система жизнеобеспечения такой семьи – по сути, терминал, не способный даже короткое время существовать сам по себе.

Из автономизации неизбежно следуют **изменения структуры спроса домашних хозяйств**.

Рост переходящих запасов продовольствия, питьевой воды, медикаментов, предметов гигиены и т. п. в домаш-

них хозяйствах. «Не все можно купить» как вновь возникший стереотип массового сознания. Память о паническом спросе в первые дни пандемии останется надолго. Неизбежно массовое понимание того, что в будущем, при длительном воздействии шоков, могут возникнуть перебои в снабжении, как следствие – увеличение спроса на создание и обновление резервов первичных предметов потребления; образно говоря, эффект «курицы в холодильнике» как константа в экономике.

Точно такие же эффекты могут быть и в бизнесе (рост запасов материалов и комплектующих, страхующих от перебоев в поставках, которыми изобиловал 2020 г.).

Сокращение спроса на аренду, особенно краткосрочную, и, соответственно, **его увеличение на имущество, находящееся в собственности, ослабление «экономики совместного пользования»** (sharing economy). «Ничего своего», главное – мобильность, все можно занять / взять в аренду, в т. ч. без посредников, – эта модель жизни, набравшая обороты до 2020 г., станет гораздо менее привлекательной в массовом сознании.

И, наоборот, неизбежен **рост спроса на собственность** (если она не будет обременена избыточной налоговой нагрузкой):

- как на то, за что «не нужно платить» (денежные потоки во время шоков и доступ к ликвидности сжимаются);
- «свое» – это автономность (земля, жильё – укрытие, автомобиль – мобильность, солнечные батареи, артезианская скважина, печь и т. п. – независимость от централизованных систем, в которых в моменты шоков могут возникать перебои, свое приусадебное / дачное хозяйство – «как-нибудь прокормимся» и т. п.);

- «свое» – это минимизация контактов с другими людьми (что может быть особенно важно во время эпидемий и социальных шоков).

В бизнесе могут происходить схожие процессы – меньше аренды, больше собственности в земле, зданиях, офисах, оборудовании, системах жизнеобеспечения / инфраструктуре (если позволяют налоговые условия).

Увеличение спроса на товары и услуги, обеспечивающие автономизацию в моменты шоков:

- энергия, отопление (солнечные батареи, ветрогенераторы, печи на легкодоступном топливе, оборудованные хранилища, оборудование для автономизации водоснабжения и удаления отходов, средства терморегуляции и защиты дома от внешних воздействий, оборудование для сельскохозяйственных работ, средства для автономного передвижения, оружие и средства охраны и т. п.);
- обучение, любые искусства и умения, обеспечивающие более полную автономность и способность производить самые простые товары и оказывать услуги для прямого, без посредников, обмена с другими семьями.

Когда в изоляции семьи начинают сами печь хлеб – складывается другая реальность: **дауншифтинг** (downshifting) как массовый, а не исключительный способ поведения.

Еще один вероятный тренд – **деагломерация** – прекращение или замедление концентрации населения в крупнейших городских агломерациях. «Самоизоляция» показала:

- всю тяжесть длительного пребывания в ограниченных квартирных пространствах, в «человейниках»;
- все риски вспышек эпидемий в перегруженных населением городах; более 90% заражений COVID-19 –

- в городах [How COVID-19 Is Changing the World 2020, p. 54];
- всю ограниченность медицинской инфраструктуры;
- особые масштабы экономических потерь в связи со сверхконцентрациями в крупнейших городах (Нью-Йорк, Лондон, Москва и др.) активов, финансовых ресурсов, рыночных властей.

Как следствие, ожидается **резкий рост спроса на отдельные дома и участки земли** («1–2-этажная страна») в пригородах / городах – спутниках крупнейших центров, в средних и малых поселениях, обеспечивающих «столичное» качество жизни.

Будет **увеличиваться спрос на более крупные квартиры, начнет сжиматься тренд к предложению все менее габаритных квартир** (до 15–20 кв. м), рассчитанных на модели жизни «переночевал – весь день в публичном пространстве (транспорт, офис, общепит, рекреация)» или «спутники – партнеры, нет детей, распад традиционной семьи из трех поколений, в основе которой – взаимопомощь».

Реструктуризация спроса на недвижимость, связанная с изменениями в модели наемного труда. Согласно опросу Guardian, только 13% хотят вернуться к пятидневке в офисе. Большинство хотят быть в офисе не более трех дней в неделю, остальное время – на дистанции при 100%-й загрузке [Only 13% of UK Working Parents 2020].

За этим трендом стоят снижение спроса на офисную недвижимость и, наоборот, увеличение спроса на более крупные жилищные пространства с домашними офисами, соответственно, крупная перестройка рынка недвижимости.

Пространственные изменения спроса. Неизбежно возникнет **тренд**, выражающийся в усилении миграции

и, соответственно, в **перемещении спроса и активов** (физических, денежных) и **финансовых потоков**: 1) в страны с более развитыми системами здравоохранения и защиты населения, показавшими, что они являются более надежными убежищами в периоды шоков; 2) между регионами внутри одной страны (в менее рискованные, более защищенные, более состоятельные, с более развитой системой здравоохранения и т. п.).

Тренд, связанный с автономизацией и деагломерацией, – **рост массового спроса на более индивидуализированные продукты и услуги**. До пандемии – обратный тренд, становление все более крупных систем обработки массовых запросов, при максимальном упрощении, сетевом характере предложения, стандартизации («одинаковость») и удешевлении (меньше ценности за более высокую цену) продуктов и услуг широкого потребления.

Автономизация может вызвать взрывной рост самостоятельности населения, его самозанятости. Цифровизация / электронные рынки дают возможность сжать посредничество, увеличить долю прямого обмена между производителем и потребителем, а в финансовой сфере – между инвестором и тем, кто предъявляет спрос на капитал (например, цифровые платформы, предоставляющие возможности кредитования друг друга или прямой торговли ценными бумагами, минуя финансовые институты).

«Продвинутая» цифровизация семьи и бизнеса – рост спроса на информационные и телекоммуникационные услуги, сокращающие необходимость в физических контактах людей. Этот рост был взрывным в первые недели пандемии 2020 г., а затем должен нормализоваться на значительно более высоком уровне, чем до нее (интернет-доставка, онлайн-образование,

онлайн-банкинг, консалтинг и другие услуги, виртуальный офис, работа на дистанции, интернет-развлечения).

Одновременно **останется более низким, чем до 2020 г., спрос на любые услуги, связанные с массовыми собраниями людей** (офлайн-торговля, публичные зрелища, общественный транспорт и т. п.). Станут менее популярными любые проекты, связанные с созданием специализированных замкнутых сообществ людей (например, дома и поселки для престарелых). Во время пандемии в них была очень высокая смертность.

Рост спроса на медикаменты, медицинское оборудование, средства индивидуальной защиты, медицинские услуги, исследования и конструкторские разработки в этой области. **Рост расходов на здравоохранение и его инфраструктуру**, создание в нем резервных мощностей (вместо оптимизации). Это очевидный тренд, ясно проявившийся в первой половине 2020 г. **Те же тренды** – в любой другой области, в которой могут проявиться риски глобальных и страновых шоков (прежде всего климатических).

Протекционизм

Пандемия 2020 г. еще раз показала перекосы в международном разделении труда: слишком высокая концентрация производства в азиатских «мастерских мира». Перебои с поставками комплектующих из Китая ставили крупнейшие западные компании «на колени» (так называемый шок поставок (supply shock)). За поставки медицинских масок из Китая конфликтовали государства (известный конфликт между США и Германией). В Чехии неспособность правительства «добыть» маски в Китае подвергалась всеобщей критике; они были доставлены спец-

рейсами военных самолетов благодаря личным связям на «высшем» государственном уровне.

Идеи ребалансирования, возврата производства в узкую группу развитых стран, прежде всего США, активно развиваются с начала 2010-х гг. (как реакция на мировой кризис 2008–2009 гг.). Речь идет о крупнейших дисбалансах в производстве и потреблении, экспорте / импорте, платежных балансах, в международных инвестиционных позициях и, в конечном счете, в силе: рыночной, политической, военной.

Вызов для США и, в целом, для Запада в том, что, не сохраняя производства как базы, перемещая его последовательно в Азию, невозможно сохранять свои позиции как центра исследований и инноваций, как крупнейшего держателя собственности на глобальные активы, в т. ч. интеллектуальные, как мирового центра инвестиций, финансовых и товарных рынков, ценообразования на активы.

Если не возвращать производство, все эти позиции становятся временными, их не защитить в обозримой перспективе.

Прогноз для мира после пандемии, существующего с высокими рисками катастроф:

- рост попыток экономик отдельных стран стать более универсальными, менее зависимыми от международных поставок, «импортозамещение», особенно в части критических технологий, оборудования, средств защиты населения в периоды шоков;
- расширение внутренних материальных резервов (и инфраструктуры их хранения), способных дать возможность «продержаться» во время шоков;
- стимулирование крупнейших компаний «вернуться» в страну (штаб-квартиры, производство, активы,

потоки, менеджмент); подобные программы действуют [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33];

- поощрение внутреннего спроса на локализованную продукцию;
- усиление протекционизма как ответ на указанные выше вызовы; более интенсивное использование, чем в 1990–2010-е гг., таких инструментов, как тарифные и нетарифные барьеры, манипулируемый валютный курс, кредитные, бюджетные и налоговые преференции (в пользу собственных производителей); расширение двусторонних торговых сделок между странами (снижение значимости многосторонних, нараставших в прошлом); как крайнее средство – торговые и финансовые войны; все это – стандартные действия, имеющие длительную историю применения в международной практике.

Дирижизм

Пандемия 2020 г., подобные ей крупные катастрофы и бедствия – это состояние страны/экономики, максимально близкое к войне.

2020 год показал, что наименьшие потери в пандемии несут страны, применившие как можно раньше максимум ограничений при высокой дисциплине населения и хорошем качестве здравоохранения (Япония, Южная Корея, Китай (с допущениями, относящимися к достоверности статистики), Германия, Австрия, Чехия, Израиль).

Англосаксонская (США, Великобритания) и шведская модели (переболеть, минимум ограничений или введение их с отставанием от событий («рубить собаке хвост по кусочкам»), получить коллективный иммунитет) показали максимум потерь, особенно среди

групп населения, наиболее подверженных рискам.

Эти практики наложились на давно существующий (с середины XIX века) глобальный тренд все большего вмешательства государства в жизнь обществ и их экономик, независимо от того, какие циклически преобладают идеи – дирижизма или либерализма в различных их формах. Признаки такого вмешательства – постоянное расширение сфер ответственности государств (их задачи, функции), опережающий рост потребления, доходов и расходов государств (доля бюджетов в ВВП растет уже два столетия), накопление рекордных государственных долгов (долги государств / ВВП) [Миркин 2019, с. 133].

Вмешательство государств особенно усилилось: 1) с момента IT-революции, появления способности регистрировать, передавать, обрабатывать и анализировать массивы больших данных; 2) после мирового кризиса 2008–2009 гг.

Прогноз для мира после пандемии, в среде, насыщенной рисками крупных катастроф:

- продолжение глобального тренда усиления дирижизма, в более мягких формах (развитые экономики, легче – в англосаксонской модели, очевиднее – в континентальной, в «азиатских тиграх») или в более жестких (Китай, «азиатская модель», латиноамериканская модель, постсоветские экономики и другие развивающиеся страны);
- перерыв длинных циклов «усиление дирижизма – расширение либеральных начал в экономической политике и идеологии» (ими был пронизан весь XX век); до пандемии можно было бы ожидать «взрыва» либерализма в конце 2020-х гг.;
- рост надзора за массовым, экономическим и социальным пове-

дением (видеонаблюдение, регистрация, ограничения движения и доступа, анализ и оценка индивидуального поведения, хранение в базах больших данных с мультимедийным доступом госорганов и, с ограничениями, банков и других категорий лиц, рейтингование социального поведения, де-факто лишение или ограничение прав на медицинскую, банковскую, налоговую и т. п. тайны, тайны расходов); жесткость и объемы надзора – производные от уровня дирижизма в экономике;

- расширение сферы прямой ответственности государства за обеспечение населения – «проще накормить и развлечь, чем дать работу» (сокращение рабочих мест в результате внедрения искусственного интеллекта и «беспилотных» технологий, основанных на нем) и «изолировать/вывести, накормить, спасти» (пандемии, гидрологические и геологические катастрофы и т. п.); соответственно, программы прямых денежных выплат (что в России называют «вертолетными» деньгами), безусловного базового дохода, налоговых стимулов, «бесплатных» государственных услуг; налоговых стимулов; программы косвенных выплат (отсрочки платежей, снижения / замораживания цен и тарифов);
- рост прямого вмешательства государства в экономику (переход части экономики на работу по прямому директивным заданиям и при прямом распределении ресурсов, особенно в периоды бедствий и катастроф (это уже происходило в 2020 г. в части производства медицинского оборудования и средств защиты), политика государства «экономика на аппарате искусственного дыхания»).

Политика государства «экономика на аппарате искусственного дыхания»

«Экономика на аппарате искусственного дыхания» – сильная метафора. Вместе с тем международная практика 2000–2010-х гг. дает возможность теоретического обобщения этого явления.

Экономика на аппарате искусственного дыхания – это рыночная экономика, находящаяся в режиме усиленного дирижистского вмешательства государства (инструментами экономической и финансовой политики), направленного на предотвращение в ней такой цепной реакции системного риска, которая привела бы к возникновению кризиса в масштабе, угрожающем ее жизнеспособности.

С 2008–2009 гг. применяется повсеместно, глобально «акцептована». Активное, «операционное» (не «амбулаторное») вмешательство в экономику для поддержания ее жизнедеятельности с тем, чтобы не допустить выхода ее параметров (динамики, цен, безработицы, устойчивости систем жизнеобеспечения и т. п.) за критические значения и не допустить развития системного риска и ее разрушения (полного или частичного).

Рыночная экономика выходит за пределы саморегулирования в значительно большей степени, чем это происходит в периоды нормы (*business as usual*).

В периоды шоков (кризисов, катастроф, бедствий):

- политика денежного смягчения и низких процентных ставок («залить экономику ликвидностью», количественное смягчение (*quantitative easing* (QE)), чтобы не допустить банковской паники, цепных банкротств банков и других финансовых посредников, пере-

рывов платежей и приостановки платежной системы, восстановить рухнувшие (как правило) финансовые рынки, обеспечить доступность кредита, предотвратить резкий рост ссудного процента, стимулировать (через кредит и финансовые рынки) возобновление роста;

- программы выкупа плохих активов, реприватизации (государство в целях поддержки входит в капиталы системно значимых компаний), адресного прямого денежного кредитования, под льготный процент; налоговых стимулов, бюджетного софинансирования и других бюджетных преференций;
- крупнейшие программы публичных работ, прежде всего в сфере инфраструктуры;
- программы прямой денежной поддержки населения, его расходов (льготная ипотека, программы утилизации автомобилей) и, соответственно, спроса (см. выше);
- резкий рост дефицитов бюджетов и государственного долга, в т. ч. в рамках политики денежного смягчения (выкуп центральными банками облигаций правительства);
- усиление протекционизма (см. выше), дирижизма (цены, предметы массового потребления, инфраструктура), особенно в финансовой сфере (ограничения на снятие денег, хождение наличности, перевод денег за рубеж, принудительная конвертация иностранной валюты в национальную, ограничения на счет капитала, обрушение финансовых рынков в периоды шоков);
- переход к валютным режимам, допускающим более глубокое вмешательство государства в валютный курс (его администрирование), попытки манипулирования

валютным курсом в целях стимулирования выхода из кризиса и, как крайнее средство, валютные войны.

В «мирное время» – все то же самое, но в смягченной форме. Создание более крупных резервов, чем практиковалось в конце прошлого столетия (все тот же эффект «курицы в холодильнике»).

Практика 2009–2020-х гг. показала, что политика «экономики на аппарате искусственного дыхания» стала глобальным трендом.

Экономическая идеология

«Экономика катастроф» как объективная реальность, вызванные ею изменения в экономической и финансовой структурах мира, в политике государств (см. выше) неизбежно ведут к модернизации идеологии, которая опосредует бытие национальных хозяйств.

В этой связи прогнозируются неизбежные изменения в «мэйнстриме» экономических идей:

- все большее признание дирижизма / массированного вмешательства государства в жизнь бизнеса и коллективное поведение людей признается благом (усиление дирижизма – см. выше); попытка найти новый баланс между политическими и экономическими свободами и необходимостью, между индивидуализмом и коллективизмом (по неволе – сдвиг в сторону последних); идеология «экономики катастроф» как более слабого варианта «военной экономики» / мобилизационной экономики;
- экономическая реальность становится «гибридной», по принципу «и мир, и война»; пример – продолжение глобализации при усилении

- протекционизма, торговых войн, финансовых конфликтов (как частность, валютное манипулирование); в этой связи появятся попытки соединить противоположные идеи, найти «золотую середину» – «глобализация продолжается, но при усилении протекционизма/национализма», «либерализация, но при большем дирижизме», «приватизация, но с учетом повышения роли государства в системно значимых компаниях», «мультилатерализм, но с учетом возрастания значения билатерализма», «свободная торговля, многосторонние соглашения при усилении роли двусторонних соглашений», «международное разделение труда, специализация стран, подчиненная экономической эффективности, но с учетом требований национальной безопасности», «свободное движение капиталов, но с ограничениями, вызванными системными рисками», «независимый центральный банк, но в пределах, необходимых для согласования с экономической и финансовой политикой правительства» и т. д.;
- пересмотр концепций «развитой» (всегда более успешной и устойчивой) и «развивающейся» (более рискованной) экономик; причины – такой подход не в состоянии объяснить: 1) катастрофическое поведение части развитых экономик во время пандемии 2020 г. (США, Великобритания, Италия, Испании, Швеции); 2) сверхвысокую волатильность финансовых рынков в 2008–2020 гг. (цены на сырье, золото, курсы валют, курсы ценных бумаг);
 - изменится оценка различных моделей экономик; причина – разная степень успешности в ответах на вызовы, рождаемые «экономикой

катастроф»; более критичной станет оценка англосаксонской модели (более высокая степень свободы и склонность к инновациям), шведской модели (перегруженность коллективным в ущерб частному), средиземноморской модели (больше анархичности, хаоса в личном поведении (Италия, Испания), латиноамериканской модели (вертикали, генерирующие ошибки (Бразилия)); эти модели показали себя крайне негативно во время пандемии 2020 г.; и, наоборот, азиатская модель рыночной экономики (Япония, Южная Корея с населением, привыкшим к социальной дистанции, к ношению масок, серьезно воспринявшим угрозу, имевшим собственный опыт эпидемий), континентальная модель (в части «германизированных стран») (Германия, Австрия, Чехия), отмобилизованная рыночная полувоенная экономика, готовая стоять за каждого человека (Израиль), полуадминистративная модель Китая (со всеми спорами по статистике) – показали себя успешнее в условиях «пандемической экономики», сдвигающейся к мобилизационной, пронизанной ограничениями «сверху» и требующей максимума дисциплины в коллективном поведении населения;

- идеологическая «революция» в финансовой сфере – признание законности сверхнизкого или даже отрицательного реального ссудного процента; причины – многолетняя, с начала 1980-х гг., тенденция к снижению размеров процента (номинальных и реальных); прямо не связана с «экономикой катастроф», но очень хорошо соотносится с ней и с политикой «экономики на аппарате искусственного дыхания» (грубо говоря, не до до-

ходности, не до приращения капитала – главное, сохранить жизнеспособность систем, в данном случае финансового сектора).

Как следствие, отрицание самой сути финансового посредничества (сбережение и приумножение капиталов клиента, перераспределение их на цели инвестиций под процент как часть прибавочной стоимости). В итоге: 1) превращение финансовых посредников в институты, зарабатывающие на услугах за хранение ликвидности, коммиссионных и т. п.; 2) исчезновение рантье, самой способности формировать долгосрочные сбережения под процент в течение жизненного цикла (life-cycle) семьи; 3) реструктурирование пенсионных систем, особенно в части накопительного страхования и индустрии частных пенсионных фондов; 4) смещение инвестиций в зону более высоких рисков (меньше ликвидность, больше доходность (венчур, деривативы, сырье, валюта, акции, драгоценные металлы, хедж-фонды, компании частного капитала (private equity), развивающие рынки и др.).

«Экономическая жертва»

Еще одно глубокое изменение в идеологии – неизбежное появление концепции «экономической жертвы». До пандемии 2020 г. экономика как наука обращалась к деятельности людей, достигающей максимума эффективности (качество и продолжительность жизни) при потреблении ограниченных ресурсов. Но сами люди к «ресурсам» не относились. Никогда экономика не рассматривала ситуацию, подобную управлению войсками в войну, когда одной группой населения нужно пожертвовать ради выживания всех – «всеобщего блага».

Пандемия 2020 г. такую ситуацию создала. Цели – коллективный иммунитет (Швеция, Великобритания), восстановление экономики (Россия, снятие ограничений/«локдауна» (lockdown)) в самый разгар пандемии. Возникает сложный баланс «человеческих жертв».

С одной стороны, продолжение карантина – падение экономики (у него есть своя «цена» в человеческих жизнях), гибель людей в результате обострения «обычных» хронических болезней, дефицит помощи им (все ресурсы здравоохранения направлены на борьбу с пандемией).

С другой стороны, снятие карантина, полное или частичное, ведет к всплеску инфекций и у него тоже есть «цена» в человеческих жизнях, особенно людей старшего возраста и хроников (в пандемию 2020 г.).

Пандемия показала, что терпения и резервов на жизнь с «остановленными экономиками» хватает у обществ максимум на 2–3 месяца.

В этой связи идеология «экономики катастроф», как и военной, вынужденно начнет оперировать концепцией «экономической жертвы». Неизбежно возникнут идеи о том, что можно и нужно жертвовать частью населения, группами риска («экономическая жертвенность») ради целого в экстремальных условиях.

«Экономическая жертва» – человек, рассматриваемый как потребляемый ресурс, которым можно жертвовать (повышать риск его смерти) ради сохранения жизнеспособности экономики и, соответственно, общества, в целом. Аналог – мобилизационная экономика / общество во время войны.

В качестве «экономических жертв» неизбежно будут рассматриваться группы людей, имеющих схожие профили риска (по возрасту, по хроническим заболеваниям, по совместному проживанию в одном регионе и т. п.).

Неизбежно будет возникать проблема «оптимизации» (пусть и в самом дурном смысле) – «жертвовать одной группой людей ради других групп».

Неизбежность не устраняет того, что подобные идеи находятся в полном противоречии с обычной этикой, в которой самой высокой ценностью обладает каждая человеческая жизнь. Придется искать компромиссные решения в экономике, обеспечивающие максимум выживания общества как целого, так и групп наибольшего риска в нем.

Новая нормальность – рост волатильности. Развитие или деструкция?

«Экономика страха» / «экономика катастроф» как среда, пронизанная шоками и их ожиданиями, неизбежно должна быть «штормовой», сверхволатильной. На нее будет наложен бум инноваций и рисков, связанных с ними. Ожидается, что он продолжится теми же темпами, что и в конце XX – начале XXI веков.

Как и раньше, будет развиваться многополярная (вместо однополярной) архитектура мира. В Азии, прежде всего в Китае, формируется альтернативный США центр экономической и финансовой силы. Как следствие, будет высоко политическое и военное напряжение.

В итоге мировая экономика и глобальные финансы будут демонстрировать (и накапливать) риски – более высокие, чем в 1980-х – начале 2000-х гг.

Хроническая высокая волатильность, сильные «лекарства», чтобы ей противостоять, экстренное применение политик спасения в чрезвычайных ситуациях / «скорой помощи» – все это черты новой «нормальности». Экономика и финансы любой страны, всего мира испытают глубокие структурные изменения после пандемии 2020 г. Раз-

витие может быть подменено деструкцией, постепенно нарастающим хаосом. На этот вызов еще предстоит ответить – глобально, всем вместе.

Впереди развилка: развитие или хаос, деструкция. Как она будет пройдена – нет ответа. И пока нет позитивных прогнозов, обладающих достаточной степенью убедительности, кроме самых общих предположений, что «человечество и раньше сумело ответить на вызовы, возникавшие перед ним».

Как выйти из «экономики катастроф»

На эти вопросы пока есть только самые общие ответы. Международные институты и сотрудничество. Ослабление своекорыстности государств и крупнейших корпораций. Переключение части средств, тратящихся на вооружение, на исследования и предупреждение рисков, грозящих всему человечеству. Концентрация на эти цели капиталов в новых крупнейших многосторонних финансовых институтах. Приостановка части исследований и технологических разработок, последствия которых могут быть разрушительны при том, что этические принципы в них в полной мере не действуют. Переключение внимания средств массовой информации на глобальные проблемы, на будущие угрозы.

Этот список можно продолжать. Представления о том, что его можно немедленно превратить в реальность, – абсолютный идеализм. И все-таки есть надежда, что (пусть хаотично, пусть во многом иррационально, пусть с великой растратой ресурсов и времени) ответы на глобальные вызовы «экономики катастроф» будут найдены, шаг за шагом – все вместе.

Примеров для этого в истории достаточно.

Список литературы

Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации (2017). СПб.: Климатический центр Росгидромета.

Миркин Я.М. (2019) Глобальные финансы: будущее, вызовы роста (при участии Жуковой Т.В., Комовой А.В., Кудиновой М.М.). М.: Лингва-Ф.

2020 Intergovernmental Panel on Climate Change: Summary for Policymakers (2020) // Climate Change and Land: An IPCC Special Report on Climate Change, Desertification, Land Degradation, Sustainable Land Management, Food Security, and Greenhouse Gas Fluxes in Terrestrial Ecosystems (eds. Shukla P.R., Skea J., Calvo Buendia E., Masson-Delmotte V., Pörtner H.-O., Roberts D.C., Zhai P., Slade R., Connors S., van Diemen R., Ferrat M., Haughey E., Luz S., Neogi S., Pathak M., Petzold J., Portugal Pereira J., Vyas P., Huntley E., Kissick K., Belkacemi M., Malley J.) (in press).

Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World (2020) // Geneva: World Economic Forum. Insight Report. May 2020 // <https://www.weforum.org/reports/post-covid-19-challenges-and-opportunities>, дата обращения 29.06.2020.

COVID-19: Briefing Materials. Global Health and Crisis Response (2020) // McKinsey & Company, June 1, 2020 // <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Risk/Our%20Insights/COVID%2019%20Implications%20for%20business/COVID%2019%20May%2027/COVID-19-Facts-and-Insights-June-1-vF.pdf>, дата обращения 15.06.2020.

Facts + Statistics: Global Catastrophes (2020) // Insurance Information Institute // <https://www.iii.org/fact-statistic/facts-statistics-global-catastrophes>, дата обращения 15.06.2020.

Field C.B., Barros V., Stocker T.F., Qin D., Dokken D.J., Ebi K.L., Mastran-

drea M.D., Mach K.J., Plattner G.-K., Allen S.K., Tignor M., Midgley P.M. (eds.) (2012) Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation. A Special Report of Working Groups I and II of the Intergovernmental Panel on Climate Change, Cambridge: Cambridge University Press, and New York.

Garrett Th.A. (2007) Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic // Federal Reserve Bank of St. Louis. November 2007 // https://www.stlouisfed.org/~media/files/pdfs/community-development/research-reports/pandemic_flu_report.pdf, дата обращения 29.06.2020.

Global Catastrophes Caused USD 56 bln Insured Losses in 2019 (2019) // Swiss Re News Release, December 19, 2019 // <https://www.swissre.com/media/news-releases/nr-20191219-global-catastrophes-estimate.html>, дата обращения 21.06.2020.

Gloor M., Perils C. (2019) Insurance in a World of Climate Extremes, Swiss Re Institute.

How COVID-19 Is Changing the World: A Statistical Perspective (2020) // UNCTAD. Committee for the Coordination of Statistical Activities // <https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa.pdf>, дата обращения 21.06.2020.

Melillo J.M., Richmond T. (T.C.), Yohe G.W. (eds.) (2014) Climate Change Impacts in the United States: The Third National Climate Assessment. DOI: 10.7930/J0KW5CXT

Only 13% of UK Working Parents Want to Go Back to 'the Old Normal' // The Guardian, June 28, 2020 // https://www.theguardian.com/world/2020/jun/28/only-13-of-uk-working-parents-want-to-go-back-to-the-old-normal?fbclid=IwAR2cEdS2Src_rEB171ntsUIWi-H8EocjWvbP4P9Vx3GGnT8YmYwz5K-wFHR4, дата обращения 15.06.2020.

Reid J., Templeman L., Allen H. (2020) After Covid: The Next Massive Tail Risk // Deutsche Bank. June 2020 //

https://www.dbresearch.com/servlet/re-web2.ReWEB?rwsite=RPS_EN-PROD&rwobj=ReDisplay.Start.class&document=PROD000000000509478, дата обращения 21.06.2020.

Susskind D. (2020) How Will the World Be Different after COVID-19 // IMF Finance & Development, June 2020, vol. 57, no 2, pp. 26–29 // [https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-](https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf)

[will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf](https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf), дата обращения 29.06.2020.

The World Remade by COVID-19. Scenarios for Resilient Leaders. 3–5 Years (2020) // Deloitte, April 6, 2020 // <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/COVID-19/Thrive-scenarios-for-resilient-leaders.pdf>, дата обращения 29.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: the Impact of Growing Shocks of Catastrophes

Yakov M. MIRKIN

DSc in Economics, Professor, Head of International Capital Markets
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,
Russian Federation
E-mail: yakov.mirkin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2507-9811

CITATION: Mirkin Ya.M. (2020) Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: the Impact of Growing Shocks of Catastrophes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 97–116 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Received: 01.07.2020.

ABSTRACT. *The characteristic of a supervolatile “disaster economy” is given, in which the number of shocks caused by natural and man-made disasters is growing. The factors of creating such an economy at the global level are disclosed. The review of discussions about the future of the world (economy, finance) after the pandemic - 2020 is made. New long-term trends emerging in such an economy and the deep changes associated with them in the economic and financial structures of the world and the West are forecasted. These trends include: the collective*

desire for greater autonomy of households and, accordingly, changes in their demand (growth of stocks, reserves, decrease in demand for rental assets, more desire for personal property, for the acquisition of equipment and technologies that provide autonomy, development of offices at home and the transition to a different life model (to be the most at home – the least in the office and in the public space); the digitalization of households; the increasing individualization of demand for products and services; deagglomeration (living in suburbs or satellite cities); increased mobility; in-

creased demand for goods and services related to the protection of life and health. The global trends in the economic / financial behavior of countries are disclosed in detail: protectionism; government policy to keep “the economy on a respirator”; changes in economic ideology, in its “mainstream”; the inevitable emergence of the concept of “economic sacrifice”; growing volatility of the global economy and global finance. In particular, ahead: the development of the ideology of the “economy of fear”; demonstration of a new balance between collectivism and individualism; revaluation of the models of capitalism existing in different countries; ideological revolution in global finance. The possibilities of an unfavorable scenario in the global economy and a strong challenge that still need to be answered are shown - is development or destruction ahead?

KEY WORDS: global finance, world economy, post-pandemic world, natural disasters, risks, structural changes, economics of disasters

References

- 2020 Intergovernmental Panel on Climate Change: Summary for Policymakers (2020). *Climate Change and Land: An IPCC Special Report on Climate Change, Desertification, Land Degradation, Sustainable Land Management, Food Security, and Greenhouse Gas Fluxes in Terrestrial Ecosystems* (eds. Shukla P.R., Skea J., Calvo Buendia E., Masson-Delmotte V., Pörtner H.-O., Roberts D.C., Zhai P., Slade R., Connors S., van Diemen R., Ferrat M., Haughey E., Luz S., Neogi S., Pathak M., Petzold J., Portugal Pereira J., Vyas P., Huntley E., Kissick K., Belkacemi M., Malley J.) (in press).
- Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World (2020). *Geneva: World Economic Forum*. Insight Report. May 2020. Available at: <https://www.weforum.org/reports/post-covid-19-challenges-and-opportunities>, accessed 29.06.2020.
- COVID-19: Briefing Materials. Global Health and Crisis Response (2020). *McKinsey & Company*, June 1, 2020. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Risk/Our%20Insights/COVID%2019%20Implications%20for%20business/COVID%2019%20May%2027/COVID-19-Facts-and-Insights-June-1-vF.pdf>, accessed 15.06.2020.
- Facts + Statistics: Global Catastrophes (2020). *Insurance Information Institute*. Available at: <https://www.iii.org/fact-statistic/facts-statistics-global-catastrophes>, accessed 15.06.2020.
- Field C.B., Barros V., Stocker T.F., Qin D., Dokken D.J., Ebi K.L., Mastrandrea M.D., Mach K.J., Plattner G.-K., Allen S.K., Tignor M., Midgley P.M. (eds.) (2012) *Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation. A Special Report of Working Groups I and II of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, Cambridge: Cambridge University Press, and New York.
- Garrett Th.A. (2007) Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic. *Federal Reserve Bank of St. Louis*. November 2007. Available at: https://www.stlouisfed.org/~media/files/pdfs/community-development/research-reports/pandemic_flu_report.pdf, accessed 29.06.2020.
- Global Catastrophes Caused USD 56 bln Insured Losses in 2019 (2019). *Swiss Re News Release*, December 19, 2019. Available at: <https://www.swissre.com/media/news-releases/nr-20191219-global-catastrophes-estimate.html>, accessed 21.06.2020.
- Gloor M., Perils C. (2019) *Insurance in a World of Climate Extremes*, Swiss Re Institute.
- How COVID-19 Is Changing the World: A Statistical Perspective (2020).

UNCTAD. *Committee for the Coordination of Statistical Activities*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa.pdf>, accessed 21.06.2020.

Melillo J.M., Richmond T. (T.C.), Yohe G.W. (eds.) (2014) *Climate Change Impacts in the United States: The Third National Climate Assessment*. DOI: 10.7930/J0KW5CXT

Mirkin Ya.M. (2019) *Global Finance: Future, Challenges of Growth* (with the participation of Zhukova T.V., Komovoj A.V., Kudinova M.M.), Moscow: Lingua-F (in Russian).

Only 13% of UK Working Parents Want to Go Back to 'the Old Normal'. *The Guardian*, June 28, 2020. Available at: https://www.theguardian.com/world/2020/jun/28/only-13-of-uk-working-parents-want-to-go-back-to-the-old-normal?fbclid=IwAR2cEdS2Src_rEB-171ntsUIWiH8EocjWvbP4P9Vx3GGn-T8YmYwz5KwFHR4, accessed 15.06.2020.

Reid J., Templeman L., Allen H. (2020) *After Covid: The Next Massive Tail Risk*.

Deutsche Bank. June 2020. Available at: https://www.dbresearch.com/servlet/re-web2.ReWEB?rwsite=RPS_EN-PROD&rwobj=ReDisplay.Start.class&document=PROD000000000509478, accessed 21.06.2020.

Report on Climate Risks in the Russian Federation (2017), Saint Petersburg: Climate Center of Roshydromet (in Russian).

Susskind D. (2020) How Will the World Be Different after COVID-19. *IMF Finance & Development*, June 2020, vol. 57, no 2, pp. 26–29. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf>, accessed 29.06.2020.

The World Remade by COVID-19. Scenarios for Resilient Leaders. 3–5 Years (2020). *Deloitte*, April 6, 2020. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/COVID-19/Thrive-scenarios-for-resilient-leaders.pdf>, accessed 29.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-6

Trade Reorientation and Restructuring towards Fast-growing Emerging Economies: Crisis Response of the EU Member States

Yuhong SHANG

Professor, Vice Director, International Business School
Shanghai University of International Business and Economics, 101, Flat 76, 585
BinHu Rd, Songjiang, Shanghai, China
E-mail: syh@suibe.edu.cn

Marjan SVETLIČIČ

Professor Emeritus, Faculty of Social Sciences
University of Ljubljana, Kardeljeva pl., 5, 1000, Ljubljana, Slovenia
E-mail: marjansvetlicic@siol.net
ORCID: 0000-0002-5821-6707

Katja ZAJC KEJŽAR

Full Professor, School of Economics and Business
University of Ljubljana, Kardeljeva pl., 17, 1000, Ljubljana, Slovenia
E-mail: katja.zajc@ef.uni-lj.si
ORCID: 0000-0003-1360-6899

CITATION: Shang Yu., Svetličič M., Zajc Kejžar K. (2020) Trade Reorientation and Restructuring towards Fast-growing Emerging Economies: Crisis Response of the EU Member States. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 117–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-6

Received: 13.03.2020.

ABSTRACT. *This paper deals with the geographical reorientation and product restructuring of trade as a crisis-response strategy. We exploit the logic of constant market share analysis for decomposing the total change in export market shares into the contribution of the competitiveness effect and the structure effect in terms of geographical and product specialisation and apply it to the case of 2008/2009 global financial crisis (GFC) in the 'old' and 'new' EU member states. Constant market share analysis considering both gross and value-added trade data indicates lack of proactive reorientation towards the fast-growing emerging economies in either the EU-15*

or the EU-10. The product structure effect played a relatively more positive role in the old EU members during the crisis, particularly on account of the mid-tech product group, but technology upgrading was more pronounced in the new EU member states. While the analysis in this paper provides lessons from 2008/2009 GFC with respect to export pattern adjustments, the Covid-19 pandemic crisis differs from the GFC mainly in that it led to major global value chain disruptions which may lead to a certain degree of domestication, diversification and regionalization of GVCs implying trade reorientation from more distant countries towards nearby ones.

KEY WORDS: *trade structure, trade reorientation, crisis response, EU, emerging markets, Constant Market Share Analysis*

1. Introduction

Trade has long been recognised as one of the important aspects of a nation's ability to combat a crisis. There are several strains in the literature connecting trade to economic growth and providing theoretical arguments for the importance of trade-based crisis exit strategies. First, vast literature has studied the impact of trade openness or magnitude of trade flows on economic growth with a general conclusion that openness to international trade accelerates development. As stated by Dollar & Kraay [Dollar, Kraay 2004], this widely held belief is »one of the few things on which Nobel prize winners of the both the left and the right agree«. Further, the trade structure affects an economy's growth also independently of the level of trade itself. While this aspect of the link between trade and economic growth has received considerably less attention in the literature, there are few studies that have confirmed existence of the trade structure effects. Kali, Méndez and Reyes [Kali, Méndez, Reyes 2007], for example, show that the trade structure in terms of the number of trade partners and the concentration of trade among partners affects the economic growth of a country. While both the number of trading partners and trade concentration are positively correlated with growth, the former is prevailing in rich and the latter in poor countries. Lederman and Maloney [Lederman, Maloney 2003] find that natural resource abundance has a positive effect on growth whereas export concentration hampers growth.

Moreover, in a dynamic context the trade structure in terms of geographical and product composition has an important influence on future trade develop-

ments and, hence, economic growth due to strong trade persistence. Arora and Vamvakidis [Arora, Vamvakidis (1) 2005; Arora, Vamvakidis (2) 2005] show that trading partners' growth has a strong effect on domestic growth and conclude that countries benefit from trading with fast-growing and relatively more developed countries. Balia-moune-Lutz [Bali moune-Lutz 2011] provides evidence in the case of Africa's trade with China that the destination of exports matters for an exporting country's growth and development. For the EU member states, Kunčič and Tkalec [Kunčič, Tkalec 2016] confirmed the beneficial impact of their intense cooperation with the Growth Markets on economic growth in the 2004–2011 period.

European economies are highly open economies that were among the most severely hurt by the last 2008/2009 global financial crisis (GFC hereafter) that progressed into European sovereign debt crisis. They are therefore particularly suitable for studying geographical and product export patterns adjustments in the wake of the financial and economic crisis. As shown by Bussière et al. [Bussière et al. 2013] fall in trade and investment during 2008–09 crisis was exceptionally large and synchronized, reflecting significant export and investment losses surpassing the GDP drop due to the global nature of 2008 GFC and high import intensity of exports and investment compared to private and government consumption. It would be interesting to see whether the economic crisis has acted as a wakeup call for managers and governments to start looking at enhancing economic cooperation with fast-growing emerging economies either less affected by the crisis or being superior in their recovery. As pointed by Kawai and Petri [Kawai, Petri 2014] emerging economies have figured prominently in the recovery from the recent global economic crisis. Since the second half of the 1990s, there has been clear »growth trend decou-

pling” between the group of advanced and emerging economies. Furthermore, 90% of global economic growth by 2015 was expected to be generated outside Europe, a third of it in China alone¹.

Projections about the dominance of emerging markets started with the BRICs² concepts introduced by the Goldman Sachs research unit [Wilson, *Purushothaman* 2003]. Subsequently, in 2011 when according to O'Neill, Stupnytska and Wrisdale [O'Neill, Stupnytska, Wrisdale 2011] the potential of BRICs' growth had already reached its peak, O'Neill 'invented' the Next-11 group of countries (N-11)³ having the potential to achieve high growth rates [O'Neill, Stupnytska, Wrisdale 2011, p. 1]. Four countries from the N-11 group – Mexico, South Korea, Turkey and Indonesia (MIST)⁴ – satisfied the condition to be classified as Growth Markets since they are economies “outside the Developed World that are responsible for at least 1% of current global GDP”.

In this paper, we study the trade patterns of old and new EU member states before and during different phases of 2008–09 GFC to assess whether trade reorientation and restructuring contributed to exiting the crisis and reducing its negative effects. More specifically, the paper focuses on the following aspects of the trade performance: (i) enhancing cooperation with less affected or better and timely adjusting fast-growing emerging economies; (ii) adjusting the product structure of trade flows; and/or by (iii) increasing competitiveness. By comparing the reaction of

trade to the fast growth of BRICS, the first group of fast-growing emerging markets, and the MIST countries, the paper initially tests how timely the trade reorientation response was. Second, the paper aims to examine whether they have responded to the crisis by restructuring and adjusting the product composition of their exports. We expect the EU to adjust faster in terms of the geographical reorientation of exports than in terms of the product export structure because evidence on exporters' behaviour suggests that a new product entry takes more time and higher sunk costs than entering a new export market [Freund, Pierola 2010]. Third, we expect that the competitiveness effect has not significantly contributed to an increase in European market shares. Some economists even argue that the deteriorating competitiveness of southern European periphery countries driven by the exceptional growth of unit labour costs is one of the major reasons behind the Eurozone crisis (see [Chen et al. 2013; Dadush, Stancil 2011]).

Further, the paper aims to test whether 'old' established developed economies such as old EU member states (EU-15) have performed differently to economies in transition which joined the EU at the big bang enlargement in 2004. Transition economies as new members (EU-10) of the EU are now all part of the same economic milieu but their (institutional) history is different, and they also vary in terms of their economic structures, level of development, human capital endowments and degree of integration into the global eco-

1 IMF (2012). World Economic Outlook, Coping with High debt and Sluggish Growth, Washington DC. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02/pdf/text.pdf>, accessed 30.04.2014.

2 Brazil, Russia, India, China and South Africa.

3 The Next-11 group includes, apart from BRICS, Bangladesh, Egypt, Indonesia, Iran, Korea, Mexico, Nigeria, Pakistan, the Philippines, Turkey and Vietnam.

4 MIST represents an even more heterogeneous group of countries than BRICS in terms of their development level. According to World Bank data (2014), GDP per capita ranges from USD 3,557 in Indonesia to USD 22,590 in South Korea with Mexico and Turkey in between, with USD 9,749 and USD 10,666 per capita, respectively. With the exception of Indonesia, they are all members of the OECD. Meanwhile, in the BRICS group India is an outlier with only USD 1,489 per capita GDP, followed by China with USD 6,091, Brazil USD 11,340 and Russia USD 14,037, respectively (World Bank (2014). Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP>. CD, accessed February 2014).

nomy. Gräbner et al. [Gräbner et al. 2019] showed that the ‘old’ and ‘new’ EU member states differ in their trade models (i.e. the ‘high-tech model’, the ‘periphery model’, the ‘flexible labour market model’ and the ‘finance model’ were identified in the former and ‘industrial workbench model’ and the ‘primary goods model’ in the latter group of the EU member states), and demonstrated their diverse implications for the economic development and income inequality. Hence, we expect that the two groups of member states differ in their trade responses to the crisis despite the common EU trade policy.

In order to test the above-mentioned hypotheses, we exploit the logic of constant market share analysis (CMSA) of trade flows which allows us to decompose the total change in export market shares into the contribution of the structure effect encompassing both geographical and product specialisation and a competitiveness effect resembling the price and non-price relative competitiveness of EU member states. CMSA therefore allows us to isolate the contribution of the geographical structure to the development of export market shares and compare it with other factors, e.g. export product structure and residual overall competitiveness. Although some shortcomings of CMSA such as its dependence on the level of product disaggregation are important, the most interesting feature of CMSA is its simplicity in identifying the key factors of the differentiated behaviour of a given variable, and in allowing cross-country comparisons. Cheptea, Fontagne and Zignago [Cheptea, Fontagne, Zignago 2014] recently showed that the results of CMS decomposition are comparable with the results based on an econometric shift-share decomposition.

CMSA is applied to EU-15 and EU-10 trade data before the onset and during the GFC, i.e. in the 2005–2012 period. Following the objectives of this paper, we only consider transition economies in the

group of new EU-10 member states; hence, we exclude Malta and Cyprus from the analysis. Croatia is also excluded because it entered the EU after our observation period. For the geographical breakdown where the focus is on the emerging markets we distinguish between two groups of emerging economies: BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) and MIST (Mexico, Korea, Turkey and Indonesia) and the residual “rest of the world” category, while for the product structure we consider broad product groups according to their technological intensity of production, i.e. low, medium and high-tech product groups, based on the 2-digit level of the Standard International Trade Classification (SITC.Rev3).

An important issue in most studies that link trade to economic growth relates to the fact they use gross trade data and link them to value-added-based economic growth. The increasing role of global and regional production networks and associated growing importance of supply-chain trade has led to gross trade flows being increasingly unrepresentative of value-added flows. In line with the global trend, the share of foreign content of European exports has been steadily increasing in the last few decades. In 2009, the foreign content of exports in new member states (EU-10) ranged between 25% and 45% as these countries began to specialise in stages of the electronic and automotive value chains revolving in large part around Germany where the foreign content of exports rose from one-fifth in 1995 to nearly one-third in 2009 [Ahmad, Ribarsky 2014]. The problem of gross export data is that we do not know how much domestic value added is generated by the exports and that bilateral gross exports do not capture how much value added a country sells in particular destinations. These two aspects are crucial for understanding the role of international trade for economic growth. It emerges directly from standard mac-

ro-models, as shown by Johnson [Johnson 2014], that value-added exports directly link foreign final expenditure with demand for domestic value added. Hence, we test the robustness of traditional CMSA results based on gross trade data by replicating the CMSA on value added in trade data. We use the OECD's TiVA database and consider EU-15 and EU-10 domestic value added embodied in foreign final demand for selected years in the 1995–2009 period.

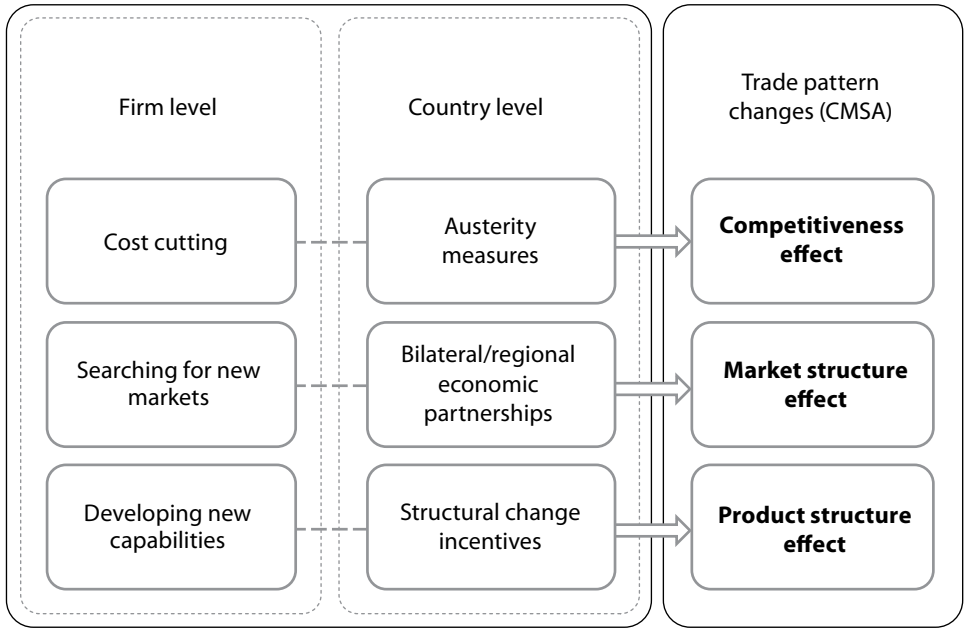
The article is structured in the following way. The second section presents the conceptual framework that links crisis response strategies to trade performance in terms of both competitiveness and structural aspects. The third section proceeds with a presentation of the CMSA methodology and description of the data. In the fourth section, we present the empirical results of the CMSA based on both gross and value-added trade data. The next chapter then discusses the results and provides im-

plications for policymakers and managers. The last chapter concludes.

2. Relating Crisis Response Strategies to Changing Trade Patterns

Svetličič and Jaklič [Svetličič, Jaklič 2012] indicated that at the firm level there are theoretically three major responses to a crisis that usually differ with respect to the timing of their occurrences. Initially, the reaction is usually more defensive (rationalisations of all kinds) while later firms may turn to more proactive reactions. Typically, when faced with a crisis what firms first do is rationalise their existing strategies, e.g. improving efficiency, cutting costs and employment; in short, they apply a cost-cutting strategy as a response to falling demand in the domestic market. Later, in the second stage, they start looking for new markets and rede-

Figure 1: Linking Crisis Response Strategies and Trade Pattern Dynamics

fining the implementation of their strategies. Finally, they develop new capabilities (products, services) or even development models. They may also combine all three approaches simultaneously. Some may even adjust in advance via proactive policies based on forecasting such changes.

The basic reaction typology could be similar when analysing governments' reactions to the crisis. Politicians are like managers; initially more defensive, they react basically only when forced to, under the pressures of reality, when there are no other options. More proactive or combined approaches are more an exception and could take place later on with escalation of the crisis. At first, governments try to reduce costs and implement austerity measures to reduce all kinds of deficits. With intensification of the crisis, such a short-term approach is supplemented by a more proactive approach focusing more on revising existing or even introducing new development strategies, including improving their implementation. The policy measures are targeted at sources of longer-term competitiveness, e.g. education and innovation systems, new bilateral and regional economic partnerships etc., aiming at providing incentives for structural changes and supporting firms in the search for new markets.

Implementation of the above-mentioned crisis response strategies at micro- and macro-level reflects in countries' trade patterns. Figure 1 links different crisis response strategies to a constant export market share decomposition, i.e. CMSA, of trade patterns. In the context of CSMA, initial rationalisation strategies would lead to an increased competitiveness effect. A geographical reorientation strategy towards exporting to fast-growing markets would result in a positive market structure effect, while favourable product restructuring and the adjustment of product structure to global demand developments would be reflected in a product structure effect.

3. Methodology and Data

CONSTANT MARKET SHARE ANALYSIS

The general idea behind CMSA is that the product and geographical structure of a country's exports can affect its total export growth which, in turn, influences economic growth in general. If a country or a group of countries is more (less) specialised in export products and destination markets where demand is strong (weak) in comparison to other products and markets, then its aggregate export market share will tend to grow. CMSA builds on this idea by decomposing a country's export performance into the contribution of the product and the destination market composition of its exports as well as competitiveness based on either price or non-price factors.

This method does not rely on a specific theoretical framework and does not provide any ultimate explanation of the changes in market shares. But its appeal lies in its elegance and usefulness for determining to which factors a gain or loss in a country's export market share is attributable. Moreover, it allows cross-country comparisons. CMSA has been refined into several different formulas since its introduction to trade analysis by Tyszynski [Tyszynski 1951] and further developments by Balassa [Balassa 1965], Houston [Houston 1967], Leamer and Stern [Leamer, Stern 1970] and Richardson [Richardson (1) 1971; Richardson (2) 1971] etc.

In principle, CMSA decomposes a change in the aggregate export market share (the *total effect* – TE) into two main parts [Di Mauro et al. 2005]: (i) a *structure effect* (SE), indicating the hypothetical change in the aggregate export market share which would have occurred if a country's share in world markets had remained constant in each product/destination market; and (ii) a *competitiveness effect* (CE), representing the difference between the actual change in the export share

and the above-mentioned structure effect. The SE is further decomposed into three terms: (i) a *product effect*, which measures whether the relative specialisation of the EU-15(EU-10) exports is directed to dynamic products in world demand; (ii) a *market effect*, which measures whether the export specialisation of the EU-15(EU-10) in terms of destination markets is directed to dynamic export market destinations; and (iii) a residual term called the *mixed structure effect* comprising the interaction effects between the product and market structure.

We follow the Di Mauro et al. (2005)'s CMSA formulation of decomposing the variation in the aggregate export market share of the EU-15(EU-10) between two periods (TE) in the following way:

$$g - g^* = [\Sigma_i \Sigma_j (\theta_{ij} - \theta_{ij}^*) g_{ij}^*] + [\Sigma_i \Sigma_j \theta_{ij} (g_{ij} - g_{ij}^*)], \quad (1)$$

where $g = \frac{x_t - x_{t-1}}{x_{t-1}}$ and $g^* = \frac{x_t^* - x_{t-1}^*}{x_{t-1}^*}$ denote a percentage change in EU-15(10) and world exports in period t , respectively. $\theta_{ij} = \frac{x_{ij,t-1}}{x_{t-1}}$ and $\theta_{ij}^* = \frac{x_{ij,t-1}^*}{x_{t-1}^*}$ represent the share of product i to destination market j in total EU-15(10) and world exports in period $t-1$, respectively. Meanwhile, $g = \Sigma_i \Sigma_j \theta_{ij} g_{ij}$ and $g^* = \Sigma_i \Sigma_j \theta_{ij}^* g_{ij}^*$, where g_{ij} and g_{ij}^* indicate a percentage change in EU-15(10) and world exports of product i to destination market j , in period t , respectively.

The first term in square brackets in equation (1) is the *structure effect*. It is positive if the EU-15(10)'s export structure is more concentrated on high-growth products/markets than the world structure. This effect can be further decomposed into three terms:

$$i. \text{ product effect} = \Sigma_i (\theta_i - \theta_i^*) g_i^* \quad (2)$$

$$ii. \text{ market effect} = \Sigma_j (\theta_j - \theta_j^*) g_j^* \quad (3)$$

$$iii. \text{ mixed structure effect} = \Sigma_i \Sigma_j [(\theta_{ij} - \theta_{ij}^*) - (\theta_i - \theta_i^*) \frac{\theta_{ij}^*}{\theta_i^*} - (\theta_j - \theta_j^*) \frac{\theta_{ij}^*}{\theta_j^*}] g_{ij}^*, \quad (4)$$

where $\theta_i = \Sigma_j \theta_{ij}$ and $\theta_i^* = \Sigma_j \theta_{ij}^*$ indicate the share of product i in total EU-15(10)

and world exports in period $t-1$, respectively; $\theta_i = \Sigma_j \theta_{ij}$ and $\theta_i^* = \Sigma_j \theta_{ij}^*$ represent the share of market j in total EU-15(10) and world exports in period $t-1$, respectively. Meanwhile, $g_i^* = \frac{\Sigma_j \theta_{ij}^* g_{ij}^*}{\theta_i^*}$ and $g_j^* = \frac{\Sigma_i \theta_{ij}^* g_{ij}^*}{\theta_j^*}$ denote the growth of world exports of product i (to market j) in period t .

The *mixed structure effect* is a residual and its interpretation is not entirely straightforward. Given that it is impossible to completely dissociate product and geographical structures, the residual will comprise the interaction effects between them. The fact that the two structures are not independently distributed, i.e. for a specific product (market) the geographical (sectoral) distribution of exports differs from the geographical (sectoral) distribution of total exports, is one of the factors affecting the magnitude of this effect. The second term in square brackets in equation (1) is the *competitiveness* or '*pure*' *market share effect*. It gives the aggregated impact of changes in market shares of each product/destination market [Di Mauro et al. 2005].

Although some aspects of the technique have been improved, several shortcomings of the CMSA methodology remain (see [Bowen, Pelzman 1984; Fagerberg, Sollie 1987; Simonis 2000; Loveridge, Selting 1998]). For example, CMSA results depend on the level of product disaggregation that is used. In addition, CMSA calculations should ideally be based on volume data of trade flows [Milana 1988]. However, due to the unavailability of such volume data we are unable to distinguish between the volume and price components in a direct manner. Instead, we base our analysis on the values of the trade flows. In order to minimise the potential deficiencies of applying this methodology, we follow the refinements of Simonis [Simonis 2000], Foresti [Foresti 2004] and the Di Mauro et al. [Di Mauro et al. 2005]. Accordingly, the calculations are performed annually in order to minimise the risk of violating the assumption of constant export struc-

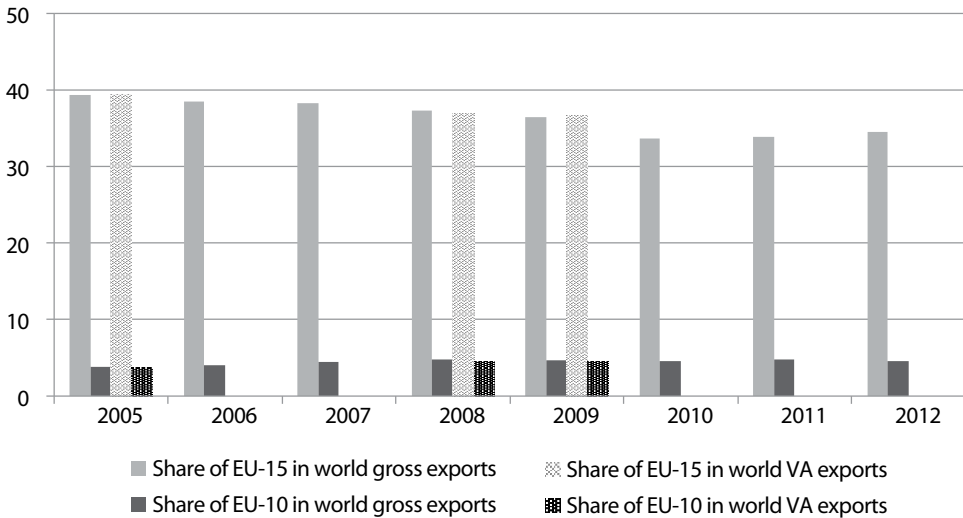
tures. Further, in contrast to using the initial structure for a multi-year analysis, we instead use the average of the annual effect over the studied period.

3.2 THE DATA AND PRODUCT AND GEOGRAPHICAL DISAGGREGATION

Our analysis is based on annual export-of-goods data for two groups of EU member states (MS), the groups of old MS (EU-15) and new MS (EU-10) in the 2005–2012 period obtained from the United Nations Commodity Trade Statistics Database (UN Comtrade). Since the share of trade of an individual member state with other member states (intra-EU trade) is larger than with non-members for all MS and at the same time the importance of intra-EU trade varies considerably among MS, we want to consider both intra- and extra-EU exports in our analysis of the response to the crisis.⁵ Namely, an important part of

geographical reorientation in the case of the EU-10 has taken place in intra-EU trade. Trade data are in current USD and disaggregated to the 2-digit level of the Standard International Trade Classification (SITC.Rev3) and following Di Mauro et al. [Mauro et al. 2005] further grouped according to their technological intensity of production into three broad categories, i.e. low, medium and high-tech product groups. See notes below the Table 2 for the sector grouping according to technology levels used in the analysis.⁶ In terms of geographical breakdown, exports cover three destinations: BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa), MIST (Mexico, Korea, Turkey and Indonesia) and the rest of the world. EU-15 and EU-10 trade data in terms of value added are obtained from the OECD's TiVA database measured as domestic value added embodied in foreign final demand for selected years in the

Figure 2: EU-15 and EU-10 Export Market Share Developments (in Per Cent) Including Intra-EU Dispatches, 2005–2012 Period

⁵ Other studies based on CMSA usually exclude intra-EU trade.

⁶ However, the technological intensity of some individual products might be classified somewhat differently if the classification would be carried out at higher digit level.

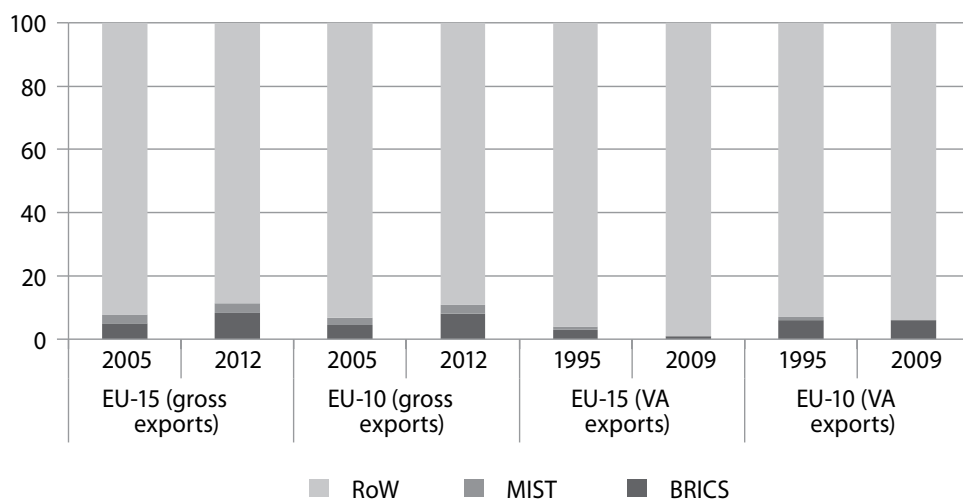
1995–2009 period. We use the same geographical breakdown for both types of data while the product classification is different due to data availability. The value-added trade data are aggregated to 18 economic activities, including both products and services.

In Figure 2 we present export market share developments, while Figure 3 depicts the geographical structure of exports for two groups of EU member states, the EU-15 and EU-10. As shown in Figure 2, throughout the observed period the EU-15's market share in world exports dropped from 39.3% in 2005 to 34.5% in 2012 as a result of below-world-average growth of exports in the 2005–2010 period. The most substantial market share deterioration in 2010 when exports grew almost 50% slower than world exports. On the other hand, the EU-10's share increased from 3.8% to 4.6% throughout the observed period. Export growth rates of the EU-10 were substantially higher than the world average before the onset of the crisis, most likely a result of the still ongoing transition effect and improved access to the EU-15 market

after their accession to the EU. Their market share started to deteriorate in 2009 and then successfully recuperated in 2011. In 2012 it fell again below the average world growth of exports as a result of the deteriorating situation in most of the EU-10 (a delayed crisis effect). Interestingly, in 2005 the share of both groups of EU member states in world value-added (VA) exports was practically the same as their share in world gross trade, while later in 2008 and 2009 the difference between the gross and VA shares increased slightly. The fall in export share during the initial year of the crisis (2009/2008) was smaller in terms of value added than the gross trade data for both the EU-15 and EU-10, which indicates the improving export structure in terms of value added.

During the investigated period, the noticeable changes in market shares were accompanied by important changes in the structure of the trade flows. The regional structure of EU member states' gross exports (Figure 3) changed noticeably and in a similar manner for both groups of EU MS. The share of BRICS, although very

Figure 3: The Regional Structure of EU-15 and EU-10 Exports (Intra- and Extra-EU) in Selected Years

small, almost doubled for both groups of EU member states throughout the observed period and, by the end of the period, represents slightly more than 8% of exports for both the EU-10 and EU-15. The rise in the importance of MIST as a European export destination was less significant than of BRICS, i.e. 13% and 19% throughout the period observed for the EU-10 and EU-15, respectively. When we use the VA trade data, additional changes in export patterns are revealed. The share of VA exports to MIST is practically negligible, suggesting that the prevailing share of exports to MIST countries is vertical in nature, either containing low domestic VA or not intended for final consumption in those countries. To a certain extent, this observation also holds for BRICS but with an important difference. While the share of BRICS remained practically unchanged for the EU-10 and roughly corresponded to the share in terms of gross trade, the importance of BRICS in the EU-15's export structure was significantly lower in VA terms compared to gross trade and decreased from 3% in 1995 to only 1% in 2009. This suggests that a dominant and increasing part of EU-15 exports to BRICS is supply-chain trade while for the EU-10 BRICS countries are relatively more important as final markets with a 6% share of domestic EU-10 value added embodied in BRICS' final demand. This observation suggests a different type of trade specialisation between the two groups of EU member states and BRICS.

Based on the above facts about trade dynamics and patterns, the question arises as to what extent the countries' trade performance can be linked to the product and regional composition of the trade flows on one hand and the competitive position on the other. We attempt to answer this question in the following section by applying the CMSA methodology to export data for two groups of EU member states, i.e. the EU-15 and the EU-10.

4. Empirical Results of the CMSA

4.1 CMSA OF GROSS TRADE DATA

In this section, we present and discuss the results of the CMSA for the old EU-15 and new EU-10 member states based on 'conventional' gross trade data. Particular attention is given to the relative importance of the market effect to highlight the role of the geographical reorientation of exports during the economic crisis in the two groups of EU MS.

The results in Table 1 indicate a decreasing average market share of the EU-15 in world gross exports throughout the period considered since the difference between the export growth rate of the EU-15 and the growth rate of world total exports, i.e. the total effect (TE), is negative in both sub-periods. This negative TE was mainly driven by the competitiveness effect (CE), while the contribution of the structure effect (SE) with respect to both the product and market effect was positive in the pre-crisis period and became disadvantageous during the crisis. However, a positive trend can be observed in post-crisis-eruption years; in 2011 on account of a favourable structure effect in terms of both geographical and product composition while in 2012 the positive TE was driven by significantly improved competitiveness along with the positive geographical structure of the exports.

For the group of new EU member states (EU-10) the results of the CMSA on the contrary reveal an overall positive total effect where the highly positive TE in the pre-crisis period outweighs the negative total effect during the crisis. The pre-crisis TE was driven by the competitiveness effect which was very high before the crisis started. However, the structure effect turned into a negative direction in 2007; hence its contribution to the TE in the second crisis period was negative due to the unfavourable product and regional structure combined with the negative contri-

bution of the competitiveness effect. The competitiveness of new EU MS namely deteriorated considerably in 2010 and 2012.

Looking more closely at the product structure effect in Table 2, the contribution of the product groups according to the technology intensity shows more stability in product composition for the old members where the medium-tech group contributes positively to the product effect, while for the new MS the shift from labour-intensive towards medium- and high-tech-intensive products is observed when comparing the product effect in the pre-crisis and crisis periods. For the old EU members, the top three product groups with the most favourable contribution to the product effect were the medium-tech product groups of *chemical products, rubber and plastic products*

(CHE), *manufactures of transport equipment* (MTR) and *manufactures of agricultural and industrial machinery, except electrical machinery* (MAI). For the EU-10, the product groups with the most advantageous contribution to the structure effect were low-tech, resource-based *wood and wood products, including furniture* (WOD) and *fabricated metal products, except machinery and transport equipment* (BMA), mid-tech *manufactures of transport equipment* (MTR) and the high-tech group of *manufactures of electrical machinery, apparatus, appliances and supplies* (MEL). The results suggest that the new member states (EU-10) were relatively more successful in increasing the technology intensity of their exports during the period observed, while in the EU-15 structural reforms were too slow to reorient production further to-

Table 1: Main Results of the Constant Market Share Analysis of EU-15 and EU-10 Gross Exports: Structure and Competitiveness Effects

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2005-12	2005-08	2009-12
EU-15											
Total effect (TE)	-3.63	-2.46	-0.61	-2.77	-1.83	-9.20	0.55	2.02	-2.24	-2.37	-2.12
Structure effect (SE)	2.34	-0.31	0.69	0.21	-0.79	-1.44	0.96	0.15	0.23	0.73	-0.28
product effect (PE)	-0.04	-0.18	0.81	0.65	-0.35	-0.56	0.69	-0.01	0.13	0.31	-0.06
market effect (ME)	1.37	-0.23	-0.16	-0.65	-0.38	-1.10	0.34	0.33	-0.06	0.08	-0.20
mixed effect	1.01	0.10	0.04	0.20	-0.06	0.22	-0.08	-0.17	0.16	0.34	-0.02
Competitiveness effect	-5.98	-2.16	-1.30	-2.98	-1.05	-7.75	-0.41	1.87	-2.47	-3.10	-1.84
EU-10											
Total effect (TE)	3.79	7.16	13.36	8.11	-1.28	-3.69	6.37	-4.58	3.65	8.11	-0.80
Structure effect (SE)	2.31	0.16	-0.07	-0.93	-1.43	-0.85	-0.08	0.71	-0.02	0.37	-0.41
product effect (PE)	-0.14	0.34	0.25	-0.40	-0.86	0.25	-0.38	0.39	-0.07	0.01	-0.15
market effect (ME)	1.55	-0.26	-0.19	-0.84	-0.46	-1.38	0.46	0.50	-0.08	0.07	-0.22
mixed effect	0.90	0.08	-0.13	0.32	-0.11	0.28	-0.16	-0.17	0.13	0.29	-0.04
Competitiveness effect	1.48	7.00	13.43	9.04	0.15	-2.84	6.45	-5.30	3.68	7.74	-0.38

wards more high-tech sectors, resulting in the still dominant effect of the ‘old’ product structure.

The contribution of the market effect to the SE shown in Figure 4 is negative for both groups of emerging economies, i.e. the BRICS and MIST groups, and this holds for both old and new EU mem-

ber states⁷ in both sub-periods. However, due to the small share of exports going to these two groups of countries the overall impact cannot be so substantial. Nevertheless, it can lead to the conclusion that both groups of countries have in this regard not exploited the potential of enhancing trade with BRICS and MIST as an effective cri-

Table 2: Contribution of Products to the Structure Effect in the EU-15 and EU-10

		EU-15			EU-10		
		2005-2012	2005-08	2009-2012	2005-2012	2005-08	2009-2012
Low-tech		-0.02	-0.04	0.00	0.27	0.63	-0.09
products	FOD	0.09	0.12	0.07	-0.18	-0.25	-0.11
	TEX	-0.12	-0.15	-0.08	-0.03	0.03	-0.08
	WOD	-0.01	-0.01	-0.01	0.22	0.34	0.10
	PAP	0.03	0.05	0.01	0.02	0.02	0.01
	MNM	-0.01	0.00	-0.02	-0.02	-0.02	-0.03
	BMI	-0.05	-0.11	0.00	0.09	0.18	-0.01
	BMA	0.03	0.06	0.01	0.17	0.32	0.03
Medium-tech		0.90	1.28	0.53	-0.08	-0.18	0.01
products	CHE	0.47	0.64	0.29	-0.40	-0.58	-0.22
	MAI	0.26	0.40	0.13	0.07	0.16	-0.02
	MTR	0.17	0.23	0.12	0.25	0.24	0.25
High-tech		-0.55	-0.69	-0.42	-0.09	-0.25	0.07
products	MIO	-0.15	-0.18	-0.12	-0.24	-0.35	-0.13
	MEL	-0.40	-0.51	-0.30	0.15	0.10	0.21
Other products		-0.20	-0.23	-0.17	-0.17	-0.19	-0.15

Note:

Low-tech, resource-based sectors comprise: food, beverages and tobacco (FOD); textile, leather apparel and leather industries (TEX); wood and wood products, including furniture (WOD); paper and paper products, printing and publishing (PAP); non-metallic mineral products (MNM); basic metal industries (BMI); fabricated metal products, except machinery and transport equipment (BMA).

Medium-tech product groups comprise: chemical products, rubber and plastic products (CHE); manufactures of transport equipment (MTR); and manufactures of agricultural and industrial machinery, except electrical machinery (MAI).

The high-tech group includes: professional, scientific, measuring and controlling equipment, photographic and optical goods, office and data processing machines (MIO); and manufactures of electrical machinery, apparatus, appliances and supplies (MEL).

Other goods excluding all of the above and fuels and “other goods not elsewhere specified”.

7 However, it turned from negative throughout the period 2005–2008 and 2010–2011 to positive only in 2012 in both groups of countries. It seems that the crisis has, with a certain time lag, some positive effects.

sis exit strategy. Somewhat unexpectedly, the rest of the world contributed positively to SE effects throughout the entire period in the case of both groups of EU MS. The positive effect of cooperation with the rest of the world in the case of the EU-15 can be interpreted firstly in terms of the high share of trade with other industrial coun-

tries, particularly the USA⁸ and in the light of Arora and Vamvakidis' [Arora, Vamvakidis (1) 2005; Arora, Vamvakidis (2) 2005] conclusions that trade with highly developed countries can stimulate one's growth.

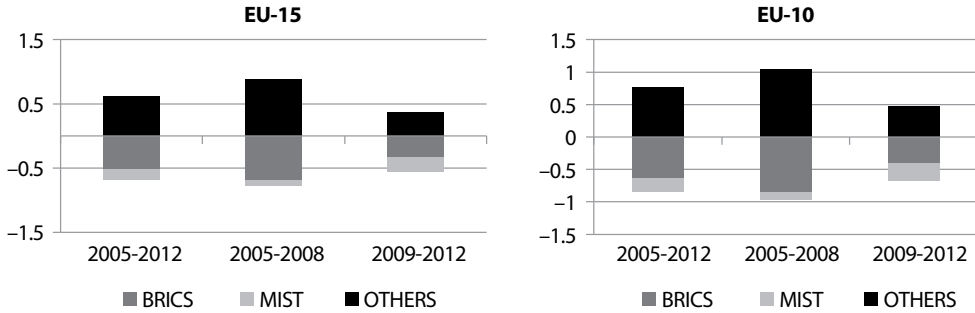
When exploring the competitiveness effect in Table 3, we find a negative contribution of all four technology groups to

Table 3: Contribution of Products and Markets to the Competitiveness Effect in the EU-15 and EU-10

		EU-15			EU-10		
		2005-2012	2005-2008	2009-2012	2005-2012	2005-2008	2009-2012
Low-tech		-0.50	-0.62	-0.37	0.48	1.05	-0.09
products	FOD	-0.17	-0.18	-0.16	0.38	0.57	0.19
	TEX	-0.04	-0.08	0.01	-0.23	-0.27	-0.19
	WOD	-0.04	-0.02	-0.06	0.03	0.18	-0.12
	PAP	-0.03	-0.03	-0.03	0.10	0.15	0.05
	MNM	-0.08	-0.11	-0.05	0.02	0.10	-0.07
	BMI	-0.08	-0.13	-0.03	0.08	0.05	0.11
	BMA	-0.06	-0.06	-0.06	0.11	0.27	-0.05
Medium-tech		-0.82	-1.00	-0.64	1.99	3.91	0.06
products	CHE	-0.35	-0.35	-0.36	0.60	0.91	0.30
	MAI	-0.16	-0.15	-0.16	0.37	0.81	-0.07
	MTR	-0.31	-0.51	-0.12	1.01	2.19	-0.17
High-tech		-0.61	-0.61	-0.61	1.29	2.91	-0.33
products	MIO	-0.22	-0.24	-0.21	0.42	0.78	0.07
	MEL	-0.38	-0.37	-0.40	0.87	2.13	-0.40
Other products		-0.54	-0.88	-0.21	-0.08	-0.14	-0.02
BRICS		0.12	0.01	0.24	0.62	0.77	0.46
MIST		-0.05	-0.01	-0.09	0.14	0.19	0.09
Other markets		-2.54	-3.10	-1.98	2.92	6.78	-0.94
Total CE		-2.47	-3.10	-1.84	3.36	7.94	-1.22

8 In this light, we can understand the start of negotiations on a Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) in Washington in July 2013.

Figure 4: Contribution of Markets to the Structure Effect in the EU-15 and EU-10

the competitiveness effect of the EU-15 in both sub-periods. Moreover, the EU-15 experienced decreased competitiveness in practically all product groups except for textile products in the second sub-period. To some extent, this also holds for the EU-10 in the second sub-period (the exception is the mid-tech product class) while the EU-10 was gaining competitiveness in all four groups before the onset of the crisis. The contribution of the geographical orientation of European exports to the competitiveness effect was positive in BRICS countries for both the EU-15 and EU-10. This may indicate that in both groups of countries enhancing trade with BRICS has helped improve their competitiveness. The contribution of the MIST group of emerging economies was positive but weak in new EU members (EU-10) and negative in old members (EU-15). The negative CE in the case of MIST for the EU-15 reinforces our argument that trade with this group of countries is basically developing on traditional, past North-South patterns resulting in a deterioration of relative competitiveness and decreasing market shares. The MIST countries have simply not yet attracted the attention of policymakers and businessmen in European countries. Before the crisis, the positive CE in the EU-10 was also driven by growing competitiveness in the group of other countries.

4.2 CMSA BASED ON VALUE-ADDED TRADE DATA

The CMSA based on value-added trade data in Table 4 confirms the negative total effect for the EU-15 in the pre-crisis period 2005–2008. The decrease in the EU-15's world market share in terms of value added is even more pronounced than the one identified based on gross data and is driven not only by negative competitiveness but also to a large extent by the unfavourable structure effects in terms of both markets and products. Further, such a trend is not limited to the recent pre-crisis period but is also identified in the 1995–2000 period. However, the negative structure effect disappeared at the start of the crisis.

On the contrary, but in line with the gross data results, the EU-10 exhibits an increasing market share in world value-added exports throughout the 1995–2008 period as a result of both a positive competitiveness and structure effect which was exclusively driven by the market structure, while the contribution of industry structure was negative. Like in the case of gross trade, the competitiveness of the new EU MS deteriorated with the emergence of the crisis.

Looking more closely at the market structure effect in Table 5, the findings based on gross trade are also largely confirmed in the case of VA trade. The contribution of the market effect to the

Table 4: Main Results of the Constant Market Share Analysis of EU-15 and EU-10 Value-Added Exports: Structure and Competitiveness Effects, 1995–2009

	1995-2009	1995-2000	2000-2005	2005-2008	2008-2009
EU-15					
Total effect (TE)	–18.97	–12.69	3.63	–9.57	–0.33
Structure effect (SE)	–17.88	–14.99	4.94	–8.00	0.17
product effect (PE)	–0.78	–1.36	0.68	–1.48	1.38
market effect (ME)	–19.50	–14.98	3.79	–8.73	0.41
mixed effect	2.41	1.35	0.48	2.20	–1.62
Competitiveness effect	–1.09	2.29	–1.32	–1.56	–0.50
EU-10					
Total effect (TE)	122.46	13.60	77.41	32.36	–0.92
Structure effect (SE)	73.04	2.00	51.31	19.00	0.73
product effect (PE)	–5.27	–3.20	–0.54	–2.07	0.54
market effect (ME)	74.99	2.62	51.20	20.21	0.95
mixed effect	3.32	2.58	0.65	0.85	–0.76
Competitiveness effect	49.41	11.59	26.11	13.37	–1.65

Table 5: Contribution of Goods and Services to the Structure and Competitiveness Effects in the EU-15 and EU-10 Based on Value-Added Exports, 1995–2009

	EU-15				EU-10			
	1995-2000	2000-2005	2005-2008	2008-2009	1995-2000	2000-2005	2005-2008	2008-2009
Contribution to SE								
BRICS	–2.24	–7.82	–10.04	2.71	–1.34	–3.08	–5.93	1.65
MIST	–2.18	–3.09	–2.46	0.83	–2.18	–3.03	–2.32	0.73
Other markets	–10.56	15.85	4.5	–3.36	5.57	57.41	27.25	–1.65
Contribution to CE								
BRICS	0.01	0.56	–0.59	–0.34	–0.28	3.81	0.75	–1.09
MIST	0.21	–0.04	–0.01	–0.07	0.62	1.24	0.99	–0.01
Other markets	2.07	–1.84	–0.95	–0.07	6.93	21.05	11.63	–0.55

Notes:

Goods include the following industries: Agriculture, hunting, forestry and fishing; Mining and quarrying; Food products; beverages and tobacco; Textiles, textile products, leather and footwear; Wood, paper, paper products, printing and publishing; Chemicals and non-metallic mineral products; Basic metals and fabricated metal products; Machinery and equipment, nec; Electrical and optical equipment; Transport equipment; Manufacturing nec, recycling.

Services include: Electricity, gas and water supply; Construction; Wholesale and retail trade; Hotels and restaurants; Transport and storage, post and telecommunication; Financial intermediation; Business services; Other services.

structure effect shown in Table 5 is negative for both groups of emerging economies, i.e. the BRICS and MIST groups, and this holds for both old and new EU member states throughout the 1995–2008 period, but turned positive in the initial year of the crisis (2008/2009). Moreover, for the EU-15 the contribution of the geographical orientation of EU-15 exports to the competitiveness effect was also negative in both BRICS and MIST countries after 2005, while the contribution of BRICS and MIST to the competitiveness of the EU-10 was positive in the 2000–2008 period.

Taking value-added trade in both goods and services into consideration, the difference in the contribution of the product structure to the CE and SE between the two groups of EU member states proves to be significant. In the period before the crisis, both goods and services industries contributed positively to the SE and CE in the new EU-10, while in the old EU-15 only services contributed positively to the SE whereas goods exhibited a negative impact on both the SE and CE (Table 6). However, in the first year of the crisis, goods took on a more positive role in the structure effect of trade in both groups of EU member states.

5. Discussion of the Results and Implications

5.1 DISCUSSION OF THE RESULTS

The CMS analysis reveals that, before the crisis, the EU-15 and the EU-10 followed divergent trends in developing their export market shares. On one hand, the EU-10 was gaining in world export share, while the EU-15 was losing its share in world exports in both gross and value-added terms. Before the crisis, the biggest driver of EU-10 market share gains was competitiveness coupled with a favourable regional structure, while the old MS were losing export market shares

mostly due to a negative competitiveness effect. The decrease in the EU-15's world market share in terms of value added is even more pronounced than the one identified based on gross data and is driven not only by negative competitiveness but also to a large extent by unfavourable structure effects in terms of both markets and products. At the onset of the crisis (2008–2012), however, both groups of member states experienced a negative total effect that resulted in a drop in their world export shares which was more pronounced in the EU-15.

Further, we find significant differences in the competitiveness and structural contributions to export performance between 'old' and 'new' MS, which is in line with our presumption that the two groups of MS might differ in their abilities to combat the crisis with export restructuring and reorientation. The adjustments made before the onset of the crisis were faster in terms of the product composition of exports than in terms of the geographical reorientation of exports in the EU-15, as is suggested by the more positive product than market effect while the opposite was the case in the EU-10. After the crisis started, neither the group of old nor new MS were able to adjust through a geographical reorientation towards fast-growing economies relative to the other countries, as suggested by the mostly negative contribution of the market and competitiveness effect. Hence, we failed to find evidence of the EU's proactive enhancement of cooperation with the fast-growing BRICS economies and later with those taking their place, i.e. the MIST countries. Moreover, the contribution to the structure effect is even more negative for BRICS than MIST which also contradicts our hypothesis that the rapid growth of BRICS had been observed and exploited prior to that of the MIST. Nonetheless, in the two most recent years of our analysis there are certain signs of a favourable geographical reorientation of exports for both

groups of EU MS (a positive market effect in 2011 and 2012). However, a longer observation period is needed to confirm the consistency of the trend.

Concerning export restructuring in terms of the product composition of exports, the results suggest that even though technology upgrading was more pronounced in the EU-10, the product effect played a relatively more positive role in old EU members during the crisis, particularly on account of the mid-tech product group. These results are not a surprise since the old EU members were closer to the technological frontier than the new EU members. Moreover, given the level of development of emerging markets, their capacity to absorb high-tech exports that before the crisis EU countries had been selling mostly internally or to other developed economies is limited. In line with our fourth hypothesis, we find a negative competitiveness effect on export market shares for both the EU-15 and EU-10 during the crisis which confirms Cheptea, Fontagne and Zignago's (2014) conclusion about the competitiveness losses of EU exports, in particular during the early phase of the crisis.

A further analysis of the export market orientation suggests that, as discussed above, the BRICS markets exhibit a negative contribution to the structure effect but a positive contribution to competitiveness, indicating that while EU member states were unable to reorient towards these fast-growing economies to a sufficient extent compared to their competitors they have on average been gaining in competitiveness in these markets. This holds for both groups of EU member states at least based on gross trade analysis; however, the BRICS's contribution to the CE was

stronger for the new EU-10. For this group of new MS we also find a positive contribution of competitiveness in MIST countries to market share gains. Let us look into the EU trade policy framework as regards both groups of countries, BRICS and MIST, to see how the bottom-up economic drivers in economic actors themselves have been supported by regional and bilateral policies.

5.2 EU TRADE POLICY TOWARDS BRICS AND MIST COUNTRIES

BRICs are politically considered by the EU as strategic partners. Strategic partnerships with China, Russia and India were established during summits in the 2003–2004 period, while with Brazil and South Africa a few years later in 2007 (see [European Parliament 2011, p. 23])⁹. The institutional framework concerning trade relations differs substantially among the BRICS countries. Of these countries, only South Africa enjoys reciprocal free trade with the EU.¹⁰ The framework for EU–Russia trade relations since 1997 has been the Partnership and Cooperation Agreement that grants non-reciprocal preferential access of Russian products in the EU market. Negotiations on a new agreement with Russia started in 2008 but stopped in 2010 due to a lack of progress in the trade and investment part of the agreement. Trade negotiations with India were launched just before the crisis in 2007 in the context of the “Global Europe” strategy from late 2006 but brought to a *de facto* standstill in 2013 due to a gap in the level of ambition between the EU and India. Brazil was eligible for trade preferences with the EU under the Generalised Scheme of Preferences up until 2014 when a new scheme entered

9 See Tkalec and Svetličič [Tkalec, Svetličič 2014] for a discussion on the EU's economic and institutional ties with BRICS and MIST countries.

10 South Africa–EU trade relations are governed by the Trade, Development and Cooperation Agreement signed in 2000. Following completion of the liberalisation schedule by 2012, around 90% of EU–South Africa trade has been subject to preferential rates [European Commission 2016].

into force that excluded Brazil from the list of beneficiary countries. As part of Mercosur, it is currently negotiating the EU–Mercosur Association Agreement aiming at removing tariff and non-tariff barriers to trade and FDI. An agreement in principle was reached on the trade part in June 2019. Whereas, in the case of China, an investment agreement is expected to precede a trade agreement. Negotiations on a comprehensive EU–China Investment Agreement were launched at the 16th EU–China Summit held in November 2013 [European Commission 2020].

The institutional framework for European cooperation with the MIST countries, compared to BRICS, exhibits even greater diversity. Mexico and South Korea became strategic partners of the EU in 2010, which is later than BRICS countries.¹¹ However, with respect to free-trade arrangements, two of the MIST countries, i.e. Turkey and Mexico, have had free trade established for a relatively long period. The Association Agreement between Turkey and the then EEC entered into force already back in December 1964. Since 1996 the EU and Turkey have been linked by a Customs Union agreement, while accession negotiations were opened in October 2005 [European Commission 2020]. Mexico signed an Economic Partnership, Political Coordination and Cooperation Agreement with the EU in 1997, which included trade provisions that were developed in a comprehensive Free-Trade Agreement that entered into force in October 2000 for the part related to trade in goods, and in 2001 for that related to trade in services. The process of modernisation of the EU–Mexico Global Agreement started in 2016 and was “in principle” reached in April 2018 [European Commission 2020].

The Republic of Korea was the first Asian country to sign one of the new gen-

eration of deep and comprehensive free-trade agreements (FTA) with the EU in 2009. The agreement has provisionally been in force since 1 July 2011 when the majority of import duties were removed [European Commission 2016]. Indonesia currently enjoys trade preferences with the EU under the Generalised Scheme of Preferences whereas negotiations for an EU–Indonesia free trade agreement were launched in July 2016 [European Commission 2020].

It can be concluded that the regional institutional framework for developing trade relations with both BRICS and MIST countries is being created, but in fact it is relatively weak and was initiated relatively late. Before the crisis, it was more on a very general level with the exceptions of South Africa from the BRICS group and Turkey and Mexico from the MIST group. Only later was it complemented by more concrete trade and, in the case of China, investment agreement talks. It can therefore be concluded that such a regional institutional base has not been very instrumental for enhancing EU trade with BRICs. It appears that bottom-up economic drivers were thus decisive in creating trade flows between the EU and the emerging markets.

5.3 POLICY AND MANAGERIAL IMPLICATIONS

The analysis reveals the relatively slow and modest reorientation of European trade towards fast-growing industries and markets and, in the new EU-10 MS, also relatively slower vertical specialisation within global value chains. This points to the need for a more decisive and timely response in EU policymaking to support market and product trade restructuring and guarantee the requisite flexibility of the economy.

11 See European Strategic Partnerships Observatory. Available at: <http://strategicpartnerships.eu/database/>, accessed January 2016.

Policy implications

A trade-based crisis exit strategy may concern three aspects of trade performance: competitiveness in terms of both price and non-price factors, reorientation towards faster-growing markets and restructuring towards those product groups with dynamic demand developments. As follows from the divergent trend observed between the development of gross trade and value-added trade patterns it is increasingly the case that the emphasis should shift from where exports are booked towards where value is added to products.

What is the role of trade policy in supporting trade-based crisis exit strategies? It can be reasonably expected that due to the lack of progress in the multilateral format regional and bilateral agreements will continue to play a crucial role in the years to come, especially as far as supporting the EU's place in global value chains is concerned. There are two aspects of these regional and bilateral agreements that hold important implications for firms' ability to adjust their trade to global demand and supply trends: one is the geographical scope of bilateral and regional agreements, while the second one is the type of these agreements.

On one hand, there is a need for deep and comprehensive FTA agreements that would include not only trade provisions but also disciplines necessary to foster international production sharing. Such deep and comprehensive agreements contribute to the increased competitiveness of firms not only by granting them preferential access to the partner markets but also by enforcing more effective protection of the intellectual property rights (IPR) and decreasing exposure to various sources of regulation-related risks, which are perceived as important factors in building comparative advantages based on creativity, research, design and quality.

On the other hand, the EU needs to constantly review the set of strategic part-

ners foreseen for opening up trade and investment negotiations. As pointed out by Gaulier et al. [Gaulier et al. 2013, p. 2], with the global economy evolving continuously and rapidly, countries must pay close attention to their positioning on the map of global trade and production. The analysis points to the need to include the remaining fast-growth emerging economies in the free-trade and investment framework, whereby fast growth is not only linked to the size of the domestic market but increasingly on the position of a country in global and regional chains.

In order to ensure the effectiveness of bilateral and regional partnerships there is a need to increase awareness within the business sphere of how firms can leverage free-trade and investment agreements and take advantage of the opportunities offered by such agreements more effectively. Moreover, timely building of an appropriate institutional framework should be supported by policy measures targeting the building of competencies in cross-cultural management and language learning, e.g. by designing special training programmes or their inclusion in regular curricula, due to significant and continuous shifts and spreads of the global economic centres towards culturally very diverse areas.

Managerial implications

Implications for managers at the firm level are manifold. First, managers should recognise the potential of the bilateral and regional agreements and leverage them in their internationalisation and supply chain strategies. FTAs are far from being simply a tool to eliminate tariff duties upon the importing of a good originating in a partner country but are also designed to create opportunities by granting preferential access to the partner market, allowing firms to reduce the landed costs to their customers. Since in many cases agreements include provisions beyond trade measures, e.g. in the area of IPR protection, the right

to establish operations, ease of market access etc., they also open investment opportunities and increase the predictability of the policy environment in the partner country. Moreover, the business sphere should be more active in communicating the benefits of opening the doors to the new markets by liberalising trade and investment regimes.

Further, the 2008 GFC provides several lessons for firms' internationalisation practices also in wake of Covid-19 pandemic crisis. One of them is the importance of diversifying trade patterns beyond the EU in mitigating the negative effects of the crisis; an excessive EU orientation has to be complemented by "walking on two legs", i.e. European and global ones. Moreover, to resist a crisis faster adjustments to changing conditions in the global markets are needed by acting ex-ante, elaborating B plans etc. In addition, intensified diversification requires the enhancement of business intelligence and competencies to manage risk in international activities. Finally, not only the geographical but also the product structure matters. Constant product and process innovation activity, including new applications for old products and services and customer-focused innovations, seems crucial to promote export restructuring.

While the analysis in this paper provides lesson from 2008 GFC with respect to export pattern adjustments, the Covid-19 crisis differs from the GFC mainly in that it involves lockdown and social distancing which has led to major GVC disruptions. Trade is likely to fall more steeply in sectors characterized by complex value chain linkages, particularly in electronics and automotive products. Moreover, as pointed out by Evenett [Evenett 2020], a troubling trade policy dimension is now coming to light. Over 80 countries have introduced export prohibitions or restrictions as a re-

sult of the COVID-19 pandemic, predominantly on medical supplies, pharmaceuticals and medical equipment, but also on additional products, such as foodstuffs and toilet paper¹². At the same time, politicians' calls for "sovereign" or "national" supply chains and for re-thinking of domestic companies' approaches to international outsourcing of production are becoming louder [Serič, Görg, Mösele, Windisch 2020]. These processes and developments may lead as well to a certain degree of domestication, diversification and regionalization of GVCs and trade readjustment mostly on the sourcing (import) part. Cost rationalisation is expected to be downgraded on account of greater emphasis on risk management considerations. Trade reorientation is likely to be motivated by the possibilities of enhancing reliability of supply sources and reducing an exposure to risk of supply-chain disruptions which implies less trade with more distant countries and more with nearby ones.

Conclusions

The constant market share analysis indicates that neither the EU-15 nor the EU-10 have reaped the potential benefits of enhancing cooperation with fast-growing countries like BRICS and MIST. However, while the markets of BRICS exhibited a negative contribution to the structure effect, their contribution to competitiveness was positive. Although EU member states were unable to reorient towards these fast-growing economies to a sufficient extent compared to their competitors, enhancing trade with BRICS has helped both the EU-15 and EU-10 improve their competitiveness. Yet a comparison of gross and VA trade with BRICS suggests that the type of specialisation in trade with BRICS

12 More on this. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/export_prohibitions_report_e.pdf, accessed 25.08.2020.

differs between the old and new groups of member states where it is more vertical in nature in the case of the EU-15 and relatively more horizontal in the case of the new EU-10 MS.

Concerning export restructuring in terms of the product composition of exports, the results suggest that, even though technology upgrading was more pronounced in the EU-10, the product effect has played a relatively more positive role in old EU members during the crisis, particularly on account of the mid-tech product group. In line with our third hypothesis, we find a negative competitiveness effect on export market shares for both the EU-15 and the EU-10 during the crisis.

The relatively slow adjustment of European trade patterns to the export opportunities in fast-growing markets and industries points to a need for a more decisive and timely response in EU policymaking to support market and product trade restructuring and guarantee the requisite flexibility of the economy.

Like all studies, this one has certain limitations. Besides shortcomings of the method applied, as discussed in the paper, it was impossible at this point to robustly test the role of the policies and institutional set up in EU member countries as an instrument for designing policies to promote the kind of crisis exit strategies we have been examining. Being aware of these limitations, it would be instructive in future research to look for similar historical situations and examine the relation between trade pattern adjustments and smoothness of exiting the crisis.

References

- Ahmad N., Ribarsky J. (2014) *Trade in Value Added, Jobs and Investment*. 33rd General Conference of the International Association for Research in Income and Wealth, Rotterdam, Netherlands.
- Arora V., Vamvakidis A. (1) (2005) Economic Spillovers – Exploring the Impact Trading Partners Have on Each Other's Growth. *Finance and Development-English Edition*, vol. 42, no 3, pp. 48–50. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2005/09/arora.htm>, accessed 25.08.2020.
- Arora V., Vamvakidis A. (2) (2005) How Much Do Trading Partners Matter for Economic Growth? *IMF Working Papers*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2004/wp0426.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Balassa B. (1965) Trade Liberalization and “Revealed” Comparative Advantage”. *The Manchester School of Economic and Social Studies*, vol. 33, no 2, pp. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x
- Baliamoune-Lutz M. (2011) Growth by Destination (Where You Export Matters): Trade with China and Growth in African Countries. *African Development Review*, vol. 23, no 2, pp. 202–218. DOI: 10.1111/j.1467-8268.2011.00281.x
- Bowen H.P., Pelzman J. (1984) US Export Competitiveness: 1962–77. *Applied Economics*, vol. 16, no 3, pp. 461–473. DOI: 10.1080/00036848400000051
- Bussière M., Callegari G., Ghironi F., Sestieri G., Yamano N. (2013) Estimating Trade Elasticities: Demand Composition and the Trade Collapse of 2008–2009. *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 5, no 3, pp. 118–151. DOI: 10.1257/mac.5.3.118
- Chen R., Milesi-Ferretti G.M., Tresselt T. (2013) External Imbalances in the Eurozone. *Economic Policy*, vol. 28, no 73, pp. 101–142. DOI: 10.1111/1468-0327.12004
- Cheptea A., Fontagné L., Zignago S. (2014) European Export Performance. *Review of World Economics*, vol. 150, no 1, pp. 25–58. DOI: 10.1007/s10290-013-0176-z
- Dadush U., Stancil B. (2011) Is the Euro Rescue Succeeding? *VoxEU*, February 6, 2011. Available at: <https://voxeu.org/article/euro-rescue-succeeding>, accessed 25.08.2020.

Di Mauro F., Anderton R., Ernst E., Torres J., Lecat R., Cassidy M., Breda E. (2005) Competitiveness and the Export Performance of the Euro Area. *ECB's Occasional Paper Series*. No. 30. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=752090, accessed 25.08.2020.

Dollar D., Kraay A. (2004) Trade, Growth, and Poverty. *The Economic Journal*, vol. 114, no 493, pp. F22–F49. DOI: 10.1111/j.0013-0133.2004.00186.x

European Commission (2013). The EU's Bilateral Trade and Investment Agreements – Where Are We? Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-734_en.htm, accessed 25.08.2020.

European Commission (2020). Negotiations and Agreements. Available at: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/>, accessed 25.08.2020.

European Parliament (2011). The EU Foreign Policy towards the BRICs and Other Emerging Powers: Objectives and Strategies. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/studies/download.html?languageDocument=EN&file=49151>, accessed 25.08.2020.

Evenett S. (2020) Sickening Thy Neighbour: Export Restraints on Medical Supplies during a Pandemic. *VoxEU*, March 19, 2020. Available at: <https://voxeu.org/article/export-restraints-medical-supplies-during-pandemic>, accessed 25.08.2020.

Fagerberg J., Sollie G. (1987) The Method of Constant Market Shares Analysis Reconsidered. *Applied Economics*, vol. 19, no 12, pp. 1571–1583. DOI: 10.1080/00036848700000084

Foresti G. (2004) An Attempt to Explain the Italian Export Market Share Dynamics during the Nineties. *CSC Working Paper*. No. 47, Centro Studi Confindustria, Italy.

Freund C.L., Pierola M.D. (2010) Export Entrepreneurs: Evidence from Peru. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 5407.

Gaulier G., Santoni G., Taglioni D., Zignago S. (2013) In the Wake of the Global Crisis: Evidence from a New Quarterly Database of Export Competitiveness. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 6733.

Gräbner C., Tamesberger D., Heimberger P., Kapelari T., Kapeller J. (2019) Trade Models in the European Union. *ICAE Working Paper*. No. 95.

Houston D.B. (1967) The Shift-share Analysis of Regional Growth: A Critique. *Southern Economic Journal*, vol. 33, no 4, pp. 577–581. DOI: 10.2307/1055653

Johnson R.C. (2014) Five Facts about Value-added Exports and Implications for Macroeconomics and Trade Research. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, no 2, pp. 119–142. DOI: 10.1257/jep.28.2.119

Kali R., Méndez F., Reyes J. (2007) Trade Structure and Economic Growth. *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 16, no 2, pp. 245–269. DOI: 10.1080/09638190701325649

Kawai M., Petri P.A. (2014) Asia's Role in the Global Economic Architecture. *Contemporary Economic Policy*, vol. 32, no 1, pp. 230–245. DOI: 10.1111/j.1465-7287.2012.00331.x

Kunčič A., Tkalec S. (2016) New Transition Member States of the European Union: (How) Do They Respond to Current Changes in the Global Economy? *International Journal of Sustainable Economy*, vol. 8, no 1, pp. 1–17. DOI: 10.1504/IJSE.2016.073682

Leamer E.E., Stern R.M. (1970) *Quantitative International Economics*, Boston, MA: Allyn and Bacon.

Lederman D., Maloney W.F. (2003) Trade Structure and Growth. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 3025.

Loveridge S., Selting A.C. (1998) A Review and Comparison of Shift-share Identities. *International Regional Science Review*, vol. 21, no 1, pp. 37–58. DOI: 10.1177/016001769802100102

Milana C. (1988) Constant-market-shares Analysis and Index Number Theory. *European Journal of Political Economy*, vol. 4, no 4, pp. 453–478. DOI: 10.1016/0176-2680(88)90011-0

O'Neill J., Stupnytska A., Wrisdale J. (2011) It Is Time to Re-define Emerging Markets. *Goldman Sachs Asset Management Strategy Series*. No. 31.

Richardson J.D. (1) (1971) Constant-market-shares Analysis of Export Growth. *Journal of International Economics*, vol. 1, no 2, pp. 227–239. DOI: 10.1016/0022-1996(71)90058-4

Richardson J.D. (2) (1971) Some Sensitivity Tests for a “Constant-Market-Shares” Analysis of Export Growth. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 53, no 3, pp. 300–304. DOI: 10.2307/1937978

Serič A., Görg H., Mösele S., Windisch M. (2020) Managing COVID-19: How the Pandemic Disrupts Global Value Chains. *Green Growth Knowledge*, April 17, 2020.

Available at: <https://www.greengrowth-knowledge.org/blog/managing-covid-19-how-pandemic-disrupts-global-value-chains>, accessed 25.08.2020.

Simonis D. (2000) *Belgium's Export Performance: A Constant Market Shares Analysis*, Federal Planning Bureau.

Svetličič M., Jaklič A. (2012) Reactions of Slovene Multinational Firms to the Global Crisis. *Emerging Economies and Firms in the Global Crisis* (eds. Marinov M.A., Marinova S.T.), Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, pp. 259–291.

Tkalec S., Svetličič M. (2014) Can Cooperation with the BRICs and Other Growth Markets Help EU Member States Exit the Crisis? *Post-Communist Economies*, vol. 26, no 2, pp. 176–200. DOI: 10.1080/14631377.2014.904106

Tyszyński H. (1951) World Trade in Manufactured Commodities, 1899–1950. *The Manchester School*, vol. 19, no 3, pp. 272–304. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1951.tb00012.x

Wilson D., Purushothaman R. (2003) Dreaming with BRICs: The Path to 2050. *Global Economic Paper*. No. 99.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-6

Переориентация и реструктуризация торговли в сторону быстрорастущих развивающихся экономик: кризисное реагирование государств – членов ЕС

Юйхун ШАН

профессор, заместитель директора, Международная школа бизнеса
Шанхайский университет Международного бизнеса и экономики, 101, Flat 76, 585
BinHu Rd, Songjiang, Shanghai, China
E-mail: syh@suibe.edu.cn

Марьян СВЕТЛИЧИЧ

почетный профессор, факультет социальных наук
Университет Любляны, Kardeljeva pl., 5, 1000, Ljubljana, Slovenia
E-mail: marjansvetlicic@siol.net
ORCID: 0000-0002-5821-6707

Катя ЗАЙЦ КЕЙДАР

профессор, школа экономики и бизнеса
Университет Любляны, Kardeljeva pl., 17, 1000, Ljubljana, Slovenia
E-mail: katja.zajc@ef.uni-lj.si
ORCID: 0000-0003-1360-6899

ЦИТИРОВАНИЕ: Shang Yu., Svetličič M., Zajc Kejžar K. (2020) Trade Reorientation and Restructuring towards Fast-growing Emerging Economies: Crisis Response of the EU Member States. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 117–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-6

Статья поступила в редакцию 13.03.2020.

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается географическая переориентация и товарная реструктуризация торговли как стратегия антикризисного реагирования. Мы используем логику анализа методом постоянной доли рынка (CMS) для того, чтобы вычислить в общем изменении доли экспортного рынка вклад эффекта конкурентоспособности и структурного эффекта с точки зрения географической и производственной специализации. Дан-

ный метод применяется при анализе глобального финансового кризиса 2008–2009 годов в «старых» и «новых» государствах – членах ЕС. Анализ методом постоянной доли рынка (CMS) с учетом как валовых данных, так и данных о торговле с добавленной стоимостью указывает на отсутствие активной переориентации на быстрорастущие развивающиеся экономики как в ЕС-15, так и в ЕС-10. Товарная структура играла относительно более по-

зительную роль в старых членах ЕС во время кризиса, особенно в связи со средне-технологической группой продуктов, но технологическая модернизация была более выражена в новых государствах – членах ЕС. Хотя анализ, проведенный в статье, содержит уроки кризиса 2008–2009 годов в отношении корректировки структуры экспорта, сегодняшний пандемический кризис отличается от того кризиса главным образом тем, что он привел к крупным нарушениям глобальных цепочек создания стоимости, которые могут привести в определенной степени к локализации, диверсификации и регионализации глобальных цепочек, что предполагает переориентацию торговли из более отдаленных стран в соседние.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: структура торговли, переориентация торговли, антикризисное реагирование, ЕС, развивающиеся рынки, анализ методом постоянной доли рынка (CMS)

Список литературы

- Ahmad N., Ribarsky J. (2014) Trade in Value Added, Jobs and Investment. 33rd General Conference of the International Association for Research in Income and Wealth, Rotterdam, Netherlands.
- Arora V., Vamvakidis A. (1) (2005) Economic Spillovers – Exploring the Impact Trading Partners Have on Each Other's Growth // Finance and Development-English Edition, vol. 42, no 3, pp. 48–50 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2005/09/arora.htm>, дата обращения 25.08.2020.
- Arora V., Vamvakidis A. (2) (2005) How Much Do Trading Partners Matter for Economic Growth? // IMF Working Papers // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2004/wp0426.pdf>, дата обращения 25.08.2020.
- Balassa B. (1965) Trade Liberalization and “Revealed” Comparative Advantage” // The Manchester School of Economic and Social Studies, vol. 33, no 2, pp. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x
- Baliamoune-Lutz M. (2011) Growth by Destination (Where You Export Matters): Trade with China and Growth in African Countries // African Development Review, vol. 23, no 2, pp. 202–218. DOI: 10.1111/j.1467-8268.2011.00281.x
- Bowen H.P., Pelzman J. (1984) US Export Competitiveness: 1962–77 // Applied Economics, vol. 16, no 3, pp. 461–473. DOI: 10.1080/00036848400000051
- Bussière M., Callegari G., Ghironi F., Sestieri G., Yamano N. (2013) Estimating Trade Elasticities: Demand Composition and the Trade Collapse of 2008–2009 // American Economic Journal: Macroeconomics, vol. 5, no 3, pp. 118–151. DOI: 10.1257/mac.5.3.118
- Chen R., Milesi-Ferretti G.M., Tresselt T. (2013) External Imbalances in the Eurozone // Economic Policy, vol. 28, no 73, pp. 101–142. DOI: 10.1111/1468-0327.12004
- Cheptea A., Fontagné L., Zignago S. (2014) European Export Performance // Review of World Economics, vol. 150, no 1, pp. 25–58. DOI: 10.1007/s10290-013-0176-z
- Dadush U., Stancil B. (2011) Is the Euro Rescue Succeeding? // VoxEU, February 6, 2011 // <https://voxeu.org/article/euro-rescue-succeeding>, дата обращения 25.08.2020.
- Di Mauro F., Anderton R., Ernst E., Torres J., Lecat R., Cassidy M., Breda E. (2005) Competitiveness and the Export Performance of the Euro Area // ECB's Occasional Paper Series. No. 30 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=752090, дата обращения 25.08.2020.
- Dollar D., Kraay A. (2004) Trade, Growth, and Poverty // The Economic Journal, vol. 114, no 493, pp. F22–F49. DOI: 10.1111/j.0013-0133.2004.00186.x
- European Commission (2013). The EU's Bilateral Trade and Investment Agree-

ments – Where Are We? // http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-734_en.htm, дата обращения 25.08.2020.

European Commission (2020). Negotiations and Agreements // <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/>, дата обращения 25.08.2020.

European Parliament (2011). The EU Foreign Policy towards the BRICs and Other Emerging Powers: Objectives and Strategies // <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/studiesdownload.html?languageDocument=EN&file=49151>, дата обращения 25.08.2020.

Evenett S. (2020) Sickening Thy Neighbour: Export Restraints on Medical Supplies during a Pandemic // VoxEU, March 19, 2020 // <https://voxeu.org/article/export-restraints-medical-supplies-during-pandemic>, дата обращения 25.08.2020.

Fagerberg J., Sollie G. (1987) The Method of Constant Market Shares Analysis Reconsidered // *Applied Economics*, vol. 19, no 12, pp. 1571–1583. DOI: 10.1080/00036848700000084

Foresti G. (2004) An Attempt to Explain the Italian Export Market Share Dynamics during the Nineties // CSC Working Paper. No. 47, Centro Studi Confindustria, Italy.

Freund C.L., Pierola M.D. (2010) Export Entrepreneurs: Evidence from Peru // World Bank Policy Research Working Paper. No. 5407.

Gaulier G., Santoni G., Taglioni D., Zignago S. (2013) In the Wake of the Global Crisis: Evidence from a New Quarterly Database of Export Competitiveness // World Bank Policy Research Working Paper. No. 6733.

Gräbner C., Tamesberger D., Heimberger P., Kapelari T., Kapeller J. (2019) Trade Models in the European Union // ICAE Working Paper. No. 95.

Houston D.B. (1967) The Shift-share Analysis of Regional Growth: A Critique //

Southern Economic Journal, vol. 33, no 4, pp. 577–581. DOI: 10.2307/1055653

Johnson R.C. (2014) Five Facts about Value-added Exports and Implications for Macroeconomics and Trade Research // *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, no 2, pp. 119–142. DOI: 10.1257/jep.28.2.119

Kali R., Méndez F., Reyes J. (2007) Trade Structure and Economic Growth // *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 16, no 2, pp. 245–269. DOI: 10.1080/09638190701325649

Kawai M., Petri P.A. (2014) Asia's Role in the Global Economic Architecture // *Contemporary Economic Policy*, vol. 32, no 1, pp. 230–245. DOI: 10.1111/j.1465-7287.2012.00331.x

Kunčič A., Tkalec S. (2016) New Transition Member States of the European Union: (How) Do They Respond to Current Changes in the Global Economy? // *International Journal of Sustainable Economy*, vol. 8, no 1, pp. 1–17. DOI: 10.1504/IJSE.2016.073682

Leamer E.E., Stern R.M. (1970) *Quantitative International Economics*, Boston, MA: Allyn and Bacon.

Lederman D., Maloney W.F. (2003) Trade Structure and Growth // World Bank Policy Research Working Paper. No. 3025.

Loveridge S., Selting A.C. (1998) A Review and Comparison of Shift-share Identities // *International Regional Science Review*, vol. 21, no 1, pp. 37–58. DOI: 10.1177/016001769802100102

Milana C. (1988) Constant-market-shares Analysis and Index Number Theory // *European Journal of Political Economy*, vol. 4, no 4, pp. 453–478. DOI: 10.1016/0176-2680(88)90011-0

O'Neill J., Stupnytska A., Wrisdale J. (2011) It Is Time to Re-define Emerging Markets // Goldman Sachs Asset Management Strategy Series. No. 31.

Richardson J.D. (1) (1971) Constant-market-shares Analysis of Ex-

port Growth // *Journal of International Economics*, vol. 1, no 2, pp. 227–239. DOI: 10.1016/0022-1996(71)90058-4

Richardson J.D. (2) (1971) Some Sensitivity Tests for a “Constant-Market-Shares” Analysis of Export Growth // *The Review of Economics and Statistics*, vol. 53, no 3, pp. 300–304. DOI: 10.2307/1937978

Serič A., Görg H., Möslle S., Windisch M. (2020) Managing COVID-19: How the Pandemic Disrupts Global Value Chains // *Green Growth Knowledge*, April 17, 2020 // <https://www.greengrowthknowledge.org/blog/managing-covid-19-how-pandemic-disrupts-global-value-chains>, дата обращения 25.08.2020.

Simonis D. (2000) Belgium’s Export Performance: A Constant Market Shares Analysis, Federal Planning Bureau.

Svetličič M., Jaklič A. (2012) Reactions of Slovene Multinational Firms to the Glob-

al Crisis // *Emerging Economies and Firms in the Global Crisis* (eds. Marinov M.A., Marinova S.T.), Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, pp. 259–291.

Tkalec S., Svetličič M. (2014) Can Cooperation with the BRICs and Other Growth Markets Help EU Member States Exit the Crisis? // *Post-Communist Economies*, vol. 26, no 2, pp. 176–200. DOI: 10.1080/14631377.2014.904106

Tyszynski H. (1951) World Trade in Manufactured Commodities, 1899–1950 // *The Manchester School*, vol. 19, no 3, pp. 272–304. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1951.tb00012.x

Wilson D., Purushothaman R. (2003) Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // *Global Economic Paper*. No. 99.

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-7

Экономическая система ЕС под прессом пандемии: возможности и пределы трансформации

Ольга Витальевна БУТОРИНА

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора

Институт Европы РАН, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, Москва, Российская Федерация

E-mail: butorina@ieras.ru

ORCID: 0000-0001-7110-7049

ЦИТИРОВАНИЕ: Буторина О.В. (2020) Экономическая система ЕС под прессом пандемии: возможности и пределы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 144–162. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-7

Статья поступила в редакцию 13.07.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту № 2020-1902-01-372 Министерства науки и высшего образования на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития.

АННОТАЦИЯ. Экономика Евросоюза переживает третье крупное потрясение за последние 12 лет. Сначала это был мировой финансовый кризис, затем – долговой кризис еврозоны, теперь – пандемия коронавируса COVID-19.

Макроэкономическая политика относится к сфере смешанной компетенции государств – членов Евросоюза и органов ЕС. Последние берут на себя только часть функций, тогда как основная часть мер реализуется национальными правительствами по своему усмотрению. Тем не менее наднациональные органы задают общее направление макроэкономического курса ЕС и его государств-членов, устанавлива-

ют многие системообразующие правила. Будучи частью Единого внутреннего рынка ЕС, все государства-члены подпадают под его регулятивные нормы и практики. На все страны ЕС распространяются правила бюджетной дисциплины, установленные Пактом стабильности и роста. Все они принимают участие в регулярных макроэкономических мониторингах – Европейском семестре, выполняют предписания органов ЕС в области банковского надзора и надзора за финансовыми рынками.

Денежно-кредитная политика относится к сфере исключительной компетенции органов ЕС, прежде всего Европейского центрального банка (ЕЦБ).

Принимаемые им решения являются обязательными для стран еврозоны. В этой части разделения компетенций не происходит. К системе макроэкономического управления ЕС также следует отнести общий бюджет объединения.

Цель данной статьи – выявить трансформационный ресурс системы наднационального экономического управления ЕС в ответ на вызов пандемии коронавируса. Для ее достижения решаются две задачи. В рамках первой сначала дается общая оценка того состояния, в котором экономика ЕС находилась перед началом пандемии, с учетом сформированных после глобальной рецессии и кризиса еврозоны длительных тенденций. Автор выделяет четыре главных аспекта «новой нормальности»: замедленный экономический рост, неустойчивое состояние рынка труда, возросший государственный долг и близкую к дефляции ценовую динамику. Далее рассматривается влияние пандемии, вернее, введенных для ее преодоления ограничительных мер, на каждую из этих сфер.

Вторая задача – определить возможности системы макроэкономического управления Евросоюза продуктивно реагировать на возникший шок и проявлять способность к институциональной трансформации. Для этого обобщаются решения, принятые органами Евросоюза (Комиссией, Советом и ЕЦБ), и оценивается их эффективность. Они, в свою очередь, сопоставляются с теми реформами макроэкономического управления, которые Евросоюз начал после кризиса еврозоны. Речь идет о достраивании экономической опоры Экономического и валютного союза путем создания Фискально-

го союза, Финансового союза и Объединения рынка капиталов.

Делается вывод, что возможности ЕС стимулировать экономический рост и содействовать занятости определяются исчерпанием ресурса негативной (устраняющей барьеры) интеграции и переходом к преимущественно позитивной интеграции, эффект которой может быть менее выраженным и распределяться более неравномерно, чем выгоды от создания Единого внутреннего рынка и единой валюты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский союз, еврозона, пандемия COVID-19, экономическая интеграция, макроэкономическое управление в ЕС, экономический рост, государственные финансы, безработица

По данным Европейского центра профилактики и контроля заболеваний, на 10 июля 2020 г. в странах ЕС-27 было подтверждено 1 270 тыс. случаев заболевания COVID-19 и зарегистрировано 134 тыс. смертей. Так, в Италии от вируса скончались 35 тыс. человек, во Франции – 30 тыс., в Испании – 28 тыс. Самый высокий относительный показатель смертности – 85 человек на 100 тыс. населения – отмечен в Бельгии. За ней идут Испания, Италия и Швеция, где от вируса погибли за это время 50–60 человек на каждые 100 тыс. населения. Во многих других регионах смертность была гораздо ниже. Так, государства Балтии, Центральной и Восточной Европы, Австрия, Дания, Греция, Финляндия и Германия потеряли за это время от 1 до 11 человек на 100 тыс. граждан¹. Согласно информации Евростата, в 21 стране ЕС,

1 Расчеты автора по базе данных Европейского центра профилактики и контроля заболеваний: Download Today's Data on the Geographic Distribution of COVID-19 Cases Worldwide (2020) // ECDC, July 10, 2020 // <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-todays-data-geographic-distribution-covid-19-cases-worldwide>, дата обращения 25.08.2020.

по которым имеются сведения, в течение марта-апреля было зафиксировано на 140 тыс. больше смертей, чем в те же периоды 2016–2019 гг.²

Пандемия на фоне неполного восстановления

Принятые национальными правительствами ограничительные меры в отношении передвижения людей и социальных контактов привели к закрытию предприятий, замораживанию деловой активности и сжатию рынка труда. Сокращение численности рабочих мест и падение доходов на фоне крайне неопределенных перспектив развития ситуации привели к значительному сокращению потребительских расходов и капиталовложений. В конце мая, когда национальные правительства начали смягчать нормы социального дистанцирования и частично отменять введенные ранее ограничения, появились некоторые признаки улучшения. Однако пока их явно недостаточно, чтобы делать вывод о том, что спад достиг дна [European Central Bank 2020, p. 1].

В весеннем экономическом прогнозе Европейской комиссии говорилось, что пандемия нанесла удар по экономике ЕС, когда она находилась на пути осторожного восстановления и «все еще была уязвима по отношению к новым шокам». Судя по масштабу глобального потрясения, Европейский союз «вступил в глубочайшую экономическую рецессию за всю его историю». По оценкам экспертов, в 2020 г. совокупный ВВП стран Евросоюза может сократиться на 7,4%, тогда как в еврозоне падение составит 7,7%. Бюджетный дефицит в обеих группах превы-

сит 8% ВВП. [European Commission (1) 2020, p. 1].

Согласно сценариям, разработанным экспертами Европейского центрального банка (ЕЦБ), при наиболее благоприятном развитии событий, если распространение вируса удастся быстро остановить, ВВП еврозоны сократится в 2020 г. на 5,9%. Быстрым будет и восстановление: в 2021 г. экономика вырастет на 6,8%, т. е. отыграет потерю, а в 2022 г. она вступит в стадию чистого прироста с показателем 2,2% годовых. При худшем стечении обстоятельств, т. е. в случае мощной второй волны пандемии, ВВП еврозоны может рухнуть в 2020 г. на 12,6%. На следующий год он подрастет на 3,3%, а в 2022 г. – на 3,8%. То есть за два года экономика не восполнит и половины понесенной утраты [European Central Bank 2020, p. 26.]

Чтобы оценить способность экономической системы ЕС выдержать новое испытание, следует внимательнее присмотреться к тому, в каком состоянии она подошла к нему. Для его описания выделим несколько основных характеристик: динамика ВВП, состояние рынка труда, государственные финансы и инфляция.

С началом глобального финансового кризиса ЕС-27 дважды испытал абсолютное падение ВВП. По данным Евростата, в 2009 г. он сократился на 4,3%, а потом в ходе кризиса еврозоны уменьшился в 2012–2013 гг. в общей сложности на 0,8%. Показатели еврозоны снижались более выраженно – на 4,5% и на 1,1% соответственно. Евросоюз в его нынешнем составе (после выхода Великобритании) сумел вернуться к докризисному объему производства через шесть лет: уровень 2008 г. был превышен по итогам 2014 г. Еврозо-

2 2020 Data on Weekly Deaths: A Peak in Late March-early April (2020) // EuroStat, June 24, 2020 // <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20200624-1?inheritRedirect=true&redirect=%2Feurostat%2Fweb%2F covid-19%2F latest-releases>, обращения 25.08.2020.

на пересекла данный рубеж годом позже. На протяжении 2016–2018 гг. темпы роста в ЕС-27 находились в интервале 2,1–2,7% годовых. В этот короткий период Евросоюз почти на один процентный пункт обгонял США по скорости хозяйственного развития. Однако в 2018 г. развернувшийся было подъем начал терять силу. Средние по объединению темпы роста снизились до 1,5%, в Германии прирост составил только 0,6%, а в Италии – 0,3% годовых. Проблема медленных темпов роста характерна не только для ЕС, но и для большинства стран Запада, что стало частью той картины «новой нормальности», о которой эксперты заговорили в начале 2010-х гг.

В середине 2018 г. наметилась общемировая тенденция к торможению роста, причем, в отличие от предыдущих эпизодов, на этот раз ее во многом формировали развивающиеся рынки. Так, темпы роста Китая упали вдвое по сравнению с докризисными – во многом из-за сужения экспортных возможностей. Замедление темпов роста мировой торговли ясно почувствовали на себе европейские производители: спрос на их продукцию сократился, особенно со стороны азиатских стран и Китая. Здесь ЕС сталкивается с серьезной структурной проблемой, поскольку основу его промышленного экспорта составляют товары средней технологичности, весьма уязвимые к ценовой конкуренции на мировых рынках [Хесин 2020, с. 75–76; Афонцев 2019, с. 39].

Ситуация по отдельным странам ЕС весьма неоднородна. На рубеже 2000–2010 гг. Польша, например, вообще не испытала снижения ВВП. Германия, Франция, Бельгия, Швеция, Австрия и Словакия устойчиво вышли на уровень 2008 г. уже в 2010–2011 гг., причем кризис еврозоны не привел к повторному снижению их ВВП. Экономики Испании, Португалии, Кипра, Латвии, Сло-

вении и Словакии вернулись на докризисный уровень только в 2017–2018 гг. Хуже всего обстоит дело в Греции, там годовой ВВП 2019 г. составил 78% от того же показателя 2008 г. На докризисный уровень не вернулась также Италия, где ВВП 2019 г. равнялся 97% от объема 2008 г.

Приведет ли пандемия к еще большему расхождению показателей экономического развития? Здесь существует высокая степень неопределенности, многое будет зависеть от срока действия ограничительных мер, а также от структурных особенностей национальных хозяйств. Имеющиеся данные Евростата за I квартал 2020 г. не исключают, а, скорее, предвещают неравномерную реакцию на новый вызов. Хотя ограничительные меры были введены в середине марта, т. е. затронули не более 1/6 отчетного периода, динамические показатели ВВП заметно отличаются по странам. Так, в Германии совокупная стоимость произведенных в I квартале товаров и услуг уменьшилась на 2% по сравнению с тем же периодом 2019 г. Экономики Франции, Испании и Италии потеряли на том же временном отрезке от 4 до 6%. Зато хозяйства Ирландии, Польши, Венгрии, Литвы и Швеции продолжали расти.

Глобальный финансовый кризис и кризис еврозоны стоили Евросоюзу «потерянного десятилетия» в деле борьбы с безработицей. Вернуться к уровню 2008 г. (7,2%) ЕС-27 смог в 2018 г., а по итогам 2019 г. безработица снизилась до 6,7%. Однако средние цифры маскируют весьма разнородную картину. Если в Германии безработица упала до рекордных 3,2%, то больше десяти стран, в т. ч. крупных, а именно: Франция, Италия, Испания, Австрия, Греция, Дания, Кипр, Литва, Словения, Финляндия и Швеция – так и не вернулись к докризисному состоянию рынка труда. По данным Евростата, в Греции в 2019 г. безработи-

ца превышала 17% общей численности рабочей силы, а в Испании – 14%.

По мнению Европейской комиссии, пандемия COVID-19 и сопутствующие ей ограничительные меры перечеркнули имевшиеся еще недавно светлые перспективы развития рынков труда. На время действия карантина многие национальные правительства ввели специальные меры поддержки занятости, в их числе: различные схемы краткосрочной занятости, субсидии на выплату зарплаты для самозанятых, предоставление дополнительной ликвидности компаниям. Есть надежда, что они помогут сохранить часть рабочих мест, пусть за счет крупных потерь рабочего времени. Тем не менее уже сейчас воздействие пандемии на занятость оценивается как «устойчиво негативное». Больше других пострадают самые уязвимые группы работников: прекариат (увольняемые в первую очередь работники с временными контрактами) и молодые люди, впервые ищущие работу [European Commission (1) 2020, p. 5].

Гистерезис – новый в лексиконе ЕС термин, которым квалифицируют реакцию рынка труда на пандемию. В экономику понятие пришло из физики. Там гистерезисом называют такое свойство системы, когда ее крайние состояния характеризуются разными траекториями. Применительно к рынку труда это означает, что под воздействием шока безработица увеличивается быстро, но сокращается медленно, и для этого требуются большие усилия. Другими словами, вход в отрицательный сценарий происходит по одной траектории, а выход из него – по другой.

Эксперты Европейской комиссии не сомневаются, что национальные рынки труда будут по-разному отзываться на вызванное пандемией замирание хозяйственной жизни и последующее снижение ВВП. Нарастание таких отличий, которые были весьма выра-

женными и до начала пандемии, произойдет не столько из-за неодинаковой эффективности принятых отдельными государствами-членами мер, сколько из-за структурных особенностей их национальных хозяйств. К источникам рисков относят: высокую пропорцию временных работников и самозанятых в общей численности занятых; большой вклад мелких предприятий в формирование спроса на рабочую силу; отраслевую специализацию – долю наиболее пострадавших отраслей, например, туризма в объеме ВВП [European Commission (1) 2020, p. 52].

Нельзя не заметить, что два первых фактора – доля работающих по временным трудовым соглашениям и доля занятых на мелких и мельчайших предприятиях – еще недавно квалифицировались как положительные. Органы ЕС настойчиво рекомендовали государствам-членам придавать больший динамизм рынкам труда, шире внедрять гибкие формы занятости, включая неполную и временную. Малые и средние предприятия и вовсе представлялись важнейшей социальной опорой рыночной экономики. Так, при расширении ЕС на восток государствам Центральной и Восточной Европы следовало провести не только приватизацию, но и массовое разукрупнение предприятий. Теперь же признается, что мелкие фирмы обладают низкой финансовой устойчивостью, они чаще, чем крупные компании, сталкиваются с кассовыми разрывами, а банки им первым отказывают в кредитах. По выражению Р.И. Капелюшниковой, начавшееся задолго до Великой рецессии чрезмерное увлечение эконометрикой привело к тому, что нынешние экономисты «не чувствуют потребности в общей консистентной картине мира» [Капелюшников 2018]. Следует признать, что отсутствие целостной картины мира не смущает сегодня не только экономи-

стов, но и политиков, включая высших чиновников Европейского союза.

Третий признак «новой нормальности» – разбухший государственный долг. В результате мирового финансового кризиса и кризиса еврозоны совокупный государственный долг стран ЕС-27 увеличился с 62% ВВП в 2007 г. до 87% ВВП в 2014 г., т. е. почти в 1,5 раза. Особенно сильно он поднялся в Ирландии, Греции, Испании, Португалии и Кипре – странах, ставших адресатами программ финансовой помощи ЕС и МВФ. Ситуация начала постепенно выправляться после произошедшей в 2011 г. второй реформы Пакта стабильности. Политическая установка органов ЕС на оздоровление государственных финансов приносила плоды: по итогам 2019 г. совокупный государственный долг стран ЕС-27 сократился до 78% ВВП, т. е. на 9 процентных пунктов, по сравнению с пиком 2014 г.

Коронавирус, без сомнения, нарушит эту отрадную тенденцию, но пока не понятно, до какой степени. Здесь почти все зависит от длительности пандемии и от размера ее экономического ущерба. Ожидается, что общий бюджетный дефицит стран ЕС возрастет с 0,6% ВВП в 2019 г. до 8,5% ВВП в текущем году. Скачок объясняют как действием автоматических стабилизаторов экономики, так и принятыми правительствами дискреционными фискальными мерами [European Commission (1) 2020, p. 5].

В марте 2020 г. в связи с чрезвычайной ситуацией Европейская комиссия впервые за последние 30 лет расширила возможности государств-членов оказывать помощь предприятиям, в т. ч. путем частичной национализации [European Commission (2) 2020]. Одновре-

менно было приостановлено действие Пакта стабильности и роста, с тем чтобы правительства могли влить дополнительные денежные средства в экономику. В сообщении Комиссии подчеркивалось, что источники настоящего кризиса находятся «вне контроля национальных правительств», а сам он окажет «значительное воздействие на государственные финансы». Гибкое применение правил пакта обосновывалось необходимостью нарастить потенциал систем здравоохранения, а также облегчить участь наиболее затронутых кризисом граждан и секторов экономики [European Commission (3) 2020].

Всего на конец июня Евросоюз выделил 3,9 трлн евро на борьбу с пандемией, что эквивалентно почти 30% совокупного ВВП объединения. Из них 2 885 млрд евро выделено государствами-членами по линии вновь разрешенных программ государственной помощи и еще 420 млрд евро – в рамках освобождающей оговорки к Пакту стабильности и роста; то есть почти 85% средств поступило из национальных фондов. Финансовый взнос ЕС включает: 70 млрд евро – прямая поддержка из общего бюджета ЕС; 100 млн евро – кредиты в целях краткосрочной поддержки занятости в пострадавших странах; 200 млрд евро – кредиты Европейского инвестиционного банка; 240 млрд евро – средства Европейского механизма кризисной поддержки во время пандемии (англ. – European Stability Mechanism Pandemic Crisis Support)³. Последний механизм вступил в действие 15 мая 2020 г., он распространяется только на страны еврозоны. Каждая из них вправе подать заявку на открытие кредитной линии

3 Jobs and Economy during the Coronavirus Pandemic (2020) // European Commission // https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic_en?fbclid=IwAR3_vlxZTJQMejHkSYzw5dtOGqH31RUge2NLhe3Sa1JqmiG_z28S62vpU, дата обращения 25.08.2020.

в размере до 2% ВВП. Запрашиваемые средства могут направляться на покрытие внутренних прямых и косвенных расходов на здравоохранение, лечебные и профилактические мероприятия, связанные с вирусом COVID-19.

Пандемия повышает риск усиления социально-экономических различий между странами и регионами Евросоюза. Их отраслевая специализация обусловит асимметричные сдвиги в величине и структуре совокупного спроса, а также неодинаковую способность корпоративного сектора вернуться к докризисным объемам производства. Сильнее всего страдает сектор услуг, сама природа которого требует непосредственного контакта поставщика и потребителя. Здесь ожидается резкое сокращение оборота и занятости на малых и средних предприятиях. В целом страны с относительно благополучной бюджетной ситуацией будут иметь большее поле для фискального маневра, чем страны с высоким бюджетным дефицитом или государственным долгом. Последним будет труднее произвести экстренные вливания в здравоохранение, а также оказать социальную поддержку наиболее пострадавшим группам населения. Соответственно, неодинаковыми будут возможности инвестировать в зеленую и цифровую экономику, что, согласно идейным установкам новой Комиссии, считается ключом к перезапуску всей экономической системы. Но это, на наш взгляд, полбеда. Гораздо опаснее то, что «эти отличия могут привести к искажению условий оперирования на общем экономическом пространстве Единого рынка и увеличить расхождения в уровнях жизни» [European Commission (5) 2020, p. 3].

Еще одна черта «новой нормальности» – устойчивое снижение инфляции и балансирование ЕС, в первую очередь еврозоны, на грани дефляции. Вялая ценовая динамика уже несколь-

ко лет наблюдается в ряде промышленно развитых стран, помимо Японии, ставшей здесь хрестоматийным примером. Специалисты объясняют ее переходом к низким темпам роста, ограниченным спросом на сырье и энергоносители, массовым притоком товаров из стран с дешевой рабочей силой, а также с особенностями ценообразования в секторе услуг. С точки зрения экономической теории возникшая после мирового финансового кризиса ситуация нарушила некоторые незыблемые представления о связи между ростом цен, с одной стороны, денежной массой, безработицей и экономическим ростом – с другой. Попытки найти им объяснение при помощи эконометрических и динамических моделей пока не дали удовлетворительных результатов. Монетарным властям пришлось применять новые, нестандартные методы управления инфляцией и решать проблему снижения эффективности денежно-кредитной политики вследствие перемещения процентных ставок к нулевой границе (англ. – zero level bound) [Варнавский 2017; Буторина, Цибулина 2018; Хесин 2017; Буторина 2020, с. 483–484].

Закрытие из-за пандемии коронавируса многих производств, а также сокращение грузовых и пассажирских перевозок стало причиной стремительного падения спроса на нефть. Так, в апреле он уменьшился на 28 млн баррелей в сутки, в т. ч. на 4,6 млн баррелей сократился спрос на авиационный керосин и на 15,5 млн баррелей – на бензин. Возник необычный ценовой разрыв между двумя основными сортами нефти – Brent и WTI, т. е. между европейским и американским рынками. Европа, где в основном добывается и используется нефть сорта Brent, оказалась в несколько лучшем положении по сравнению с Соединенными Штатами, где быстро заполнились все возможные емкости для хра-

нения [Григорьев, Павлюшина, Музыченко 2020, с. 10].

Удешевление нефти вызвало новый нисходящий виток цен. В еврозоне гармонизированный индекс потребительских цен (ГИПЦ) снизился с 1,2% в феврале (в пересчете на годовой темп) до 0,7% в марте, а потом до 0,3% в апреле и 0,1% в мае 2020 г. Ожидается, что общая потребительская инфляция останется подавленной до конца года, в т. ч. ввиду слабого спроса со стороны домохозяйств. Согласно прогнозу специалистов Евросистемы, в 2020 г. ГИПЦ еврозоны составит 0,3% годовых, в 2021 г. при этом он может подняться до 0,8%, а в 2022 г. – до 1,3% [European Central Bank 2020, p. 27].

Таким образом в ближайшие годы еврозона не выполнит целевого ориентира роста цен, установленного с момента введения единой валюты на уровне, равном или близком к 2% годовых. Удивительно, что ЕЦБ, сумевший кардинально обновить инструментарий денежно-кредитной политики после начала мирового финансового кризиса и кризиса еврозоны, проявляет редкое упорство в части своего ценового ориентира. Он не идет ни на корректировку величины показателя, ни на замену нынешней расплывчатой формулировки четко обозначенным диапазоном. То же упорство проявляют Совет и Комиссия, когда они оценивают соответствие той или иной страны маастрихтскому критерию ценовой стабильности. Из-за общего снижения цен кандидаты на вступление в еврозону фактически должны загонять себя в состояние, близкое к дефляции. Ведь критерий рассчитывается как среднее арифметическое от показателей трех стран с самым низким уровнем потребительской инфляции плюс 1,5 процентных пункта. По данным Евростата, в мае ГИПЦ составил в Люксембурге минус 1,6%, а на Кипре и в Словении – минус 1,4%.

Возможности интеграции

Настало время задать принципиальный вопрос: насколько интеграция, т. е. Евросоюз с его институтами и механизмами, может быть полезна обществу в преодолении последствий пандемии?

Начнем с экономического роста. Тема влияния интеграции на экономический рост является, с одной стороны, одной из самых популярных, а с другой – наименее изученных. Сама идея Общего рынка предполагала, что свободное движение товаров и услуг, а потом также капиталов и рабочей силы усилит конкуренцию, т. е. обеспечит естественный хозяйственный отбор, а также будет способствовать более эффективному размещению ресурсов. Общественный ренессанс идеи пришелся на период подготовки в середине 1980-х гг. программы Единого внутреннего рынка (ЕВР). Правда, согласно недавним исследованиям, представители ведущих европейских компаний уже в 1970-е гг. добивались углубления интеграции с целью преодоления структурных кризисов капитализма [Ramírez 2019, p. 631].

Окончательно спрос на интеграцию со стороны бизнеса сформировался в начале 1980-х гг. Почву для этого создали глубокие структурные проблемы, с которыми столкнулась западно-европейская экономика после двух нефтяных кризисов. Высокая инфляция, дорогой кредит, неутешительные для ЕЭС результаты технологического соревнования с США и Японией – все это делало крайне острой проблему конкуренции на мировых рынках. Крупнейшие европейские компании видели выход в том, чтобы нарастить объемы производства и получить максимальную выгоду от эффекта масштаба. Но для этого требовался обширный общий рынок Сообщества, где национальные хозяйства не были бы отгорожены друг от друга мно-

жеством незримых границ [Mattli 1999, pp. 77–78].

Подробный перечень физических, технических и налоговых барьеров на пути движения товаров, услуг, капиталов и лиц на внутреннем рынке Сообщества содержался в Белой книге «Завершение строительства единого рынка», подготовленной к саммиту ЕС в Милане в 1985 г. [Commission of the European Communities 1985]. Официально переход Сообщества от таможенного союза к общему рынку был закреплен Единым европейским актом 1987 г.

Как видно, первоначально программа ЕВР не ставила цели стимулировать экономический рост. С ее помощью находившийся во главе Комиссии Жак Делор и его сторонники стремились вывести Сообщество из длительного застоя, соединив запрос политических элит на усиление европейского центра силы с коммерческими резонами бизнеса. Этот прагматичный подход, конечно, не отменял грандиозного масштаба плана ЕВР. Вопрос о его макроэкономической отдаче встал довольно скоро. В 1988 г. по заказу Европейской комиссии был подготовлен «Доклад Чеккини». Он содержал многочисленные расчеты, выполненные с применением новейшего для той поры математического аппарата. На их основе был сделан вывод, что общие выгоды от создания ЕВР могли составить более 200 млрд ЭКЮ в ценах 1988 г. Дополнительный прирост ВВП в предстоящие 10 лет ожидался в интервале от 2,5% до 6,5% – благодаря лучшему размещению ресурсов, эффекту масштаба и возросшей конкуренции. Постоянный же прирост ВВП мог составить от ¼ до ½ процентных пункта в год – благодаря росту доходов, сбережений и инвестиций [Commission of the European Communities 1988].

Единый внутренний рынок в целом был построен к 1993 г., к этому времени

на практике была реализована подавляющая часть предложений Белой книги 1985 г. Кардинальный сдвиг произошел в либерализации движения капиталов. Тем не менее экономистам не удалось доказать стимулирующее воздействие ЕВР на экономический рост. Например, исследование 1997 г. подтвердило наличие прочной взаимосвязи между членством страны в интеграционной группировке и ее экономическим ростом. Согласно расчетам, интеграция повышала ежегодные темпы роста ВВП на 0,6–0,8 процентных пункта [Henrekson, Torstensson, Torstensson 1997]. Проблема состояла в том, что эти результаты были получены как для стран ЕЭС, где уже действовал общий рынок с четырьмя свободами, так и для участников ЕАСТ, где интеграция находилась на стадии зоны свободной торговли, – т. е. специфический эффект ЕВР не вычленился или не проявлял себя.

Позже вопрос экономической отдачи ЕВР был вытеснен другими, более прагматичными. На первый план вышла проблема интеграции отдельных рынков товаров и услуг и качества регулирования. Тем более что сегментация таких рынков оказалась весьма устойчивой. Хотя, по общему мнению, углубление интеграции положительно влияет на экономическую активность, интерпретация ее макроэкономических последствий считается делом непростым и требующим большой осторожности, особенно если речь идет о страновых сопоставлениях [Bublitz 2018, p. 340]. Наиболее авторитетные специалисты предпочитают видеть в едином рынке не столько источник, сколько важное условие экономического роста в ЕС [Pelkmans 2013, p. 101; Pelkmans 2019, p. 9].

Новое исследование, выполненное методом синтетического контроля, показало с высокой степенью достоверности, что реализация программы ЕВР позволила участвующим в ней странам в

1993–2008 гг. увеличить реальный ВВП на душу населения на 12–22%. Причем, как и ожидалось, малым странам выход на более широкий внутренний рынок принес больше преимуществ, чем крупным [Lehtimäki, Sondermann 2020, pp. 35–36]. Если эти расчеты верны, то ежегодный вклад ЕВР в рост душевого ВВП составляет от 0,75% до 1,35% в год. Величина весьма значительная и намного превосходящая оптимистические оценки «Доклада Чекини».

Большие надежды в плане экономического роста возлагались на Экономический и валютный союз (ЭВС). Единая валюта должна была улучшить качество единого внутреннего рынка и максимально приблизить его по степени однородности к национальному. Она устраняла риски, связанные с колебаниями обменных курсов, а также транзакционные расходы на конвертирование. Благодаря евро цены внутри валютного союза становились прозрачными, что должно было выравнивать условия конкуренции и повысить эффективность. По расчетам Европейской комиссии, выгоды от снижения транзакционных издержек могли составить до 0,5% ВВП государств-членов [Commission of the European Communities 1990, p. 21].

Однако пока уловить связь между членством в валютном союзе и экономическим ростом не удастся. Долговой кризис еврозоны, наоборот, обнаружил многие уязвимые места конструкции ЭВС и, прежде всего, несоответствие уровней интеграции между его централизованной валютной частью и действующей на принципах межгосударственного сотрудничества экономической частью. Он также показал, каким высоким рискам могут подвергаться финансовые рынки и социально-экономические системы слабых стран в условиях нестабильной конъюнктуры. Возникшая весьма опасная петля обратной связи между банковской системой

и государственными финансами сделала необходимым создание Банковского союза ЕС с такими его элементами, как Единый надзорный механизм, Единый механизм санации банков, Европейская система страхования депозитов.

Напомним, что принятая в 2015 г. в ответ на кризис еврозоны 10-летняя программа совершенствования ЭВС включает создание трех продвинутых союзов: Фискального, Экономического и Финансового. В последний в свою очередь входят Банковский союз и Объединение рынков капитала [European Commission 2015]. К началу 2020 г. почти в полную меру функционировал Фискальный союз. Исключение составлял отдельный бюджет еврозоны, перспективы которого пока туманны. В рамках Экономического союза действовал Европейский семестр. Меньше всего удалось продвинуться в создании Финансового союза, здесь еще много работы и нерешенных вопросов.

Новая Комиссия под руководством Урсулы фон дер Ляйен выделяет шесть приоритетов развития ЕС: Европейская «зеленая сделка»; экономика для людей; цифровизация; защита европейского образа жизни; усиление роли ЕС в мире и развитие демократии. В рамках первого приоритета поставлена цель первыми в мире достичь к 2050 г. полной климатической нейтральности, что «потребует инвестиций в научные исследования и инновации, реформативирования экономики и обновления промышленной политики» Евросоюза. Второй приоритет представляет собой свод разнообразных задач, начиная от поддержки малого бизнеса и углубления ЭВС до обеспечения социальных прав граждан и реформы налогообложения. В рамках третьего приоритета ЕС намерен максимально использовать преимущества цифровой эры, а также задавать мировые стандарты в сфере передовых технологий [von der Leyen 2019].

То есть в чистом виде задача содействовать экономическому росту не ставится. Те же шесть приоритетов повторяются в программе действия ЕС на 2020 г., принятой еще до начала пандемии. «Новой стратегией роста» объявляется Европейская «зеленая сделка», которая должна повысить инновационность, конкурентоспособность и ресурсную эффективность экономики Евросоюза. Реализация программы, по мысли авторов, поможет создавать рабочие места, а новая промышленная стратегия будет содействовать экологической и цифровой трансформации [European Commission (6) 2020, pp. 2–3]. Больше тема экономического роста в документе не затрагивается.

Из этого можно сделать вывод, что после мирового финансового кризиса и кризиса еврозоны Европейский союз не решается ставить цель стимулировать экономический рост, пусть косвенными средствами – улучшая бизнес-среду и инвестиционный климат для европейских компаний. Инновационность, ресурсоэффективность и цифровые технологии представляют собой уже не общее благо, как это было с программой ЕВР и единой валютой, а набор опций. Их достижение становится делом Евросоюза, но не каждого государства-члена, региона или предприятия. Выборочный подход к участникам этого большого похода, естественно, официально не артикулируется, но подразумевается, поскольку их стартовые позиции и технологические возможности сильно отличаются. Так, под данным ЮНКТАД, в 2018 г. пять стран ЕС (Германия, Франция, Нидерланды, Ирландия и Люксембург) вместе давали 27% мирового экспорта цифровых услуг. На все остальные 22 страны, включая такие крупные, как Италия, Испания и Польша, приходилась вдвое меньшая доля – 13%.

Есть и другая сторона вопроса. Существующие на сегодня количествен-

ные оценки вклада цифровых технологий в ускорение роста глобального ВВП не превышают 0,15–0,25 процентных пункта. Из этого следует, что они могут быть лишь одним из многих факторов новой модели роста мировой экономики, но никак не ее главной движущей силой [Афонцев 2019, с. 41.] В любом случае развитие цифровой и «зеленой» экономики представляет собой позитивную интеграцию, тогда ЕВР и ЭВС эксплуатировали потенциал негативной интеграции (общественное благо возникло благодаря устранению барьеров). Насколько позитивная интеграция (то есть создание нового качества среды) может конкурировать с негативной в части приращения выгод – большой отдельный вопрос. На сегодня он не имеет не только ответа или приближения к нему, но даже серьезной постановки.

Пандемия коронавируса и вызванные ею социально-экономические последствия побудили Евросоюз задуматься о расширении своих финансовых ресурсов. Напомним, что до сих пор его общий бюджет составляет 1% совокупного ВНД государств-членов. Почти 40% этих фондов идет на поддержку сельского хозяйства и еще треть – на помощь относительно бедным регионам. Бюджетная программа на 2014–2020 гг. составляет 1 087 млрд евро, в т. ч. ассигнования на текущий год – 173 млрд евро. Как уже отмечалось, на преодоление последствий пандемии по линии ЕС выделено в общей сложности 610 млрд евро (прямые выплаты из бюджета ЕС, кредиты на поддержку занятости, кредиты ЕИБ и средства Европейского стабилизационного механизма для еврозоны). Данная сумма составляет 4,4% совокупного ВВП Евросоюза.

27 мая 2020 г. Европейская комиссия выдвинула проект новой, расширенной финансовой программы ЕС на 2021–2027 гг. [European Commission (4) 2020]. Его одобрила специальная сес-

сия Европейского совета, проходившая 17–21 июля в Брюсселе. После изматывающих переговоров (против увеличения расходов активно выступали четыре страны с наивысшими показателями нетто-взносов в расчете на душевой ВВП: Австрия, Нидерланды, Швеция и Дания) главы государств и правительств утвердили многолетний бюджет объединения в размере 1 074,3 млрд евро. Они также поддержали предложение Комиссии учредить для борьбы с последствиями пандемии временный фонд «ЕС будущего поколения» (англ. – Next Generation EU), рассчитанный на 2021–2024 гг. Для этого впервые в истории будут выпущены долговые облигации Евросоюза со сроком погашения до 2058 г. Размер фонда составит 750 млрд евро, из которых 390 млрд евро будут распределены в виде грантов, а 360 млрд – в виде кредитов государствам-членам. В общей сложности финансовые ресурсы ЕС возрастают до 1 824,3 млрд евро, что в годовом исчислении соответствует 2% совокупного ВНД 27 государств-членов.

Данное решение позволяет Евросоюзу сделать еще один шаг в сторону федерализации, а бюджет ЕС получает новую, ранее несвойственную ему инвестиционную направленность. Теперь его средства пойдут не только на поддержку сельского хозяйства и отстающих регионов, но и на стимулирование экономики, включая цифровизацию и «зеленый» рост. Тем не менее финансовый план продолжает отражать разницу интересов стран-доноров и стран-реципиентов. Так, по сравнению с первоначальным предложением Комиссии, в фонде борьбы с пандемией грантовая часть была сокращена с 500 до 390 млрд евро, а кредитная, наоборот, увеличена с 250 до 360 млрд евро.

Возможности органов ЕС влиять на ситуацию на рынке труда довольно малы. Как уже отмечалось, Евросоюз вошел в нынешний кризис с крайне неод-

нородной по странам ситуацией в сфере занятости. Эта неоднородность будет усилена эффектом гистерезиса, когда одни страны столкнутся с устойчиво высокой безработицей, а другие тем или иным образом справятся с ней. Так, в Испании численность занятых, зарегистрированных службой социального обеспечения, уменьшилась с середины марта по 30 апреля 2020 г. на 950 тыс. человек. Хотя за тот же период 2019 г. она увеличилась на 160 тыс. Но это далеко не все потери, еще примерно 3,4 млн человек воспользовались процедурой временного увольнения (исп. – Expediente de Regulación Temporal de Empleo), которая позволяет компании формально поддерживать договорные отношения в ожидании возобновления деятельности без выплаты работнику денежного содержания. Плюс к тому 1,3 млн самозанятых обратились за пособиями в связи с прекращением деятельности [Hernández de Cos 2020, p. 7].

Главным инструментом координации макроэкономической политики на уровне всего ЕС является действующий с 2011 г. Европейский семестр. Он представляет собой полугодовую проверку органами Евросоюза (Комиссией и Советом) экономических программ государств-членов по трем направлениям: проведение структурных реформ в целях содействия росту и занятости; соответствие бюджетной политики правилам Пакта стабильности и роста; предотвращение крупных макроэкономических дисбалансов. По итогам каждого полугодия национальным правительствам направляются страновые рекомендации (англ. – Country Specific Recommendations, CSRs). По логике, они должны выполнять не только контрольные, но и консультационные функции, т. е. помогать национальным правительствам двигаться в русле общего макроэкономического курса Евросоюза.

На практике органы ЕС скорее выступают судьей, чем советчиком. Профессиональное исполнение адресуемых правительствам рекомендаций, на наш взгляд, неоспоримо. Приведем пример. В мае этого года по итогам полугодового обследования испанскому правительству было направлено четыре рекомендации. Одна из них касается рынка труда. Она звучит так. «Содействовать занятости при помощи механизмов сохранения рабочих мест, эффективного стимулирования найма и развития трудовых навыков. Улучшить защиту от безработицы, прежде всего для нетипичных работников. Повысить охват и соразмерность схем минимального дохода и поддержки семьи, а также улучшить доступ к цифровому обучению» [European Commission (7) 2020, p. 9]. Италии, где безработица к концу года может достигнуть 12%, адресуется следующий набор мер: обеспечить доступ работников, особенно нетипичных, к мерам социальной защиты; адекватно восполнить утраченный ими доход; смягчить влияние кризиса на занятость, в т. ч. за счет гибких схем трудоустройства; улучшить систему дистанционного обучения и развития навыков, включая цифровые [European Commission (8) 2020, p. 9]. Как видно, Комиссия не предлагает конкретных решений, например, из каких средств компенсировать утраченные доходы уволенных работников. Она формирует некий общий свод рекомендаций и создает на его основе своего рода аранжировку.

Сам механизм Европейского совета вызывает у специалистов множество вопросов. При оптимистичном взгляде на нынешнее состояние дел можно говорить о формировании процедур принятия решений, которые позволяют, пусть не оптимально, сочетать социальные и экономические цели, а также находить компромисс между наднациональными и межправительственными методами управления

[Verdun, Zeitlin 2017, pp. 144–145]. Более критический взгляд обнаруживает движение страновых рекомендаций как в сторону их ужесточения, так и в сторону ослабления. При этом после 2015 г. отмечается общая тенденция к менее точным, более расплывчатым формулировкам, допускающим их пересмотр и весьма вольные интерпретации [Bekker 2020, pp. 15–16].

Будущая динамика государственного долга стран ЕС сильно зависит от длительности пандемии и ее общего ущерба. По предварительным оценкам, государственный долг стран еврозоны повысится с 86% в 2019 г. до 103% в 2020 г. и снизится до 99% в 2021 г. Для всех 27 стран Евросоюза их общий госдолг поднимется соответственно с 79% в прошлом году до 95% в нынешнем году и понизится до 92% в 2021 г. [European Commission (5) 2020, p. 3]. Таким образом, относительная величина государственной задолженности увеличится на 16 процентных пунктов. Если скорость ее снижения будет такой же, как в 2014–2019 гг., т. е. по 2 процентных пункта в год, то возвращение на докарантинный уровень потребует 8 лет строгого соблюдения бюджетной дисциплины и произойдет не ранее 2028 г. При этом отступление от 60%-го маастрихтского критерия останется нормой на ближайшие 20 лет. Здесь в системе возникнут новые напряжения, связанные как с риском дефолта, так и с фрагментацией финансового пространства еврозоны из-за разных величин государственной задолженности отдельных стран и, соответственно, разной величины риска для инвесторов.

Светлым пятном в картине является то, что Фискальный союз (включающий усиленный Пакт стабильности и роста, Бюджетный пакт и Европейский фискальный совет) представляет собой наиболее продвинутой частью новой архитектуры экономического управле-

ния ЕС. В отличие, например, от Банковского союза, в сфере Фискального союза имеется развитое законодательство и отлаженные практики насаждения бюджетной дисциплины.

Европейский центральный банк, оказавшийся на передней линии обороны во время мирового финансового кризиса, вынужден был задействовать нестандартные инструменты и на этот раз. С началом пандемии предметом его беспокойства стали увеличивающиеся спреды по долговым инструментам отдельных стран. Чтобы предотвратить фрагментацию финансового пространства еврозоны, 20 марта 2020 г. ЕЦБ развернул программу экстренной покупки активов в борьбе с пандемией (англ. – Pandemic emergency purchase programme – PEPP). 4 июня Совет управляющих ЕЦБ увеличил первоначальный объем программы с 750 млрд евро до 1 350 млрд евро. Крупная уступка сделана в отношении государственных ценных бумаг Греции: к ним не применяются отборочные требования. Остаточный срок погашения приобретаемых в рамках программы государственных ценных бумаг составляет от 70 дней до 31 года. Объявлено, что программа будет действовать до тех пор, пока Совет управляющих не сочтет, что эпидемия закончилась. В любом случае это произойдет не раньше, чем в конце июня 2021 г.

С сентября 2019 г. процентные ставки ЕЦБ находятся на рекордно низком уровне: 0% – по основным операциям рефинансирования, минус 0,5% – по суточным депозитам и плюс 0,25% – по суточным кредитам. С одной стороны, столь малые процентные ставки улучшают условия, на которых коммерческие банки кредитуют предприятия и население, помогая им бороться с последствиями пандемии. С другой стороны, они формируют долгосрочные инфляционные ожидания и таким образом могут повышать риск сползания ев-

розоны в дефляционную ловушку. Несомненным преимуществом ЕЦБ является его независимость. Единая денежно-кредитная политика реализуется централизованно и оперативно, что позволяет ей быстро реагировать на возникающие шоки. Однако ЕЦБ не в состоянии решать макроэкономические и структурные проблемы еврозоны. Подобные задачи выходят за рамки его мандата и относятся к компетенции Совета и Комиссии.

Выводы

Пандемия коронавируса разразилась в то время, когда экономика Евросоюза все еще находилась в процессе преодоления последствий Великой рецессии и кризиса еврозоны. В состоянии трансформации находилась и его система экономического управления.

Вследствие пандемии у стран ЕС резко возрастут бюджетные расходы и, следовательно, дефициты. Следует ждать длительного подъема государственного долга. Рост безработицы будет не только значительным, но и весьма неравномерным. Разнородность экономического пространства определенно увеличится, что затруднит выработку общего экономического курса Евросоюза и создаст дополнительные внутривалютные риски. Динамика инфляции будет в основном определяться внешними факторами, тогда как риск дефляции в ЕС и, особенно, в еврозоне возрастает из-за сокращения совокупного спроса.

Увеличение вдвое общего бюджета значительно повышает способность Евросоюза противостоять пандемии и иным подобным шокам. Однако до конца будущей финансовой программы, т. е. до 2028 г., максимум такого роста находится на уровне 2% совокупного ВВП государств-членов. Эта цифра не идет ни в какое сравнение с по-

рогом в 5–7% ВВП, предложенным еще в 1977 г. председателем Комиссии Роем Дженкинсом [Jenkins 1977]. Неудача с Конституцией Евросоюза 2005 г. закрыла путь к федерализации ЕС и тем самым сильно сузила перспективы развития его бюджетных полномочий.

После завершения строительства единого рынка и создания единой валюты Евросоюз фактически исчерпал потенциал *негативной* интеграции, которая дает осязаемые преимущества благодаря снятию разного рода ограничений. Попытки осуществить комплексную стратегию *позитивной* социально-экономической интеграции предпринимаются уже 20 лет без особого успеха. Речь идет о Лиссабонской стратегии 2010 г. и программе «Европа 2020». Теперь им на смену пришла идеология «зеленой» и цифровой экономики, которая пока не обещает ускорения роста.

В целом способность системы макроэкономического управления ЕС трансформироваться в целях преодоления внешних шоков на сегодня невелика. В ближайшие годы Евросоюз и его руководящие органы будут бороться за сохранение прежних завоеваний интеграции. Главной целью станет не ее движение вперед, а противодействие силам дезинтеграции.

Список литературы

Афонцев С.А. (2019) Новые тенденции развития мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 5. С. 36–46. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46

Буторина (2020) Экономическая история евро. М.: Весь Мир.

Буторина О., Цибулина А. (2018) Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности // Современная Европа. № 4. С. 90–100. DOI: 10.15211/soveurope4201890100

Варнавский В.Г. (2017) Посткризисное развитие: инфляция vs дефляция // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 1. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-5-16

Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. (2020) Падение в мировую рецессию 2020 // Вопросы экономики. № 5. С. 5–24. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-5-5-24

Капелюшников Р.И. (2018) О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. № 5. С. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128

Хесин Е.С. (2017) Управление инфляцией: движущие силы перемен // Деньги и Кредит. № 12. С. 9–14 // <https://rjmfecons.online/upload/iblock/159/15915048f473f4aa5e04c77e8ac0981a.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Хесин Е. (2020) Экономика Европейского союза: итоги посткризисного десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 1. С. 73–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81

Bekker S. (2020) Hardening and Softening of Country-specific Recommendations in the European Semester // West European Politics, April 7, 2020. DOI: 10.1080/01402382.2020.1739407

Bublitz E. (2018) The European Single Market at 25 // Intereconomics. Review of European Economic Policy, no 6, pp. 337–342. DOI: 10.1007/s10272-018-0779-7

Commission of the European Communities (1985). Completing the Internal Market. White Paper from the Commission to the European Council (Milan, 28–29 June 1985), Brussels.

Commission of the European Communities (1988). Europe 1992. The Overall Challenge. SEC, no 524 final. Brussels, 13 April // <http://aei.pitt.edu/3813/1/3813.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Commission of the European Communities (1990). One Market, One Money, An Evaluation of Potential Benefits and Costs

of Forming an Economic and Monetary Union. *European Economy*. No. 44.

European Central Bank (2020). *Economic Bulletin*. No. 4.

European Commission (2015). *Completing Europe's Economic and Monetary Union*. Report by Jean-Claude Juncker in Close Cooperation with Donald Tusk, Jeroen Dijsselbloem, Mario Draghi and Martin Schulz.

European Commission (1) (2020). *European Economic Forecast Spring 2020*. DOI: 10.2765/788367

European Commission (2) (2020). *Temporary Framework for State Aid Measures to Support the Economy in the Current COVID-19 Outbreak*. Communication from the Commission, Brussels.

European Commission (3) (2020). *Communication from the Commission to the Council on the Activation of the General Escape Clause of the Stability and Growth Pact*, Brussels.

European Commission (4) (2020). *The EU Budget Powering. The Recovery Plan for Europe*. DOI: 10.2761/712137

European Commission (5) (2020). *2020 European Semester: Country-specific Recommendations*, Brussels.

European Commission (6) (2020). *Commission Work Programme 2020. A Union That Strives for More*, Brussels.

European Commission (7) (2020). *Recommendation for a Council Recommendation on the 2020 National Reform Programme of Spain and Delivering a Council Opinion on the 2020 Stability Programme of Spain*, Brussels.

European Commission (8) (2020). *Recommendation for a Council Recommendation on the 2020 National Reform Programme of Italy and Delivering a Council Opinion on the 2020 Stability Programme of Italy*, Brussels.

Henrekson M., Torstensson J., Torstensson R. (1997) *Growth Effects of European Integration*//*European Economic Review*, vol. 41, no 8, pp. 1537–1557. DOI: 10.1016/S0014-2921(97)00063-9

Hernández de Cos P. (2020) *Pablo Hernández de Cos Appearance before the Parliamentary Economic Affairs and Digital Transformation Committee* // BIS, May 18, 2020 // <https://www.bis.org/review/r200522d.htm>, дата обращения 25.08.2020.

Jenkins R. (1977) *Europe's Present Challenge and Future Opportunity* // CVCE, October 27, 1977 // http://www.cvce.eu/content/publication/2010/11/15/98bef841-9d8a-4f84-b3a8-719abb63fd62/publishable_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Lehtimäki J., Sondermann D. (2020) *Baldwin vs. Cecchini Revisited: The Growth Impact of the European Single Market* // *ECB Working Paper Series*. No. 2392. DOI: 10.2866/04016

Mattli W. (1999) *The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond*, Cambridge: Cambridge University Press.

Pelkmans J. (2013) *The Economics of Single Market Regulation* // *Mapping European Economic Integration* (eds. Verdun A., Tovias A.), Palgrave Macmillan, pp. 79–104. DOI: 10.1057/9781137317360

Pelkmans J. (2019) *The Single Market Remains the Decisive Power of the EU* // *CEPS Policy Priorities for 2019–2024*, October 18, 2019.

Ramírez P., Sigfrido M. (2019) *Crises and Transformations of European Integration: European Business Circles during the Long 1970s* // *European Review of History/Revue Européenne d'Histoire*, vol. 26, no 4, pp. 618–635. DOI: 10.1080/13507486.2019.1613964

Verdun A., Zeitlin J. (2017) *Introduction: The European Semester as a New Architecture of EU Socioeconomic Governance in Theory and Practice* // *Journal of European Public Policy*, no 2, pp 137–148. DOI: 10.1080/13501763.2017.1363807

von der Leyen U. (2019) *A Union that Strives for More. My Agenda for Europe* // *European Commission* // https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/political-guidelines-next-commission_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-7

The EU Economic System under the Pressure of a Pandemic: Opportunities and Limits of Transformation

Olga V. BUTORINA

Corresponding Member RAS, DSc in Economics, Deputy Director,
Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 125009, Mokhovaya St., 11–3,
Moscow, Russian Federation

E-mail: butorina@ieras.ru

ORCID: 0000-0001-7110-7049

CITATION: Butorina O.V. (2020) The EU Economic System under the Pressure of a Pandemic: Opportunities and Limits of Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 144–162 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-7

Received: 13.07.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was published in the framework of the project "post-Crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" under grant no 2020-1902-01-372 of the Ministry of science and higher education for conducting major scientific projects in priority areas of scientific and technological development.

ABSTRACT. *The EU economy is experiencing the third major shock over the last 12 years. First it was the global financial crisis, then the European sovereign debt crisis, and now the COVID-19 pandemic. The economic system of the European Union, that includes national economies and policies and the scope of EU economic policies, takes a severe blow caused by an external factor - the worldwide spread of an extremely contagious virus that threatens people's lives and health.*

The article aims at identifying the transformational resource of the EU supranational economic governance in response to a new severe shock.

Therefore, two tasks are set. Within the first one, this paper presents an overview of the European economic landscape on the

eve of the pandemic, taking into account the long-term trends that emerged after the Great Recession and the euro area debt crisis. Four key features of the "new normal" are highlighted: slow economic growth, fragile labor markets, high levels of government debt and subdued inflation. We study the economic effects of pandemic, or rather, the confinement measures introduced by national governments, on these particular areas.

Within the second task this paper evaluates the effectiveness of the key economic responses the EU policy-makers and institutions are taking to counter the impact of the COVID-19 pandemic and to strengthen the resilience of the EU economic system. This approach is translated into the re-

forms of the EU economic governance under way now with a view of achieving a genuine European and Monetary Union. The paper concludes that with the creation of the single market and the euro the EU has taken almost full advantage of the negative integration. And now to promote growth and employment it has to untap the potential of the positive integration, which benefits are likely to spread unevenly across regions and social groups.

KEY WORDS: *European Union, euro area, COVID-19 pandemic, economic integration, EU economic governance, EU public finances, economic growth, unemployment*

References

- Afontsev S.A. (2019) New Trends in Global Economy. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 5, pp. 36–46 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46
- Bekker S. (2020) Hardening and Softening of Country-specific Recommendations in the European Semester. *West European Politics*, April 7, 2020. DOI: 10.1080/01402382.2020.1739407
- Bublitz E. (2018) The European Single Market at 25. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*, no 6, pp. 337–342. DOI: 10.1007/s10272-018-0779-7
- Butorina O. (2020) *An Economic History of the Euro*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Butorina O., Tsibulina A. (2018) Inflation in the Euro Area: Challenges of the New Normal. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 90–100 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope4201890100
- Commission of the European Communities (1985). Completing the Internal Market. White Paper from the Commission to the European Council (Milan, 28–29 June 1985), Brussels.
- Commission of the European Communities (1988). Europe 1992. The Overall Challenge. SEC, no 524 final. Brussels, 13 April. Available at: <http://aei.pitt.edu/3813/1/3813.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Commission of the European Communities (1990). One Market, One Money, An Evaluation of Potential Benefits and Costs of Forming an Economic and Monetary Union. European Economy. No. 44.
- European Central Bank (2020). Economic Bulletin. No. 4.
- European Commission (2015). Completing Europe's Economic and Monetary Union. Report by Jean-Claude Juncker in Close Cooperation with Donald Tusk, Jeroen Dijsselbloem, Mario Draghi and Martin Schulz.
- European Commission (1) (2020). European Economic Forecast Spring 2020. DOI: 10.2765/788367
- European Commission (2) (2020). Temporary Framework for State Aid Measures to Support the Economy in the Current COVID-19 Outbreak. Communication from the Commission, Brussels.
- European Commission (3) (2020). Communication from the Commission to the Council on the Activation of the General Escape Clause of the Stability and Growth Pact, Brussels.
- European Commission (4) (2020). The EU Budget Powering. The Recovery Plan for Europe. DOI: 10.2761/712137
- European Commission (5) (2020). 2020 European Semester: Country-specific Recommendations, Brussels.
- European Commission (6) (2020). Commission Work Programme 2020. A Union That Strives for More, Brussels.
- European Commission (7) (2020). Recommendation for a Council Recommendation on the 2020 National Reform Programme of Spain and Delivering a Council Opinion on the 2020 Stability Programme of Spain, Brussels.
- European Commission (8) (2020). Recommendation for a Council Recommen-

dation on the 2020 National Reform Programme of Italy and Delivering a Council Opinion on the 2020 Stability Programme of Italy, Brussels.

Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenko E.E. (2020) The Fall into 2020 Recession. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 5–24 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-5-5-24

Henrekson M., Torstensson J., Torstensson R. (1997) Growth Effects of European Integration. *European Economic Review*, vol. 41, no 8, pp. 1537–1557. DOI: 10.1016/S0014-2921(97)00063-9

Hernández de Cos P. (2020) Pablo Hernández de Cos Appearance before the Parliamentary Economic Affairs and Digital Transformation Committee. BIS, May 18, 2020. Available at: <https://www.bis.org/review/r200522d.htm>, accessed 25.08.2020.

Jenkins R. (1977) Europe's Present Challenge and Future Opportunity. CVCE, October 27, 1977. Available at: http://www.cvce.eu/content/publication/2010/11/15/98bef841-9d8a-4f84-b3a8-719abb63fd62/publishable_en.pdf, accessed 25.08.2020.

Kapeliushnikov R.I. (2018) On Current State of Economics: Subjective Semi-Sociological Observations. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 110–128 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128

Khesin E.S. (2017) Managing Inflation: Drivers of Change. *Money and Credit*, no 12, pp. 9–14. Available at: <https://rjmf.econs.online/upload/iblock/159/15915048f473f4aa5e04c77e8ac0981a.pdf>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Khesin E.S. (2020) Economy of the European Union: A Decade after the Crisis. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 1, pp. 73–81 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-73-81

Lehtimäki J., Sondermann D. (2020) Baldwin vs. Cecchini Revisited: The Growth Impact of the European Single Market. *ECB Working Paper Series*. No. 2392. DOI: 10.2866/04016

Mattli W. (1999) *The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond*, Cambridge: Cambridge University Press.

Pelkmans J. (2013) The Economics of Single Market Regulation. *Mapping European Economic Integration* (eds. Verdun A., Tovias A.), Palgrave Macmillan, pp. 79–104. DOI 10.1057/9781137317360

Pelkmans J. (2019) The Single Market Remains the Decisive Power of the EU. *CEPS Policy Priorities for 2019–2024*, October 18, 2019.

Ramírez P., Sigfrido M. (2019) Crises and Transformations of European Integration: European Business Circles during the Long 1970s. *European Review of History/Revue Européenne d'Histoire*, vol. 26, no 4, pp. 618–635. DOI: 10.1080/13507486.2019.1613964

Varnavskij V.G. (2017) Post-Crisis Development: Inflation vs Deflation. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no 1, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-5-16

Verdun A., Zeitlin J. (2017) Introduction: The European Semester as a New Architecture of EU Socioeconomic Governance in Theory and Practice. *Journal of European Public Policy*, no 2, pp 137–148. DOI: 10.1080/13501763.2017.1363807

von der Leyen U. (2019) A Union that Strives for More. My Agenda for Europe. *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/political-guidelines-next-commission_en.pdf, accessed 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Стрессоустойчивость в Европейской политике соседства

Николай Николаевич ГУДАЛОВ

кандидат политических наук, доцент, факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, ул. Смольного, д. 1/3, под. 8, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: n.gudalov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-7398-933X

Евгений Юрьевич ТРЕЩЕНКОВ

кандидат исторических наук, доцент, факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, ул. Смольного, д. 1/3, под. 8, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: e.treschenkov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1323-2383

ЦИТИРОВАНИЕ: Гудалов Н.Н., Трещенков Е.Ю. (2020) Стрессоустойчивость в Европейской политике соседства // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 163–191. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Статья поступила в редакцию 15.07.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой статье исследуется артикуляция понятия «стрессоустойчивость» в политике Европейского союза в отношении регионов восточного и южного соседства. В дискурсе внешней политики и безопасности Глобальной стратегии ЕС 2016 г. это понятие предстает в качестве ключевого. Идея заключается в том, чтобы доверить соседним государствам самостоятельное формирование такой стрессоустойчивости, которая позволила бы им абсорбировать угрозы безопасности широкого плана, не проецируя их на Европейский союз. Анализ места стрессоустойчивости в эволюции Европейской политики соседства, а также в отношениях с соседями на во-

стоке и юге позволяют сделать выводы относительно новизны подхода, а также перспектив и препятствий на пути его реализации. В статье политика ЕС рассмотрена через призму ключевых для понятия «стрессоустойчивость» измерений: системы, угроз и ресурсов. По своей сути подходы ЕС изменились мало, что иногда вступает в противоречие с краеугольными идеями теории стрессоустойчивости применительно к социальным системам. Так, сохраняется тенденция оценивать существующие в странах-соседях общественные и культурные практики через представление о «правильном» и «неправильном», исключая их тем самым из ресурсов стрессоустойчивости.

В случае с восточным соседством Брюссель не отказался от продвижения здесь полного пакета реформ, ориентированного на распространение на государства региона существующих в самом Евросоюзе практик. Этому способствует представление о регионе как части Большой Европы. Проблематика Южного Средиземноморья и Ближнего Востока, напротив, все более сливается в глазах ЕС с проблемами всего Африканского континента. В дискурсе и политике Евросоюза игнорирование проблем региона может помешать формированию более качественных форм стрессоустойчивости на юге.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стрессоустойчивость, Европейский союз, Европейская политика соседства, восточные и южные соседи*

С момента запуска Европейской политики соседства (ЕПС) в 2004 г. экономическая и политическая ситуация по периметру Европейского союза стала еще более сложной, чем раньше. Количество угроз безопасности на юге и востоке увеличилось. При этом сами европейцы вольно или невольно, но сыграли определенную роль в дестабилизации соседних регионов. Чем больше Брюссель интенсифицировал попытки распространения здесь своей модели, тем сильнее оказывалось сопротивление отдельных региональных игроков, а линии раскола пролегали по периферии ЕС, и даже в нем самом. Перед лицом беспрецедентного массива внешних и внутренних вызовов правящие элиты и бюрократия сделали упор на укреплении внутреннего единства и сплоченности европейского интегра-

ционного проекта. В случае с соседями ЕС курс был взят на их стабилизацию и формирование по периметру Союза стрессоустойчивых государств и обществ (resilient states and societies). Понятие стрессоустойчивости¹, определяемой как «способность обществ и государств реформироваться, тем самым противостоя внутренним и внешним кризисам, а также восстанавливаясь от их последствий»², стало одним из ключевых в политике Европейского союза.

В фокусе предлагаемой статьи находится артикуляция понятия стрессоустойчивости в политике Европейского союза в отношении регионов восточного и южного соседства. Специфика подхода ЕС раскрывается посредством определения места стрессоустойчивости в процессе эволюции Европейской политики соседства, а также анализа ключевых измерений стрессоустойчивости применительно к соседям на юге и востоке.

Важно выяснить, является ли введение этого понятия в политическую практику отражением серьезных сдвигов в восприятии Брюсселем сути и форматов взаимодействия с соседними государствами. Даже если реальных сдвигов оказывается мало, такой вывод требует научного анализа, а не априорной констатации. Если Евросоюз сделал своим приоритетом новое понятие, исследовали не вправе это игнорировать. Кроме того, популярность стрессоустойчивости как научной концепции растет, и необходимым кажется определить, каковы расхождения между академическими трактовками этого понятия и практикой ЕС. Пока количество подобных систематических исследований стрессоустойчиво-

1 Такой перевод термина resilience представляется авторам наиболее полно отражающим суть понятия. См. также [Романова 2017; Павлова, Гудалов, Коцур 2017; Донич 2018; Шейн 2019].

2 SharedVision, CommonAction: AStrongerEurope. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf, дата обращения 25.08.2020.

сти на обоих флангах ЕПС явно недостаточно.

В первом разделе статьи определяются устойчивые черты Европейской политики соседства и их соизмеримость с концепцией стрессоустойчивости. Далее политические трактовки стрессоустойчивости, даваемые Евросоюзом, соотносятся с академическим вариантом этого понятия. Итогом первого раздела являются критерии для анализа эмпирического материала по реализации обновленного подхода ЕС к соседям на востоке и юге, проводимого во втором и третьем разделах соответственно.

Характерные черты ЕПС и понятие «стрессоустойчивость»

Формирование Европейской политики соседства происходило в условиях серьезных изменений на континенте. В 2004 г. Евросоюзу предстояло пережить самое масштабное расширение за всю его историю. Прежде всего, речь идет о восточной границе, где расширение стало заключительным этапом «возвращения в Европу» ряда бывших социалистических республик. Отношения с государствами на юге и востоке, географически близкими ЕС и оказывающими влияние на его безопасность, но не имеющими перспектив членства, было решено структурировать отдельной политикой соседства. В так называемое кольцо друзей (ring of friends) были включены и «новые независимые государства СНГ» (Беларусь, Молдова, Украина), и Южное Средиземно-

морье³, а также, после некоторых дискуссий, государства Южного Кавказа⁴. С Россией, первоначально включенной в ЕПС, в дальнейшем было решено развивать отношения в формате «стратегического партнерства».

Задачей ЕПС стало продвижение в странах-соседях такого комплекса реформ, который способствовал бы их социально-экономическому развитию, при этом приближая их национальные модели к условной европейской. ЕПС носила очевидный односторонний характер. Планы действий, подписываемые Евросоюзом с каждой страной-соседом, представляли собой перечень реформ, которые соседи обязались провести. Во многих соседях ЕС, особенно настроенных на сближение с ним по образцу стран пятого расширения, ЕПС была воспринята со скепсисом. Тех бонусов, которые предлагались в рамках политики соседства, было очевидно недостаточно, чтобы мотивировать соответствующие государства к проведению комплекса реформ по шаблонам Брюсселя, в особенности если учитывать, что такие реформы серьезно затрагивают интересы правящих элит, а также чреватые существенными социально-экономическими издержками для проводящих их правительств. ЕПС критиковали и за то, что она не вносила каких-то серьезных изменений в уже существующие подходы ЕС к соседям. Кроме того, под крышей ЕПС были объединены очень разные регионы – пусть сталкивающиеся с общими в глобальном представлении проблемами, но обладающие существенной спецификой.

3 Communication from the European Commission "Wider Europe – Neighbourhood": A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours (2003) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/com03_104_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

4 Communication from the European Commission "European Neighbourhood Policy. Strategy Paper" (2004) // European Commission // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf, дата обращения 25.08.2020.

В последующие годы политика соседства претерпела ряд изменений. Во-первых, речь идет о все большем разделении ЕПС на два измерения, восточное и южное, а также об их институционализации. В 2008 г. при активном участии Франции Евро-Средиземноморское партнерство (ЕСП, Барселонский процесс) было преобразовано в Союз для Средиземноморья – межправительственную организацию, объединяющую также «южных соседей» и страны – члены ЕС. Параллельно, в результате серии договоренностей между Францией, Польшей, Германией и Швецией, на востоке стало возможным появление Восточного партнерства (ВП), объединившего страны – члены ЕС и шесть восточных соседей. Последние месяцы формирования ВП прошли в условиях конфликта вокруг Южной Осетии⁵, что, вне всякого сомнения, оказало влияние на идеологическую нагрузку соответствующего проекта.

Во-вторых, поскольку даже появление Союза для Средиземноморья и ВП не изменило принципиальным образом сути подходов ЕС к соседним государствам [Юн 2014, с. 47], следующей стала корректировка инструментария ЕПС. В 2011 г. в канву ЕПС был введен принцип «большее за большее» (*more for more*)⁶. В отличие от негативной политической обусловленности, предполагающей ограничение сотрудничества ЕС с теми государствами, которые отклоняются от следования «общим ценностям» (например, с Беларусью и Ливией), данный подход можно отнести к инструментам положительного стиму-

лирования. Его суть в том, что те страны, которые демонстрируют очевидный прогресс на пути «европейской интеграции», получают в качестве бонуса дополнительное финансирование и возможности в рамках соответствующих программ и проектов ЕС.

Реформа ЕПС совпала с событиями так называемой Арабской весны в государствах на южной границе Евросоюза. Первоначально, по итогам смены политических режимов в Тунисе и Египте, среди европейцев преобладали оптимистичные настроения. Казалось, способность ЕС стать силой, положительно влияющей на трансформацию соседних государств, подтверждается практикой. Однако такие выводы оказались преждевременными. С течением времени внутреннее противостояние властей и оппозиции в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки привело к широкомасштабным конфликтам. В тех же государствах, где были свергнуты «репрессивные»⁷ режимы, к власти в результате конкурентных выборов начали приходиться не менее радикальные политические силы. Нестабильность в регионе разрасталась и напрямую (в виде миграционного кризиса) затронула безопасность и стрессоустойчивость самого Евросоюза.

На востоке наступательная и бескомпромиссная позиция Брюсселя относительно сопротивления, оказываемого Россией подписанию соглашений об ассоциации между ЕС и рядом постсоветских государств (прежде всего Украиной), имела не менее драматич-

5 Речь идет о российско-грузинском конфликте в августе 2008 г., по результатам которого в ЕС было созвано экстренное заседание Европейского совета, а также было принято решение интенсифицировать процесс подготовки Европейской комиссией предложений по Восточному партнерству.

6 Joint Communication "A New Response to a Changing Neighbourhood" (2011) // European Commission, May 25, 2011 // http://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf, дата обращения 25.08.2020.

7 Терминология Евросоюза для обозначения авторитарных режимов, подавляющих несанкционированную политическим руководством общественно-политическую активность в стране.

ные последствия. Украинский кризис стал результатом долгое время копившихся противоречий между Россией и Западом, при этом обе стороны недооценили готовность друг друга идти на максимальное обострение отношений [Худолей, Трещенков 2016, с.125].

Параллельно в самом Евросоюзе продолжался рост популистских настроений и популярности евроскептиков, а одно из ключевых государств Союза, Великобритания, приняла решение о подготовке к выходу из ЕС (референдум 23 июня 2016 г.).

На этом фоне происходила разработка и презентация Глобальной стратегии Евросоюза по внешней политике и безопасности. Возросшая нестабильность по периметру ЕС и внутри него, напрямую угрожающая будущему европейского интеграционного проекта, задала рамки новой Стратегии. Неслучайно ключевым понятием документа стала «стрессоустойчивость», ранее ограниченно использовавшаяся Евросоюзом в таких областях, как помощь развитию, энергетика, информационная безопасность и экология [Романова 2017].

Следует отметить, что теория стрессоустойчивости изначально разрабатывалась в экологии. Она определялась как способность экологической системы выдерживать колебания параметров в результате воздействия [Holling 1973]. Постепенно стрессоустойчивость стала использоваться в других областях знания, а также в бюрократическом дискурсе отдельных государств (Великобритании, США) и международных организаций (системы ООН, ОЭСР). Исследователи отмечают, что в результате такого использования стрессоустойчивость утратила ака-

демическую стройность и однозначность, став пограничным понятием, облегчающим коммуникацию между различными подходами и сферами знания [Brand, Jax 2007]. Очевидно, именно последнее качество способствовало закреплению понятия в дискурсе институтов Евросоюза. Вместе с тем, несмотря на звучащие сомнения относительно применимости теории стрессоустойчивости к социальным системам [Olsson et al. 2015], в экспертной среде существуют серьезные наработки относительно этого понятия, давно ушедшие за рамки классических интерпретаций.

Активное применение понятия «стрессоустойчивость» к проблематике соседства начинается в 2015 г. В Сообщении Высокого представителя и Еврокомиссии, подводящем итог публичным консультациям по очередному этапу реформирования ЕПС, стрессоустойчивость упоминается около десятка раз, а ее укрепление соседями Евросоюза видится авторами документа исключительно в контексте проведения политических и экономических реформ. Эта часть подхода, очевидно, не изменилась со времен запуска ЕПС в 2004 г. Аналогичная ситуация и с тезисами о совместном с каждым партнером формировании повестки сотрудничества (*greater mutual ownership*) и о дифференциации (*differentiation*). Вместе с тем введение в ЕПС понятия «стрессоустойчивость» означает признание Евросоюзом необходимости более внимательно отнестись к внутренним ресурсам соседей и поддержке последних в их развитии. При этом термин «стрессоустойчивость» постоянно употребляется в тексте в связке со стабильностью⁸.

8 Joint Communication "Review of the European Neighbourhood Policy" (2015) // EEAS, November 18, 2015 // https://eeas.europa.eu/archives/delegations/lebanon/documents/news/20151118_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

В представленной широкой публикации летом 2016 г. Глобальной стратегии стрессоустойчивость соседей ЕС на юге и востоке была выделена в отдельный блок⁹. Знакомство с текстом подводит к мысли о том, что Брюссель не отказался от продвижения своей модели ценностей вовне, в особенности в соседних государствах и регионах. Характер предлагаемых соседям реформ мало чем отличается от того пакета преобразований, который был прописан в Планах действий образца 2005 г. В этой связи возникает закономерный вопрос о соотношении стрессоустойчивости, как подхода Евросоюза, с угрозами, стоящими перед его соседями на востоке и юге, а также с ресурсами укрепления их стрессоустойчивости перед лицом этих угроз.

Исходя из специфики присутствия стрессоустойчивости в дискурсе ЕС, а также его корреляции с существующими академическими и прикладными подходами, далее предлагается определить критерии, в соответствии с которыми будет проводиться анализ проблематики восточного и южного соседств Евросоюза.

Во-первых, применение понятия «стрессоустойчивость» к сферам безопасности и управления рисками стоит начинать с определения системы, о стрессоустойчивости которой идет речь. Глобальная стратегия фактически указывает на два таких уровня применительно к соседям ЕС. Первый уровень – системы регионального управления, именуемые в Стратегии региональными кооперативными порядками (cooperative regional orders). Под ними понимаются сложные сети регионального взаимодействия государств и обществ,

позволяющие выстраивать управление и решать проблемы безопасности в децентрализованном мире, а также извлекать выгоды из участия в процессах глобализации¹⁰. Корни идеи укрепления стрессоустойчивости через поддержку формирования таких режимов лежат в уверенности Евросоюза в успешности собственного опыта кооперативного решения проблем развития и безопасности. Нетрудно догадаться, что в регионах соседства институциональными примерами таких порядков являются Союз для Средиземноморья и Восточное партнерство. При этом в ЕС заинтересованы в максимально широком сотрудничестве на юге и востоке с привлечением так называемых соседей соседей (регион Центральной Азии – на востоке, пространство вплоть до Центральной Африки – на юге) к решению общих региональных проблем.

Следующий уровень – уровень государств и обществ – характеризуется некоторой неоднозначностью. С одной стороны, сложившаяся практика указывает на то, что Брюссель склонен отделять правящие элиты соседних государств от остального населения. В рамках ЕПС гражданские общества и НПО всегда рассматривались в качестве драйвера реформ, формирующего в соответствующих государствах запрос на положительные изменения. С другой стороны, внедряя понятие стрессоустойчивости в политику соседства, Евросоюз указывает на необходимость устранения конфликта между правящими элитами и населением путем формирования эффективных общественных договоров между государством и его гражданами¹¹. Как представляется, дискурс ЕС отчасти пре-

9 Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf, дата обращения 25.08.2020.

10 Ibid.

11 Ibid.

одолеет старую «дихотомию государства и общества» [Van Veen 2017, p. 38]. Признается важность «связей между разными частями сложных систем, которые осуществляют управление и поддержание государств, обществ и сообществ»¹².

Во-вторых, дискурс стрессоустойчивости подразумевает наличие негативного воздействия, выдерживать которое соответствующие системы должны, задействовав свои внутренние ресурсы (напр., [Chandler 2013, p. 277]). Укрепление стрессоустойчивости соседних с ЕС регионов, по замыслу Брюсселя, должно в перспективе минимизировать проблему переплескивания на Евросоюз угроз безопасности, с которыми сталкиваются эти самые соседи. В этом смысле стрессоустойчивость в политике соседства означает стремление ЕС переложить часть ответственности за будущее соседей на них самих, создав у них параллельно ощущение сопричастности к определению собственной судьбы. Фактически, как и предыдущие подходы ЕС, стрессоустойчивость выступает как своеобразная практика непрямого управления.

В-третьих, как уже говорилось, стрессоустойчивость особое внимание фокусирует на внутренних параметрах (или ресурсах) системы, изменение, развитие или укрепление которых позволит ей, сталкиваясь с негативным воздействием, восстанавливаться и двигаться дальше. Евросоюз приспособливает этот аспект стрессоустойчивости к своей собственной повестке в отношении соседей. В Глобальной стратегии стрессоустойчивость понимается как способность проводить реформы. Соответственно, и параметры си-

стем рассматриваются Брюсселем через призму неких конечных целей реформ (внедрение энергоэффективности в экономике, приватизация государственной собственности, децентрализация в административно-территориальном устройстве и т. п.).

Принципиальным здесь является вопрос о том, как ЕС мог бы повлиять на ресурсы стрессоустойчивости сложных систем на востоке и юге. С одной стороны, большая часть теоретиков стрессоустойчивости считают, что она является атрибутом внутреннего развития систем, и это сильно снижает возможности внешних акторов по влиянию на нее (напр., [Chandler 2013, p. 277]). С другой стороны, абсолютное большинство общественных систем – открытые системы, а их границы сложно четко провести. В определенном плане сам ЕС можно рассматривать как часть единой системы, включающей, помимо него, и партнеров по ЕПС. Предпосылки для такой постановки вопроса содержатся не только в Глобальной стратегии 2016 г., но даже в первых документах по политике соседства.

Таким образом, далее будут проанализированы следующие взаимосвязанные аспекты артикуляции стрессоустойчивости в отношениях ЕС с государствами восточного и южного соседства:

- характеристика систем, укрепление стрессоустойчивости которых ЕС видит необходимым поощрять на востоке и на юге;
- определение угроз, стоящих перед соседями ЕС;
- характеристика ресурсов укрепления стрессоустойчивости соседей перед лицом этих угроз с учетом рецептов, предлагаемых Брюсселем.

12 Joint Communication "A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action" (2017) // European Commission, June 7, 2017// https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_-_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Соседи на востоке

Говоря о системном измерении стрессоустойчивости, ранее уже упоминалось, что Брюссель выступает за формирование по своему периметру таких кооперативных региональных порядков, которые были бы ориентированы на сближение с ЕС, с его социально-экономической моделью и системой ценностей. Восточное партнерство, очевидно, является попыткой построения такого регионального порядка и призвано способствовать установлению между восточными соседями ЕС многосторонних связей сотрудничества, при этом ориентированных на европейский опыт и поддержку.

Институционально механизмы сотрудничества в рамках многостороннего измерения ВП выстроены так, что контроль над формированием повестки оказывается в руках Брюсселя. Так, например, согласно установленной процедуре, представители Европейской службы внешних связей и Европейской комиссии подготавливают повестку заседаний четырех тематических платформ «Восточного партнерства» и председательствуют на них¹³. Сама повестка заседаний платформ и панелей привязана к повестке ЕС¹⁴. Такой подход, очевидно, не соответствует одной из базовых идей стрессоустойчивости при применении этой концепции к государствам – соседям ЕС – обеспечению высокой степени их самостоятельности в выработке решений относительно развития собственных ресурсов. Для характеристики ситуации хо-

рошо подходит термин «иллюзия автономии» [Korosteleva 2018].

За почти десять лет, прошедших с момента запуска многостороннего измерения ВП, здесь не сформировалось регионального кооперативного порядка, ориентированного на ЕС и объединенного общими ценностями. Причин тому много – от наличия конфликтов между отдельными государствами-участниками (например, между Арменией и Азербайджаном) до различающихся серьезным образом политических режимов, экономических моделей и внешнеполитических ориентаций.

Также следует отметить неоднозначность отношения Евросоюза к углублению и институционализации регионального сотрудничества. Не все региональные кооперативные порядки одинаково хороши в представлении Брюсселя. Это касается, прежде всего, таких процессов регионального сотрудничества, которые происходят без ориентации на европейскую модель. Интеграционные объединения с участием Москвы воспринимаются как навязанные Россией и подрывающие усилия соответствующих государств по проведению экономических и политических реформ, их усилия по сближению с Евросоюзом.

Такова ситуация с Евразийским экономическим союзом, перспективы взаимодействия с которым увязываются Брюсселем с выполнением Россией Минских соглашений по Украине¹⁵. ЕАЭС не упоминается в новых соглашениях о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и рядом членов Евразийского

13 Eastern Partnership Multilateral Platforms. General Guidelines and Rules of Procedure // EEAS // http://eeas.europa.eu/archives/docs/eastern/platforms/rules_procedure_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

14 Calendar (September-December 2018). Eastern Partnership Platforms and Panels Meetings and Eastern Partnership Civil Society Forum Meetings (2018) // EaP Civil Society Platform // <http://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Calendar-version-October-2.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

15 Юнкер направил письмо Путину с предложением о взаимодействии ЕС и ЕАЭС (2015) // ТАСС. 19 ноября 2015 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2454939>, дата обращения 25.08.2020.

союза. При этом содержание соответствующих соглашений часто пересекается со сферами, охваченными интеграцией в рамках ЕАЭС – от таможенного регулирования до государственных закупок¹⁶. Очевидно, что отсутствие нормального взаимодействия между двумя объединениями по таможенным, торговым и смежным вопросам напрямую оказывает влияние на экономическую стрессоустойчивость соответствующих восточных соседей ЕС.

Через призму стрессоустойчивости как подхода правильно было бы подходить к отношениям ЕС – Россия – восточные соседи как к единой системе. Неважно, называется она Большая Евразия или Большая Европа. Вместе с тем на практике Брюссель то включает, то исключает Россию из сотрудничества. В одной и той же сфере (например, в энергетике) она одновременно может играть у Брюсселя и роль источника угроз, и стабилизирующего фактора [Павлова, Романова 2019, с. 106].

Следующий системный уровень стрессоустойчивости, обозначенный в Глобальной стратегии ЕС, – государства и общества. В Евросоюзе, руководствуясь императивами стабилизации, стараются не противопоставлять одно другому и полагают, что без эффективного договора между обществом и государством невозможно обеспечение стрессоустойчивости той или иной страны.

Акцент на взаимодействии с обществами восточных партнеров вне зависимости от желания или нежелания

соответствующего государства принимать такой подход существует в политике ЕС давно. Такие контакты, по мнению Брюсселя, позволяют сформировать в соответствующем государстве-соседе проевропейское лобби, которое будет оказывать на консервативную правящую элиту воздействие, подталкивая ее к проведению реформ.

Ярким примером такого подхода является политика изоляции Республики Беларусь, проводившаяся Евросоюзом с конца 1990-х гг. В то время как контакты с политическим руководством страны были Брюсселем практически полностью заморожены, белорусское общество, напротив, стало объектом различных программ и инициатив. В ноябре 2006 г. Еврокомиссия опубликовала неофициальный документ под заголовком «Что Европейский союз может дать Беларуси?». Основной целевой аудиторией документа стал «белорусский народ», а среди предложений Евросоюза – программы поддержки предпринимателей, расширение возможностей для поездок в ЕС, поддержка гражданской активности и т. п. При этом основным препятствием для их реализации был назван «белорусский авторитарный режим»¹⁷.

Как можно догадаться, на практике такая поддержка, граничащая с вмешательством во внутренние дела государства, не только раздражает правящие элиты соседей ЕС, но и способна приводить к более негативным последствиям. Авторитарные государства при

16 Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Kazakhstan, of the Other Part (2016) // Official Journal of the European Union, February 4, 2016, L29, pp. 3–150; Joint Proposal for a Council Decision on the Conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the One Part and the Republic of Armenia, of the Other Part (2017) // European Commission, September 25, 2017 // https://cdn3-eas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/S17Ql437S_ttyiGoqFm6o6ecE564mEUsiCPcYbga97s/mtime:1514986780/sites/eeas/files/eu-armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf, дата обращения 25.08.2020.

17 Что Европейский союз может дать Беларуси? (2008) // Publications Office of the EU, August 11, 2008 // <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3babe10e-f2c7-48ff-bf88-10e6c74d29b9/language-ru>, дата обращения 25.08.2020.

их кажущейся внешней стабильности на деле обладают низкой стрессоустойчивостью перед воздействием тех или иных факторов. В такой ситуации вмешательство международного сообщества (в лице, например, ЕС) в локальный конфликт может только усугубить разрастающиеся внутренние противоречия и привести к полной дестабилизации ситуации.

Соответственно, следующим пунктом следует рассмотреть *угрозы*, с которыми сталкиваются соседи ЕС на востоке. Во-первых, речь идет о жесткой безопасности и региональных конфликтах. Ситуация здесь некоторым образом отличается от южной границы Евросоюза. В частности, Россия, как доминирующее на постсоветском пространстве государство, тем или иным образом вовлечена практически во все конфликты в регионе Восточного партнерства – либо в качестве посредника, либо в качестве одной из сторон. В ситуации обострения отношений с Россией урегулирование конфликтов на его восточной границе оказывается для ЕС крайне сложной задачей.

В свое время одним из первых в фокусе ЕПС оказалось Приднестровское урегулирование. В 2005 г. при поддержке Киева и Кишинева на приднестровском участке украинско-молдавской границы была размещена Миссия пограничного содействия Евросоюза. В том же году ЕС и США получили статус наблюдателей в приднестровском урегулировании (так называемый формат 5+2). В 2006 г. при поддержке ЕС Молдова и Украина организовали «таможенную блокаду» Приднестровья, фактически стимулировав возвращение приднестровских экспортеров под

молдавскую юрисдикцию. Участие ЕС в приднестровском урегулировании регулярно отмечается представителями Союза в качестве истории успеха ЕПС в соответствующей сфере. Фактически же ЕС сместил баланс в процессе урегулирования в пользу Кишинева. Это привело к тому, что позиция России по урегулированию стала более жесткой, она далеко отошла от роли посредника [Трещанков 2013, с. 239].

Менее активным было участие ЕС в нагорно-карабахском урегулировании, а также в урегулировании конфликта вокруг Южной Осетии и Абхазии. В первом случае ЕС ограничивается поддержкой Минской группы ОБСЕ, а также инициатив отдельных европейских государств по формированию мер доверия в регионе. Во втором случае до 2008 г. ограничивался введением поста Специального представителя ЕС по Южному Кавказу. Сразу после российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. была запущена Мониторинговая миссия ЕС. Она тесно взаимодействует в регионе с ОБСЕ, фактически дополняя усилия данной организации.

Ситуация в сфере безопасности в регионе Восточного партнерства серьезным образом обострилась в связи с присоединением Крыма и конфликтом на юго-востоке Украины. Именно эти события стали одной из причин внедрения понятия стрессоустойчивости в дискурс внешней политики и безопасности ЕС. Действия России были восприняты как нарушение международного права и угроза суверенитету и целостности государств Европы¹⁸. В связи с этим, а также обострившимся информационным противостоянием сторон, в политический дискурс ЕС вошло по-

18 Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (2018) // Council of the EU, March 16, 2018 // <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/03/16/declaration-by-the-high-representative-federica-mogherini-on-behalf-of-the-eu-on-the-autonomous-republic-of-crimea-and-the-city-of-sevastopol/>, дата обращения 25.08.2020.

нятие «гибридные угрозы»¹⁹. Одержимость темой информационных угроз со стороны России приводила к тому, что в документах, определяющих приоритеты взаимодействия Евросоюза с отдельными восточными партнерами, подчас более половины всех упоминаемых стрессоустойчивости было связано именно с этим аспектом²⁰.

При этом позиция ЕС по укреплению стрессоустойчивости восточных соседей была весьма неоднозначной. Например, продолжая считать Крым частью Украины, Брюссель тем не менее ввел санкции, направленные на этот регион²¹. Такие действия, направленные на то, чтобы затруднить российским властям развитие Крыма, очевидно, ударяют и по местному населению, создавая дополнительные вызовы для стрессоустойчивости полуострова.

Конфликт на юго-востоке стал серьезной проверкой и для самой Украины на стрессоустойчивость общества, экономики и государственных институтов. Во-первых, речь идет об угрозах безопасности. Это и нелегальный оборот оружия и боеприпасов из зоны конфликта, и социально-экономическая и общественно-политическая напряженность из-за продолжающихся военных действий, и проблема интеграции различного рода «добровольческих» формирований в официальные силовые

структуры [Zguladze, Recean 2017, p. 90]. Одним из предлагаемых Евросоюзом ответов является реформа всего сектора безопасности государства, налаживание обратной связи и контроля со стороны общества за деятельностью силовиков. С этой целью в 2014 г. ЕС запустил в Украине Миссию советников по гражданской реформе сектора безопасности²². Миссия организует консультирование украинской стороны европейскими экспертами, представляющими различные ведомства – от прокуратуры до пограничной службы.

Во-вторых, конфликт спровоцировал массовое перемещение населения с юго-востока в другие регионы Украины. Размещение беженцев и переселенцев представляет собой серьезный вызов для стрессоустойчивости локальных и национальных систем образования, здравоохранения, рынка труда и жилья, охраны правопорядка. При этом перемещались не только отдельные лица, но и целые институты. Яркий пример – эвакуация ряда высших учебных заведений с территорий юго-востока. Здесь уже речь идет о стрессоустойчивости академических коллективов (как тех, которые «эмигрировали», так и тех, которые остались).

Влияние конфликта на юго-востоке Украины на стрессоустойчивость Евросоюза в плане беженцев и трудовой

19 Они были определены как «смесь пропагандистской и подрывной деятельности, смесь обычных и нетрадиционных методов (дипломатических, военных, экономических, технологических), которые могут быть скоординированы государственными или негосударственными субъектами для достижения конкретных целей, при этом оставаясь ниже порога формально объявленной войны». Подробнее см.: Joint Communication "Joint Framework on Countering Hybrid Threats a European Union Response" (2016) // European Commission, April 6, 2016 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018>, дата обращения 25.08.2020.

20 Association Agenda between the European Union and the Republic of Moldova, 2017–2019 (2017) // Official Journal of the European Union, August 19, L215, pp. 5–46; Association Agenda between the European Union and Georgia, 2017–2020 (2017) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/annex_ii_-_eu-georgia_association_agenda_text.pdf, дата обращения 25.08.2020.

21 Council Decision 2014/507/CFSP of 30 July 2014 Amending Decision 2014/386/CFSP Concerning Restrictions on Goods Originating in Crimea or Sevastopol, in Response to the Illegal Annexation of Crimea and Sevastopol (2014) // Official Journal of the EU, July 30, 2014, L226, pp. 20–22; Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 Concerning Restrictions on Goods Originating in Crimea or Sevastopol, in Response to the Illegal Annexation of Crimea and Sevastopol (2014) // Official Journal of the EU, June 24, 2014, L183, pp. 70–71.

22 Council Decision 2014/486/CFSP of 22 July 2014 on the European Union Advisory Mission for Civilian Security Sector Reform Ukraine (EUAM Ukraine) (2014) // Official Journal of the EU, July 23, 2014, L217, p. 42.

миграции несопоставимо с процессами на южной границе ЕС. Украинцы составляют лишь небольшую часть от количества беженцев. Ключевыми странами, откуда поступают беженцы, являются Сирия и Ирак²³. Объемы украинской трудовой миграции несколько перераспределились в пользу европейского направления из-за серьезных ограничений на российском. Вместе с тем в этом вопросе с определенными вызовами сталкиваются лишь отдельные страны ЕС. В частности, за последние годы существенно вырос поток трудовых мигрантов из Украины в Польшу²⁴.

В социально-экономической сфере существует ряд очевидных угроз стрессоустойчивости восточных соседей ЕС. Экономические преобразования, проводившиеся здесь после распада СССР, в большинстве случаев привели к формированию рыночных экономик. Вместе с тем издержки реформ оказались серьезными – от деиндустриализации до роста бедности и социального расслоения. Далеко не все экономики постсоветских государств нашли свое место в международном и региональном разделении труда. В ряде случаев произошло формирование так называемых экономик денежных переводов. Так, более 20% ВВП Молдовы формировалось в 2017 г. за счет личных переводов из-за рубежа. В Армении этот

показатель составил 13,3%, а в Грузии – 11,9²⁵. Следует отметить, что и по уровню ВВП на душу населения большая часть восточных соседей ЕС находится в довольно сложной ситуации²⁶.

По мнению Брюсселя, экономическая стрессоустойчивость является ключевым фактором для всей стрессоустойчивости государства. Ресурсами укрепления экономической стрессоустойчивости являются разумная макроэкономическая политика, диверсификация экономики, безопасность энергоснабжения и энергоэффективность, создание условий для устойчивого экономического роста и инвестиций, благоприятные условия для малого и среднего бизнеса, программы подготовки и переподготовки кадров²⁷.

Брюссель настаивает на продолжении и углублении соответствующих реформ. При этом, как и прежде, основным ориентиром в том, что касается их перечня, для ЕС выступает Международный валютный фонд²⁸. Макрофинансовая помощь со стороны ЕС предоставляется восточным соседям лишь в том случае, если они уже имеют соответствующую программу сотрудничества с МВФ. Последняя, как известно, предполагает стандартный пакет реформ, проведение которых чревато серьезными социально-экономическими последствиями. Одно из самых обобщаемых стандартных требований

23 Asylum Statistics // European Commission // https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum%20statistics#Citizenship_of_first-time_applicants:_most_from_Syria_and_Iraq, дата обращения 25.08.2020.

24 Zezwolenia na pracę cudzoziemców w Polsce w 2017 r. (2018) // Government of Poland // <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/rynek-pracy/opracowania/zezwoleń-na-pracę-cudzoziemców-w-polsce-w-2017-r-18,1.html>, дата обращения 25.08.2020.

25 Personal Remittances, Received (% of GDP) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

26 GDP per capita, PPP (current international \$) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>, дата обращения 25.08.2020.

27 Joint Communication "A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action" (2017) // European Commission, June 7, 2017 // https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf, дата обращения 25.08.2020.

28 Joint Staff Working Document "Eastern Partnership - Focusing on Key Priorities and Deliverables" (2016) // EEAS, December 15, 2016 // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2016_467_f1_joint_staff_working_paper_en_v3_p1_873305.pdf, дата обращения 25.08.2020.

МВФ – требование повышения тарифов в сфере ЖКХ [Трещенков 2013].

Проведение структурных реформ экономик и социально-экономических моделей восточных соседей требует взвешенного подхода. В краткосрочной перспективе реформы способны приводить к серьезным социальным издержкам. В долгосрочной – могут заложить основы стрессоустойчивой экономики, но могут и способствовать закреплению за государством не самого комфортного места в международном разделении труда.

Эффективное управление, вовлечение местных сообществ и гражданского общества в процесс принятия решений также указываются Евросоюзом среди принципиальных элементов стрессоустойчивых государств²⁹. При этом ресурсы укрепления такой стрессоустойчивости лежат, исходя из логики Брюсселя, в формировании прозрачных и подотчетных гражданам институтов. Ключевой проблемой, которую не упоминают европейцы, является общая для востока и юга значимость неформальных практик в сравнении с довольно слабо укорененными здесь формальными институтами.

Они могут проявляться в виде межличностных отношений, неформальных сетей, взаимного обмена льготами, рентоориентированного характера отношений внутри властной вертикали и т. п. При этом опыт посткоммунистической трансформации показывает, что между развитием формальных институтов и неформальными практиками существует взаимосвязь, не вписывающаяся в простое бинарное противопоставление одного другому. Х. Алиев на примере грузинского, украинского и молдавского опыта трансформации доказывает, что институциональ-

ные изменения в государствах с широким распространением неформальных практик не могут происходить без привлечения неформальных институтов [Aliyev 2017, p. 192].

Способность самого Евросоюза продвигать формальные институты в странах-соседях зависит от того, насколько соответствующие институциональные изменения затрагивают интересы их правящих элит. Как отмечает, анализируя молдавскую политику, Г. Нижников, если сфера, в которой проводится реформирование, не имеет принципиального значения, успех здесь более вероятен (например, имплементация Орхусской конвенции). Там же, где Евросоюз фокусирует свое внимание на формальном принятии и реализации правил, государственные акторы склонны к сохранению статуса-кво. Без поддержки и вовлечения неправительственных акторов в процесс выработки реформ формируемые институты оказываются зависимы исключительно от воли правящих элит, тем самым оставаясь на бумаге (например, антикоррупционные реформы) [Nizhnikau 2017, pp.116–117]. Ряд исследований убедительно демонстрирует, как правящие элиты восточных соседей, в зависимости от баланса внутриполитических факторов, могут использовать участие в ЕПС как для демократизации, так и для авторитарной консолидации в своих государствах [Агафонов 2015; Shyrokykh 2017].

Переходя от характеристики угроз к анализу ресурсов стрессоустойчивости восточных соседей ЕС, следует отметить два важных аспекта. Во-первых, речь идет о неоднозначности тех элементов или особенностей систем, которые можно охарактеризовать в качестве ресурсов. Во-вторых – о принци-

29 Ibid.

пиальном влиянии российского фактора на стрессоустойчивость восточных соседей ЕС. При этом зачастую оба аспекта взаимосвязаны. Так, например, трудовая миграция, в случае с которой Россия зачастую выступает для постсоветских государств основным направлением, может оказывать как негативное, так и положительное влияние на стрессоустойчивость социально-экономической системы страны. С одной стороны, переводы трудовых мигрантов способствуют экономическому росту и росту благосостояния отдельных семей. С другой стороны, многолетняя ориентация страны на «модель роста без создания рабочих мест» не способствует развитию национальной экономики и местного производства. Более того, благосостояние страны – донора трудовых мигрантов становится зависимым от экономической конъюнктуры в стране-реципиенте. Последняя, в свою очередь, может оказывать политическое воздействие на страну-донора путем установления тех или иных ограничений для ее трудовых ресурсов на своем рынке. Подход Евросоюза, учитывая постоянное миграционное давление на него с юга и востока, заключается, скорее, в поддержке формирования рабочих мест в самих экономиках соседей программами развития малого и среднего бизнеса или расширением образовательных возможностей для молодежи.

Другой пример – энергетическая безопасность и доступ к энергоресурсам. В глазах Брюсселя энергетическая зависимость отдельных восточных соседей от России подрывает их стрессоустойчивость. Речь идет, например, о том, что льготные цены на российские энергоносители не способствуют по-

явлению у восточных партнеров стимулов к продвижению энергоэффективности производства. Продукция таких производств оказывается неконкурентоспособной на международных рынках, как только Россия отказывается от предоставления льгот. Кроме того, поставки энергоносителей в условиях полной зависимости от одного поставщика могут быть использованы им и как политический инструмент. ЕС предлагает соседям активнее внедрять возобновляемые источники энергии, повышать энергоэффективность, диверсифицировать источники поставок энергоносителей. Тем не менее в ряде случаев оказывается довольно проблематичным выстроить энергетическую стрессоустойчивость, полностью отказавшись от покупки энергоносителей в России. Яркий пример – Украина, вынужденная, отказавшись от закупки российского газа, приобретать его через европейских посредников по более высокой цене³⁰.

Тесные связи с Россией, вне всякого сомнения, оказывают влияние на стрессоустойчивость восточных соседей Евросоюза [Marin 2017, p. 81]. В контексте украинского кризиса и конфликта по линии Россия – Запад Брюссель оказывается перед соблазном, говоря о стрессоустойчивости восточных соседей, оценить влияние России исключительно как негативное. Речь может идти и о ЕАЭС, и об энергетической зависимости ряда восточных соседей от России, и о многих других аспектах. На деле ситуация здесь примерно такая же, как с противопоставлением формальных институтов и неформальных практик. Отдельные элементы взаимодействия с Россией могут оказаться плохо совместимыми с продвижением по пу-

30 Подобедова Л. (2016) Киев назвал сэкономленную на отказе от российского газа сумму // РБК. 25 августа 2016// <https://www.rbc.ru/business/25/08/2016/57befedc9a7947bfbdbda8762>, дата обращения 25.08.2020.

ти сближения с ЕС, другие, напротив, – сгладить негативные последствия социально-экономической трансформации восточных соседей в целом.

Соседи на юге

В отличие от региона Восточного партнерства, различные попытки формирования регионального кооперативного порядка на южной границе предпринимались Евросоюзом давно. Европейская политика соседства (ЕПС) была «наложена» на многостороннее Евро-средиземноморское партнерство (ЕСП), запущенное в 1995 г. Союз для Средиземноморья, сформированный в 2008 г., включает, помимо государств – членов ЕС и «южных» партнеров по ЕПС (Ливия – наблюдатель), четыре страны «европейского берега», не входящие в ЕС, Турцию, являющуюся кандидатом в члены ЕС, а также Мавританию, которая не участвует в политике соседства³¹.

Кроме того, само Средиземноморье все больше связывается с соседними территориями. Так, «Стратегическое партнерство Африка-ЕС», запущенное в 2007 г., сосредоточено на Африканском союзе (АС)³², а следовательно, включает и африканских партнеров ЕС по ЕПС [Lannon 2017, p. 213].

Глобальная стратегия ЕС 2016 г. внесла здесь еще большую сложность. В ней отмечается, что продвижение стрессоустойчивости должно доходить «на юге вплоть до Центральной Африки»³³. Таким образом, «Средиземноморье, Ближний Восток и Африка» рас-

сматриваются в совокупности как один из «кооперативных региональных порядков»³⁴. Внутри данного порядка упоминаются, во-первых, «Магриб и Ближний Восток», а также Союз для Средиземноморья, однако ЕПС не упомянута вообще. Остальные четыре направления внутри этого «порядка» очень разные: Турция; члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Иран; взаимодействие между Северной Африкой и Африкой южнее Сахары, Африканским Рогом и Ближним Востоком; наконец, африканское направление (в т. ч. АС и субрегиональные африканские организации)³⁵. Например, Турция, будучи кандидатом на вступление, остается за рамками политики соседства ЕС (и поэтому не входит в фокус данной статьи). Тем не менее эта страна – пример все более очевидных связей между южным измерением ЕПС и сопредельными территориями. Остается открытым вопрос, как ЕС сможет координировать свои различные направления политики в этом случае, политику расширения и политику соседства.

Итак, во многом «Средиземноморье включено в более широкий африканский/азиатский регион Соседства», и в этом контексте Ирвэн Лэннон даже задается вопросом о возможном «конце средиземноморских политик ЕС (ЕЭС)» [Lannon 2017, p. 216].

В свою очередь, сам ЕС так или иначе все теснее связывается с территориями к югу. Как наглядно показывает миграционный кризис, Евросоюз, его южные партнеры и соседи последних

31 Сирия приостановила членство в 2011 г.

32 The Africa-EU Strategic Partnership. A Joint Africa-EU Strategy (2018) // African Union // https://www.africa-eu-partnership.org/sites/default/files/documents/eas2007_joint_strategy_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

33 Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // EEAS, p. 23 // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf, дата обращения 25.08.2020.

34 Ibid., pp. 32, 34–36.

35 Ibid., pp. 35–36.

вполне могут рассматриваться как части единой системы.

Таким образом, попытки ЕС продвигать стрессоустойчивость на южном фланге ЕПС, вероятно, все яснее будут подтверждать тот теоретический тезис, что границы любой социальной системы сложно определить, тем более в современном мире. ЕПС продолжает функционировать в старом составе, но однозначно отделить ее южное измерение от других территорий становится все сложнее. В свою очередь, чем масштабнее его связи с окружающими территориями, тем масштабнее будут и вызовы для политики ЕС. Более 20 лет строительства евро-средиземноморского региона не были для ЕС удачными. Вероятно, что конструирование более обширного «стрессоустойчивого» региона будет еще менее легким.

Переходя от надгосударственного уровня к внутригосударственному, отметим, что проблемы здесь более очевидны, но не менее серьезны. Они касаются традиционной проблемы соотношения в политике ЕС между государством и негосударственными акторами. Как полагают многие исследователи южного соседства, для стрессоустойчивости важны сложные связи государства и общества, а не игнорирование одного из них в пользу другого [Ragab 2017; Kerrou 2017; Mouawad 2017]. В то же время, в соответствии с теорией стрессоустойчивости, для нее крайне важен учет локальной специфики и «низовых» ресурсов. Политика ЕС сможет быть более успешной, только если он откажется от своей частой практики полярного подхода к государству и обществу, когда поддерживается либо только правящая верхушка, либо только «прозападное» гражданское общество, и при этом игнорируются многие социальные акторы, которые не вписываются в «западное» понимание общества Евросоюзом.

Угрозы, с которыми сталкиваются страны южного соседства, очень многообразны и достаточно очевидны сами по себе. Угрозы жесткой безопасности, особенно в виде вооруженных конфликтов, терроризма и экстремизма, обладают первостепенной важностью. Это касается, прежде всего, Сирии и Ливии, но во многом и всех остальных южных соседей. Как признает даже один ученый из ЕС, «в по-настоящему хрупких обществах ни демократия западного образца, ни верховенство закона не являются достижимыми ингредиентами стрессоустойчивости в кратко- и среднесрочной перспективе» [Van Veen 2017, p. 39]. В первую очередь, стрессоустойчивость в таких случаях потребует урегулирования вооруженных конфликтов и стабилизации. В то же время ясно, что полноценное разрешение конфликтов и профилактика новых невозможны без параллельной работы по другим измерениям стрессоустойчивости.

В экономическом плане важнейшими структурными проблемами стрессоустойчивости представляются следующие. В плане отраслевой структуры экономики среди специалистов нет консенсуса относительно того, что скорее повышает стрессоустойчивость – диверсифицированная экономика или наличие одной ведущей отрасли, на которой специализировался бы регион [Martin, Sunley 2015, pp. 26–27, 36]. Особое внимание обращается на инновационные сферы [Martin, Sunley 2015, p. 26], хотя и их способность в одиночку повысить стрессоустойчивость региона подвергается сомнению [Clark, Bailey 2018, p. 743]. Проблема для южного соседства состоит в том, что все эти параметры, скорее, негативны. Степень диверсификации экономик невелика. С другой стороны, как известно, и специализация на экспорте углеводородов (доступная далеко не всем этим

странам), и специализация на экспорте сельскохозяйственной продукции (доступная большему числу стран) ведут к своим проблемам [Harrigan 2017, p. 48]. В «Глобальном индексе инноваций» за 2018 г. среди южных участников ЕПС Израиль занимает 11-е место, но следующие за ним страны ЕПС – 66-е место (Тунис) и ниже³⁶.

Известной экономической (и социально-политической) проблемой является безработица. В 2017 г. в семи южных странах – участниках ЕПС оценки показателя безработицы превышали 10% при среднемировом уровне около 5,5%³⁷. Особенно уязвимыми эти страны делает безработица среди молодежи. Оценки за 2017 г. показывают, что среднемировой уровень в 13,4% превышают все южные партнеры, кроме Израиля; причем в странах с очень различными недавними путями развития, таких как Египет, Ливия, Сирия, Тунис, Иордания и Западный Берег и Сектор Газа, проблема далека от решения (показатели – больше 30%)³⁸. Конечно, безработица может снижаться за счет эмиграции (что во многом и происходит с данными странами). Но можно усомниться в том, что отток населения может делать страны действительно стрессоустойчивыми, особенно если учесть «утечку мозгов» [Martin, Sunley 2015, p. 33].

Следует отметить и традиционно большую роль госсектора. Поддерживаемые Евросоюзом пакеты реформ в трактовке МВФ предполагают необходимость широкой приватизации государственного сектора. Однако послед-

ний в странах юга (и, отчасти, востока) во многом является гарантом экономической стрессоустойчивости населения, и его возможное реформирование должно учитывать этот факт. Кроме того, проблемами являются коррупция и «неформальная» экономика, которые во многом сами являются живучими и стрессоустойчивыми (в негативном смысле слова). Частью проблемы «неформальной» экономики является то, что де-факто «от этих видов экономики напрямую зависят широкие слои местного населения» [Dessi 2017, p. 170].

Наконец, теория стрессоустойчивости привлекает внимание к такой структурной проблеме южного соседства, как его «замкнутость» на ЕС и слабость связей между самими южными соседями. Налаживание связей между последними могло бы стать важнейшим фактором их развития [Dessi 2017, pp. 175–176, 188–189]. Однако пока система «ЕС – южное соседство» развивается, скорее, в соответствии с тем, что называется в теории стрессоустойчивости «эффектом оси» (rivet effect) [Martin, Sunley 2015, pp. 28–29]: ЕС служит осью, на которую во многом замкнуты (и от которой сильно зависят) отдельные южные участники ЕПС. При этом экономические связи и тем более интеграция слабы не только между Израилем и арабскими странами, но и между последними. Поощрение Евросоюзом торговых связей по линии «юг – юг» пока привело к скромным результатам³⁹.

В плане экологических угроз Ближний Восток и Северная Африка мо-

36 Global Innovation Index 2018 Energizing the World with Innovation (2018) // WIPO // http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf, дата обращения 25.08.2020. В Рейтинг не были включены Ливия, Сирия и Палестина.

37 Unemployment, Total (% of Total Labor Force, Modeled ILO Estimate) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

38 Unemployment, Youth Total (% of Total Labor Force Ages 15–24, Modeled ILO Estimate) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

39 Euro-Mediterranean Partnership (2018) // European Commission // <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/euro-mediterranean-partnership/>, дата обращения 25.08.2020.

гут подвергнуться особенно сильному влиянию глобального потепления. Кроме того, перед регионом уже стоят серьезнейшие проблемы в плане обеспечения водой [Stang 2017, p. 33]. Экологические вызовы могут вести к политическим и социальным конфликтам. Они (особенно водные) также связаны с развитием сельского хозяйства. Проблемы последнего уже стали фактором низкой продовольственной безопасности – сильной зависимости от импорта и роста цен на продовольствие; подорожание еды стало одной из причин волнений, начавшихся в регионе зимой 2010–2011 гг. Подобные процессы могут повториться в будущем [Schulz 2017, pp.29–30; Stang 2017, p. 34; Harrigan 2017, p. 47]. С другой стороны, экономические трудности затрудняют значительные вложения в решение экологических проблем, а ориентиры экономического развития могут и дальше преследоваться в ущерб окружающей среде.

Наконец, все отмеченные экономические и экологические угрозы, очевидно, обостряют угрозы в социальном измерении, включая политические аспекты. Социальные проблемы стрессоустойчивости связаны, среди прочего, с бедностью, образованием, здравоохранением, гендерным неравенством, демографическими процессами, урбанизацией и качеством жилья. Уже отмечалась проблема продовольственной безопасности, и если говорить об общей «способности государств обеспечивать достаточное количество продовольствия для покрытия национальных нужд», то Ближний Восток и Северная Африка находятся в самом уязвимом положении по мировым меркам [Harrigan 2017, p. 47].

Добавим в отношении угроз, что если обратиться к исследованиям авторов и опросам жителей из самих стран южного соседства (а для теории стрес-

соустойчивости важен именно взгляд «изнутри» системы), то станет ясно, что проблемы жесткой безопасности, экономические и социальные трудности приоритетны по сравнению с вопросами политических реформ. Тем не менее последние также не игнорируются [Ragab 2017, pp. 61, 70–71; 18; Dessi 2017, p. 176]. Теоретически стрессоустойчивость должна учитывать все отмеченные измерения сложных систем, их взаимные связи и противоречия.

Для настоящего анализа важно также подчеркнуть следующий риск, связанный с продвижением Евросоюзом стрессоустойчивости в регионе. Возможно, что нестабильность на юге и недостаток финансовых средств у самого ЕС будут подталкивать его к тому, чтобы поощрять стрессоустойчивость лишь как закрепление статус-кво в странах-партнерах, скрывающего под собой множество проблем. Смыслом такой политики будет логика обеспечения минимально необходимой для функционирования систем стрессоустойчивости. В этом контексте М. Райнард, сравнивая ресурсы стрессоустойчивости бедных и богатых стран, приводит пример лачуг, которые менее уязвимы перед ураганами, чем небоскребы [Rhinarд 2017, pp. 26–27]. Конечно, учет подобных ресурсов «выживаемости» мог бы сделать политику ЕС более эффективной, если ЕС как минимум следовал бы принципу «не навреди» уже имеющимся в другом обществе ресурсам [Rhinarд 2017, p. 27]. Но очевидно, что такая логика оказывается довольно узкой, минималистской. Сообщества, испытывающие экономические трудности, конечно, могут быть стрессоустойчивыми в минимальном смысле, однако для них стрессоустойчивость – отнюдь не некий идеал ««процветания» перед лицом невзгод»; скорее, это лишь способность «сводить концы с концами» и отсутствие положительных аль-

тернатив [Hickman 2018, pp. 420–421]. Едва ли «увековечивание лачуг» сделает общество стрессоустойчивым в долгосрочном плане.

Согласно Джамилу Муавад, пример негативной стрессоустойчивости дает Ливан. «Стрессоустойчивость» означает в ливанском контексте не устойчивость общества или государства как гаранта публичного блага, а закрепление привилегий правящих элит, которые подчинили себе государство и удовлетворяют лишь минимальные потребности населения, чтобы смягчать его недовольство. Стрессоустойчивость здесь подразумевает лишь хрупкую стабильность, но подспудно ведет к накоплению экономических, социальных и экологических проблем. При этом финансовая помощь иностранных доноров лишь поддерживает сложившуюся ситуацию [Mouawad 2017]. Во многом то же можно сказать и об иностранной помощи Палестине, в оказании которой ЕС – мировой лидер⁴⁰. Масштабная помощь так и не привела к становлению подлинно стрессоустойчивых государства и общества. Скорее, «стрессоустойчивыми» оказались зависимость от иностранного финансирования, отсутствие у палестинского общества подконтрольных ему публичных властей (и палестинских, и израильских) и иллюзорная стабильность, все чаще сменяемая открытым конфликтом. Под вопросом оказывается и долгосрочная стрессоустойчивость Израиля, несмотря на более высокий уровень экономического развития этого государства в сравнении с арабскими соседями. Конфликт с палестинцами, нереализованный потенциал экономических связей с соседями, атмосфера «осажденной крепости» подрыв-

вают его стрессоустойчивость в плане безопасности, демократических институтов, в экономическом и психологическом отношениях. Примером стран южного соседства, где относительная стабильность последних лет (по сравнению с Сирией, Ливией или Египтом) не говорит о большом долгосрочном запасе стрессоустойчивости, являются Алжир и Марокко. В Алжире массовые протесты и последовавший уход в отставку президента А. Бутефлики в 2019 г. уже показали это. Обе страны иллюстрируют проблемы политики ЕС на юге, когда Брюссель, с одной стороны, де-факто сотрудничает с правящими режимами, которые считает для себя выгодными и которые поэтому имеют мало стимулов для более эффективного решения проблем и учета запросов своих обществ, и, с другой, обращается с риторикой демократизации к местным социумам. Итогом могут стать лишь дальнейшая поляризация и дестабилизация в этих странах.

Стрессоустойчивость обеспечивается различными «институциональными и культурными ресурсами» [Hall, Lamont 2013, p. 2]. Теория стрессоустойчивости также привлекает внимание к тому, что «поддержание разнообразия и излишков» в рамках определенной системы может повышать ее стрессоустойчивость [Van Veen 2017, p. 38; Mykhnenko 2016, pp. 202–203; Martin, Sunley 2015, pp. 7, 27–29]. Различные ресурсы, которые могут показаться излишними в спокойное время, дают системе некоторую «подушку безопасности» на случай кризиса. В случае южного соседства ЕС учет многообразия ресурсов кажется особенно важным. В институциональном плане успешность политики ЕС, как отмечалось выше, бу-

40 См., например, Palestine // European Commission // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/palestine_en, дата обращения 25.08.2020.

дет зависеть от того, насколько он сможет не только опираться на ресурсы отдельных правящих верхушек или «про-западных» организаций гражданского общества, но и учитывать важность всего государства и релевантных негосударственных акторов.

Роль государства стоит оговорить отдельно. Государство в регионе южного соседства ЕС является довольно хрупким институтом по причинам, относящимся к колониальному прошлому и современности. Тем не менее оно остается важнейшим институтом, игнорирование которого не может привести к эффективному продвижению стрессоустойчивости. Вполне очевидно, что государство едва ли можно искусственно отделять от общества, о чем зачастую забывал ЕС. Как пишет, например, Иман Рагаб, «государственные институты в Египте (включая бюрократию, армию, образовательную систему, систему здравоохранения, министерства и т. д.) <...> являются на деле неотъемлемой частью» общества [Ragab 2017, p. 57]. На данном этапе широкие слои общества жизненно зависят от государства. В Египте (и многих других южных, а также в некоторых восточных соседях ЕС [Dessi 2017, p. 170]⁴¹) большая доля населения традиционно занята в госсекторе; многие получают государственные продовольственные карточки [Ragab 2017, p. 57]. Едва ли государство как инвестора смогут (по крайней мере, быстро) заменить частные инвесторы и, например, в плане «улучшения климатической стрессоустойчивости в целом» [Stang 2017, p. 35]. Как отмечалось в отношении Ливана и Палестины, государство важно, в целом, как тот главный публичный институт, который призван быть гарантом обще-

ственного блага; если государство плохо выполняет эту функцию, о высокой стрессоустойчивости говорить сложно. Евросоюзу как наднациональному образованию может быть тяжело признать важность государства. Тем не менее государство, гарантирующее порядок (при этом защищающее публичный интерес и не подавляющее общество) могло бы служить ключевым ресурсом стрессоустойчивости южных соседей. Альтернативой этому ориентиру в регионе часто становился хаос. К другой же альтернативе – масштабной наднациональной интеграции по модели ЕС – его южное соседство пока явно не готово.

Переходя к культурным ресурсам стрессоустойчивости, нужно отметить, во-первых, необходимость учета культурной специфики (разумеется, историчной и подвижной) южных партнеров. Во-вторых, идея разнообразия и излишков указывает на важность учета и сосуществования разных культур в регионе. Особо следует отметить роль религии. Так или иначе, религия (в особенности ислам и иудаизм) остается частью повседневной и политической реальности в странах южного соседства. Евросоюзу достаточно сложно работать с этим аспектом. Между тем религия может быть фактором повседневной стрессоустойчивости людей в сложных условиях (миграции, контакты с множеством других культур) [Ögtem-Young 2018]. Успешность политики ЕС будет зависеть от того, насколько конструктивно он будет обращаться к религиозному ресурсу стрессоустойчивости в регионе.

Давать системную оценку политике ЕС по продвижению стрессоустойчивости еще рано, но уже можно при-

41 См. Employment by Region (2018) // The World Bank // <http://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/size-of-the-public-sector-government-wage-bill-and-employment>, дата обращения 25.08.2020.

вести несколько примеров его инициатив, касающихся южных соседей. В плане профилактики вооруженных конфликтов нужно отметить «Систему раннего предупреждения о конфликтах ЕС», в которой стала учитываться и цель продвижения стрессоустойчивости⁴². Можно также указать на «Инициативу по экономической стрессоустойчивости» Европейского инвестиционного банка (ЕИБ)⁴³. Стрессоустойчивость постоянно фигурирует в риторике ЕС относительно сирийского кризиса⁴⁴. Пока, однако, ситуация в регионе не позволяет говорить о том, что шаги ЕС вносят большой позитивный вклад в стабильность и стрессоустойчивость, за подрыв которых он сам отчасти ответственен.

Одним из важнейших вопросов, касающихся не только экономической, но и всех остальных сфер продвижения стрессоустойчивости в южном соседстве, является то, к каким последствиям приведет защита Евросоюзом идей свободного рынка [Juncos 2017, p. 10]. С одной стороны, в странах южного соседства «доля строгой экономии и фискальной сдержанности будет, несомненно, необходима», хотя она и должна быть сбалансирована «инвестициями в экономику и производственный потенциал» [Dessi 2017, p. 172]. В некоторой степени развитие рыночных реформ в регионе имело негативный итог не из-за недостатков свободного рынка как такового. Скорее, эти реформы порождали «кумовской капитализм

[crony capitalism]» [Harrigan 2017, p. 49], т. е. приводили к результатам, во многом противоположным самой декларируемой цели свободного рынка.

С другой стороны, существует риск завышения роли свободного рынка в ущерб остальным ресурсам стрессоустойчивости. Это будет противоречить отмеченной выше ценности разнообразия и излишков. В конкретном смысле это может привести к урезанию тех государственных расходов, которые могли бы стать стабилизирующим фактором во время кризисов.

То же самое относится и к другим ресурсам стрессоустойчивости, не связанным с свободным рынком, – в частности, к разнообразным социальным и культурным факторам. Если рыночные реформы «игнорируют социальные ресурсы, укорененные в местных культурных практиках, они могут разрушать, а не создавать коллективные возможности» [Hall, Lamont 2013, p. 20]. Такие ресурсы могли бы дополнять и корректировать свободный рынок. Исследователи находят факторы стрессоустойчивости в «плотных социальных сетях, поддерживающих культуру сотрудничества», в «связях с семьями, друзьями и знакомыми», в «коллективных идеях» и «социальной солидарности», причем речь идет и о развитых странах Запада [Hall, Lamont 2013, pp. 16–17]. Очевидно, что эти ресурсы еще более актуальны для южных соседей ЕС, по сравнению с западными социумами, и в этом плане южно-средиземноморские обще-

42 Joint Staff Working Document “EU Conflict Early Warning System: Objectives, Process and Guidance for Implementation – 2017” (2017) // European Commission, July 27, 2017 // https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/swd-eu-conflict-early-warning-system-2017_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

43 Economic Resilience Initiative. Southern Neighbourhood and the Western Balkans // European Investment Bank // http://www.eib.org/attachments/thematic/eib_economic_resilience_initiative_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

44 См., например, Council Adopts EU Strategy on Syria (2017) // Council of the EU // <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/03/fac-conclusions-syria/>; Agreement Establishing the European Union Regional Trust Fund in Response to the Syrian Crisis, “The Madad Fund”, and Its Internal Rules (2016) // European Commission // <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/countries/syria/madad/20160526-revised-madad-fund-constitutive-agreement.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

ства могут иметь даже больший потенциал стрессоустойчивости. Разумеется, все вышесказанное не подразумевает рассмотрения культур стран южного соседства с эссенциалистской точки зрения, как некоторых монолитных образований, «державшихся на духовности», в противовес некоему «материалистическому Западу». Успешная политика поощрения стрессоустойчивости лишь должна учитывать имеющиеся на данный момент ресурсы, но это не исключает общественного динамизма и многообразия. Наоборот, стрессоустойчивыми могут быть почти всегда лишь довольно гибкие и внутренне разнообразные системы. Соответственно, результативность политики ЕС будет зависеть от того, сможет ли он сбалансированно работать с внутренними ресурсами и внутренней динамикой соседей.

Заключение

Появление понятия «стрессоустойчивость» в дискурсе ЕС стало реакцией на серьезный кризис европейской модели – в ее внутреннем и внешнем проявлениях. В основе применения концепции к ЕПС была мысль о том, что соседним государствам стоит доверить самостоятельное формирование такой стрессоустойчивости, которая позволила бы им абсорбировать угрозы безопасности широкого плана, не проецируя их на Европейский союз. Вместе с тем по своей сути подходы ЕС остались неизменными. Пока понятие «стрессоустойчивость» серьезным образом не повлияло ни на используемый инструментарий, ни на представление Брюсселя о необходимом пакете реформ для соседних государств.

Принципиальная разница между восточным и южным соседствами заключается в том, что, поскольку в куль-

турном и географическом плане регион Восточного партнерства воспринимается как принадлежащий к «Большой Европе», его развитие рассматривается через призму европейской интеграции, пусть и в далекой перспективе. Соответственно, к восточному соседству предъявляются более высокие требования. Здесь Брюссель не отказался от продвижения полного пакета реформ, ориентированного на распространение в самом Евросоюзе практик. На юге граница Европы давно и довольно четко зафиксирована по морю, а проблематика Южного Средиземноморья и Ближнего Востока все более сливается в глазах ЕС с проблемами всего Африканского континента. В дискурсе и политике Евросоюза игнорирование проблем южного соседства рискует помешать формированию более качественных форм стрессоустойчивости, основанных на существенных культурных особенностях этого пространства.

Риторически признавая специфику каждого соседа, Брюссель не всегда готов на практике принимать такие очевидные моменты, как постепенность и поступательный характер преобразований, а также неизбежная опора в этом процессе на уже имеющиеся ресурсы систем, даже если эти ресурсы не вписываются в сложившееся представление о «правильном» и «неправильном». Маркируя те или иные общественные отношения и практики как «негативные», ЕС косвенно поддерживает курс на радикальный слом существующих отношений в южных и восточных соседях. В ряде случаев (особенно на юге) такой подход приводит к полному демонтажу прежних правил игры, заканчиваясь длительным периодом нестабильности. Вернуться к равновесию и тем более сформировать стрессоустойчивость после этого довольно сложно.

Список литературы

- Агафонов Ю. (2015) Влияние Европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства // *Мировая экономика и международные отношения*. №10. С. 40–49 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2015/40_49_Agafonv.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Донич Т.Г. (2018) Эволюция стратегии Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства» // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 2(16). С. 96–107 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=35248405>, дата обращения 25.08.2020.
- Павлова Е.Б., Гудалов Н.Н., Кочур Г.В. (2017) «Стрессоустойчивость»: новое слово в международных отношениях или вариация на неолиберальную тему? // *Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. Т. 9. № 2. С. 170–182 // https://elibrary.ru/download/elibrary_30053292_84646279.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Павлова Е.Б., Романова Т.А. (2019) Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 6. С. 102–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109
- Романова Т.А. (2017) Категория «Стрессоустойчивость» в Европейском Союзе // *Современная Европа*. № 4. С. 17–28 // https://elibrary.ru/download/elibrary_30638393_32992684.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Трещенков Е.Ю. (2013) От восточных соседей к восточным партнерам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики соседства Европейского Союза (2002–2012). СПб.
- Худолей К.К., Трещенков Е.Ю. (2016) В украинском кризисе виноват Запад? // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 11. С. 123–127 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2016/123-127Khudoley.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Шейн С. (2019) Европейские политические элиты тестируют стрессоустойчивость? // *Российский совет по международным делам*. 18 сентября 2019 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskie-politicheskie-elity-testiruyut-stressoustoychivost/>, дата обращения 25.08.2020.
- Юн С.М. (2014) Модель ассоциации Европейского союза со странами-участницами «Восточного партнерства» // *Известия Иркутского государственного университета*. Т. 7. С. 44–50 // https://elibrary.ru/download/elibrary_21366305_91588265.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Aliyev H. (2017) *When Informal Institutions Change: Institutional Reforms and Informal Practices in the Former Soviet Union*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Brand F.S., Jax K. (2007) Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object // *Ecology and Society*, vol. 12, no 1. DOI: 10.5751/ES-02029-120123
- Chandler D. (2013) International Statebuilding and the Ideology of Resilience // *Politics*, vol. 33, no 4, pp. 276–286. DOI:10.1111/1467-9256.12009
- Clark J., Bailey D. (2018) Labour, Work and Regional Resilience // *Regional Studies*, vol. 52, no 6, pp. 741–744. DOI: 10.1080/00343404.2018.1448621
- Colombo S., Ntousas V. (2017) Framing Resilience: A New Pathway for EU–MENA Relations // *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo

S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 11–28 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Dessi A. (2017) *Fostering State and Societal Resilience in the Middle East and North Africa: Recommendations for the EU* // The EU, Resilience and the MENA Region (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 157–194 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Hall P., Lamont M. (2013) *Introduction* // *Social Resilience in the Neoliberal Era* (eds. Hall P., Lamont M.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–32.

Harrigan J. (2017) *No Title* // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 47–49 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Hickman P. (2018) *A Flawed Construct? Understanding and Unpicking the Concept of Resilience in the Context of Economic Hardship* // *Social Policy & Society*, vol. 17, no 3, pp. 409–424. DOI: 10.1017/S1474746417000227

Holling C.S. (1973) *Resilience and Stability of Ecological Systems* // *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, pp. 1–23 // https://www.zoology.ubc.ca/bdg/pdfs_bdg/2013/Holling%201973.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Juncos A.E. (2017) *Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn?* // *European Security*, vol. 26, no 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809

Kerrou M. (2017) *Challenges and Stakes of State and Societal Resilience in*

Tunisia // The EU, Resilience and the MENA Region (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 29–52 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Korosteleva E. (2018) *Paradigmatic or Critical? Resilience as a New Turn in EU Governance for the Neighbourhood* // *Journal of International Relations and Development*. DOI:10.1057/s41268-018-0155-z

Lannon E. (2017) *The Mediterranean in the EU's 2016 Global Strategy: Connecting the Mediterranean, the Middle East and Africa* // *IEMED Mediterranean Yearbook* (ed. Florensa S.), Barcelona: IEMed, pp. 213–216 // https://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxiu-ad-junts/anuari/med.2017/IEMed_MedYearbook2017_mediterranean_eu_africa_Lannon.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Marin A. (2017) *No Title* // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 81–83 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Martin R., Sunley P. (2015) *On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation* // *Journal of Economic Geography*, vol. 15, no 1, pp. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015

Mouawad J. (2017) *Unpacking Lebanon's Resilience: Undermining State Institutions and Consolidating the System?* // The EU, Resilience and the MENA Region (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 75–89 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Mykhnenko V. (2016) Resilience: A Right-wingers' Ploy? // *The Handbook of Neoliberalism* (eds. Springer S., Birch K., MacLeavy J.), New York, London: Routledge, pp. 190–206.

Nizhnikau R. (2017) Promoting Reforms in Moldova. EU-Induced Institutional Change in the Migration and Environmental Protection Sectors // *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no 2, pp. 116–117. DOI:10.1080/10758216.2016.1219617

Ögtem-Young Ö. (2018) Faith Resilience: Everyday Experiences // *Societies*, vol. 8, no 1. Art. 10 // <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/1/10>, дата обращения 25.08.2020.

Olsson L., Jerneck A., Thoren H., Persson J., O'Byrne D. (2015) Why Resilience Is Unappealing to Social Science: Theoretical and Empirical Investigations of the Scientific Use of Resilience // *Science Advances*. No. 1 // <http://advances.sciencemag.org/content/advances/1/4/e1400217.full.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Ragab E. (2017) Egypt in Transition: Challenges of State and Societal Resilience // *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 53–73 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Rhinard M. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 25–27 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

<https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Schulz S. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 29–31 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Shyrokykh K. (2017) Effects and Side Effects of European Union Assistance on the Former Soviet Republics // *Democratization*, vol. 24, no 4, pp. 651–669. DOI: 10.1080/13510347.2016.1204539

Stang G. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 33–35 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Van Veen E. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 37–39 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Zguladze E., Recean D. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 89–91 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Resilience in the European Neighborhood Policy

Nikolay N. GUDALOV

PhD in Politics, Associate Professor, School of International Relations

Saint Petersburg State University, 191060, Smolnogo St., 1/3, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: n.gudalov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-7398-933X

Evgeny Yu. TRESHCHENKOV

PhD in History, Associate Professor, School of International Relations

Saint Petersburg State University, 191060, Smolnogo St., 1/3, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: e.treschenkov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1323-2383

CITATION: Gudalov N.N., Treshchenkov E.Yu. (2020) Resilience in the European Neighborhood Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 163–191 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Received: 15.07.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was made possible by a grant from the Russian Science Foundation (project no 17-18-01110).

ABSTRACT. *This paper explores the articulation of the resilience concept in the policies of the European Union to the Eastern and Southern neighborhoods. In the discourse of foreign policy and security of the EU Global Strategy 2016, this concept appears as a key one. The idea is to empower the neighboring countries in their autonomous efforts to build such resilience that would allow them to absorb a wide range of security threats without projecting them on the European Union. An analysis of the place of resilience in the evolution of the European Neighborhood Policy, as well as in relations with neighbors to the East and South, allows us to draw conclusions regarding the novelty of the approach, as well as the prospects and obstacles to its implementation. The EU policy is analyzed*

along key dimensions for the concept of resilience: systems, threats, and resources. At its core, the EU's approaches have changed little, which can come into conflict with the cornerstone ideas of resilience thinking. For example, there is a tendency to assess the social and cultural practices existing in the neighboring countries through the prism of "right" and "wrong", thus excluding them from resources of building resilience. In the case of the Eastern Neighborhood, Brussels did not refuse to promote here a full package of reforms aimed at spreading European practices to the states of the region. This is based on the perception of the region as a part of Wider Europe. The problems of the Southern Mediterranean and the Middle East, on the contrary, are increasingly merging in the eyes of the EU with those of the

entire African continent. In the discourse and the policy of the European Union, disregard of the region's problems may impede the formation of higher-quality forms of resilience in the South.

KEY WORDS: resilience, European Union, European Neighborhood Policy, Eastern and Southern neighborhood

References

- Agafonov Yu. (2015) European Neighborhood Policy's Impact on Political Regimes of Eastern Partnership Countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 10, pp. 40–49. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2015/40_49_Agafonv.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Aliyev H. (2017) *When Informal Institutions Change: Institutional Reforms and Informal Practices in the Former Soviet Union*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Brand F.S., Jax K. (2007) Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object. *Ecology and Society*, 2007, vol.12, no 1. DOI: 10.5751/ES-02029-120123
- Chandler D. (2013) International Statebuilding and the Ideology of Resilience. *Politics*, vol. 33, no 4, pp. 276–286. DOI: 10.1111/1467-9256.12009
- Clark J., Bailey D. (2018) Labour, Work and Regional Resilience. *Regional Studies*, vol. 52, no 6, pp. 741–744. DOI: 10.1080/00343404.2018.1448621
- Colombo S., Ntousas V. (2017) Framing Resilience: A New Pathway for EU–MENA Relations. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 11–28. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Dessi A. (2017) *Fostering State and Societal Resilience in the Middle East and North Africa: Recommendations for the EU. The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 157–194. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Donich T. (2018) Transformation of the EU Strategy towards “Eastern Partnership” Countries. *Vestnik Diplomatichej akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no 2(16), pp. 96–107. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35248405>, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Hall P., Lamont M. (2013) Introduction. *Social Resilience in the Neoliberal Era* (eds. Hall P., Lamont M.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–32.
- Harrigan J. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 47–49. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.
- Hickman P. (2018) A Flawed Construct? Understanding and Unpicking the Concept of Resilience in the Context of Economic Hardship. *Social Policy & Society*, vol. 17, no 3, pp. 409–424. DOI: 10.1017/S1474746417000227
- Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, pp. 1–23. Available at: https://www.zoology.ubc.ca/bdg/pdfs_bdg/2013/Holling%201973.pdf, accessed 25.08.2020.
- Juncos A.E. (2017) Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? *Euro-*

pean Security, vol. 26, no 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809

Kerrou M. (2017) Challenges and Stakes of State and Societal Resilience in Tunisia. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 29–52. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.

Khudoley K., Treshchenkov E. (2016) Is The West Responsible For The Ukrainian Crisis? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no 11, pp. 123–127. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2016/123-127Khudoley.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Korosteleva E. (2018) Paradigmatic or Critical? Resilience as a New Turn in EU Governance for the Neighbourhood. *Journal of International Relations and Development*. DOI: 10.1057/s41268-018-0155-z

Lannon E. (2017) The Mediterranean in the EU's 2016 Global Strategy: Connecting the Mediterranean, the Middle East and Africa. *IEMED Mediterranean Yearbook* (ed. Florensa S.), Barcelona: IEMed, pp. 213–216. Available at: https://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2017/IEMed_MedYearbook2017_mediterranean_eu_africa_Lannon.pdf, accessed 25.08.2020.

Marin A. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 81–83. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Martin R., Sunley P. (2015) On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation. *Jour-*

nal of Economic Geography, vol. 15, no 1, pp. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015

Mouawad J. (2017) Unpacking Lebanon's Resilience: Undermining State Institutions and Consolidating the System? *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 75–89. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.

Mykhnenko V. (2016) Resilience: A Right-wingers' Ploy? *The Handbook of Neoliberalism* (eds. Springer S., Birch K., MacLeavy J.), New York, London: Routledge, pp. 190–206.

Nizhnikau R. (2017) Promoting Reforms in Moldova. EU-Induced Institutional Change in the Migration and Environmental Protection Sectors. *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no 2, pp. 116–117. DOI: 10.1080/10758216.2016.1219617

Ögtem-Young Ö. (2018) Faith Resilience: Everyday Experiences. *Societies*, vol. 8, no 1, art. 10. Available at: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/1/10>, accessed 25.08.2020.

Olsson L., Jerneck A., Thoren H., Persson J., O'Byrne D. (2015) Why Resilience Is Unappealing to Social Science: Theoretical and Empirical Investigations of the Scientific Use of Resilience. *Science Advances*. No. 1. Available at: <http://advances.sciencemag.org/content/advances/1/4/e1400217.full.pdf>, accessed 25.08.2020.

Pavlova E.B., Gudalov N.N., Kotsur G.V. (2017) 'Resilience': A New Word in International Relations or a Variation on a Neoliberal Theme? *Moscow University Journal of World Politics*, vol. 9, no 2, pp. 170–182. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30053292_84646279.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Pavlova E., Romanova T. (2019) Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept.

World Economy and International Relations, vol. 63, no 6, pp. 102–109 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109

Ragab E. (2017) Egypt in Transition: Challenges of State and Societal Resilience. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 53–73. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.

Rhinard M. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 25–27. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Romanova T. (2017) Resilience Category in the European Union. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 17–28. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30638393_32992684.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Schulz S. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 29–31. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Shein S. (2019) Do European Political Elites Test Resilience? *The Russian International Affairs Council*, September 18, 2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskie-politicheskie-elity-testiruyut-stressoustoychivost/>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Shyrokykh K. (2017) Effects and Side Effects of European Union Assistance on the Former Soviet Republics. *Democratization*, vol. 24, no 4, pp. 651–669. DOI: 10.1080/13510347.2016.1204539

Stang G. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 33–35. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Treshchenkov E.Yu. (2013) *From Eastern Neighbors to Eastern Partners. The Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine in the Focus of the European Union's Neighborhood Policy (2002–2012)*, Saint Petersburg (in Russian).

Van Veen E. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 37–39. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Yun S.M. (2014) The Model of Association between the European Union and “Eastern Partnerships Countries”. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7, pp. 44–50. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21366305_91588265.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Zguladze E., Recean D. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 89–91. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9

Вызов современной конституционной системе Германии: деятельность организации «Братья-мусульмане»

Лариса Анатольевна АНДРЕЕВА

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований

Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация;

главный научный сотрудник, факультет философии, культурологии и искусства, Научно-образовательный центр религиоведческих и этнополитических исследований

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 196605,

Петербургское ш., д. 10, Пушкин, Ленинградская область, Российская Федерация

E-mail: larchen1969@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6418-5775

ЦИТИРОВАНИЕ: Андреева Л.А. (2020) Вызов современной конституционной системе Германии: деятельность организации «Братья-мусульмане» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 192–210. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9

Статья поступила в редакцию 20.05.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00054.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вызову современной конституционной системе Германии со стороны исламистских организаций. Массовая миграция из мусульманских стран и складывание «параллельных» мусульманских сообществ привели к тому, что именно в этой среде нашли своих адептов и основали свои филиалы транснациональные исламистские организации, такие как «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ). В статье анализируется тактика

действий организации «Братья-мусульмане» и аффилированных с ней организаций в Германии. Эти организации рассматриваются как активно действующий субъект, имеющий свой цивилизационный проект переустройства мира. На основании изученных материалов немецких спецслужб делаются выводы о создании разветвленной сети организаций, контролируемых «Братьями-мусульманами», при этом публично отрицающих какую-либо связь с этим движе-

нием. Тактикой этой организации является использование всех возможностей «легальных» институтов демократического государства для идеологической пропаганды и политического представительства. Стратегия «Братьев-мусульман» остается неизменной – через постепенную «мирную» исламизацию европейского социума прийти к коренному политическому переустройству Европы на принципах политического ислама.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический ислам, «Братья-мусульмане», миграция, конституционная система Германии, столкновение цивилизаций, секулярный мир, религиозный мир*

В начале XXI века все более очевидным становится вызов основам современной конституционной системы западного мира со стороны исламистских организаций. Через призму цивилизационного измерения это проявляется в том, что все более усиливается борьба за выбор либо светских моральных, либо религиозных ценностей в качестве универсальных основ будущего мирового порядка. В общественном дискурсе долгое время господствовало представление о глобализации как процессе, который приведет к становлению единого, более совершенного мира. Однако массовые миграционные потоки «Юг – Север» все более очевидно становятся фактором деструкции современного миропорядка. «Крупномасштабные потоки населения в развивающиеся регионы мира и интенсивный рост там новых сообществ, которые представляют незападные этносы и цивилизации, имеющие иную культуру повседневности, систему ценностей и самоидентификацию, резко усиливают этническую, конфессиональную, лингвистическую, культурную и т. п. неоднородность принимающих социумов и

ставят перед ними серьезные вызовы. Так, западноевропейские страны стали, по сути, ареной противостояния норм и ценностей христианства и ислама, превратившегося во вторую по числу приверженцев религию региона и угрожающую исламизацией последнего, распространением исламского фундаментализма и терроризма и т. п.» [Цапенко, Гришин 2018, с. 5] – с этим выводом можно согласиться, за одним уточнением, что христианство в странах Европы стало преимущественно культурным феноменом, и речь идет о столкновении светского мировоззрения и религиозного. Результатом массовой миграции из мусульманских стран становится складывание «параллельных» мусульманских сообществ в европейских странах с такими их атрибутами, как шариатский суд, криминальные кланы, которые контролируют эти территории и тесно связаны с мусульманскими судьями, существованием как нормы таких архаических обычаев, как «убийство чести», принудительный брак. Светское государство фактически утратило пространственный контроль над этими все разрастающимися территориями [Андреева 2019, с. 120; Фитун, Абрамова 2018]. «Трансграничные отношения допускают и предполагают массовые миграции не только людей, но и социальных отношений и культур из одних цивилизационных систем в другие, что ломает все привычные рамки и ограничения социокультурных взаимодействий и отношений, создавая условия для формирования в рамках формально целостных национально-государственных единиц самостоятельных, параллельных обществ» [Следзевский 2020]. Именно в этой среде нашли своих адептов и основали свои филиалы транснациональные исламистские организации, такие как «Братья-мусульмане». Можно согласиться с мнением И.В. Следзевско-

го, что исламизм (политический ислам) «непосредственно влияя на отношения человека к общественным авторитетам, власти, управлению, переживающие подъем религиозные течения, и, в первую очередь, течения и организации фундаменталистского типа, неизбежно становятся фактором политики – обретения и устройства власти, ее легитимации и использования. В условиях нарастания транснациональных политических процессов, выходящих за рамки отдельных стран и государств, это обстоятельство превращает возрождение мировых религий в важный, неотъемлемый фактор мировой политики, связанный с отторжением западной цивилизации» [Следзевский 2018, с. 32].

Таким образом, мы можем говорить о наметившемся процессе «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), а именно западной цивилизации, основанной на светском, плюралистическом мировоззрении, и политического исламизма, отрицающего секулярные, плюралистические цивилизационные ценности Европы, при этом стремящегося стать выразителем мнения всех мусульман. В современной Европе мы наблюдаем обозначившуюся тенденцию «мягкого» поглощения национальных государств «параллельным» мусульманским обществом, причем с использованием, прежде всего, легальных форм для идеологической пропаганды и политического представительства, а также с опорой на демографический фактор многодетных мусульманских семей в стареющем европейском обществе.

Тема миграции достаточно хорошо изучена, при этом мусульманские «параллельные» общества в Европе рассматриваются как пассивный субъект, на который направлена деятельность

политиков, спецслужб, общественных организаций, и основная цель правительств заключается в том, чтобы найти вариант той или иной стратегии включения их в западное общество. Однако организации, действующие в мусульманской среде и пытающиеся стать ее легитимными представителями, являются активными субъектами, имеющими свой цивилизационный проект переустройства Европы. «Братья-мусульмане» является именной такой трансграничной организацией исламского фундаменталистского типа, которая имеет своей конечной целью через постепенную «мирную» исламизацию западного мира прийти к коренному переустройству глобального мирового порядка на принципах политического ислама. Конечную цель деятельности «Братьев-мусульман» предельно откровенно сформулировал современный мыслитель и агитатор Юсуф аль-Карадави (р. 1926) в передаче, показанной катарским телевидением 28 июля 2007 г.: «Ислам покорит Европу без меча и без боя». По мнению аль-Карадави, Европа находится в жалком состоянии безнравственности, материализма и распущенности. «Европа не найдет ни спасателя, ни спасательной шлюпки, кроме ислама», – резюмирует аль-Карадави¹.

Политическая исламистская организация «Братья-мусульмане»

Организация «Братья-мусульмане» является старейшей из существующих мусульманских организаций, была основана в 1928 г. школьным учителем Хасаном аль-Банна (Hasan al-Banna) вместе с шестью рабочими в египет-

1 Islam Muslims Will Conquer and Rule Europe! Shaykh Yusuf Al Qaradawi (2007) // Youtube.com // <https://youtube.com/watch?v=eDtSqcciar0>, дата обращения 25.08.2020.

ском городе Исфахия. На возникновение этой организации повлиял распад Османской империи после Первой мировой войны и фактический протекторат Великобритании над формально независимым Египетским королевством. Первоначальной целью этой организации было освобождение Египта от английского влияния. Хасан аль-Банна видел предназначение своей деятельности в обретении Египтом подлинной независимости без западного влияния. С этой целью он пропагандировал возвращение к исламским корням страны и «исламской системе» в качестве политической альтернативы. Аль-Банна выдвинул лозунг «Ислам является решением» (al-Islām huwa al-ḥall) и впервые высказался о создании «исламского порядка» (niẓām islāmī) [Tibi 2009, p. 223]. В его понимании ислам как религия превосходит человеческие законы, разделение государства и религии категорически отвергается. «Исламский порядок» должен быть достигнут путем убеждения мусульманина создать хорошую семью (т. е. разделяющую основные постулаты «Братьев-мусульман»), затем достаточное количество семей создадут исламское общество, которое, в свою очередь, потребует исламского правительства, затем возникнет всемирное исламское государство. Отдельные ячейки «Братьев-мусульман» также называются «семьями» [Hamid 2016, pp. 81, 213].

Лозунг «Братьев-мусульман» – «Бог – наша цель, посланник – наш пример, Коран – наша Конституция, джихад – наш путь, смерть на пути Бога – наше высшее стремление» – также не изменился с момента основания организации². Политические взгляды Ха-

сана аль-Банна были развиты его последователями, но именно он заложил ядро идеологии организации и обосновал ислам как основу всей общественно-политической жизни общества. Движение прошло большой исторический путь, использовало как террористические, так и легальные методы борьбы. В 2005 г. «Братья-мусульмане» сформулировали свое видение государственного устройства – «гражданское государство с исламской системой координат» как концепцию идеального государства, к которому оно стремится. Термин «гражданское», с одной стороны, показывает сознательное избегание термина «светский», потому что в египетском обществе он отрицателен и является синонимом неисламского или нерелигиозного (la dini), с другой стороны, «гражданское государство» должно показать и отрицание «Братями-мусульманами» теократического государства. В их государственной концепции правителю не было дано никаких божественных качеств и он не считался непогрешимым, – наоборот, если правитель, который может быть мирянином, нарушает законы шариата, то люди могут его свергнуть. Однако в «этом государстве исламская система взглядов должна формировать центральную составляющую политического порядка. Это означает, что принципы шариата должны быть основным источником права, они также должны составлять основу мировоззрения государства и основу всех его действий. За этим стоит претензия на понимание ислама как всеобъемлющей системы, которая также включает политическую систему» [Ranko 2014, s. 76]. Таким образом, концепция «гражданского государства с исламской системой координат»

2 Die Muslimbruderschaft (2020) // Konrad-Adenauer-Stiftung // <https://kas.de/web/islamismus/die-muslimbruderschaft>, дата обращения 25.08.2020.

нат» не совместима с современной европейской системой светской государственности.

«Братья-мусульмане» являются тайным обществом (за исключением краткого периода их легализации при правлении президента Египта М. Мурси в 2012–2013 гг.), у них нет общедоступного списка членов организации, и сама организация построена по пирамидальному принципу, когда низшие члены не имеют полного представления о том, кто является членом более высшего уровня организации. Например, у египетских «Братьев-мусульман» членство в организации имело четыре степени, в соответствии с которыми различались и обязанности «братьев» [Игнатенко 2013, с. 94–95]. «Настоящее» членство возникает только через несколько лет испытаний. За исключением руководства, все члены организации обязаны отрицать перед третьими лицами свою принадлежность к «Братьям-мусульманам» и, в том числе, оспаривать свою принадлежность к организации в судебном порядке [Ulfkotte 2007, s. 117]. Можно согласиться с мнением А.В. Сарabeeва о том, что «основное наблюдение, которое можно сделать на основании деятельности «Братьев-мусульман» на протяжении всей истории движения, таково: терпимость (толерантность) не является присущим ему качеством, тогда как терпение давно стало основным элементом его тактики борьбы. Выработанное с годами умение переносить временные неудачи, терпеливо выжидая нужного момента, практикуется поныне» [Сарабеев 2019, с. 185].

С 1950-х гг. начинается исход приверженцев «Братьев-мусульман» из Египта, Сирии, Иордании, Туниса, по-

скольку правящие там элиты подвергали преследованиям и запрету деятельность организации. Многие радикальные приверженцы этой организации эмигрировали первоначально в Саудовскую Аравию, где их учение «обогатилось» идеями ваххабизма. В 1950–1960-е гг. тысячи молодых людей из Сирии и Египта приехали в ФРГ и ГДР. В 1969 г. Египет и Сирия установили дипломатические отношения с ГДР, тогда ФРГ разорвала отношения с Египтом и Сирией. Это привело к тому, что ФРГ предоставляла политическое убежище беженцам из Египта и Сирии, многие из которых были сторонниками «Братьев-мусульман» [Ulfkotte 2007, s. 131]. Именно с этого периода начинается история организации «Братьев-мусульман» на немецкой земле.

Фонд им. Конрада Аденауэра (один из ведущих политических фондов Германии) в своей брошюре «Братья-мусульмане на Западе»³, изданной в марте 2020 г., дает такую характеристику деятельности «Братьев-мусульман» в Европе: ядром организации являются скрытые или тайно работающие сети, которые были основаны здесь членами ближневосточных филиалов организации. Созданные в Европе структуры, хотя и в гораздо меньших масштабах, отражают структуры стран происхождения: выборочный отбор, пирамидальная структура. Горстка активистов, которые проводят еженедельные встречи на местном уровне, вплоть до высшего руководства, которое руководит деятельностью в соответствующей стране. Эта структура держится в строжайшем секрете и категорически отрицается западным «Братями-мусульманами».

3 Die Muslimbruderschaft im Westen (2020) // Konrad-Adenauer-Stiftung. No. 383, Maerz 2020 // <https://www.kas.de/documents/252038/7995358/Die+Muslimbruderschaft+im+Westen.pdf/ed4a1b21-2cd9-163f-b31c-cb1abd192b31?version=1.0&t=1584351573159>, дата обращения 25.08.2020.

Немецкая мусульманская община / Исламская община Германии

Прежде чем перейти к характеристике деятельности мусульманских организаций Германии, которые являются замаскированными филиалами организации «Братья-мусульмане», остановимся на актуальном состоянии мусульманской общины Германии. В связи с миграционным кризисом 2015 г. и последующих годов мусульманская община Германии утратила прежнее абсолютное доминирование в ней выходцев из Турции (первая волна трудовой миграции в 1960–1970-е гг. была из Турции), и теперь в мусульманской общине Германии значительную долю занимают выходцы из арабского Ближнего Востока. По оценке федерального ведомства по делам миграции и беженцев (BAMF), в конце 2015 г. мусульмане из Ближнего Востока стали второй по величине группой – с долей 17,1%⁴.

По оценке BAMF, на конец 2015 г. в Германии с учетом прибывших мигрантов проживало около 4,4–4,7 млн мусульман, что соответствует 5,4–5,7% от общей численности населения страны⁵. По данным бывшего министра внутренних дел Германии Томаса де Мезьера, в 2016 г. в Германию прибыло около 300 тыс. зарегистрированных беженцев, в 2017 г. – еще около 190 тыс. человек (подавляющее большинство из стран Ближнего Востока)⁶. По сведениям BAMF, в 2018 г. в страну прибы-

ло около 162 тыс. человек, абсолютное большинство из которых составляли выходцы из мусульманских стран, из них 37,4% – из Ближнего Востока⁷. С января по сентябрь 2019 г. прибыло около 128 тыс. человек, абсолютное большинство – также выходцы из мусульманских стран, в т. ч. более 30% – из стран Ближнего Востока⁸. Таким образом, за 2016–2019 гг. число беженцев из мусульманских стран составило около 780 тыс. человек. Следовательно, на конец 2019 г. в Германии проживает около 5,18–5,48 млн мусульман. Заметим, что при такой тенденции выходцы из нестабильного региона арабского Ближнего Востока, а в последнее время и из стран Африки становятся существенной частью мусульманской общины Германии.

Немецкая мусульманская община / Исламская община Германии (DMG/IGD) с самого своего создания в 1960 г. связана с организацией «Братья-мусульмане» через своего основателя Саида Рамадана (Said Ramadan), бывшего членом материнской организации «Братьев-мусульман» и являвшегося зятем Хасана аль-Банна. Вся организация пронизана личными связями с материнской организацией, например, возглавлявший в 1980-е гг. Исламский центр Мюнхена Махди Акеф (Mahdi Akef) с 2004 по 2010 г. возглавлял организацию «Братьев-мусульман» в Египте. Немецкая мусульманская община действует в Германии легально, но находится под постоянным наблюдени-

4 Studie: Wie viele Muslime leben in Deutschland? (2016) // Bundesamt fuer Migration und Fluechtlinge // <https://bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2016/20161214-studie-zahl-muslime-deutschland>, дата обращения 25.08.2020.

5 Studie: Wie viele Muslime leben in Deutschland? (2016) // Bundesamt fuer Migration und Fluechtlinge // <https://bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2016/20161214-studie-zahl-muslime-deutschland>, дата обращения 25.08.2020.

5 Eine Mahnung zum Maßhalten (2018) // Cirero, Januar 17, 2018 // <https://www.cicero.de/innenpolitik/Muslime-Anzahl-Deutschland-Europa-Studie-Pew-Research>, дата обращения 25.08.2020.

7 Aktuelle Zahlen! (2019) // Bundesamt fuer Migration und Fluechtlinge // https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Downloads/Infothek/Statistik/Asyl/aktuelle-zahlen-zu-asyl-september-2019.pdf?__blob=publicationFile, дата обращения 25.08.2020.

8 Ibid.

ем Федерального ведомства по защите Конституции (Bundesamt für Verfassungsschutz/BfV) – немецкой внутренней разведывательной службы, которая рассматривает Немецкую мусульманскую общину как главную зонтичную организацию сторонников «Братьев-мусульман» в Германии. BfV в своем публичном отчете за 2018 г. констатировало, что «стратегия “Братьев-мусульман” в Европе, которую Юсуф аль-Карадави, ее самый важный идеолог в настоящее время, называет “мирным завоеванием”, заключается в том, чтобы в течение длительного времени существовало много поколений мусульман. Наиболее важной организацией сторонников “Братьев-мусульман” в Германии является “Немецкая мусульманская община e.V.” (DMG) с численностью около 1 040 человек. <...> Согласно собственным заявлениям, DMG координирует свою деятельность с более чем 100 мечетями и “исламскими центрами” по всей Германии»⁹. Следует обратить внимание на такую тактику организации, как попытка де-юре отделить подчиненные DMG «исламские» центры. Это создает клубные структуры, которые трудно контролировать немецким органам безопасности, поскольку они скрывают фактическую связь с DMG. Также эта процедура позволяет вновь созданным «независимым» ассоциациям обращаться за благотворительным статусом и получать налоговые льготы от немецкого государства¹⁰.

DMG/IGD – это ассоциация исламских центров, находящихся в Мюнхе-

не, Франкфурте, Вуппертале, Штутгарте, Трире, Дармштадте, Кельне, Эрлангене, Марбурге и Нюрнберге, всего она имеет 10 офисов в федеральных землях, финансирует себя за счет пожертвований, членских взносов и продажи публикаций. Председателем DMG является Кхалад Сваид (Khallad Swaid). DMG/IGD выступила одним из основателей Центрального совета мусульман в Германии (ZMD-Zentralrates der Muslime in Deutschland), объединяющего 35 мусульманских организаций, 300 мечетей и отдельных участников. Заметим, что научная служба немецкого парламента (бундестага) пыталась выяснить в 2019 г., какие конкретно организации входят в Центральный совет мусульман Германии, но запросы были проигнорированы этой организацией, а также в сообщении научной службой бундестага отмечается, что неизвестно и точное число членов, а оценки прессы исходят из цифр от 15 000 до 20 000 тыс. чел. В этом же докладе констатируется, что Немецкая мусульманская община (DMG/IDG) считается одной из сильнейших ассоциаций в составе Центрального совета мусульман в Германии¹¹.

DMG/IGD является также одним из основателей Федерации исламских организаций в Европе (FIOE – Föderation der Islamischen Organisationen in Europa), а также курирует молодежное объединение «Мусульманская молодежь в Германии» (MJD), основанное в 1994 г. По инициативе IGD в декабре 2012 г. во Франкфурте-на-Майне был основан Европейский институт гуманитарных на-

9 Verfassungsschutzbericht 2018 (2018) // Bundesministerium des Innern, fuer Bau und Heimat, Juni 2019 // <https://www.verfassungsschutz.de/de/oeffentlichkeitsarbeit/publikationen/verfassungsschutzberichte/vsbericht-2018>, дата обращения 25.08.2020.

10 Die Muslimbruderschaft in Deutschland (2020) // Konrad-Adenauer-Stiftung // <https://kas.de/web/islamismus/die-muslimbruderschaft-in-deutschland>, дата обращения 25.08.2020.

11 Kurzinformation Zentralrat der Muslime in Deutschland e.V. (2019) // Die Wissenschaftlichen Dienste des Deutschen Bundestages, Maerz 25, 2019 // <https://www.bundestag.de/resource/blob/644714/d3d63b246b0c6f1f1525c155ac324b4f/WD-1-005-19-pdf-data.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

ук (EIHW – Europäische Institut für Humanwissenschaften), который должен стать альтернативой государственному обучению и подготовке имамов в университетах [Андреева 2019, с. 117, 118].

Особенностью структуры DMG/IGD является сетевой принцип организации, когда формальные связи менее важны, чем личные. Как один из примеров такой организации рассмотрим деятельность Исламского центра Аахена (IZ Aachen), в управлении которого находится мечеть «Билал». Связи Исламского центра Аахена с «Братьями-мусульманами» можно проследить с начала 1960-х гг. Иссам аль-Аттар, в то время глава сирийского отделения «Братьев-мусульман», хотел избежать репрессий на своей родине и поселился в Аахене недалеко от Технического университета, вступил в тесное взаимодействие с многочисленными студентами из арабских стран. Результатом было создание Исламского центра Аахена, до 1996 г. аль-Аттар был его руководителем, определял стратегию развития. Исламский центр Аахена репрезентирует сейчас свою деятельность преднамеренно как аполитичную, концентрируясь на вопросах исламского образования, участия в межрелигиозных инициативах. Однако через свой веб-сайт центр распространяет книги главных идеологов египетских «Братьев-мусульман» Сайида Мухаммада Кутба, Юсуфа аль-Карадави и сирийского активиста «Братьев-мусульман» Мустафы ас-Сibaи. На свои мероприятия Исламский центр Аахена приглашает в качестве докладчиков имамов из Кельнской мечети «Абу Бакр», которая известна близостью к «Братьям-мусульманам», таких как Митвал-

ли Муса и Халед Ханафи. Последний работает с EIHW (Европейский институт гуманитарных наук), RIGD (Совет имамов и ученых в Германии) и ECFR (European Fatwas), т. е. с организациями, тесно аффилированными со структурами «Братьев-мусульман» в Европе и Германии¹².

Алармистская характеристика деятельности DMG/IGD и последствий для немецкого государства содержится в докладе за 2018 г. ведомства по защите Конституции федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия (Landesamt für Verfassungsschutz / LfV) (внутренняя разведывательная служба, руководитель – Буркхард Фрайер (Burkhard Freier)). Эта федеральная земля в Германии является одной из самых экономически развитых и густонаселенных, крупные города со значительной долей мусульманского населения Кельн и Дюссельдорф находятся в этой федеральной земле, а в Кельне располагается штаб-квартира DMG/IGD. В Северном Рейн-Вестфалии 14 мусульманских общин через DMG/IGD находятся под влиянием «Братьев-мусульман»¹³. В докладе констатируется, что серьезной проблемой для национальной безопасности Германии является «легалитский исламизм», прежде всего структуры «Братьев-мусульман». Хотя их действия легальны и ненасильственные, однако они имеют стратегическую цель, которая противоречит конституционным ценностям Германии. В настоящее время в Германии нет массового движения или структур «Братьев-мусульман». Однако относительно небольшое число сочувствующих DMG/IGD не должно заслонить тот факт, что они имеют значительное влияние в об-

12 Die Muslimbruderschaft in Deutschland (2019) // Bundeszentrale fuer politische Bildung, Mai 2, 2019 // <https://www.bpb.de/politik/extremismus/islamismus/290422/die-muslimbruderschaft-in-deutschland>, дата обращения 25.02.2020.

13 NRW-Verfassungsschutz warnt vor Muslimbrüdern (2019) // Focus, Juni 26, 2019 // https://www.focus.de/regional/duesseldorf/extremismus-nrw-verfassungsschutz-warnt-vor-muslimbruedern_id_10867725.html, дата обращения 25.08.2020.

ществе. Как правило, члены этой организации имеют академическое образование, работают на хорошо оплачиваемой и ответственной работе, а также имеют хорошие связи как в Германии, так и за рубежом. Согласно их собственному пониманию, «Братья-мусульмане» представляют собой «средний ислам», который отделяет себя как от джихадизма, так и от либерального ислама. Их целью является исламистское общество, в котором политические интересы регулируются в соответствии с религией. Для этой цели применяется стратегия «исламизации снизу», которая сначала направлена на индивидуума и на изменение сознания в отношении образа жизни, под влиянием религии. Воспитанные таким образом люди должны затем активно работать в обществе и содействовать тому, чтобы в долгосрочной перспективе оно приближалось к религиозному пониманию идеала «Братьев-мусульман». В последние годы сторонники «Братьев-мусульман» в Германии смогли использовать внимание общественности к джихадизму и впечатляющему росту и падению «Исламского государства», чтобы представить себя в качестве беспроблемной альтернативы исламистам, ориентированным на насилие, в качестве точки соприкосновения мусульманской общины с государственными органами и представителями гражданского общества.

Таким образом, «Братья-мусульмане» стремятся стать представителями мусульманских интересов в государстве и обществе, внедрять свою интерпретацию религии в мусульманской общине Германии и использовать ее против представителей государства. Такое развитие событий было бы не-

приемлемо для демократического общества. Иностранная исламистская организация может оказать значительное влияние и поставить под угрозу социальную сплоченность немецкого социума¹⁴. В докладе указывается на явную недооценку немецкими спецслужбами разрушительного потенциала так называемого легалистского исламизма, который не хочет быть частью общества, но стремиться легальным путем трансформировать общество в духе своей исламистской повестки, используя все легальные способы, навязывая в общественных дебатах свою точку зрения. Таким образом, «легалистские исламисты» не боятся контакта с общественностью и властями, они хотят стать эксклюзивными посредниками между государством и мусульманской общиной Германии, тем самым получить репутацию благонадежности у властей и общества. Можно сказать, что они стремятся приобрести «сертификат благонадежности», что должно предохранить их от критики и дать возможность провести своих доверенных людей на ключевые посты. В конечном счете угроза от таких организаций значительно выше, чем от джихадистов, которые остаются маргиналами. Способность влиять на общество у «легалистов» гораздо выше, поскольку, отказываясь от насилия, для достижения своих целей они могут использовать для своей пропаганды все преимущества демократического государства.

В докладе ведомства по защите Конституции земли Северный Рейн – Вестфалия за 2018 г. обращается также внимание на то, что таким организациям, как DMG/IGD, удастся войти в общественный дискурс не со своими узкими вопросами, а поднимать темы, кото-

14 Verfassungsschutzbericht NRW 2018 (2019) // Ministerium des Innern des Landes Nordrhein-Westfalen, Juni 2019 // https://www.im.nrw/system/files/media/document/file/VS_Bericht_2018.pdf, s. 217–218, дата обращения 25.08.2020.

рые затрагивают большинство немецких мусульман, например, политическое представительство, а также множество бытовых тем: дебаты о головном платке для мусульманок, о мусульманском питании, исламском религиозном образовании, строительстве мечетей. На основании вышесказанного в докладе делается вывод о том, что экстремизм «легальных исламистов», таких как DMG/IGD, сложно распознать с первого взгляда¹⁵. Затрагивается в докладе и вопрос переименования в конце 2018 г. Исламской общины Германии (IGD) в Немецкую мусульманскую общину (DMG). Немецкие спецслужбы считают, что это был ребрендинговый ход, чтобы замаскировать связь с «Братьями-мусульманами» и репрезентировать себя как уважаемую организацию, представляющую интересы всех мусульман Германии. При этом у спецслужб нет данных о реальном разрыве IGD/DMG с материнской организацией «Братьев-мусульман»¹⁶.

Глава ведомства по защите Конституции (Landesamt für Verfassungsschutz / LfV) федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия Буркхард Фрейер активно использует также СМИ для донесения позиции своего ведомства относительно растущего влияния «Братьев-мусульман» в Германии. В своем интервью в июне 2019 г. влиятельной газете New Ruhr / Neue Rhein Zeitung, которое было перепечатано почти всеми ведущими СМИ Германии, он заявил, что «Братья-мусульмане» могут в долгосрочной перспективе стать большей угрозой демократии, чем салафи-

ты. «Они более прагматичны, чем салафиты, но явно антиконституционны», – считает Фрейер. По его мнению, «Братья-мусульмане» выглядят внешне умеренными, чтобы не давать повода для критики, «однако в более узких руководящих кругах ведутся открытые разговоры о реальных целях. Они хотят государство, которое характеризуется исламскими ценностями и законами шариата. Это антидемократизм», – подчеркнул в интервью Фрейер. «Проблема в том, что они укоренены в Германии и имеют хорошие социальные связи», – резюмировал Фрейер¹⁷.

Интересна реакция DMG/IGD на доклад ведомства по защите Конституции земли Северный Рейн – Вестфалия. Еще до официального опубликования доклада организация опубликовала на своей странице в Facebook заявление «Ведомство по защите Конституции земли Северный Рейн – Вестфалия вновь нападает на Немецкую мусульманскую общину»¹⁸. Примечательно, что критические замечания в этом заявлении игнорируются по существу и навязывается своя точка зрения, что является определенной стратегией этой организации. «Особое внимание должно уделяться работе с критическими аргументами по отношению к исламу с целью пресечения любого расследования исламизма и объявления подобных расследований как дискриминирующих свободу совести и враждебных исламу»¹⁹.

Особую активность проявляет DMG/IGD в отношении беженцев. Как пример рассмотрим тактику действий

¹⁵ Ibid, s. 220–222.

¹⁶ Ibid, s. 255.

¹⁷ NRW-Verfassungsschutz warnt vor Muslimbrüdern (2019) // Focus, Juni 26 // https://www.focus.de/regional/duesseldorf/extremismus-nrw-verfassungsschutz-warnt-vor-muslimbruedern_id_10867725.html, дата обращения 25.08.2020.

¹⁸ DMG greift NRW-Verfassungsschutz an (2019) // Vunv, Juli 8, 2019 // <https://vunv1863.wordpress.com/2019/07/08/dmg-greift-nrw-verfassungsschutz-an>, дата обращения 25.08.2020.

¹⁹ Die Muslimbruderschaft in Deutschland (2019) // Bundeszentrale fuer politische Bildung, Mai 2, 2019 // <https://www.bpb.de/politik/extremismus/islamismus/290422/die-muslimbruderschaft-in-deutschland>, дата обращения 25.08.2020.

этой организации в федеральной земле Саксония, куда с началом миграционного кризиса 2015 г. прибыло много беженцев, следовательно, возникла потребность в молельных комнатах, решении некоторых бытовых вопросов. В докладе Ведомства по защите конституции земли Саксония (Landesamt für Verfassungsschutz /LfV) за 2016 г.²⁰ констатируется, что IGD была создана формально независимая организация мусульман в Саксонии – «Саксонские места встреч» (SBS – Sächsischen Begegnungsstätte gUG) со штаб-квартирой в Дрездене. «Председателем и единоличным руководителем стал Саад Элгазар (Saad Elgazar), относительно которого у ведомства по защите Конституции земли Саксония имеются многочисленные сведения о его тесной связи с «Братьями-мусульманами». Также имеются доказательства тесных и регулярных контактов SBS с IGD. Новая организация делает официально заявления о приверженности неполитическому исламу и принципам демократии и конституционных норм. Однако, по мнению ведомства по защите Конституции земли Саксония, эти заявления носят тактический характер и расцениваются как защитные меры от преследования со стороны государства. Кроме того, возник вопрос о финансировании новой организации, которая располагает значительными суммами» [Андреева 2019, с. 119].

Уже упоминалось о том, что DMG/IGD придерживается тактики неформальных связей, создания псевдонезависимых организаций во главе с людьми, разделяющими взгляды «Братьев-

мусульман». Как пример рассмотрим взгляды Саида Элгазара, которые подробно разбираются в докладе ведомства по защите Конституции земли Саксония (Landesamt für Verfassungsschutz /LfV) за 2017 г.²¹. В течение нескольких лет Эльгазар опубликовал в сети Интернет множество разнообразных постов, в которых он приветствовал деятельность «Братьев-мусульман», распространял сведения о главных идеологах этого движения, в своих замечаниях и комментариях он подчеркивал религиозные «достижения» этих людей и призывал мусульман жить в соответствии с идеологией «Братьев-мусульман», в фотомонтажах использовал многократно символику «Братьев-мусульман». В докладе приводятся выдержки из его поста в Facebook, где он описывает историю движения «Братьев-мусульман» и многократно выбирает «мы-форму» (например, «наши враги»), чем демонстрирует свою четкую идентификацию с «Братьями-мусульманами»²². В докладе содержатся выводы, что организация «Саксонские места встреч» (SBS – Sächsischen Begegnungsstätte gUG) со штаб-квартирой в Дрездене имеет не спорадические контакты с DMG/IGD, а координируется и находится под влиянием этой организации, хотя на словах SBS полностью отрицает свою связь с DMG/IGD²³. К концу 2018 г. по сведениям, содержащимся в докладе ведомства по защите Конституции земли Саксония (Landesamt für Verfassungsschutz /LfV) за 2018 г., SBS сильно расширила свою деятельность, особенно в сельских районах Саксонии, а также, помимо своей

20 Sächsischer Verfassungsschutzbericht 2016 (2017) // Landesamt für Verfassungsschutz Sachsen, April 25, 2017 // <https://publikationen.sachsen.de/bdb/artikel/28933>, дата обращения 25.08.2020.

21 Sächsischer Verfassungsschutzbericht 2017 (2018) // Landesamt für Verfassungsschutz Sachsen, April 6, 2018 // <https://publikationen.sachsen.de/bdb/artikel/31495>, дата обращения 25.08.2020.

22 Ibid, s. 251–252.

23 Ibid, s. 253.

штаб-квартиры в Дрездене, имеет собственность или арендует помещения в Лейпциге, Ризе, Мейсене, Пирне, Циттау и Герлице. Также распространила свою деятельность на другие федеральные земли, такие как Бранденбург и Баден-Вюртемберг²⁴.

В апреле 2020 г. в Мюнхене состоялась презентация отчета ведомства по защите Конституции земли Бавария (Landesamt für Verfassungsschutz /LfV) за 2019 г.²⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что в докладе дается развернутая характеристика термина «легалитский ислам», который активно используется в последнее время в общественном дискурсе. Легалистами-исламистами называют политическое течение в исламе, которое отказалось от насильственных действий в пользу законных политических действий в рамках существующей в Германии правовой системы, при этом их целью является трансформация демократического светского государства в исламское государство. В докладе констатируется, что цель исламистов-легалитов – сначала манипулировать и идеологизировать слои общества. В долгосрочной перспективе они стремятся превратить демократическое конституционное государство в исламистское государство. Для достижения своих целей исламисты-легалиты создают культурные ассоциации и мечети, которые, с одной стороны, способствуют продвижению в общественную жизнь их членов, а с другой – распространяют исламистскую идеологию. Через свои зонтичные организации они пытаются предложить себя государству в качестве един-

ственного рупора мусульманской общины²⁶. «Братья-мусульмане» являются основным течением в «легалитском исламе» в Германии. Основными целями деятельности этой организации, по мнению ведомства по защите Конституции земли Бавария, являются:

исламизация общества посредством миссионерской работы и социальных мер.

Прекращение «культурной вестернизации» в мусульманской среде.

Трансформация системы образования и образовательных учреждений в соответствии в исламскими критериями.

Создание исламского государства на основе исламских принципов и ценностей.

Применение исламского права (шариата)²⁷;

В докладе ведомства по защите Конституции земли Бавария за 2019 г. констатируется, что «Братья-мусульмане» действуют в Германии через Немецкое мусульманское общество (DMG/IGD), а также через представительство FIOE (Föderation der Islamischen Organisationen in Europa / Федерация исламских организаций в Европе) и представительство ECFR (Europäischer Fatwa-Rat/ Европейский совет фетвы). FIOE была основана в 1989 г. со штаб-квартирой в Брюсселе и действует как зонтичная организация для организаций, близких к «Братьям-мусульманам» в Европе. ECFR был основан в 1997 г. и базируется в Дублине (Ирландия); цель этой организации состоит в утверждении себя в качестве религиозного авторитета для мусульман в Европе, быв-

24 Sächsischer Verfassungsschutzbericht 2018 (2019) // Landesamt für Verfassungsschutz Sachsen, Oktober 11, 2019, s. 279 // https://verfassungsschutz.sachsen.de/download/Verfassungsschutzbericht_2018_Webversion.pdf, дата обращения 25.08.2020.

25 Verfassungsschutzbericht Bayern 2019 (2020) // Bayerisches Staatsministerium des Innern, für Sport und Integration, April 2020 // https://www.verfassungsschutz.bayern.de/mam/anlagen/vsb_2019_nicht_barrierefrei.pdf, дата обращения 25.08.2020.

26 Ibid, s. 33.

27 Ibid, s. 42.

ший председатель ЕСФР Юсуф аль-Кадави является духовным лидером «Братьев-мусульман».

В Баварии, как и везде в Германии, основным проводником идей «Братьев-мусульман» является Немецкая мусульманская община (DMG/IGD), которая находится под наблюдением Ведомства по защите Конституции земли Бавария. Как и в других землях, DMG осуществляет свою деятельность также посредством аффилированных организаций – в Баварии это Исламский центр Мюнхена (Islamische Zentrum München (IZM)) и Исламская община Нюрнберга (Islamische Gemeinde Nürnberg (IGN))²⁸.

Основные выводы доклада относительно деятельности «Братьев-мусульман» сводятся к констатации очевидного для немецких спецслужб факта, что для внешнего мира «Братья-мусульмане» открыты для диалога и стремятся работать с политическими институтами и лицами, принимающими решения, чтобы получить влияние в общественной жизни. Тем не менее их цель по-прежнему заключается в установлении основанного на шариате социального и политического порядка, при этом «Братья-мусульмане» претендуют на руководящую роль для всех мусульман Германии (курсив мой – Л.А.). Таким образом, «усилия DMG направлены против свободного демократического конституционного порядка Федеративной Республики Германии»²⁹.

Таким образом, на основании анализа отчетов земельных ведомств по защите Конституции за последние годы можно констатировать, что опасность «легалистского ислама» и его ведущей силы – организаций, аффилированных с «Братьями-мусульманами», – осознается немецкими спецслужбами, обла-

дающими всей полнотой информации, как угроза конституционному строю государства в среднесрочной перспективе более значительная, чем действия террористических, экстремистских организаций типа «Исламское государство», при этом угроза, явно недооцененная со стороны правящего политического истеблишмента Германии. При анализе отчетов структур ведомства по защите Конституции Германии обращает на себя внимание концептуальное отсутствие стратегии противодействия «легалистскому исламу». И это имеет объяснение – разработка такой стратегии является задачей правительства. При этом многие высокопоставленные чиновники ведомства по защите Конституции в своих публичных выступлениях констатируют недооценку со стороны правящей коалиции серьезности ситуации.

Показательно выступление 11 мая 2019 г. в стенах бундестага (парламента) бывшего главы Ведомства по защите Конституции Германии (Bundesamt für Verfassungsschutz / BfV) Ханса-Георга Маассена (Hans-Georg Maassen) на мероприятии, организованном правящей партией ХДС в рамках дискуссионного клуба «Берлинский круг (Berliner Kreis)». В своем выступлении он заявил, что считает опасность экстремистских исламистских движений в Германии и Европе недооцененной. Это связано с тем, что основное внимание уделяется террористической угрозе. При этом наибольшую опасность он видит в «легалистах», которые хорошо интегрированы в общество. Х.-Г. Маассен признал, что интеграция не является математическим уравнением: знание немецкого языка и успешно пройденный интеграционный курс не являются гаран-

²⁸ Ibid, s. 45.

²⁹ Ibid, s. 44.

тией интеграции. Меры по интеграции обречены на провал, если заинтересованные стороны, такие как члены организации «Братья-мусульмане», не примут конституционные светские ценности государства (курсив мой – Л.А.). Он акцентировал внимание на том, что ислам как религия структурирован иначе, чем христианские церкви, что до сих пор не понято в Германии.

Выводы спецслужб относительно «исламистов-легалистов» не были восприняты достаточно серьезно ответственными политиками и другими социальными группами. Как считает Х.-Г. Маассен, это является отчасти результатом исламистской пропаганды и дезинформации. Важным было заявление, сделанное им, что у государства нет партнера, который представляет светский ислам (курсив мой – Л.А.). Остановился он на проблеме контактов с «Братьями-мусульманами»: «Я продолжал врезаться в бетонную стену», – сказал Х.-Г. Маассен о дискуссиях с представителями «Братев-мусульман», поскольку другая сторона всегда хотела сначала поговорить об исламофобии. Он заявил, что сам не имеет решения проблемы «легалистского ислама», но предложил поработать над решениями в рамках ХДС. Стоит заметить, что руководство фракции ХДС нервно отреагировало на выступление Х.-Г. Маассена, например, не разрешили использовать помещение парламентской группы в бундестаге, как это предполагалось изначально³⁰. В конце выступления Х.-Г. Маассен предупредил политиков, что пришло время наконец-то действовать. Он констатировал, что политики видят необходи-

мость в действиях, но боятся заплатить политическую цену за эти действия (курсив мой – Л.А.). Но ничего не делать станет еще дороже, предупредил Маассен³¹. С Х.-Г. Маассеном солидарен Ален Шуэ (Alain Chouet), бывший глава французского агентства внешней разведки DGSE (Direction Générale de la Sécurité Extérieure), который на протяжении многих лет публично указывал на опасность, которую представляют «Братья-мусульмане» в Европе: «Самая большая ошибка как для мусульман, так и для западноевропейцев – играть в их игру и рассматривать их как законных представителей ислама, как политических или социальных посредников» [Ulfkotte 2007, s. 277].

Надо отметить, что опасность политического ислама для конституционного строя Германии становится в последние годы предметом рефлексии в научной среде в Германии. Фундаментальным, на мой взгляд, событием, был выход в свет в 2019 г. монографии этнолога, профессора, главы Франкфуртского центра исследований глобального ислама Сюзанн Шрётер (Susanne Schröter) «Политический ислам. Стресс-тест для Германии» [Schröter 2019]. Представляя свою книгу на Франкфуртской книжной ярмарке, она предостерегла от распространения политического ислама в Германии, поскольку политический ислам по сути своей антидемократичен, потому что он выступает за главенство религиозного закона над светским. По словам Шрётер, для политического ислама характерен гендерный порядок, наиболее яркими чертами которого являются широкая гендерная сегрегация, крайний патриархализм, ча-

30 Maaßen warnt vor unterschätzter Gefahr des Islamismus (2019) // Stuttgarter Nachrichten, Mai 12, 2019 // <https://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.cdu-tagung-maassen-warnt-vor-unterschaetzter-gefahr-des-islamismus.f6bb82a4-71da-42b2-befb-497dd3d4f8e2.html>, дата обращения 25.08.2020.

31 Auswirkungen fehlender Integration und des Islamismus auf die Sicherheit (2019) // Berliner Kreis, Mai 11, 2019 // <http://berliner-kreis.info/auswirkungen-fehlender-integration-und-des-islamismus-auf-die-sicherheit>, дата обращения 25.08.2020.

стичное или полное исключение женщин из общества, а также фетишизация покрытия женского тела и головы. Также она определенно высказалась о росте антисемитизма и культа насилия в этой среде. Особое ее внимание привлекают «зонтичные» мусульманские организации, где она также находит элементы исламистской идеологии и связь с «Братьями-мусульманами» или иранским режимом. Шрётер считает государственный подход к управлению такими организациями наивным и констатирует, что сотрудничество между государственными органами и крупными исламскими объединениями дало политическому исламу право голоса в важных социальных вопросах³².

Подводя итоги, можно констатировать следующие черты деятельности в Германии организаций, аффилированных с «Братьями-мусульманами»:

Эти организации являются частью международной транснациональной сети.

Претендуют на роль выразителей интересов всех мусульман Германии.

«Легалистская стратегия», подразумевающая отказ в публичном пространстве от экстремистских призывов и использование для своей пропаганды всех «легальных» институтов.

Публичный отказ от связи с «Братьями-мусульманами».

Создание структур, формально не подчиненных организациям, которые немецкие спецслужбы четко аффилируют с «Братьями-мусульманами», но де-факто являющихся филиалами этих организаций. Большое значение имеют личные связи между лидерами организаций, а не формальные юридические моменты.

Акцент на религиозную свободу часто используется в качестве предлога для создания общественного признания исламистских идей.

Критики политического исламизма репрезентируются исламистскими организациями как критики ислама, нарушающие демократические свободы.

Стремление к сотрудничеству с государственными структурами по различным социальным вопросам с целью стать главным контактным лицом для государства в сфере ислама.

Реальная, но официально не декларируемая политика самосегрегации и создания «параллельных» мусульманских сообществ.

Идеологическое и культурное проникновение в государственные структуры и общество, которое должно создать основу для строительства в среднесрочной перспективе исламского государства.

На основании вышеизложенного можно согласиться с мнением российских исследователей И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни, что «уклонение от интеграции в гражданское общество будет нарастать, становясь одним из факторов фрагментации европейских обществ. Частным проявлением и побочным продуктом этой тенденции может стать рост радикализма в среде восточных диаспор, что неизбежно будет требовать ответной реакции властей. В ближайшем будущем, по всей видимости, эти процессы преодолеть будет невозможно, поскольку правящие элиты не готовы и, возможно, не способны устранить первопричины негативных трендов» [Абрамова, Фитуни 2017, с. 15]. Используя преимущества демократических конституционных инсти-

32 Wenn religiöse Gesetze mehr gelten als weltliche (2019) // Deutschlandfunk Kultur, Oktober 20, 2019 // https://www.deutschlandfunkkultur.de/susanne-schroeter-politischer-islam-wenn-religioese-gesetze.1278.de.html?dram:article_id=461272, дата обращения 25.08.2020.

тутов Германии, исламские фундаменталисты ведут долгосрочную борьбу за утверждение исламских ценностей, вместо светских основ на которых базируется современное немецкое государство, тем самым запуская процесс деконструкции конституционной системы Германии. Очевиден вывод, что в правящих кругах Германии нет четкого понимания, что делать с «легалистским исламом». Немецкие спецслужбы, обладающие всей полной информацией, предоставляют для общественного обсуждения исчерпывающий материал, но собственно политических дебатов не происходит. Эту тему поднимает только крайне правая партия «Альтернатива для Германии» (AfD), но ее положение в партийной системе Германии таково, что любой вопрос или тема, исходящая от этой партии, игнорируются всеми другими партиями. В чем же причина того, что старые системные партии, безусловно понимающие опасность политического исламизма, избегают ставить эту проблему в повестку широкого обсуждения? Ответ четко сформулировала в своей книге «Политический ислам: стресс-тест для Германии» профессор Сюзанна Шрётер: «Исламская политика является частью интеграционной политики и должна обсуждаться открыто, если необходимо найти хорошие решения и сохранить социальную сплоченность социума. Однако этот подход разделяют не все. Исламские организации и их немусульманские сторонники прилагают все усилия, чтобы предотвратить подобные дебаты. С этой целью они разработали два термина, которые призваны морально дискредитировать тех, кто осмеливается сделать политический ислам предметом обсуждения. «Исламофобия» и «антимусульманский расизм» – вот имена чудовищ, которые созданы для дискредитации оппонентов. Благодаря этим терминам, любая

критика политического ислама стигматизируется либо как болезнь, либо как человеконенавистничество. Следует отметить: свободное общество живет свободными дебатами, особенно когда речь идет о тоталитарном движении, которое, прикрываясь лозунгами религиозной свободы и толерантности, подтачивает фундамент нашего общества» [Schröter 2019, s. 342]. Однако очевидно и другое: публичные дебаты не смогут привести к единому знаменателю западную цивилизацию, основанную на светском, плюралистическом мировоззрении, и «легалистский ислам», сформировавший «тип политического мышления и поведения, восприятия ценностей и норм человеческого сообщества, противостоящий прозападной модели модернизации общества и западным, секулярным критериям “цивилизованности”» [Следзевский 2018, с. 34.]. На наш взгляд, это противоречие в среднесрочной перспективе будет только усугубляться, представлять реальную угрозу конституционной системе Германии и провоцировать раскол немецкого социума. Также следует заметить, что это противоречие является частью нарастающего глобального противостояния секулярного и религиозного миров.

Список литературы

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2017) Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы прогнозы // Современная Европа. № 4. С. 5–16 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30638392_51860330.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Андреева Л.А. (2019) Исламизация Германии: «параллельное» мусульманское общество и светское государство // Современная Европа. № 5. С. 110–121. DOI: 10.15211/soveurope52019110121

Игнатенко А. А. (2013) Халифы без халифата. М.: Книга по требованию.

Сарабьев А.В. (2019) Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или долгосрочная стратегия Братств-ев-мусульман по изменению Ближнего Востока // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 183–208. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208

Следзевский И.В. (2018) Десекуляризация мирового сообщества как источник напряженности в международных отношениях и мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 30–45. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-30-45

Следзевский И.В. (2020) Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 1. С. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2018) Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. М.: Институт Африки.

Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) (2018) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО.

Hamid S. (2016) Islamic Exceptionalism: How the Struggle over Islam is Reshaping the World, New York: St. Martin's Press.

Ranko A. (2014) Die Muslimbruderschaft. Portraet einer maechtiger Verbindung, Hamburg: Koerber-Stiftung.

Schröter S. (2019) Politischer Islam. Stresstest für Deutschland, Verlag: Gütersloher Verlagshaus.

Tibi B. (2009) Islam's Predicament: Religious Reform and Cultural Change, London, New York: Routledge.

Ulfkotte U. (2007) Heiliger Krieg in Europa. Wie die radikale Muslimbruderschaft unsere Gesellschaft bedroht, Frankfurt am Main: Eichborn.

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9

A Challenge to the Modern Constitutional System of Germany: The Activities of the Muslim Brotherhood

Larisa A. ANDREEVA

DSc in Philosophy, Professor, Leading Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001, 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russian Federation;

Chief Researcher, Faculty of Philosophy, Culturology and Art, Research and Educational Centre of Religion and Ethnopolitics

Leningrad State University (Saint Petersburg), 196605, 10, Saint-Petersburgskoe Highway, Pushkin, the Leningrad Area, Russian Federation

E-mail: larchen1969@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6418-5775

CITATION: Andreeva L.A. (2020) A Challenge to the Modern Constitutional System of Germany: The Activities of the Muslim Brotherhood *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 192–210 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9

Received: 20.05.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no 9-18-00054.

ABSTRACT. *The article is devoted to the challenge of the modern constitutional system of Germany by Islamic organizations. Mass migration from Muslim countries and the formation of “parallel” Muslim communities led to the fact that it was in this environment that transnational Islamist organizations such as “Muslim Brotherhood” found their adherents and established their branches. The article analyzes the tactics of actions of the Muslim Brotherhood transnational Islamic organization and organizations affiliated with it in Germany. These organizations are considered as an active subject with their own civilizational project for the reconstruction of*

the world. Based on the materials studied by German intelligence agencies, conclusions are drawn on the creation of an extensive network of organizations controlled by the Muslim Brotherhood, while publicly denying any connection with this movement. The tactics of this organization is to use all the capabilities of the “legal” institutions of a democratic state for ideological propaganda and political representation. The strategy of the Muslim Brotherhood remains unchanged - through the gradual “peaceful” Islamization of European society, come to a radical political reorganization of Europe on the principles of political Islam.

KEY WORDS: *political Islam, Muslim Brotherhood, migration, constitutional system of Germany, clash of civilizations, secular world, religious world*

References

- Abramova I.O., Fituni L.L. (2017) The Phenomenon of “Eastern Society” in Modern Europe: Paradigms, Challenges Forecasts. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 5–16. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30638392_51860330.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Andreeva L.A. (2019) Islamization of Germany: “Parallel” Muslim Society and Secular State. *Contemporary Europe*, no 5, pp. 110–121 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope52019110121
- Fituni L.L., Abramova I.O. (2018) *Islam, Global Governance and the New World Order*, Moscow: Institut Afriki (in Russian).
- Hamid S. (2016) *Islamic Exceptionalism: How the Struggle over Islam is Reshaping the World*, New York: St. Martin's Press.
- Ignatenko A.A. (2013) *Caliphs without a Caliphate*, Moscow: Kniga dlya chteniya (in Russian).
- Ranko A. (2014) *Die Muslimbruderschaft. Portraet einer maechtiger Verbindung*, Hamburg: Koerber-Stiftung.
- Sarabiev A.I. (2019) Patience as Art to Hide Intolerance, or the Muslim Brotherhood's Long-term Strategy to Change the Middle East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 183–208 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208
- Schröter S. (2019) *Politischer Islam. Stresstest für Deutschland*, Verlag: Gütersloher Verlagshaus.
- Sledzevskij I.V. (2018) Desecularization of the World Community as a Source of Tension in International Relations and World Politics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 30–45 (in Russian). DOI: 10.23923/2542-0240-2018-11-4-30-45
- Sledzevskij I.V. (2020) The Civilization Dimension of Contemporary World Development: Problems and Approaches. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 1, pp. 82–90 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90
- Tibi B. (2009) *Islam's Predicament: Religious Reform and Cultural Change*, London, New York: Routledge.
- Tsapenko I.P., Grishin I.V. (eds.) (2018) *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism*, Moscow: IMEMO (in Russian).
- Ulfkotte U. (2007) *Heiliger Krieg in Europa. Wie die radikale Muslimbruderschaft unsere Gesellschaft bedroht*, Frankfurt am Main: Eichborn.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

Подход ФРГ к борьбе с сепаратизмом в конфликтных странах Ближнего Востока и Африки на примерах Ирака и Мали

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), 117997,
ул. Кржижановского, д. 15, стр. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2020) Подход ФРГ к борьбе с сепаратизмом в конфликтных странах Ближнего Востока и Африки на примерах Ирака и Мали // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 211–229. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

Статья поступила в редакцию 16.03.2020.

АННОТАЦИЯ. Развитие вооруженных конфликтов в современном мире ведет к хаотизации миропорядка на всех уровнях вплоть до глобального. Одним из проявлений этого вида угроз является усиление сепаратистских настроений, крайней формой которых выступают попытки сецессии. Как показывает практика, ее осуществление часто становится фактором долгосрочного подрыва региональной стабильности. Альтернативой сецессии в смысле снижения сепаратистских тенденций, т. е. компромиссного урегулирования конфликтов, является федерализация. При этом в случае большинства конфликтных стран она может быть осуществлена лишь при активной включенной поддержке внешних акторов. В данной связи в статье исследуется опыт ФРГ по поддержке процесса федерализации в Ираке и Мали как кейсах ближнево-

сточной и сахельской региональных подсистем в середине – второй половине 2010-х гг. Фокус сделан на использовании Германией военных и политико-дипломатических возможностей. Рассматриваются эволюция взаимоотношений ФРГ с властями иракского Курдистана и официальным Багдадом, в т. ч. после проведения 25 сентября 2017 г. референдума о независимости первого. Индикатором трансформации германской позиции избрано изменение характеристик предоставления военной помощи (в рамках борьбы с ИГ). Изучается подход ФРГ к урегулированию туарегского вопроса, особенности политико-дипломатического и военного участия Германии в федерализации в Мали. В выводах сопоставляются политико-военные тактики официального Берлина по противодействию сецессиям на иракском и малийском направлениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Германия, сепаратизм, сецессия, федерализация, Ирак, курдский вопрос, Мали, туарегская проблема*

В современном мире возрастает значение вооруженных конфликтов как одной из наиболее опасных и разрушительных по своим последствиям – не только военным, но прежде всего политическим и социально-экономическим – угроз международной безопасности. В 1990–2010-е гг. доминирующим был локальный тип данных вызовов. С точки зрения масштаба боевых действий и последствий их развития конкретно взятый локальный вооруженный конфликт существенно уступает региональному и тем более глобальному (мировой войне). Однако суммарно, параллельно развиваясь и вновь возникая на многих географических направлениях, локальные вооруженные конфликты представляют собой все более ощутимую угрозу уже на общемировом уровне. Следует подчеркнуть, что, в отличие от реалий «классической» холодной войны, их стало крайне сложно урегулировать, т. е. полностью восстановить мир и безопасность, устранив все ключевые причины, приведшие к вспышкам организованного насилия. Развитие локальных вооруженных конфликтов ведет к хаотизации системы международных отношений, что выражается в двух основных проявлениях. Одно из них – это географическо-функциональная роль конфликта как источника угроз нестабильности, проецируемых (разумеется, в весьма отличных объемах) на широкий круг международных игроков. Таковыми рисками прежде всего являются сложно контролируемое перемещение масс беженцев, а также распространение и укрепление потенциала структур международного терроризма. Второе проявление заключается в том, что

подавляющее большинство вооруженных конфликтов или приводят к сецессии, или создают частично реализованную угрозу таковой. Соответственно, это ведет к фрагментации международного политического ландшафта на региональном и глобальном уровне, т. е. возникновению де-факто, а иногда также и де-юре значительного числа новых государств, в основном малоспособных из-за ограниченности собственных ресурсов самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

В подавляющем большинстве случаев процесс урегулирования локальных вооруженных конфликтов предусматривает два основных варианта определения политического статуса территорий, население которых стремилось к обособлению, что вызывало применение форм организованного насилия: это сецессия и федерализация. В реалиях постбиполярного миропорядка реализация любого из данных сценариев сопровождается прекращением боевых действий только в случае активного вмешательства внешних игроков. В этой связи интерес представляет пример Германии. Берлин использует свое участие в урегулировании вооруженных конфликтов – на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке – как средство обретения статуса глобально оперирующей державы. При этом ФРГ предпочитает прибегать к дипломатическим средствам в сочетании с небоевым использованием бундесвера.

Возникает логичный вопрос: в своей политике в области конфликтного урегулирования какой из двух вариантов (сецессия или федерализация) ФРГ рассматривала более предпочтительным? С точки зрения автора, при ответе на данный вопрос прослеживалась региональная и хронологическая зависимость.

Так, официальный Бонн/Берлин последовательно поддерживал выделение

в независимые государства бывших союзных республик Югославии (прежде всего Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии), а в случае Сербии – даже краев (Косово; т. е. субъектов административного уровня на ступень ниже). Еще одним направлением поддержки сецессий был северо-восток Африки – здесь ФРГ выступала в защиту отделения Эритреи (1993 г.) и Южного Судана (2011 г.), при этом стремилась, особенно с начала 2010-х гг., обеспечить возвращение под власть официального Могадишо Сомалиленда и Пунтленда. На других региональных направлениях германская сторона рассматривала урегулирование сквозь призму федерализации – на постсоветском пространстве (приднестровский, грузино-абхазский, грузино-югоосетинский и восточно-украинский вооруженные конфликты), а также на большинстве территорий Африки, Ближнего и Среднего Востока. Логичным исключением выступала лишь последовательная поддержка ФРГ превращения ПНА в Палестинское государство. Германская сторона выступала против попыток сецессий внутри стран-участниц евроатлантического сообщества, иллюстрацией чему, в частности, стала позиция официального Берлина по каталонскому вопросу в конце 2010-х гг. Хронологически подавляющее большинство эпизодов поддержки Германией обособления в самостоятельные субъекты склонных к сепаратизму территорий пришлось на начало 1990-х гг. (исключая Косово, где данная тенденция стала лапидарно проявляться с 1998–1999 гг., а также Южного Судана, в случае которого имел место широкий международный консенсус), а в дальнейшем официальный Берлин все более активно продвигал идею федерализации. Одна из причин тому – позиционирование Германии как продвинутой федерации.

Задача данной статьи – исследование усилий ФРГ по недопущению сецессии в Ираке и Мали в середине – второй половине 2010-х гг. Выбор этих двух государств не случаен: курдский вопрос и туарегская проблема являются отчасти латентными, но постоянными общими знаменателями развития стран регионов Ближнего Востока и Сахеля соответственно. И хотя государственные системы Ирака и Мали были ослаблены вооруженными конфликтами с участием структур международного терроризма, именно в этих двух странах отмеченные сепаратистские проблемы в середине – второй половине 2010-х гг. стояли наиболее остро. Поэтому эти государства уместно рассматривать в качестве фокусных кейсов борьбы с угрозой сецессий в ближневосточной и сахельской региональных подсистемах в целом.

Основными методами исследования избраны ивент- и сравнительный анализ. Исследователями, в т. ч. германскими, в основном исследовались или подход ФРГ к возможной утрате территориальной целостности Ираком и Мали [Hanish 2015], или развитие туарегского вопроса, особенно курдской проблемы [Weiss 2018; Yildirim, Gürbey 2018]. Однако во взаимосвязи эти аспекты анализируются редко. Соответственно, данная статья представляет собой попытку восполнить этот пробел.

ФРГ и проблема сохранения территориальной целостности Ирака

Курдский вопрос, решение которого формально означает расширение форм самоорганизации курдов до широкой автономии и независимого государства, является общим знаменателем развития для стран Ближнего и Среднего Востока (Турции, Сирии, Ирака и

Ирана), где курды проживают, при всей несхожести их внешнеполитических курсов по другим вопросам. При этом наиболее отчетливо курдская проблема проявилась к началу 2020-х гг. в случае Ирака, стремящегося преодолеть состояние внутренней фрагментации, идущее с войны 2003 г.

Во время подготовки и проведения США и группой их партнеров по «коалиции желающих» военной кампании против Ирака (2003 г.) официальный Берлин не только не поддержал данные планы, но пытался противодействовать их осуществлению, используя возможности ООН, МАГАТЭ и «треугольника» Россия – Франция – Германия. Это обстоятельство обеспечило весьма выигрышное для ФРГ имиджевое восприятие со стороны полусамостоятельных частей, де-факто образовавшихся на территории Ирака: населенного преимущественно курдами севера, «суннитского треугольника» (с арабским населением) в центре (новый официальный Багдад) и юга, где значительную часть жителей составляют арабы-шииты. Последние тяготеют к Ирану, и в этой связи значима последовательная линия ФРГ на участие в подготовке и заключении Соглашения о всеобъемлющем плане действий (2015 г.) между «шестеркой»¹ (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германией) и Ираном, а также сохранении этих договоренностей после одностороннего выхода из них администрации Д. Трампа (2018 г.).

Поддерживая достаточно разветвленные политические контакты со всеми частями Ирака, германская сторона оказывала точечную военную помощь официальному Багдаду в де-

ле воссоздания его оборонного потенциала в первое десятилетие после войны (2003 г.). Иными стали объемы поддержки Ирака в условиях успешного наступления «Исламского государства»², уже к июню 2014 г. установившего контроль над большей частью территорий Найнава, Анбар и Салах-эд-Дин [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 4]. Это открывало возможность для полного занятия ИГ территории севера Ирака и его одновременного продвижения на юг – в сторону «суннитского треугольника». Уже 3 декабря 2014 г. в Брюсселе была проведена конференция глав внешнеполитических ведомств 60 государств, включая ФРГ и практически всех ее партнеров по Европейскому союзу, на которой было принято решение о помощи Ираку поставками вооружений и боеприпасов и направлении групп военных инструкторов [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 4]. 17 декабря 2014 г. бундестаг одобрил развертывание военно-тренировочной миссии с «потолком» 100 офицеров и солдат [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 2], которая была изначально сосредоточена в районе г. Эрбиль (с дооснащением и расширением здесь крупной военной базы) – центре иракского Курдистана (нем. Irak-Kurdistan). Следует подчеркнуть, что здесь должны были обучаться и получать новое оснащение (стрелковым оружием, гранатометами и боеприпасами) *одновременно* отряды пешмерга (ополчение иракских курдов) и войска официального Багдада. Тем самым Германия использовала предоставление военной помощи для борьбы с ИГ как инструмент пресечения сецессии, настаивая на взаимозависимости севера

1 ФРГ предпочитает иное прочтение данной формулы: ЕЗ («евротройка» в составе Германии, Великобритании и Франции) + 3 (РФ, США, КНР), тем самым стремясь нивелировать отсутствие постоянного представительства в Совете Безопасности ООН и статуса легальной ядерной державы. – *Прим. авт.*

2 Запрещенная в России террористическая организация. – *Прим. авт.*

Ирака и официального Багдада в рамках единой страны. В правительственных документах первый именовался исключительно через термин «регион», т. е. он воспринимался исключительно как составная часть единой федеративной страны (см., напр.: [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 1–2]). Оказал ли реализуемый ФРГ принцип одновременного предоставления военной помощи иракским курдам и центральному правительству влияние на сохранение единства страны? Ответ на этот вопрос является положительным, однако значимость данного фактора не стоит преувеличивать. Ключевой детерминантой улучшения отношений двух частей Ирака следует признать огромную общую угрозу со стороны «Исламского государства» [Yildirim, Gürbey 2018, S. 35], на фоне которой отмеченный фактор имел вспомогательное значение. Более того, он имел и обратную, резко негативную, сторону.

Показательно, что в мандате бундестага (2014 г.) на первое место был поставлен именно регион иракского Курдистана, а центральное иракское правительство – на второе [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 1–2]. Безусловно, это может быть объяснено тем фактом, что именно пешмерга, а не правительственная армия приняла в тот момент основную нагрузку в борьбе с ИГ. Однако традиционно ФРГ стремилась развернуть военно-тренировочные центры с участием бундесвера на значительном расстоянии от зон активных боевых действий (как это имело место в Афганистане, Ливане, Мали), если существовала подобная возможность (таковой не наблюдалось лишь в Сомали). В реалиях 2014–2015 гг. более разумным с военной точки зрения стало бы размещение учебных лагерей именно в зоне дислокации правительственных иракских войск, т. е. в глубине земель Ирака. Напротив, ФРГ пошла на

первоначальное развертывание своего военного присутствия именно в Эрбиле, т. е. вблизи зоны боевых действий. Руководство иракского Курдистана это решение истолковало как фактическую поддержку курса на обретение независимости [Weiss 2018, S. 21]. Осознание данной крайне опасной тенденции привело к германскому истеблишменту в полной мере лишь в 2016–2017 гг.

Складыванию данного впечатления у властей в Эрбиле способствовало и параллельное с предоставлением военной помощи многотрековое углубление политических контактов с обеими ключевыми политическими силами: Демократической партией Курдистана (ДПК; нем. PDK) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК, нем. PUK), а также аппаратом президента региона иракского Курдистана М. Базрани. Причем данные контакты устанавливались при активном участии курдской диаспоры в ФРГ [Entschließungsantrag 2017, S. 1–3]. Тем самым германская сторона фактически участвовала в выстраивании периметра сдерживания наступательных планов Анкары в южном и юго-восточном направлениях, т. е. усиление позиций ФРГ на Ближнем Востоке в значительной степени носило недружественный Турции характер. Это стало одним из магистральных факторов глубокого спада взаимного доверия сторон. Так, официальная Анкара ввела запрет на посещение депутатами бундестага контингента бундесвера в составе многонациональной группировки под эгидой НАТО на базе Инджирлик, представленного подразделениями разведывательной и транспортной авиации, используемой в интересах II западной антитеррористической коалиции в Ираке. В ответ федеральное правительство, проведя консультации с профильными комитетами бундестага, в июне 2017 г. приняло решение о выводе своих войск из Инджир-

лика с последующей передислокацией их в Иорданию. При этом оказываемое Турцией давление не оказало скольконибудь заметного влияния на позицию ФРГ в вопросах военной поддержки курдов на севере Ирака.

Так, в январе 2016 г. бундестаг продлил мандат военно-тренировочной миссии бундесвера, причем «потолок» ее численности увеличился до 150 военнослужащих, а список приоритетов (регион иракского Курдистана и лишь затем центральное иракское правительство) остался неизменным [Antrag der Bundesregierung 18/7207 2016, S. 1–2]. При этом рост количества военных инструкторов был обусловлен открытием еще одного учебного лагеря с участием бундесвера – военной базы Таджи (в одноименном городе в провинции Салах-эд-Дин, в 27 км от Багдада) [Бундесвер приостановил обучение 2019]. Она находилась на территории, полностью подконтрольной центральному иракскому правительству. Германская сторона, демонстративно усиливая свою военную помощь именно официальному Багдаду, посылала иракским курдам «сигнал» о приверженности сохранению единства иракского государства. Однако его «громкость» оказалась очень небольшой – прежде всего из-за того, что большая часть инструкторов (примерно 2/3) продолжали находиться именно в лагере в Эрбиле, который оставался крупнейшим военно-логистическим центром, через который шло одновременное оснащение отрядов пешмерга и войск центрального иракского правительства. Только за 10,5 месяцев (с 15 февраля по конец декабря 2015 г.) военными инструкторами из стран ЕС (прежде всего германскими) было обучено и переподготовлено более 4,8 тыс. бойцов пешмерга и военнослужащих войск центрального иракского правительства [Antrag der Bun-

desregierung 18/7207 2016, S. 5], т. е. эквивалент армейской бригады. В 2016 г. объемы подготовки еще более возросли: учебные центры прошли более 7,2 тыс. военнослужащих (см.: [Antrag der Bundesregierung 2017, S. 5]. Из этого числа на долю пешмерга приходилось не менее 50%, т. е. как минимум 6 тыс. бойцов и командиров. Для понимания практической значимости данной цифры уместно привести суммарные потери пешмерга в 2014–2018 гг.: свыше 2 тыс. убитых и 10 тыс. раненых [Weiss 2018, S. 10].

Расходы на содержание военно-тренировочной миссии составили: в 2015 г. – 30,4 млн евро [Antrag der Bundesregierung 2014, S. 4], в 2016 г. – 32,0 млн евро [Antrag der Bundesregierung 18/7207 2016, S. 4]. Кроме того, в район Эрбиля только к началу 2016 г. было доставлено 1 800 т военных грузов: амуниции, стрелкового оружия и гранатометов (в т. ч. противотанковых), боеприпасов к ним [Antrag der Bundesregierung 18/7207 2016, S. 5]. Соответственно, следует признать существенным практический вклад ФРГ в укрепление сил безопасности региона иракского Курдистана.

Чем объяснялось преобладание объемов именно его поддержки, а не центрального иракского правительства в 2016 г.? Во-первых, сохранением большей значимости в деле отражения ударов ИГ [Weiss 2018, S. 21]. Наличие внешней военной помощи позволило пешмерга и правительственным иракским войскам в ноябре-декабре 2015 г. перейти в контрнаступление. Так, переобученные и частично вооруженные ФРГ военизированные отряды курдов сыграли ключевую роль во взятии г. Синджар в провинции Найнава, что рассматривалось в ФРГ в качестве точки перелома в боевых действиях. Во-вторых, стремлением обеспечить свое долгосрочное военное

присутствие на севере Ирака – регионе, имеющем исключительно выгодное геополитическое положение (с учетом борьбы с ИГ и выстраивания пояса «сдерживания» Турции) и геоэкономическое (принимая во внимание углеводородные запасы, особенно в районе Киркука, и отлаженную систему их экспорта) [Yildirim, Gürbey 2018, S. 37–40]. В-третьих, по всей видимости, у руководства ФРГ существовала уверенность, что оно может трансформировать свою военную помощь и продвинутое взаимодействие с властями в Эрбиле в политическое влияние, достаточное для сдерживания сепаратистских устремлений иракского Курдистана.

Иллюзорность данных ожиданий со всей отчетливостью проявилась во время поездки в регион министра иностранных дел ФРГ З. Габриеля в апреле 2017 г. Его визит происходил на фоне начавшихся боев за второй по значимости (в т. ч. по довоенной численности населения) город в Ираке – Мосул. Несмотря на высокий уровень боеспособности пешмерга, чем у правительственных иракских войск, именно им была отведена ключевая роль в штурме (с 24 марта 2016 г. по 10 июля 2017 г.). На упомянутом решении, имевшем политическую подоплеку, настаивали западные державы, оказывающие помощь в борьбе с ИГ, прежде всего США, а также ФРГ (см.: [Иванов 2016]). Они не могли допустить перехода такого важного центра, как Мосул, под контроль курдских формирований после освобождения от ИГ. Подобный сценарий стимулировал бы движение властей в Эрбиле к сепарации, до минимума сократив возможности влияния на них со стороны официального Багдада. С учетом этого подхода была выстроена переговорная позиция З. Габриеля в апреле 2017 г. С одной стороны, он подчеркнул исключительную роль пешмерга

в борьбе с ИГ, что являлось фактором обеспечения безопасности самой Германии [Weiss 2018, S. 21], и тем самым обосновал особую военную поддержку именно курдов. С другой стороны, глава МИД ФРГ отметил, что возможное проведение референдума по вопросу о независимости региона иракского Курдистана будет являться серьезной ошибкой [Weiss 2018, S. 21].

Однако эта позиция де-факто не была услышана руководством в Эрбиле. 7 июня 2017 г. представители 15 партий и движений иракского Курдистана приняли коллективное решение о проведении референдума о независимости, назначенного на 25 сентября 2017 г. [Weiss 2018, S. 18–19]. Момент начала открытого движения к сепарации симптоматичен – это время окончания боев за Мосул (завершились 10 июля 2017 г.), когда стало полностью ясно, что город останется в юрисдикции центрального иракского правительства (см.: [Yildirim, Gürbey 2018, S. 35]). Столь жесткая негативная реакция на этот факт показывала, сколь далеко зашли устремления властей в Эрбиле по расширению своей зоны влияния в формально едином Ираке, в т. ч. в связи с двойственным характером военной помощи, оказываемой ему ФРГ. В контексте подготовки референдума ее власти были обвинены оппозицией в грубых внешнеполитических ошибках, заключавшихся в поддержке «корруптированного курдского правительства» [Entschließungsantrag 2017, S. 1–3]. Стремясь снизить градус критики властей, германские аналитики из SWP фокусировали внимание на росте национального самосознания курдов из различных стран Ближнего Востока (прежде всего Сирии и Ирака) в условиях тяжелой борьбы с ИГ, по сути носившей характер боев за физическое выживание, ставших осознавать и позиционировать себя в качестве частей

единой общности [Yilmaz 2018, S. 52–53; Weiss 2018, S. 18–20]. Однако этот фактор отнюдь не оттеняет тех двойственных по политической направленности мер ФРГ в 2014-м – начале 2017 г., которые де-факто не только не предупреждали, но, наоборот содействовали укреплению стремления региона иракского Курдистана к сецессии. Это произошло не только из-за переоценки собственных возможностей влияния, но и по причине неправильной трактовки характера улучшения отношений между властями в Эрбиле и Багдаде в 2014–2016 гг.: это было тактическое сближение, обусловленное общей угрозой со стороны ИГ, а отнюдь не стратегическое, в налаживании которого ФРГ неудачно пыталась играть роль одного из координаторов.

Особенно чувствительными для официального Берлина были те международно-правовые прецеденты, которые использовались для обоснования необходимости проведения референдума: прежде всего, это аналогичный выход Черногории из состава Сербии в 2006 г. [Weiss 2018, S. 20]. Де-факто тем самым произошло обращение к процессу сецессии Югославии, в ходе которого Германия, как и страны «коллективного» Запада в целом, последовательно поддерживала курс на образование новых государств (прежде всего Хорватии и Словении, а также Боснии и Герцеговины), а также государственных образований (Косово). Официальный Берлин традиционно подчеркивал, что «косовский случай» является особым и не может рассматриваться в качестве прецедента; однако, как показывал опыт аргументации властей иракского Курдистана, работу данного «правила» было сложно обеспечивать даже в случае ряда дружественных ФРГ территорий и стран.

25 сентября 2017 г. в регионе иракского Курдистана был проведен рефе-

рендум: при явке 72% (почти 2,0 млн избирателей) в поддержку независимости высказались 92,7%, т. е. подавляющее большинство [Weiss 2018, S. 24]. Официальный Багдад осудил проведение референдума, получив поддержку самого широкого круга международных игроков: Турции, Ирана, России, стран Запада, в т. ч. США и ФРГ. В данной связи следует подчеркнуть регулярную «сверку часов» двумя этими западными державами на иракском направлении в целом и по курдскому вопросу в частности. Белый дом, как и официальный Берлин, оказывая разностороннюю помощь иракским курдам, резко негативно отреагировал на сам факт проведения референдума, настаивая на сохранении территориальной целостности Ирака.

Примечательно, что проведение референдума на севере Ирака практически совпало с выборами в бундестаг (22 сентября 2017 г.), продемонстрировавшими снижение электоральной поддержки образующих правительство «большой коалиции» блока ХДС/ХСС и СДПГ в пользу лево- и (особенно) правофланговых партий (прежде всего «Альтернативы для Германии»). В этой ситуации власти ФРГ оказались между Харибдой жесткой критики оппозиции [Entschließungsantrag 2017, S. 1–3], отсутствие ответа на которую было чревато дальнейшим ослаблением внутривластных позиций, и негативного восприятия референдума ведущими международными игроками, и Сциллой желания не подорвать основы отношений с властями в Эрбиле. Выход был найден в практических полном обнулении объемов поставляемых пешмерга предметов военного снабжения (см.: [Weiss, 2018, S. 21]) при одновременном продолжении их обучения, обоснованием чему выступало продолжение борьбы с ИГ. В этой связи при пролонгации бундестагом

мандата бундесвера в Ираке примечательны два момента. Первый: в документе подчеркивалось стремление ФРГ оказывать военную помощь центральному иракскому правительству, при этом вообще не упоминался регион иракского Курдистана (см.: [Antrag der Bundesregierung 2018, S. 1–4]). Второй аспект: военно-тренировочная миссия бундесвера передавалась в подчинение II западной антитеррористической коалиции, созданной партнерами Германии во главе с США, Великобританией и Францией [Antrag der Bundesregierung 2018, S. 1–2]. Здесь следует подчеркнуть, что, демонстрируя стремление к стратегической автономии от Соединенных Штатов, Германия не шла на этот шаг, хотя в декабре 2015 г. и присоединилась к деятельности II западной коалиции (с фокусированием на сотрудничестве с Францией). О чем свидетельствовали эти изменения? Официальный Берлин посылал мощный «сигнал» о безусловной приверженности сохранению территориальной целостности Ирака, т. е. недопущению сецессии. По данному пункту ФРГ выражала полную солидарность с партнерами по II западной коалиции, действующей на иракском (прежде всего) и сирийском ТВД. В целом в конце 2010-х гг. на иракском направлении стал наблюдаться рост объемов сотрудничества Германии и Соединенных Штатов Америки. Неприятие официальным Берлином идеи создания независимого Курдистана привело к частичному улучшению германо-турецкого диалога, что, в частности, выявилось в ходе учреждения нового переговорного формата 27 октября 2018 г. в Анкаре с участием принимающей стороны, германо-французского тандема и России для активизации поиска путей компромиссного урегулирования «сирийского вопроса».

Международное давление, оказанное на власти в Эрбиле, дало свои результаты. Еще перед референдумом президент региона иракского Курдистана М. Базрани заявлял, что положительный результат голосования отнюдь не будет означать автоматический выход из состава Ирака. Практически сразу после 25 сентября 2017 г. власти в Эрбиле выступили за развитие конструктивного диалога с официальным Багдадом. М. Базрани подчеркивал, что руководство иракского Курдистана не пойдет по «каталонскому пути», т. е. не попытается немедленно провозгласить независимость [Weiss, 2018, S. 19, 23]. Показательно также, что в октябре 2017 г. отряды пешмерга без боя покинули район Киркука (несмотря на его исключительное значение с точки зрения добычи углеводородов) [Yildirim, Gürbey 2018, S. 37–38], занятый правительственными иракскими войсками [Yilmaz 2018, S. 48]. Очевидно, что лидеры курдов осознавали, что вступление с ними в бой приведет к немедленному полному прекращению военной помощи со стороны стран Запада. С очень высокой долей вероятности «сигнал» об этом был послан и ФРГ, имевшей разветвленные каналы политической коммуникации с представителями иракских курдов.

В разворачивании военного присутствия официального Багдада в районе Киркука в октябре 2017 г., ставшего символом сохранения единства страны, приняли участие и военизированные формирования с населенного преимущественно шиитами юга Ирака, поддерживаемого Ираном [Weiss 2018, S. 23]. Совпадение позиций официальных Берлина и Тегерана не только по сохранению территориальной целостности, но и углублению федерализации Ирака (в т. ч. в интересах шиитов на юге, что было особенно важно для ИРИ) создает важную точку соприкос-

новения в их постепенно набирающем оборот двустороннем взаимодействии в целом.

С конца 2017 г. линия ФРГ в отношении властей региона иракского Курдистана оказалась ужесточена, однако контакты – как общеполитические, так и военные (через инструкторов бундсвера) – продолжали развиваться, причем последние продолжали находиться не только на базе в Тадже, но и Эрбиле. Они были экстренно эвакуированы из обоих лагерей 15 мая 2019 г. (без формального обнуления мандата бундстага). Де-юре причиной для этого стало новое усиление потенциала ИГ в Ираке [Бундсвер приостановил обучение 2019], в реальности же как минимум сопоставимое значение имел другой фактор – стремление Германии избежать втягивания в возможное военное противостояние США и ИРИ, одним из ключевых театров которого стал Ирак. Это подтвердилось, в частности, убийством на территории последнего генерала К. Сулеймани 3 января 2020 г. и последующим точечным силовым ответом Ирана. В условиях «разрядки» напряженности в отношениях ИРИ и США Германия в январе 2020 г. пошла на восстановление своего военного присутствия в Ираке, в т. ч. в северной части страны [Bundeswehr Wieder 2020]. С учетом необходимости борьбы с ИГ и одновременно стремления сохранить отношения с властями в Эрбиле вероятен рост объемов военной помощи, направляемой ФРГ в данный регион. Де-факто это следует признать реализацией внешней поддержки формулы федерализации Ирака. При этом, с учетом опыта ситуации 2017 г., развитие военного сотрудничества будет жестко увязываться с недопущением сецессии иракского Курдистана, причем скорость и масштаб возможной негативной реакции официального Берлина будут больше, чем в 2017–2018 гг.

Германия и процесс федерализации Мали

Туарегский вопрос, т. е. стремление этой народности к увеличению собственного политического веса, является как минимум с 1970-х гг. значимой внутривосточной проблемой для ряда государств Африки, где они проживают: Алжира, Мали, Нигера, Буркина-Фасо и отчасти Ливии. При этом особое прочтение туарегская проблема получила в случае Мали с 2012 г. Обрушение вертикали государственной власти в Ливии (2011 г.), произошедшее вследствие силового вмешательства группы стран – участниц НАТО во главе с Францией и Великобританией в ход вооруженного конфликта в данной африканской стране, одной из своих производных имело обострение туарегского вопроса. Военнослужащие-туареги, ранее служившие в армии М. Каддафи, со своим оружием и транспортом переместились в северные районы Мали, став «ядром» мощного антиправительственного восстания (с января 2012 г.). Туарегские сепаратисты смогли добиться крупных успехов: в марте-апреле 2012 г. они установили контроль над провинциями Гао, Кидаль и Томбукту, включая их одноименные административные центры, – возникла угроза столице Мали. Дополнительной сложностью борьбы с возможностью сецессии стал военный переворот 22 марта 2016 г., в результате которого от власти был отстранен президент А.Т. Туре. На этом фоне 6 апреля 2012 г. туареги объявили о создании самопровозглашенного государства Азавад, не получившего международного признания. Как и в случае других вооруженных конфликтов (в большинстве своем являвшихся гражданскими войнами или имевших черты таковых) на Ближнем Востоке и Африке севернее экватора в 2000–2010-е гг., в Мали наблюда-

лась стремительная радикализация антиправительственных сил. Во второй половине 2012 г. на территории Азавада ключевое влияние приобрели группировки «Ансар Ад-Дин» (в состав которой вошла значительная часть радикальных туарегов) и «Аль-Каида в Маврибии», а «умеренные» туареги были оттеснены от власти. Дальнейшее превращение Мали в огромный «рассадник» международного терроризма было остановлено в результате военно-силовой операции Франции «Сервал» (12 января 2013 г. – июль 2014 г.), проводимой при поддержке военно-тренировочной (ЕС) и миротворческой (АС, затем ООН) миссий.

Направив военные контингенты в их состав, ФРГ параллельно стала наращивать политико-дипломатические усилия по урегулированию туарегского вопроса. Официальный Берлин продемонстрировал полное неприятие идеи создания Азавада, подчеркивая, что движение по пути образования самопровозглашенного туарегского государства подорвет весьма хрупкую внутреннюю безопасность не только Мали, но и стран «сахельской пятерки» (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад; Sahel G5) в целом. Однако это отнюдь не означало игнорирования туарегского вопроса – напротив, ФРГ выступала за его максимальное полное решение посредством предоставления туарегам широкой административной и культурно-языковой автономии, т. е. федерализации государств со значительным представительством данной народности. «Полигоном» для реализации этой схемы должно было стать именно Мали (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 1, 4–8]), а в случае положительного результата этот опыт мог быть экстраполирован и на другие государства Sahel G5 (прежде всего Нигер и Буркина-Фасо) и Африки в целом. В данном случае Германия выполняла

роль источника привития демократических ценностей и институтов (в данном случае с фокусом на принцип федерализма) и одновременно внешнего гаранта безопасности Мали и стран Сахеля в целом на долгосрочную перспективу. В упомянутой связи следует подчеркнуть три важных преимущества, в т. ч. имиджевого характера, которые Германия стала использовать, приступая к решению туарегского вопроса. Во-первых, в отличие от остальных держав НАТО, включая Францию, ФРГ не участвовала в военно-силовой операции Альянса в Ливии (2011 г.), а следовательно, и не несла прямой ответственности за обрушение вертикали в этой стране, сопровождаемое физическим устранением ее экс-лидера (М. Каддафи), что было особенно чувствительно для глав государств в Африке. Во-вторых, Германия не имела колониального прошлого применительно к странам Африки, расположенным севернее экватора. При этом еще с эпохи биполярного миропорядка она развивала торгово-экономические связи с государствами континента, вступавшими в постколониальную фазу своего развития, в т. ч. активно предоставляла им официальную помощь для развития. И, в-третьих, при этом ФРГ не просто географически сфокусировала свое влияние на зоне традиционного влияния официального Парижа в Северной и, особенно, Западной Африке, но активно использовала возможности Франции для укрепления своих стратегических позиций здесь.

Так, МИД двух держав тесно координировали свои усилия для налаживания межмалийского диалога на территории сопредельного Алжира. Германия стала одним из координаторов и посредников в деле организации и проведения переговоров между официальным Бамако и лидерами «умеренных» туарегов. Их активная фаза стартова-

ла еще в мае 2014 г., чему способствовало избрание и вступление в должность в сентябре 2013 г. президента И.-Б. Кейты. Это воспринималось в качестве символа постепенной нормализации функционирования системы государственной власти в Мали. Вместе с тем власть И.-Б. Кейты была в тот момент легитимной лишь отчасти, т. к. в выборах не участвовало население северных, населенных также и туарегами, провинций страны (Гао, Кидаль и Томбукту). Переговорный процесс в Алжире завершился подписанием договоренностей между официальным Бамако и силами «умеренных» туарегов, в т. ч. «Верховным советом за единство Азавада» и «Арабским движением за Азавад» 15 мая и 20 июня 2015 г. [Antrag der Bundesregierung 18/8090 2016, S. 5–6]. Наличие сразу двух дат подписания договоренностей, весьма близких по содержанию, объяснялось значительной фрагментированностью политических сил «умеренных» туарегов. С одной стороны, это усложняло ведение переговоров, требуя поиска компромиссных тактических решений для каждой группировки по отдельности; с другой, облегчало, поскольку предопределяло низкую вероятность новой консолидации туарегов вокруг идеи Азавада.

Каковы итоги переговоров? Стороны достигли консенсуса в отказе от создания независимого туарегского государства и, соответственно, необходимости сохранения территориальной целостности Мали в обмен на его федерализацию. Северным провинциям предоставлялась широкая административно-хозяйственная и культурно-языковая автономия, в т. ч. свободная возможность для «умеренных» туарегов выдвигаться кандидатами и избираться на муниципальных выборах. Вслед за разоружением комбатантов (туарегов-сепаратистов) должен был на-

чаться процесс их интеграции в ряды правительственных малийских войск, включая возможность занятия унтер-офицерских и офицерских должностей [Antrag der Bundesregierung 18/8090 2016, S. 5–6]. При этом планировалось переходить к смешанному принципу комплектования мелких подразделений (на уровне «отделение – взвод»), т. е. включения в их состав представителей различных народностей: бамбара, фульбе, сенуфо, сонгаи и самих туарегов. Это должно было стать военным выражением реализации принципа федерализма.

В процессе реинтеграции северомалийских провинций в состав Мали особое внимание обращалось на обеспечение в них мира и безопасности. Параллельно с правительственными войсками (постепенно проходящими переподготовку под руководством военных инструкторов миссии EUTM Mali с ролью ФРГ как «рамочной нации») эти задачи должны были решать силы миротворческой миссии ООН MINUSMA. Соответственно, с 2016 г. германская сторона пошла на реализацию двух тесно связанных мер: расширения зоны ответственности своего контингента в составе MINUSMA на северные провинции [Hanish 2015] (изначально Гао и Кидаль, а с 2018 г. и Томбукту) и параллельного резкого увеличения численности контингента: его «потолок» увеличился со 150 (в 2013–2015 гг.) до 650 военнослужащих в 2016 г. [Antrag der Bundesregierung 18/7206 2016, S. 2], 1 000 военнослужащих в 2018 г. и 1 100 военнослужащих в 2019 г. [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 2–3]. Это сопровождалось активным включением германских военных непосредственно в реализацию мер по обеспечению мира и безопасности в северомалийских провинциях. Прежде всего, они включали мониторинг ситуации посредством как объезда территорий патрулями MINUSMA, представ-

ленными подразделениями механизированной пехоты, так и разведки – в основном с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) армейской авиации. При выполнении второго типа задач ФРГ, развернув группировку БПЛА на базе «Лагерь Кастро» в Гао, приняла с 2018 г. на себя функции «рабочей нации» [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–10]. Кроме того, германские военные активно участвовали в разоружении туарегских комбатантов и одновременно в охране вновь отстраиваемых значимых социально-экономических объектов (прежде всего больниц и школ), тем самым содействуя эффективному использованию официальной помощи развитию, в т. ч. активно предоставляемой ФРГ [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–10]. На всех данных треках германские войска тесно координировали свои усилия с французскими военными, задействованными в операции «Бархан» с целью обеспечения мира и безопасности в странах «сахельской пятерки» в целом (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–12]). Следует подчеркнуть, что сотрудничество Германии и Франции в Мали и Западной Африке в целом носило ярко выраженный симбиотический характер: для официального Парижа ФРГ представлялась выгодным партнером для сохранения своих позиций на африканском континенте в условиях нехватки различных ресурсов, в т. ч. военных. Германская же сторона свое стратегическое проникновение в Африку осуществляла прежде всего посредством укрепления позиций в странах континента, относившихся к традиционной французской зоне интересов, активно используя возможности партнера для создания своего политико-военного присутствия. Этому способствовало и полное согласие двух держав в принципиальных вопросах решения туарегского вопроса.

Особо следует отметить вклад германских военных в составе MINUSMA в обеспечение безопасного проведения выборов, проводившихся в северо-малийских провинциях: муниципальных (ноябрь 2017 г.) и президентских (проводились в два этапа – 29 июля и 12 августа 2018 г., победу одержал действующий президент И.-Б. Кейта) [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 4–7]. Проведение первых из них позволило создать уже не переходные, а постоянные власти на местах, причем с участием «умеренных» туарегов. Успешное проведение вторых позволило легитимизировать власть вновь избранного главы государства в Мали, впервые после восстановления туарегов проводя электоральные мероприятия практически на всей территории страны. Оба вида выборов продемонстрировали начавшуюся успешную имплементацию договоренностей 15 мая и 20 июня 2015 г., т. е. запуск создания единого федеративного малийского государства. Неотъемлемой частью этого процесса являлось обеспечение безопасности населения на всей территории страны, особенно в северных провинциях. Следует подчеркнуть, что реализация всего цикла данных мероприятий осуществлялась силами MINUSMA в кооперации с правительственными малийскими войсками. Их поэтапное обучение и переподготовка продолжали осуществляться военно-тренировочной миссией EUTM Mali, до 50 % инструкторов которой составляли германские офицеры и солдаты. Вновь подготовленные части отправлялись в первую очередь именно в провинции Гао, Кидаль и Томбукту (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 6–8]).

С одной стороны, к началу 2020-х гг. в деле федерализации Мали были достигнуты определенные успехи. С другой, еще не пройдена «точка невозврата» ни в этом процессе, ни в урегули-

ровании вооруженного конфликта в стране в целом. Правительственные малийские войска не в состоянии самостоятельно, т. е. без поддержки международных миссий, обеспечивать мир и порядок в государстве – ни по качественным параметрам, ни по количественным [Сидоров 2018, с. 124–128]. Во взаимоотношениях центральных и коммунальных властей (в северных провинциях) еще остается много «проблемных узлов», в т. ч. из-за незавершенности передачи оговоренных административно-хозяйственных функций на места. Косвенным показателем сохраняющейся взаимной внутренней настороженности сторон соглашений 15 мая и 20 июня 2015 г. являются крайне медленные темпы интеграции бывших туарегов-комбатантов в малийские правительственные войска и в целом небольшой удельный процент в них выходцев из северных провинций (см.: [Antrag der Bundesregierung 2019, S. 8–12]).

На этом фоне 1–3 мая 2019 г. А. Меркель совершила турне по части стран Sahel G5: Буркина-Фасо, Мали и Нигеру. В самом Мали канцлер демонстративно посетила не Бамако, но Гао, прибыв в распоряжение бундесвера в «Лареде Кастро» [Kanzlerin Merkel in Westafrika 2019]. С точки зрения автора, этим шагом германское руководство посылало три «сигнала». Во-первых, властям Мали – о неудовлетворенности эффективностью их действий, в т. ч. использованием внешней помощи (включая и военную) в деле федерализации страны и урегулирования в целом. Во-вторых, туарегам – о безусловной приверженности сохранения единого малийского государства. Наконец, в-третьих, обеим сторонам договоренностей 2015 г. – о твердом сохранении своей готовности обеспечивать долгосрочную поддержку, включая предоставление разносторонней военной

помощи, процессу превращения Мали в федерацию. Де-факто ФРГ приняла на себя роль гаранта этого процесса. Его непростое, но все же поступательное развитие выступает «сильным аргументом» переговорной позиции Германии с Буркина-Фасо и Нигером, что продемонстрировало «сахельское турне» А. Меркель (см.: [Kanzlerin Merkel in Westafrika 2019]). Передавая нарабатанный опыт туарегского вопроса через федерализацию, ФРГ постепенно укрепляет свои позиции, органично встраивается в обеспечение системы сахельской региональной подсистемы в качестве значимого внешнего игрока.

Подход ФРГ к решению двух вопросов, курдского и туарегского, функционально весьма похожих друг на друга, имел единый знаменатель. Это предоставление данным народам широкой автономии в увязке с противлением создания ими собственного государства, что де-факто рассматривалось как фактор длительного подрыва региональной (Ближний Восток и Сахель) стабильности. В обоих случаях Германия включалась в процесс поддержки федерализации в государствах (Ирак и Мали), проходящих через стадию острого вооруженного конфликта с участием структур международного терроризма. Соответственно, сама федерализация рассматривалась в качестве «оси» процесса урегулирования в целом. Показательно, что в обоих случаях Германия в единой связи с использованием политико-дипломатического инструментария самым активным образом применяла военный, притом исключительно в небоевых формах.

Каковы отличия тактик ФРГ? В случае Ирака Германия подключилась к процессу федерализации в условиях уже длительных (де-юре с 2005 г.) попыток ее осуществления; напротив, в

Мали ФРГ стала участвовать в них с самого начала – с переговорного процесса в Алжире в 2014–2015 гг. На иракском направлении ФРГ первоначально (до 2017 г.) оказывала существенно большую поддержку властям в Эрбиле, чем официально Багдаду. К развороту на 180 градусов (в реальности на 120–150 градусов) в определении основного фокусного партнера привел фактор проведения референдума 25 сентября 2017 г. Напротив, на малийском направлении до 2017–2018 гг. безусловным ключевым контрагентом выступал официальный Бамако. Это объяснялось попыткой создания самопровозглашенного государства Азавад (в 2012–2013 гг.), до недопущения рецидива которой отношения Германии и туарегов складывались весьма проблематично. Решение этой задачи способствовало наращиванию объемов контактов ФРГ и «умеренных» туарегов, в т. ч. в ущерб развитию контактов с официальным Бамако.

В обоих случаях Германия демонстрирует заинтересованность и готовность продолжать играть роль внешнего гаранта процессов федерализации с возможностью передачи данного опыта другим государствам Ближнего Востока и Сахеля как формулы обеспечения сохранения их территориальной целостности.

Список литературы

- Бундесвер приостановил обучение военных в Ираке (2019) // Deutsche Welle. 15 мая 2019 // <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BB-%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87-%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B2-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BA-%D0%B5/a-48746267>, дата обращения 25.08.2020.
- Иванов П. (2016) Битва за цитадели // Военно-промышленный курьер. 31 октября 2016 // <http://www.vpk-news.ru/articles/33314>, дата обращения 25.08.2020.
- Сидоров А.С. (2018) Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 116–137 // <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta/viewer>, дата обращения 25.08.2020.
- Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2014) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.
- Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter Deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks (2018) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deut-

scher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2017) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10820, 11.01.

Bundeswehr Wieder im Nordirak Aktiv (2020) // Deutsche Welle, Januar 26, 2020 // <https://www.dw.com/de/bundeswehr-wieder-im-nordirak-aktiv/a-52153031>, дата обращения 11.03.2020.

Entschließungsantrag der Abgeordneten H. Hänsel, S. Dagdelen, M. Brandt, Ch. Buchholz, Dr. Gregor Gysi, M. Höhn, A. Hunko, St. Liebich, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. E. Schreiber, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung – Drucksachen 19/25, 19/178 – Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte

der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2017) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/223. 11.12.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. No. 8.

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019) // Die Bundesregierung, Mai 2, 2019 // <https://www.bundesregierung.de/bregde/mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684>, дата обращения 25.08.2020.

Weiss M. (2018) Rückschlag auf dem Weg zur Selbständigkeit – Kurdistan-Irak vor und nach dem Unabhängigkeitsreferendum // Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 9–27.

Yildirim C., Gürbey G. (2018) Das Energiepolitische Potential Irakisch-Kurdistan // Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 28–45.

Yilmaz A. (2018) Gegeneinander, miteinander: Die KDP and die PKK in Sindshar // Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 46–57.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

German Approach towards the Struggle against Separatism in Fragile States of the Middle East and Africa: the Cases of Iraq and Mali

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher, Department of Europe and America, Center of Global and Regional Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Krzizhanovskogo St., 15, bldg 2, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2020) German Approach towards the Struggle against Separatism in Fragile States of the Middle East and Africa: the Cases of Iraq and Mali. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 211–229 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-10

Received: 16.03.2020.

ABSTRACT. *In the modern world the development of armed conflict leads to chaotization of the world order at all its levels. One of the manifestations of this threat is the strengthening of separatism, including the secession as its extreme form. Political practice shows that the secession the factor of long-term undermining of regional security. An alternative to secession is the federalization of the fragile states that is an effective measure for struggle against separatism and the resolution of the armed conflicts based on compromise. The article underlines that in the majority cases the federalization in fragile states could be realized only with active participation of external actors. In this regard the article explores German experience in the support of federalization in Iraq and Mali in the middle – second half of the 2010-s. These two countries are selected as cases of the Near East and Sahel regional systems. The sci-*

entific paper focuses on the usage by Germany of political-diplomatic and military tools. The article explores the evolution of the relations of Germany with the guide in Erbil (Iraqi Kurdistan) and Bagdad before and after the referendum on the question of Iraqi Kurdistan independence, 2017, September 25. In this regard the author shows the changing of German military assistance as an indicator of FRG's approach to the Iraqi Kurdistan problem. The paper investigates German approach towards the «Tuaregs' question», the features of usage by Germany of diplomatic and military tools for the federalization of Mali. In the conclusion the author compares FRG's tactics of the struggle towards the separatism in Iraq and Mali.

KEY WORDS: *Germany, separatism, secession, federalization, Iraq, "Kurdish question", Mali, "Tuaregs' question"*

References

Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2014). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.

Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter Deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks (2018). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Militärmision der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter Deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2016). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung Deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte

(2017). *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10820, 11.01.

Bundeswehr Wieder im Nordirak Aktiv (2020). *Deutsche Welle*, Januar 26, 2020. Available at: <https://www.dw.com/de/bundeswehr-wieder-im-nordirak-aktiv/a-52153031>, accessed 11.03.2020.

Entschließungsantrag der Abgeordneten H. Hänsel, S. Dagdelen, M. Brandt, Ch. Buchholz, Dr. Gregor Gysi, M. Höhn, A. Hunko, St. Liebich, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. E. Schreiber, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung – Drucksachen 19/25, 19/178 – Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte (2017). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/223, 11.12.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. Security Policy Working Paper. No. 8.

Ivanov P. (2016) The Battle for Citadels. *Military-industrial Courier*, October 31, 2016. Available at: <http://www.vpk-news.ru/articles/33314>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019). *Die Bundesregierung*, Mai 2, 2019. Available at: <https://www.bundesregierung.de/bregde/mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684>, accessed 25.08.2020.

Sidorov A.S. (2018) France in Sahel: Current Problems and Possible Development of the Armed Conflict. *Urgent Problems of Europe*, no 4, pp. 116–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozmozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta/viewer>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

The Bundeswehr Has Stopped the Training of Troops in Iraq. *Deutsche Welle*, May 15, 2019. Available at:

<https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BB-%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%B2-%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B5/a-48746267>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Weiss M. (2018) Rückschlag auf dem Weg zur Selbständigkeit – Kurdistan-Irak vor und nach dem Unabhängigkeitsreferendum. *Die Kurden im Irak and in Sy-*

rien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates" (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 9–27.

Yildirim C., Gürbey G. (2018) Das Energiepolitische Potential Irakisch-Kurdistan. *Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates"* (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 28–45.

Yilmaz A. (2018) Gegeneinander, miteinander: Die KDP and die PKK in Sindh. *Die Kurden im Irak and in Syrien nach dem Ende der Territorialherrschaft des "Islamischen Staates"* (Hrsg. Seufert G.), Stiftung Wissenschaft und Politik, s. 46–57.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-11

Вторая волна пенсионных реформ (2009–2019 гг.): прогноз будущих трансформаций пенсионных систем

Татьяна Васильевна ЖУКОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Отдел международных рынков капитала

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, ул. Профсоюзная, д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: ttanya2001@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Жукова Т.В. (2020) Вторая волна пенсионных реформ (2009–2019 гг.): прогноз будущих трансформаций пенсионных систем // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 230–252. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-11

Статья поступила в редакцию 21.04.2020.

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья представляет продолжение статьи, опубликованной в журнале «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право» (№ 6, 2019 г.) [Жукова 2019], в которой объяснен механизм развития волн пенсионных реформ, их встроенность в бизнес-циклы, дана периодизация и проведен детальный анализ первой волны реформ. В данной статье с учетом новых макроэкономических и прогнозных демографических факторов, выявленных эпизодов пенсионных реформ дана периодизация и характеристика второй волны пенсионных реформ (2009–2019 гг.), прогнозируется третья волна (с 2020 г.). Вторая волна пенсионных реформ была на несколько лет короче, но более интенсивной, с большим числом пенсионных реформ на фоне примерно такого же количества экономических шоков. Причины интенсивности – системные макроэкономические проблемы, массовость шоков от за-

медления темпов экономического роста, дефицитности бюджетов. Массовый характер приобрело сужение накопительного компонента и его перевод в частный формат (финансирование из личных средств застрахованных лиц через негосударственные институты). Ускорилося относительное снижение пенсионных обязательств государства. Третья волна (с 2020 г.) ожидается самой продолжительной, с самыми интенсивными преобразованиями ввиду ожидаемых макроэкономических шоков по всем чувствительным для пенсионных систем факторам и для всех групп стран с очередной эскалацией влияния демографических факторов. Вектор реформирования будет включать противоречивые направления. С одной стороны, будет расти государственное участие, повышаться охват застрахованных лиц. С другой стороны, будут снижаться государственные гарантии (минимальные пенсии, возрастные и другие ограничения для вы-

хода на пенсию). Ожидается рост солидарности государственных пенсионных систем, «платежной нагрузки» на работающее поколение для гарантирования минимальных пенсий старшему поколению, снижение зависимости размера пенсии от размера взносов. Накопительное пенсионное обеспечение будет переведено в сферу ответственности застрахованных лиц без финансового участия государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: волны пенсионных реформ, параметрические и структурные реформы, контрреформы, макроэкономические шоки, тренды, демографические факторы, прогноз, экономические циклы, экономические кризисы

Накопленные результаты и обобщение международных исследований по опыту пенсионных реформ за 2009–2019 гг.

В предыдущей статье [Жукова 2019] представлен терминологический аппарат, дано обобщение международных исследований по опыту пенсионных реформ. Разработан классификатор пенсионных реформ с балльной оценкой глубины реформирования¹, опре-

делены волны пенсионных реформ². Раскрыт и подтвержден механизм формирования и развития волн пенсионных реформ, дана их периодизация. Детально рассмотрена первая волна пенсионных реформ (1994–2008 гг.)³.

В данной статье по тем же 24 странам анализируется содержание пенсионных реформ во вторую волну, прогнозируется третья волна.

В теоретических и эмпирических работах, посвященных тематике пенсионных реформ в 2009–2019 гг. (соответствует второй волне пенсионных реформ), фундаментальный демографический фактор старения населения и связанные с ним долгосрочные структурные реформы⁴ отходят на второй план. В центре внимания исследователей – краткосрочные конъюнктурные факторы: экономические (бизнес-циклы), политические (мнение избирателей, соглашения с социальным блоком и др.). Созданы новые классификации пенсионных реформ [Beetsma et al. 2019]:

1) В зависимости от долгосрочности целей реформирования:

– *реформы на перспективу*, при минимальном влиянии текущей ситуации, которые являются ответом на долгосрочные демографические факторы, проводятся в русле концепций устойчивого развития;

1 Выделение позиций классификатора – результат качественного анализа, систематизации и детализации направлений реформирования, выделяемых в докладах ОЭСР «Взгляд на пенсии» (Pension at a Glance) за 1994–2017 гг. [OECD 2007, pp. 58–60; OECD 2009, pp. 90–94; OECD 2013, pp. 27–40; OECD 2015, pp. 34–43; OECD 2017, pp. 32–40].

2 Всего в группе 24 страны (15 – развитых стран с коэффициентом возрастной зависимости более 20% по данным Всемирного банка на 1994 г., 7 бывших социалистических стран с крупными государственными пенсионными системами; 3 страны Латинской Америки с крупными накопительными системами как основными). Это Австрия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, Чехия, Польша, Венгрия, Эстония, Швейцария, Швеция, Мексика, Аргентина, Чили, Россия, Казахстан. Подробный анализ выборки стран для анализа приведен в предыдущей статье [Жукова 2019].

3 Полный текст первой статьи «Волновая природа пенсионных реформ. Первая волна 1994–2008 гг.»: <https://www.ogt-journal.com/Jour/article/view/547/464#>

4 Деление реформ на структурные и параметрические – общепризнанная классификация, введенная МВФ в 1996 г. Структурные – меняется архитектура пенсионных систем, параметрические – меняются их количественные параметры (введено [Chand et al. 1996]). Структурные реформы связаны с долгосрочными ориентирами приведения пенсионной системы в равновесие, они находятся в меньшей зависимости от макроэкономических и политических факторов. Параметрические реформы часто связывают с конъюнктурными реформами, преследующими краткосрочные цели.

- *конъюнктурные реформы*, определяемые текущей экономической ситуацией и балансом политических сил [Chen 2017; Baoping 2014].

2) В зависимости от фазы экономического цикла:

- *реформы, расширяющие охват пенсионным страхованием* (expansio-nary reforms), как правило, в период экономического роста;
- *реформы, сокращающие пенсионные обязательства* (contractionary reforms), как правило, в период спада экономики [Amaglobeli 2019].

В отличие от рецессии 1991 г. (сопадает по времени с первой волной пенсионных реформ 1994–2008 гг.), рецессия, следовавшая за 2009 г., была более глубокой и системной (см. исследование Всемирного банка [Kose et al. 2020]). Одна из причин – большее участие в росте мировой экономики развивающихся стран (emerging market and developing economies (EMDEs))⁵. Кризис еврозоны 2011–2013 гг. с ростом безработицы, снижением темпов роста экономики затронул 60% стран из группы EMDEs⁶, замедлил темпы восстановления мировой экономики [Kose et al. 2020, p. 19].

Пенсионные реформы меняли свою направленность под влиянием конъюнктурных факторов: в 2009–2010 гг. – антикризисные меры, связанные с ростом пенсионных доходов; в 2011–2014 гг. – обратные меры, сокращение обязательств государства (ограничение индексаций, усиление связи между

размером пенсии и сделанными взносами и др.); в 2015–2019 гг. – под давлением политических факторов на фоне улучшения экономической ситуации – ослабление ограничений (замедление роста пенсионного возраста, ставок взносов, повышение минимальных пенсий) [Natali 2018; OECD 2019].

Популяризуется идея о связи реформ с бизнес-циклами, о влиянии периодов роста и спада на характер проводимых преобразований [Holzmann 2012; Beetsma et al. 2019]. Анализируется их влияние на пенсионные реформы (часто за длительный период по выбранной группе стран с применением эконометрических моделей анализа) [Verbič 2019; Leibrecht 2017].

Развивается тема «пожилой бедности» в будущем в связи с ростом обеспечения сегодняшних пенсионеров за счет неизбежного сокращения пенсионных доходов следующего поколения пенсионеров (большого по численности). Делаются выводы о необходимости повышения охвата минимальными пенсиями, согласования пенсионных реформ с реформами социальной сферы и рынка труда [Chen 2017; Baoping 2014].

Были сформулированы предположения о том, что параметрические реформы в 2009–2019 гг. часто носили краткосрочный характер без учета динамики будущих пенсионных обязательств. Это привело к долгосрочной разбалансированности пенсионных систем и необходимости корректировки их параметров каждые 3–5 лет (предпосылка повышения интенсивности параметрических реформ в будущем) [Amaglobeli 2019; OECD 2019].

⁵ По данным Всемирного банка, если в 1950–1990 гг. развитые страны в среднем обеспечивали 80% мирового производства и 75% роста мировой экономики, то к 2010 г. их доля снизилась до 60% мирового производства и 40% роста мировой экономики [Kose et al. 2020, p. 1].

⁶ По данным Всемирного банка, в группе EMDEs средний темп роста ВВП снизился с 7,4% в 2010 г. до 3,8% в 2015 г.) [Kose et al. 2020, pp. 19–20].

Вторая волна. 2009–2019 гг.

Вторая волна началась с 2009 г. и вступила в свой пик в 2014 г. С 2015 г. число пенсионных реформ снижается (данная динамика подтверждается другими независимыми исследователями (см., например, [Natali 2018]).

Особенностью второй волны стало проведение более интенсивных реформ (239 эпизодов против 208 в первую волну) на фоне меньшего числа макроэкономических шоков (113 против 115) и за меньший период времени (11 лет против 15) (табл. 1). Подтверждаются выводы других исследователей (Всемирный банк [Kose et al. 2020]) о концентрации макроэкономических шоков, чувствительных для пенсионных систем, в двух областях – замедление экономического роста (38% шоков против 30% в первую волну, табл. 1) и дефицит бюджета (37% шоков против 30% в первую волну, табл. 1), по остальным индикаторам – уменьшение числа шоков (табл. 1).

Интенсивность реформ в баллах по 24 странам за 2009–2019 гг. выросла по сравнению с первой волной и составила 1 477 (за 1994–2008 гг. – 1 031) (табл. 2). Это связано с особой макроэкономической ситуацией (см. выше), с пересмотром ценностей многоуровневых пенсионных систем⁷, с повышением чувствительности к экономическим факторам (табл. 1, табл. 2)⁸. Фиксируется ускоренный рост интенсивности параметрических реформ по сравнению со структурными (58% против 53% в первую волну, табл. 2), что согласуется с выводами других исследователей о росте конъюнктурных преобразований [Amaglobeli 2019; OECD 2019]).

Направления реформирования во вторую волну (2009–2019 гг.)

Если в первую волну (1994–2008 гг.) происходил массовый переход стран на многоуровневые пенсионные системы [Жукова 2019], то вторая волна пенсионных реформ (2009–2019 гг.) началась с кризиса 2008 г., приведшего к резкому обесценению пенсионных накоплений. Под влиянием макроэкономических шоков обозначилась слабость пенсионных систем, построенных по накопительному принципу (зависимость от конъюнктуры финансовых рынков, его финансирование за счет изъятия части взносов из солидарной системы (во многих странах), рост дефицитности бюджетов).

- в *накопительной составляющей* произошло сужение накопительного сегмента, усилилось его регулирование (13 стран из 24) (табл. 3, табл. 4); в развитых странах ускорился переход на добровольные частные или корпоративные накопительные схемы с самостоятельной уплатой взносов застрахованными лицами (часто при государственной поддержке, обязанности создания работодателями);
- в *солидарной составляющей* продолжилось сужение обязательств государства, обозначился тренд на ограничение сферы его ответственности только минимальными пенсиями; при этом участилось сокращение обязательных взносов для работодателей, их увеличение для работников.

7 Обесценение пенсионных активов, снижение доходности, перелом в демографической ситуации.

8 В рамках второй статьи уточнена методика выявления шоков, используемая в первой статье [Жукова 2019]. Увеличена частота расчета чувствительных для пенсионных систем индикаторов до одного раза в год (вместо трех раз за период: в начале, на пике, на завершении волны реформ). Оптимизировано применение типов макроэкономических шоков к соответствующим индикаторам (один индикатор – один тип шока, вместо проверки каждого индикатора по трем типам шоков одновременно). По уточненной методике пересчитывается число макроэкономических шоков как в период второй, так и первой волны реформ.

Таблица 1. Основные индикаторы первой и второй волны пенсионных реформ по группе из 24 стран

Table 1. Main Indicators of the First and the Second Wave of Pension Reforms, Group of 24 Countries

Год	Число реформ	Демографические факторы				Число шоков по чувствительным факторам*					
		Коэфф. фертиль-ности	Ожидаемая про-должительность жизни, лет	Коэфф. возраст-ной зависимости	Коэфф. фертиль-ности (30-лет. сдвиг)	Темп роста ре-ального ВВП, %	Дефицит бюдже-та, % к ВВП	Госдолг, % ВВП	Уровень безра-ботицы, %	Расходы на пенс. обеспечение, % ВВП	Σ (7-11)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Первая волна: 1994–2008 гг. с пиком в 2004 г.											
1994	6	2,92	66,12	10,52	5,07	1	1	2	1	1	5
1995	8	2,86	66,32	10,59	5,05	1	1	2	1	0	6
1996	10	2,80	66,61	10,69	5,00	2	2	2	1	0	6
1997	10	2,76	66,91	10,77	4,97	1	1	2	1	0	5
1998	11	2,72	67,18	10,83	4,92	0	0	3	1	1	7
1999	12	2,69	67,40	10,88	4,85	0	0	2	0	0	6
2000	14	2,67	67,68	10,94	4,77	2	2	2	1	0	5
2001	14	2,64	67,98	11,04	4,66	2	2	2	3	0	11
2002	15	2,62	68,25	11,13	4,53	6	6	2	3	1	17
2003	17	2,60	68,52	11,20	4,41	2	2	1	2	0	7
2004	20	2,59	68,86	11,26	4,29	2	2	1	2	0	5
2005	19	2,57	69,14	11,30	4,16	2	2	1	1	0	4
2006	18	2,56	69,47	11,38	4,04	2	2	1	0	0	3
2007	18	2,55	69,79	11,43	3,94	4	4	1	0	0	7
2008	16	2,54	70,08	11,49	3,85	7	7	2	0	1	21
Σ	208	–	–	–	–	34	34	26	17	4	115
Вторая волна: 2009–2019 гг.											
2009	20	2,52	70,41	11,56	3,78	22	9	1	1	4	37
2010	21	2,51	70,68	11,66	3,72	0	4	1	1	0	6
2011	22	2,49	70,97	11,80	3,67	2	2	2	1	0	7
2012	23	2,48	71,22	11,97	3,64	14	3	2	1	0	20
2013	24	2,47	71,46	12,16	3,60	1	3	2	1	0	7
2014	26	2,46	71,69	12,39	3,57	1	3	2	1	0	7
2015	24	2,45	71,86	12,65	3,54	1	2	2	1	0	6
2016	22	2,44	72,06	12,97	3,51	1	4	2	1	0	8
2017	21	2,43	72,23	13,31	3,46	0	3	2	1	н.д.	6
2018	19	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1	4	1	1	н.д.	7
2019	17	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0	0	1	1	н.д.	2
Σ	239	–	–	–	–	43	37	18	11	4	113

* Демографические и экономические факторы, направляющие реформы, даются с использованием системы оценки необходимости реформирования пенсионных систем Всемирного банка [Whitehouse 2012].

Источники: Столбец 2 – Число реформ – сформированный перечень направлений реформирования пенсионных систем за 1994 – 2019 гг. по 24 странам за соотв. периоды.

Столбцы 3–6: Коэффициент фертильности (Fertility rate, total (births per woman)), Ожидаемая продолжительность жизни (Life expectancy at birth, total (years)), Коэффициент возрастной зависимости (Age dependency ratio, old (% of Working-age population)) – World Bank Database.

Столбцы 7–11: Число макроэкономических шоков.

Столбец 7 – Число шоков по показателю «Темп роста реального мирового ВВП, % (Gross domestic product, constant prices, annual growth, % (World))». World Bank Database. Определяется как шок первого типа «ухудшение индикатора более чем на 75%», рассчитывается как ежегодный темп роста в процентах относительно предыдущего года. В случае отрицательного роста (падения) на величину более 75% фиксируется как макроэкономический шок.

Столбец 8 – Число шоков по показателю «Дефицит бюджета, % к ВВП (General government deficit, % of GDP)», OECD Data. Определяется как шок первого типа «ухудшение индикатора более чем на 75%» по аналогии со столбцом 7.

Столбец 9 – Число шоков по показателю «Госдолг, % ВВП (Central government debt (Percent of GDP), IMF (174 countries))». Определяется как шок первого типа «ухудшение индикатора более чем на 75%» по аналогии со столбцом 7.

Столбец 10 – Число шоков по показателю «Уровень безработицы, % (Unemployment rate, %), WEO IMF (113 countries))». Определяется как шок второго типа «более чем двукратное ухудшение индикатора относительно среднего по группе значения», рассчитывается для каждого года.

Столбец 11 – Число шоков по показателю «Расходы на пенс. обеспечение, % ВВП (Pension spending, % GDP), OECD Data. Определяется как шок первого типа «ухудшение индикатора более чем на 25%», рассчитывается как ежегодный темп роста в процентах относительно предыдущего года. В случае положительного роста на величину более 25% фиксируется как макроэкономический шок.

Таблица 2. Макроэкономические шоки и интенсивность пенсионных реформ: вторая волна (2009–по н. в.), включая прогноз до 2023 г.

Table 2. Macroeconomic Shocks and Intensity of Pension Reforms: the Second Wave

Страна	Темп роста реального ВВП, %	Дефицит бюджета, % ВВП %	Госдолг, % ВВП	Уровень безработицы, %	Расходы бюджета на пенсии, % ВВП	Число макроэкономических шоков		Баллы за интенсивность реформ					
								2 волна			1 волна		
								2 вол.	1 вол.	С	П	Σ	С
Страны с активными структурными преобразованиями (больше 30 баллов)													
PL	0	0	0	0	0	0	5	70	34	104	49	25	74
GB	1	0	0	0	0	1	4	68	40	108	31	39	70
NO	1	1	0	0	0	2	2	63	4	67	16	4	20
RU	2	4	0	0	0	6	4	42	21	63	32	5	37
EE	1	2	0	0	1	4	6	34	20	54	28	7	35
CZ	2	1	0	0	0	3	1	33	29	62	0	31	31
CL	1	3	0	0	0	4	2	30	35	65	24	0	24
PT	3	0	7	0	0	10	2	30	53	83	7	30	37
Страны с умеренными структурными преобразованиями (от 10 до 30 баллов)													
IT	2	2	11	0	0	15	15	27	42	69	37	41	78
FI	2	4	0	0	1	7	1	27	91	118	7	31	38
HU	2	2	0	0	0	4	3	26	27	53	49	41	90
SK	1	0	0	0	1	2	8	25	22	47	21	14	35
DK	2	5	0	0	0	7	6	23	45	68	0	26	26
KZ	0	2	0	0	н.д.	2	2	22	13	35	46	5	51
MX	1	1	0	0	1	3	5	22	7	29	23	3	29
SH	1	1	0	0	0	2	2	21	39	60	0	33	33
FR	2	0	0	0	0	2	1	14	82	96	14	52	66
AU	3	1	0	0	0	4	1	13	14	27	7	16	23
BE	2	1	0	0	0	3	14	13	38	51	0	37	37
Страны с низкими структурными преобразованиями (менее 10 баллов)													
NL	2	2	0	0	0	4	5	8	32	40	0	34	34
AR	5	2	0	0	н.д.	7	13	7	0	7	32	19	51
SE	2	2	0	0	0	4	3	6	34	40	34	20	54
DE	2	1	0	0	0	3	3	0	69	69	20	28	48
ES	3	0	0	11	0	14	7	0	62	62	0	10	10
Σ	43	37	18	11	4	113	115	624	853	1477	477	551	1031

Источники: Коды стран: AU – Австрия, DK – Дания, FI – Финляндия, FR – Франция, DE – Германия, IT – Италия, BE – Бельгия, NL – Нидерланды, NO – Норвегия, PT – Португалия, ES – Испания, SE – Швеция, SH – Швейцария, GB – Великобритания, CZ – Чехия, PL – Польша, HU – Венгрия, EE – Эстония, SH – Швейцария, SK – Швеция, MX – Мексика, AR – Аргентина, CL – Чили, RU – Россия, KZ – Казахстан).

Данные по первой волне справочные [Жукова 2019]. Реформы: С – структурные, П – параметрические (типология реформ по [Chand et al. 1996]). Источники показателей – см. табл. 1.

Комментарий: балльная оценка интенсивности реформ проводится с использованием разработанного на первом этапе исследования классификатора пенсионных реформ. Выделение позиций классификатора – результат качественного анализа, систематизации и детализации направлений реформирования, выделяемых в докладах ОЭСР «Взгляд на пенсии» (Pension at a Glance) за 1994–2017 гг. Позициям классификатора экспертным путем присвоены баллы в диапазоне от 3 до 10 (выше балл – глубже преобразование). Структурные изменения – 4–10 баллов, параметрические – 3–7 баллов. Классификатор представлен в первой статье [Жукова 2019].

По большому числу стран отмечен переход на гибкие параметры пенсионной системы (определение общих условий выхода на пенсию и порядка ее расчета и индексации без фиксации конкретных параметров) в привязке к динамике продолжительности жизни и возможностям пенсионной системы. Детально направления реформирования пенсионных систем во вторую волну представлены следующим:

1. *Трансформация накопительного сегмента от обязательного к добровольному, от государственного к частному, рост регулирования.*

1.1. Контрреформы накопительных схем (30% стран из 24) (табл. 3, табл. 4).

Переход к добровольному участию, предложения по переводу накоплений в солидарную часть (Россия, Польша, Венгрия, Словакия). Национализация пенсионных накоплений (Польша (в части), Венгрия), мораторий на их формирование (Россия), закрытие накопительных схем (Чехия⁹) (табл. 3, табл. 4). Создавались NDC-компоненты¹⁰ как дополнительные (Казахстан) или как результат трансформации DB-схем¹¹ (Нидерланды) [The 2018 Pension Adequacy Report 2018].

1.2. Развитие добровольного накопительного компонента (30% стран), в том числе: вводились новые планы (Великобритания, Польша), обязательные для создания работодателями, а также государственные планы с широким отраслевым охватом. Поддерживались действующие корпоративные планы (Германия и Нидерланды) [The 2018 Pension Adequacy Report 2018].

1.3. Ограничения накопительных схем (60% стран).

Снижение нормативной доходности, ужесточение условий управления пенсионными накоплениями (Польша, Россия, Эстония, Португалия, Венгрия, Казахстан, Швейцария); повышение возраста получения накопительной пенсии (Великобритания, Норвегия, Дания), переход на балльные системы оценки пенсии (добровольные схемы в Бельгии, Швейцарии); сокращение государственных гарантий (Словакия, Казахстан, Бельгия) (табл. 3, табл. 4).

1.4. Укрепление обновленных накопительных схем (50% стран).

Расширялись: направления инвестирования (Чили, Италия, Словакия, Мексика, Швейцария, Германия, Нидерланды), источники формирования пенсионных накоплений (Россия – материнский капитал, Эстония – надбавка для родителей с детьми до 3 лет). Государство субсидировало часть накопительного взноса (Чили, Россия – программа софинансирования 2008–2014 гг.). Снижались затраты на управление (Чили, Италия, Словакия, Казахстан). Создавались централизованные информационные пенсионные ресурсы (Чили, Мексика, Франция, Бельгия) (табл. 3, табл. 4).

В таблицах ниже (табл. 3, табл. 4) «р» обозначает проведение указанного в шапке таблицы типа реформ в данной стране (надстрочный индекс над буквой «р» конкретизирует содержание реформы с отсылкой к комментарию под таблицей; «-р» обозначает проведение реформы, обратной указанному в шапке таблицы типу реформ (контрреформы, возврат назад)).

9 Добровольная накопительная схема 2012–2015 гг.

10 Notional defined contributions – условные схемы с установленными взносами. Зачисляемая на пенсионные счета доходность инвестирования накоплений определяется и устанавливается государством, а не определяется на 100% рыночной доходностью.

11 Defined benefit – пенсионные схемы с установленными выплатами.

Таблица 3. Пенсионные реформы во вторую волну (2009–2019 гг.), р – реформы, (–р) – контрреформы

Table 3. Pension Reforms of the Second Wave Across Countries: Growth Phase (2009–2019), р – Reforms, –р – Counter Reforms

Страны	Накопительная часть					Солидарная часть							Поддержка экономики (п. 2.4)
	Создание и существ. модификация (п. 1.1–2.1)					Снижение обязательств (п. 2.2–2.4 ниже)					Поддержка (п. 2.2–2.3 ниже)		
	Обязательные	Добровольные	Механизмы поддержки	Ужесточение условий	Новые схемы, изменение старых	Повышение возраста	Изменения в формулах	Ограничение досрочного выхода	Стимулирование позднего выхода	Ограничение высоких пенсий	Солидарных систем	Населения с низкими доходами	
PL	−p ^{1,2,3}	p, p ⁶	p	p ⁴		p, −p ⁷	p	p					
GB		p ⁶	p	p ⁵	p ⁸ , p ⁹	p, −p ⁷	−p ¹⁰		p			p	−p ¹¹
RU	−p ³ , −p ¹³	p ⁶	p ¹²	p ^{4,44}		p	p ¹⁴	p			p ¹⁵		
NO		p	p	p ⁵	p ⁸ , p ⁹						p		
EE			p, p ¹²	p ⁴		p					p		
CZ		p, −p ¹⁶				p, −p ⁷	p ¹⁰			p		p	
PT				p ⁴			p	p*, −p	p	p ¹⁸	p ¹⁷	p	p
CL			p ^{19, 20, 21, 22, 23}			p					p ²⁴ , p ^{24, 30, 17}	p	
FI					p, p ^{26, 27, 28}	p ²⁸	p ¹⁰	p	p		p ¹⁵ , p ^{8, 22, 23} , p ²⁷	p	p ¹¹
IT			p ^{22, 21}		p ²⁹	p, p ²⁸ , −p		p*(I)			p ^{17, 30}		
HU	−p ^{3, 2}			p ⁴			p, p ³¹	p					p ¹¹
SK	−p ³ , −p ³²		p ^{22, 21}	p ³³			p ¹⁰			p ³⁴		p	
DK				p ⁵				p	p		p ³⁵		
KZ	p ³⁶		p ²¹	p ⁴ , p ³³	p ³⁷	p	p ²⁷						
MX			p ^{23, 22}		p ⁹							p	
SH			p ²²	p ^{14, 4, 14, 4}					p		p ¹⁷ , p ^{17, 30}		
FR		p ¹⁴	p ^{23, 38}			p, p ²⁸	p, p ³⁹ , −p ³⁹ , p ⁴⁵	p*	p		p ^{23, 38} , p, p ¹⁷ , p ⁴⁵	p	p ^{11, 18}
BE			p ^{23, 38}	p ^{33, 14, 19}		p		p					
AU					p ²⁹				p			p	
DE						−p		p*	p*	p ³⁴	p ^{41, 17}	p	p ¹¹
NL			p*, ^{6, 22}			p, p ²⁸					p ⁸		
ES						p		p*	p		p	p	p ⁴³
SE			p ³⁸ , p						p		p ³⁸		p ¹⁸ , p ⁴³
AR							p ¹⁰						

Источники: направления реформирования пенсионных систем за 1994–2019 гг. по 24 странам с использованием отчетов ОЭСР: OECD Pension at a Glance [OECD 2007, pp. 58–60; OECD 2009, pp. 90–94; OECD 2013, pp. 27–40; OECD 2015, pp. 34–43; OECD 2017, pp. 32–40]. Цифры и сноски – см. комментарии к таблице ниже.

Таблица 4. Объявленные пенсионные реформы в 2019 г., p – реформы, –p – контр-реформы

Table 4. Declared Pension Reforms of the Second Wave in 2019, p – Reforms, –p – Counter Reforms

Страны	Накопительные схемы			Солидарные схемы					
	Обязательные	Поддержка	Рост регулирования	Новые схемы, изменение старых	Повышение возраста	Стимулирование позднего выхода	Поддержка	Поддержка населения с низкими доходами	Поддержка экономики (п. 2.4)
EE				p ⁴⁶ (p 2021), –p ¹⁶	p (p 2027) ²⁸				
CL				p ²⁵			p ¹⁷		
SH			p ^{14, 4}		p			p	
FR				p ^{38, 40}					
BE		p ²	p ^{14, 19}						
DE		p ^{6, 22}					p ¹⁷		p ¹¹
NL	p(!)	p ^{6, 22}			–p	p	p ⁴² , –p ^{24, 30} , –p ¹⁷ (!!)		
ES									p ⁴³
SE			p ⁴⁴						

Источник: [The 2018 Pension Adequacy Report]. Дополнительно: Эстония – Закон о пенсионной реформе от 12.12.2018; Чили – Chile's administration pension reform bill, 2018.

Комментарии к табл. 3, Международные коды стран – см. табл. 2.

* – Множество направлений. (!) – Конституционный суд признал недействительным большую часть решений. (!!)) – Рассматривались как варианты.

(1-10) ¹ Снижение доли взносов в накопительную часть. ² Национализация части накоплений. ³ Замена обязательного участия на участие по выбору. ⁴ Ограничение направлений инвестирования, снижение нормативов доходности.

⁵ Ужесточение условий получения пенсии (налогообложение, стаж). ⁶ Корпоративные. ⁷ Снижение планки повышения пенсионного возраста. ⁸ Изменение DB-схем. ⁹ Новая государственная пенсионная система. ¹⁰ Снижение размеров индексации, (–) – повышение размеров.

(11-20) ¹¹ Снижение взносов для работодателей, (–) – повышение взносов. ¹² Расширение источников формирования пенсионных накоплений. ¹³ Мораторий на их формирование. ¹⁴ Новый порядок расчета пенсии, баллы. ¹⁵ Повышение пенсий. ¹⁶ Закрытие (отмена льготных) пенсионных схем. ¹⁷ Повышение взносов, доплаты и др. ¹⁸ Налогообложение. ¹⁹ Дополнительные сборы с высоких пенсий. ²⁰ Добровольные схемы. ²⁰ Субсидия государства на взносы.

(21-30) ²¹ Снижение затрат на управление пенсионными накоплениями. ²² Расширение направлений инвестирования, возможностей выбора. ²³ Рост информационной прозрачности. ²⁴ Расширение охвата. ²⁵ Дифференциация условий по категориям лиц. ²⁶ Льготы и преференции. ²⁷ Привязка к доходу. ²⁸ Привязка к продолжительности жизни. ²⁹ Схемы раннего выхода на пенсию. ³⁰ Для самозанятых.

(31-40) ³¹ Привязка индексации пенсий к росту ВВП. ³² Трансформация обязательных схем в добровольные. ³³ Снижение госгарантий. ³⁴ Потолок максимального дохода для расчета пенсии. ³⁵ Централизация институтов. ³⁶ Ввод NDC-компонента (см. ниже). ³⁷ Возврат к распределительной системе в составе корпоративных планов. ³⁸ Единый для всех пенсионных программ. ³⁹ Изменение стоимости пенсионного балла в сторону снижения, (–) – в сторону роста. ⁴⁰ Унификация администрирования.

(41-44) ⁴¹ Компенсационные платежи для досрочного выхода на пенсию. ⁴² Большая свобода в распоряжении накоплениями (оплата ипотеки и др.). ⁴³ Пересмотр параметров пенсионной системы в зависимости от продолжительности жизни. ⁴⁴ В части инвестиционных фондов, рост требований, сокращение количества. ⁴⁵ Смягчение условий верификации дохода для расчета пенсии. ⁴⁶ Гибкие условия формирования и назначения пенсии.

2. *Расширение солидарного компонента, рост солидарности.*

2.1. Укрепление солидарного компонента (80% стран), в том числе: поддержка пенсий для населения с низкими доходами (Великобритания, Чехия, Португалия, Чили, Финляндия, Словакия, Мексика, Швейцария, Франция, Австрия, Германия, Испания); ограничение высоких пенсий (дополнительные сборы на более высокие пенсии – Португалия Чехия, 2019 г.); потолок принимаемого к расчету пенсии дохода (Германия, Словакия).

Повышались взносы (Португалия, Чили, Италия, Швейцария, Франция, Германия, Нидерланды), росла информационная прозрачность (Финляндия, Франция). Реже повышались пенсии (Россия¹²), гарантировался досрочный выход при внесении компенсационных платежей (Германия), расширялись пенсионные права (10% взносов в оплату ипотеки, Нидерланды).

2.2. Ввод новых солидарных схем и изменение старых (45% стран).

Вводились солидарные схемы для населения с низким доходом (Великобритания, Эстония, Норвегия, Мексика, Финляндия, в Казахстане – как дополнительные к корпоративным). Изменения солидарных схем осуществлялись в Великобритании (схемы для парламентариев) и в Норвегии (переход с DB- на NDC-схемы¹³). Вовлекались самозанятые (Чили, Италия, Испания, Швейцария) (табл. 3, табл. 4).

2.3. Курс на снижение солидарных обязательств (100% стран).

В 12 из 24 стран повышался пенсионный возраст (Польша, Великобритания, Россия, Чехия, Чили, Италия, Казахстан, Франция, Бельгия, Нидерланды,

Испания), с привязкой к динамике продолжительности жизни (Финляндия, Франция, Италия, Нидерланды). В Польше, Великобритании, Чехии ориентиры повышения пенсионного возраста были снижены (табл. 3, табл. 4). В 6 из 24 стран изменились формулы индексации пенсий. Это снижение коэффициентов (Чехия, Финляндия, Словакия, Аргентина), гибкий выбор индикаторов: смешанные (Польша – инфляция и темп роста заработных плат) или выбор одного из них (Венгрия – инфляция, темпы роста ВВП).

В трех странах изменился порядок расчета пенсии: переход на баллы (Россия, Франция), зависимость только от трудового стажа (Эстония).

В 11 странах ограничивался досрочный выход на пенсию (Португалия, Италия, Франция, Германия, Испания, Польша, Россия, Финляндия, Венгрия, Дания, Бельгия) (табл. 3, табл. 4). Применялись:

- отмена планов с досрочным выходом; существенное снижение пенсии (Польша, Франция), налогообложение выплат при досрочном выходе (Дания);
- приостановка досрочного выхода в государственных схемах (Португалия, Финляндия, Венгрия, Бельгия); повышение минимального периода взносов (Испания, Россия¹⁴)¹⁵; в 10 странах стимулировался поздний выход на пенсию (снижение страховых взносов, гибкие условия их уплаты, государственные компенсации (Португалия, Австрия, Германия, Нидерланды, Швейцария); единовременный платеж, повышенный налоговый вычет и налоговый кре-

12 Валоризация пенсии (переоценка пенсионного капитала с учетом советского трудового стажа) в 2010 г.

13 Notional Defined Contributions – условные схемы с установленными взносами.

14 При сохранении льгот отдельным категориям и работникам, занятым в тяжелых условиях труда.

15 В Италии часть ограничений досрочного выхода отменена решением Конституционного суда в 2015 г.

дит (Финляндия, Швеция, Великобритания); регламентация трудовых отношений с работодателем (Дания, Франция, Великобритания); увеличение пенсии (Австрия, Испания)) (табл. 3, табл. 4).

2.4. Регулярный пересмотр параметров пенсионной системы.

Это привязка к динамике продолжительности жизни: а) пенсионного возраста (Нидерланды – с 2022 г., Эстония – с 2027 г., Чехия, Бельгия, Португалия, Финляндия, Италия, Дания, Испания – с 2019 г.), б) минимального периода взносов (Франция); в) размера пенсии (Португалия); регулярный пересмотр всех параметров (Испания, Швеция, Португалия, Норвегия) (табл. 3, табл. 4).

В 6 странах против 10 в первую волну снижались пенсионные взносы для работодателей (Финляндия, Венгрия, Франция, Португалия), в том числе: расширялось налогообложение пенсий, вводились сборы на пенсии выше установленного уровня (Португалия, Франция, Швеция) (табл. 3, табл. 4).

Интенсивность структурных реформ во вторую волну и их связь с макроэкономическими шоками (2009–2019 гг.)

Структурные реформы по общему определению подвержены меньшему воздействию конъюнктурных факторов, преследуют долгосрочные цели, реализуются длительный период времени, несмотря на снижение или рост числа макроэкономических шоков. Вместе с тем параметрические реформы в сложившихся макроэкономических условиях («утяжеление» рецессий и более медленное восстановление за счет большего участия в мировом экономическом росте стран с разви-

вающимися экономикой) испытывают большее влияние макроэкономических и политических факторов, во многом определяют их конъюнктурную составляющую (см. выше анализ накопленного опыта).

Анализ интенсивности реформ проводится по исследуемой совокупности из 24 стран в сравнении с первой волной по двум направлениям:

(1) *Динамика интенсивности структурных реформ.*

Во вторую волну выросла группа стран со средней активностью структурных реформ 10–30 баллов (11 вместо 7 в первую волну) (табл. 2). Она пополнилась странами, завершившими основные реформы в первую волну (Италия, Венгрия, Казахстан), и странами, приступившими к «плавному» реформированию пенсионной системы (Австрия, Бельгия, Финляндия, Швейцария, Дания). Сохранили средний уровень интенсивности структурных реформ Словакия, Мексика и Франция. Германия снизила интенсивность преобразований, перейдя в третью группу.

Основное направление преобразований – ввод новых солидарных схем, изменение условий добровольных накопительных схем (подробнее – см. табл. 3, табл. 4). При этом доля параметрических реформ (по балльной оценке) во вторую волну по группе составила 64% (в первую волну – 59%) (табл. 2).

Группа стран с активными структурными преобразованиями (более 30 баллов) осталась в том же количестве (8 стран), что и в первую волну, но с измененным составом. Повысили интенсивность реформ, перейдя в первую группу, Норвегия, Эстония, Чехия, Португалия, Чили. Больше структурных реформ во вторую волну по-прежнему проводили Россия, Великобритания и Польша (о содержании реформ – см. таблицы выше (табл. 3, табл. 4)). Венгрия, Италия, Швеция, Аргентина

снизили интенсивность преобразований, перейдя во вторую и третью группы. Реформы осуществлялись преимущественно за счет структурных преобразований – 61% по балльной оценке (в первую волну – 57%) (табл. 2).

Сократилась *группа стран с низкой эффективностью структурных реформ* менее 10 баллов (5 вместо 9 в первую волну). Без структурных преобразований оставались Испания и Нидерланды. Проводилась корректировка действующих солидарных систем (табл. 2, табл. 3, табл. 4). Сократили реформы с переходом в третью группу Швеция и Аргентина, Германия (завершенность реформ в первую волну). 90% всех преобразований по балльной оценке по этим группам стран осуществлялось посредством параметрических реформ (в первую волну – 56%).

Таким образом, во вторую волну обозначился курс на рост числа и интенсивности параметрических реформ, но он не носил всеобъемлющего характера. С одной стороны, явный перевес параметрических реформ над структурными (90% в пользу последних) был связан с небольшой группой стран (21% из 24). Остальные страны поддерживали достаточно высокий уровень структурных преобразований на фоне небольшого роста или снижения участия параметрических реформ (последние отличаются сравнительно более низкой интенсивностью (см. классификатор¹⁶)).

(2) *Связь интенсивности структурных и параметрических реформ с динамикой макроэкономических шоков.*

Анализ исследуемой совокупности из 24 стран показывает зависимость между ростом числа макроэкономиче-

ских шоков и ростом интенсивности параметрических реформ (за вторую волну по сравнению с первой) у 8 стран (33%) (сумма стран по столб. 5 при условии ≥ 0 по столб. 2, табл. 5), из них 6 стран – с большим ростом интенсивности параметрических реформ, чем структурных (сумма стран по столб. 5 при условии ≥ 0 по столб. 3, табл. 5).

Подтверждается увеличение чувствительности пенсионных реформ к макроэкономическим факторам и их переход в конъюнктурную плоскость с ростом параметрических реформ. Вместе с тем выделяется большая группа стран, поддерживающих интенсивность структурных реформ на более высоком уровне, чем параметрических, несмотря на снижение или сохранение на прежнем уровне числа макроэкономических шоков (33%, 8 стран из 24 – см. сумму по столб. 4 при условии ≥ 0 по столб. 3, табл. 5), из них 5 повысили интенсивность структурных реформ или сохранили ее на прежнем уровне (см. сумму по столб. 4 при условии ≥ 0 по столб. 1, табл. 5).

В целом анализ второй волны пенсионных реформ подтвердил выводы других исследователей о повышении чувствительности реформ к макроэкономической динамике, о росте интенсивности параметрических реформ, о большом сдвиге в сторону конъюнктурного, текущего реформирования под влиянием углубляющихся экономических кризисов (рост присутствия в мировой экономике стран из группы EMDEs (см. выше).

Однако эти тенденции не фиксировались повсеместно. Большая группа стран в равной степени повышала интенсивность и параметрических, и

16 Позициям классификатора экспертным путем присвоены баллы в диапазоне от 3 до 10 (выше балл – глубже преобразование). Структурные изменения – 4–10 баллов, параметрические – 3–7 баллов. Классификатор представлен в первой статье [Жукова 2019].

структурных реформ. Для трети стран приоритетными были долгосрочные структурные преобразования, несмотря на изменчивость экономической и политической конъюнктуры. Это перевод накопительной составляющей (где возможно) в добровольные частные системы (при росте регулирования), развитие масштабных корпоративных планов (см. п. 1.1–1.4). Создавались новые солидарные схемы с большим охватом населения, в т. ч. схемы «для бедных». Расширялся охват старых схем за счет самозанятых (см. п. 2.2).

Солидарная составляющая пенсионных систем была более подвержена конъюнктурным факторам. Преследовались цели защиты текущих пенсионеров с «откатами» назад. Вместе с тем «победил» тренд на сокращение обязательств государства, гарантирование только минимальных пенсий при рас-

ширении охвата (см. п. 2.1, п. 2.3). Новым направлением стала трансформация пенсионной системы с жесткими обязательствами на гибкие системы с неопределенными параметрами будущих выплат (см. п. 2.4).

Таким образом, несмотря на то, что проводимые в части стран в период второй волны конъюнктурные реформы и запустили механизм их разбалансирующего воздействия, они не стали массовыми во вторую волну, что не исключает вероятности их массового развития в будущем. Безусловным остается факт все большей нагрузки на пенсионные системы со стороны как фундаментальных демографических, так и макроэкономических и политических факторов. Из всего этого можно сделать вывод о неизбежном повышении интенсивности пенсионных реформ в будущем.

Таблица 5. Интенсивность структурных и параметрических реформ в связи с динамикой макроэкономических шоков

Table 5. Intensity of Structural and Parametric Reforms Due to the Dynamics of Macroeconomic Shocks

Реформы (интенсивность в баллах), С – структурные, П – параметрические			Макроэкономические шоки (число), М		Итого, число стран
$\frac{C_{II\text{ волна}}}{C_{I\text{ волна}}} (-)$	$\frac{P_{II\text{ волна}}}{P_{I\text{ волна}}} (-)$	$\frac{C_{II\text{ волна}}}{P_{I\text{ волна}}} (-)$	$\frac{M_{II\text{ волна}}}{M_{I\text{ волна}}} \leq 0$	$\frac{M_{II\text{ волна}}}{M_{I\text{ волна}}} > 0$	
1	2	3	4	5	6
≥ 0	≥ 0	≥ 0	5 стран (21%) PL, GB, NO, EE, SK	1 страна (4,2%) RU	6
≥ 0	≥ 0	< 0	2 страны (8,3%) SH, BE	6 стран (25%) CL, PT, FI, DK, FR, ES	8
≥ 0	< 0	≥ 0	–	1 страна (4,2%) CZ	1
≥ 0	< 0	< 0	1 страна (4,2%) NL	1 страна (4,2%) AU	2
< 0	≥ 0	≥ 0	2 страны (8,3%) KZ, MX	–	2
< 0	≥ 0	< 0	2 страны (8,3%) IT, DE	1 страна (4,2%) SE	3
< 0	< 0	≥ 0	1 страна (4,2%) AR	–	1
< 0	< 0	< 0	–	1 страна (4,2%) HU	1
Итого			13 стран (54%)	11 стран (46%)	24

Источник: рассчитано по табл. 2. Международные коды стран – см. там же.

Третья волна: глобальный прогноз

Начало третьей волны будет ускорено последствиями пандемии и ожидаемой рецессии мировой экономики¹⁷. Вероятен быстрый рост числа макроэкономических шоков по всем чувствительным для пенсионных систем индикаторам (рецессия, рост безработицы, всеобщая дефицитность бюджетов, рост социальных расходов, госу-

дарственного долга) и по всем группам стран.

Воздействие фундаментальных демографических факторов будет усиливаться, но их эскалация произойдет в разные периоды для разных стран.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Снижение коэффициента фертильности ниже уровня 2,1, достижение им минимального значения через поколение (30 лет) являются периодами наи-

Таблица 6. Значения и прогноз ожидаемой продолжительности жизни и общий коэффициент фертильности по группам стран (среднее по странам)

Table 6. Values and Forecast of Life Expectancy and Total Fertility Rate by Country Group (Average by Country)

Регионы	1960–1965	1970–1975	1980–1985	1990–1995	2000–2005	2010–2015	2015–2020 (п)	2025–2030 (п)	2045–2050 (п)	2095–2100 (п)
Коэффициент фертильности										
1. Западная и Южная Европа	2,7	2,1	1,7	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	1,8	1,8
2. Восточная, Центральная Европа и Балтия	2,3	2,2	2,1	1,8	1,3	1,4	1,5	1,6	1,7	1,8
3. Латинская Америка	4,9	4,4	3,4	2,8	2,4	2,1	2,1	1,9	1,8	1,8
4. Российская Федерация	2,3	2,0	2,0	1,5	1,3	1,7	1,8	1,8	1,9	1,9
5. Казахстан	4,3	3,5	3,0	2,4	2,0	2,7	2,7	2,4	2,1	1,9
Продолжительность жизни										
Западная и Южная Европа	70,3	72,1	74,5	76,6	78,8	81,4	82,2	83,8	86,4	92,1
Восточная, Центральная Европа и Балтия	69,3	69,9	70,1	70,6	73,4	76,6	77,5	79,1	82,2	88,1
Латинская Америка	60,7	64,6	69,4	72,8	75,5	77,1	78,0	79,8	83,1	89,2
Российская Федерация	67,0	68,2	67,5	66,4	65,3	70,2	71,2	72,9	76,0	83,2
Казахстан	59,4	62,9	67,5	66,9	65,8	70,2	70,0	71,8	75,2	83,1

Источник: до 2015–2020 гг. – WB Database. Индикаторы – Fertility rate, total (births per woman); Life expectancy at birth, total (years). С 2015–2020 гг. – прогноз ООН [United Nations 2017, pp. 32–41]. Рассчитано как среднее арифметическое по группам стран:
– Западная и Южная Европа: Австрия, Финляндия, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, Бельгия, Дания, Германия;
– Восточная и Центральная Европа: Чехия, Эстония, Венгрия, Словакия, Польша.
– Латинская Америка: Аргентина, Мексика, Чили.

17 Прогноз МВФ на 2020 г. – глобальная рецессия с глубиной большей, чем в период мирового финансового кризиса (имеется в виду 2008–2009 гг.) – в заявлении Директора МВФ на Саммите G20 в марте 2020 г.

более сильного давления демографических факторов, усиливающегося с ростом ожидаемой продолжительности жизни. По прогнозу ООН [United Nations 2017], ожидаемая продолжительность жизни будет расти темпами 1,6% в 2015–2020 гг., 2,6% в 2025–2030 гг., 4,2% в 2045–2050 гг., прежде всего за счет стран Африки и Азии [United Nations 2017].

При этом коэффициент фертильности будет снижаться с 2,5 в 2010–2015 гг. до 2,4 в 2025–2030 гг. и до 2 в 2095–2100 гг. Специфика данного коэффициента – сильная дифференциация по странам (табл. 6).

В странах Западной и Южной Европы коэффициент фертильности опустился ниже 2,1 в 1973 г. при ожидаемой продолжительности жизни 72,2 года. Снижение продолжилось до 1,53 к 1998 г. при средней ожидаемой продолжительности жизни 77,8 года. С 1999 г. начинается рост показателя до 1,7 (в 2010 г.) и ожидаемой продолжительность жизни до 80 лет. По прогнозу в 2020–2100 гг. коэффициент вырастет до 1,8, а ожидаемая продолжительность жизни – до 92 лет (табл. 6). Период усиления демографических факторов для этой группы стран – 2003–2028 гг. (30 лет от 1973–1998 гг.).

В странах Восточной и Центральной Европы снижение коэффициента фертильности ниже 2,1 было отмечено в 1981 г.; до минимума 1,25 – в 2003 г. Это существенное давление на пенсионную систему, несмотря на относительно медленный рост ожидаемой продолжительности жизни (табл. 6). Период наиболее сильного давления демографических факторов для этой группы стран – 2011–2033 гг. (30 лет от 1981–2003 гг.).

В странах Латинской Америки снижение коэффициента фертильности

ниже 2,1 было зафиксировано в 2016 г. на фоне ожидаемой продолжительности жизни выше, чем по группе стран Восточной и Центральной Европы. Снижение коэффициента фертильности до минимума в 1,5 ожидается к 2020 г. (табл. 6). Наибольшее влияние демографических факторов придется на 2046–2050 гг. (30 лет с 2016 г., 2020 г.).

В России коэффициент фертильности опустился ниже 2,1 в 1965 г. и поднимался выше 2,1 в 1986–1988 гг. Минимум был достигнут в 1990 г. – 1,15. По прогнозам ООН, рост коэффициента продолжится в 2020–2100 гг. на уровне чуть выше европейских стран (табл. 6). Период усиления демографических факторов – 1995–2020 гг. (25–30 лет от 1965 г. – 2020 г.).

В Казахстане, в отличие от России, при быстрых темпах роста ожидаемой продолжительности жизни (в 1960 г. в России – 66,1, в Казахстане – 58,4; в 2017 г. в России – 72,1, в Казахстане – 73)¹⁸ коэффициент фертильности находился на высоком уровне. Его снижение ниже 2,1 было кратковременным (1997–2003 гг.). Следующее снижение, по прогнозу ООН, – после 2045 г. (табл. 6).

В целом периоды эскалации влияния демографических факторов ожидаются в **2028–2033 гг.** (Европа и Россия), **в 2040–2045 гг.** (Латинская Америка).

Временные рамки третьей волны пенсионных реформ

Первая волна пенсионных реформ – 1994–2008 гг. – вписывается в два бизнес-цикла NBER: с марта 1991 г. по ноябрь 2001 г. и с ноября 2001 г. по июнь 2009 г. (рис. 1). Вторая волна пенсионных реформ 2009–2019 гг. охватывает фазу роста бизнес-цикла с началом в

18 WB Database. Data Source – World Development Indicators. Last Updated Date, April 24, 2019.

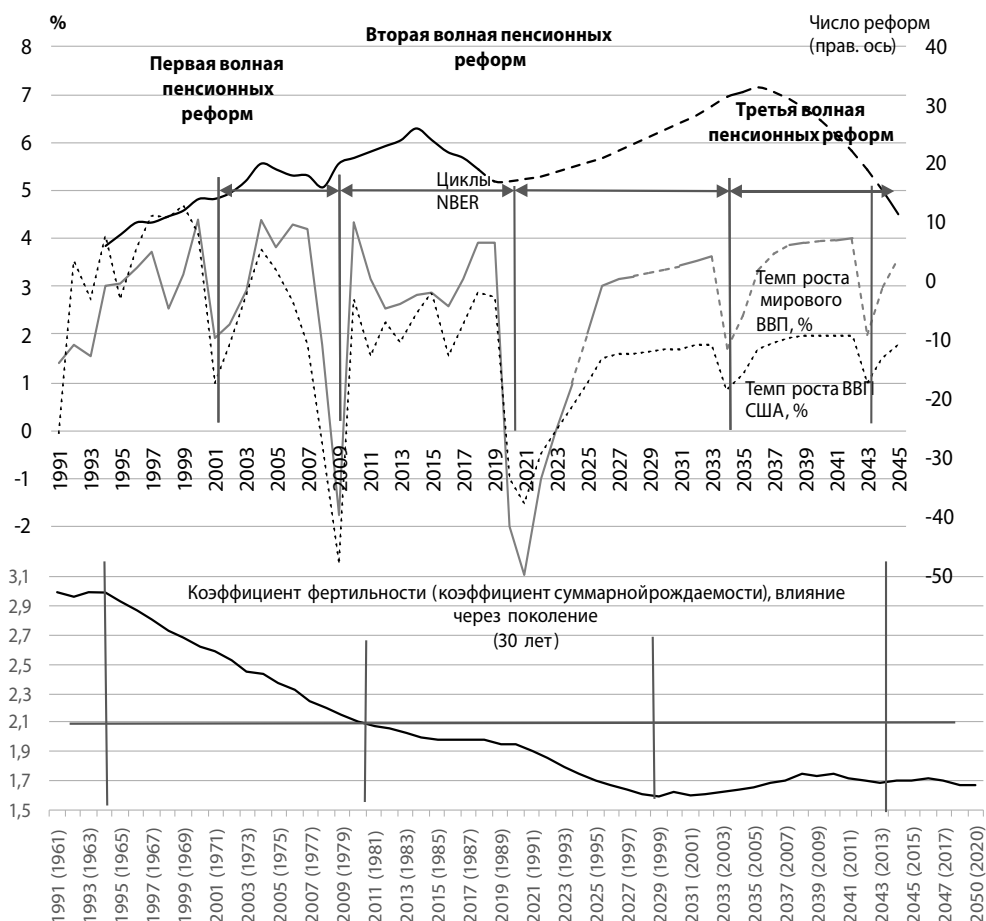
июне 2009 г., с вероятным завершением в 2020 г. и началом длительной нисходящей фазы (рис. 1).

После мирового финансового кризиса 2008 г. восстановление экономики заняло от 1,5 года (США, начало нового бизнес-цикла) до 2–3 лет (для основной группы стран), а по отдельным

странам – до 5 лет. Восстановление после нового кризиса 2020 г. (учитывая его системный характер) с высокой вероятностью может занять до 5–7 лет (накладывается на прогноз ОЭСР до 2060 г. [OECD 2018], рис. 1).

Таким образом, восходящая фаза третьей волны пенсионных реформ с

Рисунок 1. Демография, экономические циклы и волны пенсионных реформ
Figure 1. Demographics, Economic Cycles, and Waves of Pension Reforms

Источник: Темпы роста ВВП – World Bank Database. Число реформ – проклассифицированный [Жукова 2019] перечень направлений реформирования пенсионных систем за 2009–2019 гг. по 24 странам. Циклы NBER – выделенные NBER бизнес-циклы (<https://www.nber.org/cycles/cyclesmain.html>). Коэффициент фертильности – World Bank Database. Индикаторы – Fertility rate, total (births per woman).

С 2020 г.: темпы роста ВВП – прогноз ОЭСР до 2060 г. [OECD 2018, GDP long-term forecast (indicator)], скорректированный на ожидаемую рецессию. Коэффициент фертильности – демографический прогноз ООН до 2100 [United Nations 2017].

ожидаемым началом в 2020 г. будет подержана макроэкономическими шоками нисходящей фазы бизнес-цикла примерно в 2020–2027 гг. вкпе с ожидаемым обострением демографических факторов в 2028–2029 гг. (рис. 1, табл. 6). Это создаст условия для мощного длительного подъема третьей волны пенсионных реформ (рис. 1) и ее постепенного завершения вплоть до нового обострения влияния демографических факторов (по прогнозам, к 2045 г.) (или очередного «черного лебедя», способного прервать нисходящую фазу третьей волны пенсионных реформ) (рис. 1).

Ожидаемые направления реформирования в третью волну

С учетом специфики кризиса 2020 г. заданный во вторую волну реформ вектор на «приватизацию» накопительных схем и снижение обязательств государства может быть скорректирован. С 2007 по 2009 г. по странам ОЭСР расходы на пенсионное обеспечения выросли с 6,7 до 7,7% ВВП, с 2011 по 2014 г. – также резко: до 8,1% ВВП¹⁹. Курс на снижение обязательств государства по солидарным пенсионным планам был взят у всех из рассмотренных во вторую волну 24 стран.

2020 год показал пределы моделей здравоохранения, построенных на частных схемах финансирования. Переоценивается значимость социальных факторов. Слабость институтов социальной защиты в кризисных условиях способна привести к более серьезным последствиям, чем финансовые кризисы. Это сокращение производства и потребления, закрытие предприятий, сужение торгового оборота, рост безработицы,

бедность, экстренное финансирование, беспрецедентные монетарные и бюджетные стимулы. Возросла ценность социальных подушек, систем социальной защиты как условие быстрого восстановления в кризисных ситуациях.

Пенсионная система как важнейшая часть социальной сферы не является исключением. Вероятно *расхождение вектора реформирования пенсионных систем в третью волну* – больше государств и больший охват застрахованных лиц, но ограничение гарантий только минимальными и базовыми пенсиями, ужесточение возрастных и других условий их предоставления. На этом фоне – двусторонний рост солидарности: с одной стороны – повышение взносов для работающего населения, с другой стороны – ограничения размеров и возможностей получения высоких пенсий. Использование больше пенсионной системы для решения социальных проблем (борьба с бедностью), чем экономических (обеспечение достойного коэффициента замещения утраченного заработка).

Интенсивность реформ и охват ими стран будет нарастать. С высокой вероятностью направлениями реформирования пенсионных систем в третью волну пенсионных реформ станут:

1. Курс на централизацию и унификацию систем управления пенсионными планами.

В солидарном компоненте

2. Повсеместное укрепление солидарного компонента. Рост солидарности в формах:

- поддержки минимальных пенсий для населения с низкими доходами;
- ограничения высоких пенсий (дополнительных сборов на высокие пенсии; потолков для принимаемого к расчету пенсии дохода);

¹⁹ Расходы на пенс. обеспечение, % ВВП (Pension Spending, % GDP, OECD Data).

- повышения взносов (возможно, по прогрессивной шкале);
- снижения привязки размера пенсии к размеру выплаченных взносов, большой зависимости от трудового стажа, нежели от страхового.

3. Расширение солидарных схем:

- рост охвата населения солидарными компонентами страхования, в т. ч. за счет самозанятого населения, близких к ним категорий;
- массовое создание (в случае их отсутствия) солидарных схем для населения с низкими доходами, систем минимальных и базовых пенсий.

4. Отказ от снижения государственных пенсионных обязательств при одновременном сужении пенсионных прав и ужесточении государственного регулирования:

- ограничение возможностей досрочного выхода на пенсию, выбора вариантов пенсионного обеспечения;
- запуск очередного этапа пересмотра пенсионного возраста.

5. Переход на гибкие параметры пенсионного обеспечения, «реагирующие» на меняющуюся экономическую ситуацию:

- ввод гибких формул и порядка расчета и перерасчета пенсий, возможность отказа от индексации;
- переход от твердых государственных гарантий к гарантиям предоставления максимально возможного из имеющихся условий;
- гибкие условия выхода на пенсию, включая частую смену установленного возраста выхода, минимального периода взносов в привязке к динамике продолжительности жизни;
- регулярный пересмотр всех параметров пенсионного обеспечения.

В накопительном компоненте

6. Трансформация модели накопительного пенсионного страхования:

- переход к узкому формату добровольного участия: корпоративному (для работников отдельных отраслей, видов занятости), для обеспеченных категорий застрахованных лиц; развитие без поддержки государства;
- в отсутствии крупных обязательных схем государственного пенсионного страхования – переложение обязанности создания и ответственности за их функционирование на работодателей (распространение отраслевых накопительных планов).

7. Популяризация перехода из обязательных накопительных схем в солидарные. В отдельных странах – национализация пенсионных накоплений.

Полнота воплощения на практике обозначенного выше вектора реформирования пенсионных систем в третьую волну будет зависеть от глубины кризисной ситуации с началом в 2020 г. и скорости выхода из нее.

Пенсионные системы мира стоят на пороге третьей продолжительной волны пенсионных реформ с началом в 2020 г. Длительность волны будет определяться очередным бизнес-циклом, подверженным существенному влиянию нового системного мирового кризиса и точками эскалации влияния демографических факторов, включая элемент неопределенности в виде нового «черного лебедя».

В первую волну (1994–2008 гг.) происходил массовый переход стран на многоуровневые пенсионные системы. Во вторую волну (2009–2019 гг.) обозначился тренд на сужение накопительного компонента, его переход в частную форму, снижение обязательств государства по пенсионному обеспечению. В третью волну (с 2020 г.) вероятно расхождение вектора реформирования:

повышение значимости государства как гаранта минимальных пенсий всем застрахованным лицам с расширением их охвата, но за счет переложения части финансовой нагрузки на работающее население и его более высокооплачиваемую категорию. Для пенсионных систем это обернется большим участием государства, расширением охвата застрахованных лиц, акцентом на минимальные пенсии, ростом солидарности, приоритетом борьбы с бедностью над обеспечением достойного коэффициента замещения утраченного заработка.

Третья волна пенсионных реформ будет не только продолжительной по времени, но и более интенсивной по преобразованиям с перевесом структурных реформ по большому числу стран. Полнота реализации обозначенного выше вектора реформирования на практике будет определяться глубиной кризиса с началом в 2020 г. и скоростью выхода из него.

Список литературы

Жукова Т.В. (2019) Волновая природа пенсионных реформ. Первая волна. 1994–2008 гг. // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 6. С. 130–151. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-6

Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E., Dybczak K., Soto M., Tieman A. (2019) The Future of Saving: The Role of Pension System Design in an Aging World // *Staff Discussion Note*, vol. 19. DOI: 10.5089/9781484388990.006

Baoping Sh. (2014) Pension Reform and Equity: The Impact on Poverty of Reducing Pension Benefits // *Equitable and Sustainable Pensions: Challenges and Experience* (eds. Clements B., Eich F., Gupta S.), Washington, DC: International Monetary Fund, pp. 87–99.

Beetsma R., Romp W., van Maurik R. (2019) What Drives Pension Reform Measures in the OECD? Evidence Based on a New Comprehensive Dataset and Theory. 70th Economic Policy Panel Meeting Discussion Paper.

Chand Sh.K., Jaeger A. (1996) Aging Populations and Public Pension Schemes Occasional Paper // *International Monetary Fund*. No. 147.

Chen T., Hallaert J., Pitt A., Qu H., Queyranne M., Rhee A., Shabunina A., Vandenbussche J., Yackovlev I. (2017) *Inequality and Poverty Across Generations in Europe*, Washington, DC.

Holzmann R. (2012) Global Pension Systems and Their Reform: Worldwide Drivers, Trends, and Challenges // *Social Protection and Labour*. Discussion Paper. No. 1213, The World Bank.

Kose M.A., Sugawara N., Terrones M.E. (2020) Global Recessions // *World Bank Prospects Grope Policy Research*. Working Paper. No. 9172.

Leibrecht M., Fong J.H. (2017) Drivers of Market-based Pension Reforms: Crises and Globalisation // *Discussion Paper*. No. ICM-2017-05, Henley Business School.

Natali D. (2018) Recasting Pensions in Europe: Policy Challenges and Political Strategies to Pass Reforms // *Swiss Political Science Review*, vol. 24, no 1, pp. 53–59. DOI: 10.1111/spsr.12297

OECD (2007). *Pensions at a Glance 2007: Public Policies across OECD Countries*. OECD Publishing // https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2007-en.pdf?expires=1554459326&id=id&accname=guest&checksum=885F0687C21FD7F5ABFE16B78963BD94, дата обращения 25.08.2020.

OECD (2009). *Pensions at a Glance 2009: Retirement-income Systems in OECD and G20 Countries*, OECD Publishing // https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2009-en.pdf?expires=1554459129&id=id&acc

name=guest&checksum=8EE6FBB300B-22F10C025146807E30FBD, дата обращения 25.08.2020.

OECD (2013). Pensions at a Glance 2013: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing. DOI: 10.1787/pension_glance-2013-en

OECD (2015). Pensions at a Glance 2015: OECD and G20 indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/pension_glance-2015-en

OECD (2017). Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/pension_glance-2017-en

OECD (2019). Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/b6d3dcfc-en

The 2018 Pension Adequacy Report: Current and Future Income Adequacy in Old Age in the EU. Country Profiles. Volume II (2018) // European Commission Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion Social Protection Committee. Joint Report prepared by the Social Protection Committee

(SPC) and the European Commission // http://ceoma.org/wp-content/uploads/2018/05/PAR_Volume_II_draft_edited-COM.pdf, дата обращения 25.08.2020.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper. No. ESA/P/WP/248.

Verbič M., Spruk R. (2019) Political Economy of Pension Reforms: An Empirical Investigation // European Journal of Law and Economics, vol. 47, pp. 171–232. DOI: 10.1007/s10657-018-9606-7

Whitehouse E. (2012) Pension Indicators: Reliable Statistics to Improve Pension Policymaking // World Bank Pension Indicators and Database; Briefing 1, Washington, DC: World Bank // <http://documents.worldbank.org/curated/en/114161468330910597/Pension-indicators-reliable-statistics-to-improve-pension-policymaking>, дата обращения 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-11

The Second Wave of Pension Reforms (2009–2019): Transformation of Pension Systems Projection

Tatyana V. ZHUKOVA

PhD in Economics, Senior Researcher, Department of International Capital Markets
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,
Russian Federation
E-mail: ttanya2001@gmail.com

CITATION: Zhukova T.V. (2020) The Second Wave of Pension Reforms (2009–2019): Transformation of Pension Systems Projection. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 230–252 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-11

Received: 21.04.2020.

ABSTRACT. *This article is an extension of the article published in «Outlines of global transformations: politics, economics, law» № 6, 2019 [Zhukova 2019], in which explanation of pension waves formation mechanism, its integration in business-cycles, periodization and detailed analyses of the first wave of pension reforms are provided. In this article based on new macroeconomic and forecasted demographic factors, detected episodes of pension reforms the time frame and the characteristics of the second wave (2009 – 2019) is made, the third wave (since 2020) is predicted. The second wave in size is several years shorter than the first wave. It is characterized by more intensive and numerous pension reforms in the background of a similar number of macroeconomic shocks. The reasons for this are macroeconomic problems, the mass element of macroeconomic shocks connected with economic slowdown, budget deficits growth. The shrinking of the second-pillar pension system and its transformation into private hands become massive in scope. The reduction in the government's pension obligations*

is accelerated. The third wave (since 2020) is expected to be the longest and the most intensive. The key characteristic is high probability of macroeconomic shocks connected with all macroeconomic factors sensitive for pension system to all groups of countries, passing the point of tightening of demographic pressures. The thrust of reform is changed to contradictory courses of action. On the one hand state presence, pension system coverage will continue to grow. On the other hand state guarantee (minimum pensions, age and another restrictions on retirement) will continue to decline. The growth of solidarity of public pension systems, of «payments burden» on working people to assure a minimum pensions for older persons, less dependence of the amount of the pension on the total insurance payments made are expected. Funded pensions will become the responsibility of individually insured persons without the financial participation of the State.

KEY WORDS: *waves of pension reforms, structural reforms, parametric reforms,*

counter reforms, macroeconomic shocks, trends, demographic factors, forecast, economic cycles, economic crises

References

- Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E., Dybczak K., Soto M., Tieman A. (2019) The Future of Saving: The Role of Pension System Design in an Aging World. *Staff Discussion Note*, vol. 19. DOI: 10.5089/9781484388990.006
- Baoping Sh. (2014) Pension Reform and Equity: The Impact on Poverty of Reducing Pension Benefits. *Equitable and Sustainable Pensions: Challenges and Experience* (eds. Clements B., Eich F., Gupta S.), Washington, DC: International Monetary Fund, pp. 87–99.
- Beetsma R., Romp W., van Maurik R. (2019) *What Drives Pension Reform Measures in the OECD? Evidence Based on a New Comprehensive Dataset and Theory*. 70th Economic Policy Panel Meeting Discussion Paper.
- Chand Sh.K., Jaeger A. (1996) Aging Populations and Public Pension Schemes Occasional Paper. *International Monetary Fund*. No. 147.
- Chen T., Hallaert J., Pitt A., Qu H., Queyranne M., Rhee A., Shabunina A., Vandenbussche J., Yackovlev I. (2017) *Inequality and Poverty Across Generations in Europe*, Washington, DC.
- Holzmann R. (2012) Global Pension Systems and Their Reform: Worldwide Drivers, Trends, and Challenges. *Social Protection and Labour. Discussion Paper*. No. 1213, The World Bank.
- Kose M.A., Sugawara N., Terrones M.E. (2020) Global Recessions. *World Bank Prospects Grope Policy Research*. Working Paper. No. 9172.
- Leibrecht M., Fong J.H. (2017) Drivers of Market-based Pension Reforms: Crises and Globalisation. *Discussion Paper*. No. ICM-2-017-05, Henley Business School.
- Natali D. (2018) Recasting Pensions in Europe: Policy Challenges and Political Strategies to Pass Reforms. *Swiss Political Science Review*, vol. 24, no 1, pp. 53–59. DOI: 10.1111/spsr.12297
- OECD (2007). Pensions at a Glance 2007: Public Policies across OECD Countries. OECD Publishing. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2007-en.pdf?expires=1554459326&id=id&accname=guest&checksum=885F-0687C21FD7F5ABFE16B78963BD94, accessed 25.08.2020.
- OECD (2009). Pensions at a Glance 2009: Retirement-income Systems in OECD and G20 Countries, OECD Publishing. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2009-en.pdf?expires=1554459129&id=id&accname=guest&checksum=8EE6FBB-300B22F10C025146807E30FBD, accessed 25.08.2020.
- OECD (2013). Pensions at a Glance 2013: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing. DOI: 10.1787/pension_glance-2013-en
- OECD (2015). Pensions at a Glance 2015: OECD and G20 indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/pension_glance-2015-en
- OECD (2017). Pensions at a Glance 2017: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/pension_glance-2017-en
- OECD (2019). Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/b6d3dcfc-en
- The 2018 Pension Adequacy Report: Current and Future Income Adequacy in Old Age in the EU. Country Profiles. Volume II (2018). *European Commission Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion Social Protection Committee. Joint Report prepared by the Social Protection Committee (SPC) and the European Commission*. Available at: <http://ceoma.org/wp-content/uploads/>

2018/05/PAR_Volume_II_draft_edit-ed-COM.pdf, accessed 25.08.2020.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper. No. ESA/P/WP/248.

Verbič M., Spruk R. (2019) Political Economy of Pension Reforms: An Empirical Investigation. *European Journal of Law and Economics*, vol. 47, pp. 171–232. DOI: 10.1007/s10657-018-9606-7

Whitehouse E. (2012) Pension Indicators: Reliable Statistics to Improve

Pension Policymaking. *World Bank Pension Indicators and Database; Briefing 1*, Washington, DC: World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/114161468330910597/Pension-indicators-reliable-statistics-to-improve-pension-policymaking>, accessed 25.08.2020.

Zhukova T.V. (2019) Wavelike Character of Pension Reforms. First-wave 1994–2008 Global Infrastructure in the Digital Age. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 6, pp. 130–151 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-6

США: новые реалии

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

Феномен «нового популизма»: американское измерение

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, ул. Профсоюзная,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2020) Феномен «нового популизма»: американское измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 253–277. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

Статья поступила в редакцию 12.01.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере Соединенных Штатов Америки рассматривается эволюция идейно-политических установок, сущностных характеристик и инструментальных функций современного популизма. Общеизвестно: популизм отличается от других политических течений непосредственной апелляцией к избирателям/народу как к недифференцированной социальной массе и тем самым представляет собой действенное средство мобилизации массовых слоев населения в условиях устойчивого кризиса политической системы и ее институтов. Инструментальная действенность популизма нередко используется для необходимой обществу перегруппировки социальных сил и для придания всей политической системе большей эластичности, для повышения ее отзывчивости к интересам «человека улицы», т. е. рядового избирателя. Правящие группы, особенно в США, научились эффективно использовать популизм в качестве силы, способной сни-

жать накал социальных конфликтов, а также для необходимой им самим интеграции «недовольных» в существующие институты государства. Первым и весьма успешным примером такого рода стал «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, политическим итогом которого стало создание в Америке «общества среднего класса», не восприимчивого к крайностям как правого, так и левого свойства. В настоящее время наложившиеся друг на друга цивилизационный «разлом» и политический кризис вынудили влиятельные силы американского общества вновь обратиться к популизму как к проверенному средству модификации модели развития Америки и успокоения значительной части населения этой страны. Президентские выборы 2016 года наглядно продемонстрировали значительные инструментальные возможности популизма, проявившиеся, в частности, в определенном подновлении социально-экономического курса США. Похожие процессы наблюдаются и в других

«институционализированных демократиях» Запада, что позволяет рассматривать «новый»/«национальный» популизм как относительно устойчивое и долговременное явление социально-политического развития Запада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: популизм, «национальный популизм», кризис американского общества, перегруппировка сил, Дж. Уоллес, Р. Перо, Д. Трамп, социально-имущественные диспаритеты, цивилизационный раскол общества, Ф.Д. Рузвельт

В первой четверти XXI века мир продолжает усложняться как в структурном, так и в организационном отношении. Объективно возникает потребность в инструментарии обновления экономики, политики и самой модели управления обществом. Концентрированным выражением этой потребности стала совокупность инициатив, в политическом обиходе получивших обобщенное именование *повестка развития*. Сегодня «повестка развития» (активный экономический рост, сопряженный с амортизацией социально-имущественных диспаритетов и увеличением занятости для экономически активного населения) стала центральным направлением политики Соединенных Штатов (как, впрочем, и других стран, больших и малых). Новая парадигма развития включает в себя следующие ориентиры: реиндустриализацию хозяйства, в т. ч. за счет «репатриации» промышленного производства; программы (с активным участием государства) подготовки и переподготовки квалифицированной рабочей силы; стимулирующие меры *индикативного* характера для национальных индустриальных укладов, имеющие целью повышение их конкурентоспособности в условиях обостряющегося соперничества за рынки сбы-

та; повсеместно усиливающийся протекционизм, защищающий национальное предпринимательство; приоритетное финансирование *авангардных* отраслей народного хозяйства и поддерживающих их НИОКР и т. п.

Появление на политической авансцене Дональда Трампа и подобных 45-му президенту США фигур не кажется случайным. Видимо, тенденции, вынесшие на поверхность тех, кого все чаще называют *новыми популистами*, начали формироваться далеко не вчера. Да и сам феномен Д. Трампа как косвенная реакция на «цифровизацию» и «депатриацию» американской экономики состоит в том, чтобы, употребляя стилистику времен Ф.Д. Рузвельта, «спасать капитализм от капиталистов». Речь идет (а Америка выступает пионером данного тренда) о реорганизации хаотично развивающихся экономических процессов, о восстановлении *динамического равновесия* между принципами этатистского дирижизма и рыночной спонтанности, т. е. о выстраивании необходимой обществу модели отношений, сопрягающей государственную интервенцию и частную инициативу. В прошлом подобную модель было принято именовать государственно-монополистическим капитализмом (ГМК). Новая общественная реальность активно вторгается в сферу политических отношений, в частности в развитие идеологических течений.

Популизм: социальные истоки, сущностные характеристики, политические функции

Обычно под *популизмом* понимаются идейные установки и социальная практика, ориентированные на привлечение в политику широких слоев народа «поверх» классовых и профессиональных барьеров. Популизм, как

показывает история, апеллирует к избирателям (в условиях политических систем *открытого* типа) как к недифференцированной социальной массе, акцентируя защиту интересов «простого человека» и выступая от имени «всего народа». Советский исследователь-востоковед Н.И. Калашников (1946–2002), характеризуя *стадиальные* типы популизма, выделял два основных подвида данного явления: 1) «традиционный (т. е. до- и раннеиндустриальный) популизм» (в этот подвид популизма включалась и деятельность бывших функционеров коммунистических партий стран Восточной Европы, ставших под влиянием благоприятной политической конъюнктуры «глашатаями демократии») и 2) «популизм политической культуры», связывая этот феномен с развитием индустриального способа производства и с деятельностью таких выдающихся личностей, как Франклин Делано Рузвельт (1882–1945). Очевидно, что *популизм политической культуры* не мог возникнуть, прежде чем развитие индустриального капитализма не достигло известной стадии зрелости, а политика не превратилась в наиболее массовое общественное явление современности.

Социальными истоками и, одновременно, условиями возникновения популизма были резкое обострение кризисных явлений в воспроизводстве общества и его хозяйственной системы при переходе социума на новый, более высокий уровень равновесия, переходе, требовавшем изменения/модернизации всей системы экономических и политических институтов. Более конкретными причинами возникновения

популизма принято считать «тяжелое социально-экономическое положение широких слоев населения» и «непрозрачность политических институтов», тогда как опорными идеями популизма были и остаются «социальная справедливость», «расширение участия народа в управлении»¹, недоверие к властвующей элите, критика неэффективности управления и коррупции в высших эшелонах власти [Популизм б/г]. Сам термин *популизм*, как полагают специалисты, возник в 1890-е гг. в США в связи с деятельностью Популистской (Народной) партии.

Собственно, «социальный заказ» на популизм формируется под воздействием растущей экономико-имущественной *поляризации* американского общества (хотя и не исчерпывается данным обстоятельством). Так, по расчетам экономистов, доля национального богатства, сосредоточенная в руках 0,1% населения США, возросла с 10% в 1980 г. до более чем 20% в настоящее время. Для американского обывателя малозначим факт перераспределения ролей внутри списка-400 от журнала Forbes, а важен результат: процесс концентрации национального богатства в Америке энергично продолжается [Lord 2019].

Феномен популизма, полагает П. Таггарт из Сассекского университета, отличается от идейных течений и движений, которые самостоятельно «формируют партии, создают программы, осуществляют определенную политику и таким образом ведут относительно устойчивую, упорядоченную политическую жизнь». «Популистские движения, – продолжает автор, – имеют свои системы верова-

¹ Вступая в должность, 45-й президент США Д. Трамп заявил, что с его инаугурацией в Америке «власть переходит к народу». Своего предшественника, Б. Обаму, Д. Трамп неизменно называет «слабаком», подчеркивая тем самым отсутствие у последнего опыта управления экономикой.

ний, однако последние аморфны; эти движения [ввиду их внутренней рыхлости] трудно контролировать, организовывать и направлять в нужное русло; их деятельности недостает логики и последовательности, тогда как политическая активность этих формирований знает приливы и отливы, случающиеся с обескураживающей частотой» [Taggart 2002, pp. 1–2]. Популизм как политическая идеология, таким образом, не имеет базовых, не подверженных коррозии ценностей и, подобно «хамелеону», способен приобретать новый окрас в зависимости от смены политических ситуаций. Генетически враждебный к политическим партиям и олицетворяющим их деятельность «традиционным» элитам, популизм защищает простоту (т. е. непосредственность) общения лидеров с народом и прямые действия, которые одновременно выступают инструментом массовой мобилизации населения.

Идейная «пластичность» популизма позволяет этому течению легко заимствовать и обращать себе на пользу такие общесоциальные ценности, как равенство возможностей, общественная справедливость, свобода самовыражения и т. п. Популизм оказывается особо востребованным в периоды *межстадиального* перехода, вызывающие ощущение утраты жизненных ориентиров, «мировоззренческой растерянности» (Алексий II) у массовых групп населения. Своеобразным выходом накопленной отрицательной социальной энергии становится недоверие к «официальным» идеологическим установкам, политическим институтам и практикам, наконец, к

олицетворяющим эти ценности правящим и господствующим группам (ПГГ) (М.А. Чешков), манипулирующим поведением массовых слоев населения. Кризис институтов и «анти-социальное» поведение элит порождают упование на «сильных» лидеров, способных вернуть «заблудившееся» общество к *естественным* человеческим связям и «справедливой» жизни². В этой своей обличительной ипостаси популизм несет *антисистемный* заряд, требуя от ПГГ абсорбции протеста и его адаптации институтами существующей политической системы, пусть даже за счет более или менее существенной модификации последних.

Успешная реализация стратегии Ф.Д. Рузвельта по модернизации и «очеловечиванию» американского капитализма, в результате осуществления которой возникло *общество среднего класса* (не расположенное к экономическим экспериментам как правого, так и левого свойства), казалось бы, окончательно вытеснила популизм из политического дискурса Америки, оставив последний уделом исключительно развивающихся стран / переходных обществ, проходящих через «чистилище» модернизации. Популизм в этом случае рассматривался как «функция» процесса развития в направлении создания «современного» (т. е. индустриального) общества [Di Tella 1997, pp. 187–200]. Однако подобный подход не предполагал, что развитие США и других промышленно развитых стран может сойти с рельсов накатанной десятилетиями траектории и что придется вносить существенные коррективы как в модель *поляризованного* развития (сформиро-

2 Установка на «романтизацию» прошлого характерна и для американского популизма конца XIX – начала XX вв., и для русского народничества, и для латиноамериканских проектов рационального обустройства общества середины XX в. («популизм развития»).

вавшуюся в 1980–2010-е гг.), так и в кодекс поведения правящих элит (точнее, ППГ), обнаруживший разрушительные для всей системы капитализма элементы после самоликвидации Советского Союза. А тем временем, уверен известный американский экономист Р. Рейч (Robert Reich), «значительная часть американского электората, усердно работающая, но не чувствующая уплотнения своих кошельков, наполняется гневом и разочарованием, становясь движущей силой националистического протеста, обращенного против доминирующего истеблишмента, а равно и против таких удобных объектов ненависти, как иммигранты. Политэкономические системы, питающие своими ресурсами незначительное меньшинство на вершине социальной пирамиды, изначально внутренне уязвимы» [Reich 2016, p. xiv].

Позицию экономиста Р. Рейча конкретизирует австралийский политолог П. Кенни (Paul D. Kenny): успех популистов, помимо прочих обстоятельств, логично связывать с отказом избирателей в доверии *традиционным* (т. е. вписанным в систему господствующих политических отношений) партиям и движениям, главная функция которых – связывать избирателей с институтами власти. Разумеется, признает П. Кенни, традиционные партии утрачивают свое влияние в обществе ввиду объективных причин, как то: фискальные кризисы, приобретающие остродраматические формы социально-политических конфликтов, коррупции в среде ППГ, «миграционные стрессы» и т. п. Однако австралийский автор подытоживает сказанное: «Подобные сейсмические сдвиги, или перегруппировки [социально-политических] сил, меняющие политический ландшафт, все чаще связывают с глубоким кризисом системы представительного правления», который определяется специалистами как

«накапливание внутри общества требований социального характера, на которые не может адекватно реагировать сложившаяся система институтов и отношений» [Kenny 2017, pp. 8–9].

Наконец, популизм в США рассматривается со стороны его *инструментальной* функции; леворадикальные авторы рассматривают это течение как *антитезу* либерализму, утвердившемуся в Америке благодаря «новому курсу» Ф.Д. Рузвельта. «Новый курс», согласно представлениям леворадикальных критиков, имел следствием появление своего рода «нового класса» хорошо образованных, профессионально подготовленных и полагающихся на «бюрократические» методы управления элит, которые использовали в своих интересах «технократические инструменты» интервенционистского государства (ГМК), тем самым подорвав позиции слоев и групп, составлявших массовую социальную основу «детища» Ф.Д. Рузвельта – *общества среднего класса*. В этом историческом контексте популизм рассматривается как сила, способная возродить политику на уровне *grassroots* (т. е. у самых оснований социальной пирамиды) и обеспечить «ответственное» участие граждан в политическом процессе. Понятно, что в этой «схеме» популизм рассматривается как *политический проект*, способный вернуть американцам веру в свои возможности [Taggart 2002, p. 21]. Косвенным подтверждением вышеприведенного мнения может служить электоральный успех не только Д. Трампа, но и таких политиков, как Г. Вилдерс (Голландия) и М. Ле Пен (Франция). Эти успехи, помимо прочего, свидетельствуют о том, что сложившиеся в послевоенный период отношения между партиями и избирателями, в частности, препятствовавшие политическому самоутверждению популистов, начали активно разрушаться.

«Историческая» Америка: традиционный популизм и популизм политической культуры

Популизм, видимо, является *побочным* продуктом политической системы США в ее партийном измерении. Рассуждая ретроспективно, мы можем предположить: популизм на различных этапах развития Америки выполнял функцию своеобразного «чистильщика», время от времени освобождая двухпартийную систему от накапливавшихся в ней «дисфункций», способных при отсутствии надлежащей корректировки парализовать и политический, и экономический механизм США. Подобные «дисфункции» возникают тогда, когда двухпартийная система в лице республиканцев и демократов обнаруживает неспособность интегрировать в пространство своего влияния массовидные группы американцев (различной этно-расовой и социально-профессиональной принадлежности), которые начинают искать выход в «третьей силе», способной прямо либо *косвенно* (т. е. посредством воздействия на двухпартийный «агрегат») отстоять их интересы перед государственной властью. Такой «третьей силой» в сознании избирателей стал популизм.

Популистское движение 1880–1890-х гг., давшее рождение Народной партии, воплощало в себе социальные запросы и чаяния, а равно и фрустрацию и ожидания массовых слоев населения Америки, на которые не могли (или не желали) реагировать две основные партии. Более того, популисты предложили (а затем ее использовали) модель политической мобилиза-

ции снизу, аккумулировавшую радикальные перемены в американском обществе, уже назревшие и исключающие революции и насилие. Народная партия, по мнению М. Казина (М. Kazin), черпала свои идеи из глубоко укоренившегося в американском обществе *антиэлитизма*, сопряженного с модернизированными установками Реформации и Просвещения. Популизм как нравственный вызов «традиционным» партиям и политическому истеблишменту позволял американскому правящему классу фиксировать очевидные вызовы существующему порядку вещей, абсорбировать их силами политической системы и тем самым отводить угрозы фундаментальным основам существующего в США общества [Kazin 1995]. Несомненна связь идейных установок популизма 1880–1890-х гг. с требованиями американских рабочих против концентрации богатства у корпораций и репрессивных действий государства в отношении отстаивающих свои права³. «Мы имеем дело с думающим и читающим народом, – констатировал в 1894 г. один из видных деятелей демократической партии (так в тексте – А.В.) – ...и народ сейчас мыслит намного свободнее, чем когда-либо раньше» (цит. по: [История США. Т. 2, с. 116]).

Как и любое идейное течение, американский популизм претерпевал внутреннюю эволюцию, значительное влияние на которую оказала холодная война: антикоммунистическая «охота на ведьм» под патронажем сенатора Дж. Маккарти, «обогащенная» расистскими идейными установками Дж. Уоллеса, в конечном счете трансформировалась в *правый популизм*, олицетворением которого стали президенты

3 Трудно отрицать историческую связь установок раннего популизма и идейной программы «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, в создании «общества среднего класса» видевшего альтернативу классовой борьбе, а равно – крайностям как правого, так и левого свойства.

Р. Никсон и Р. Рейган. Впрочем, П. Таггарт полагает, что популизм в США «вездесущ» и что победы этого идейного течения можно найти практически во всех сегментах американской политической жизни. Причины стойкого сохранения популистских представлений многообразны: это (первоначально) диспаритеты развития между урбанизированным Севером и по преимуществу аграрным Югом, между обилием финансовых ресурсов у первого и их явным недостатком у второго, что в итоге воспроизводило популистскую идеологию как духовно-интеллектуальный «инструмент» преодоления вопиющих экономических и социально-имущественных контрастов между двумя основными историческими макрорегионами страны: «Популистское движение изначально было [исключительно] южным феноменом; однако его будущее было напрямую связано со способностью этого течения распространить свое влияние на штаты Запада» [Taggart 2002, pp. 27, 29].

Идейное и политико-организационное наследие Народной (Популистской) партии соединяло в себе два начала.

1. Популизм заявил о себе как о *независимой* силе по отношению к сложившейся двухпартийной системе и де-факто стал ключевым элементом последующей перегруппировки сил в американском обществе и содержательного (т. е. наполненного новыми идеями и подходами) перестроения (реформирования), казавшего бы, застывшего двухпартийного пространства [Burnham 1970]. Кульминацией этого перестроения стал «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, давший рождение новым социально-политическим коалициям и идеологическим ориентирам. Таким образом, популизм стал провозвестником грядущих перемен в американском обществе, непрямым образом помог и

социуму, и двухпартийной системе переместиться на более высокий уровень равновесия.

2. Популизм придал новый тонус американской политической жизни, не нарушив при этом доминирующую парадигму политической культуры и политического сознания, категорически предпочитавшую всякой революционной деятельности практику социальных, пусть даже радикальных, реформ. И тогда, и в будущем американское общество показывало, что оно оказывает как минимум на шаг впереди революций, действенным субститутотом которой выступают стратегия и тактика потребных обществу политических и экономических реформ.

Политика (причем не только в Америке) – это поле соревнования программ и личностей. Колоритной личностью был, несомненно, Х. Лонг (1893–1935). Его успешной политической деятельности на поприще популизма в немалой степени способствовала Великая депрессия. Х. Лонг возглавлял массовое движение популистского характера против политики «нового курса». Первоначально политик пытался развивать свои идеи на платформе Демократической партии США. Х. Лонг активно выступал против концентрации богатства у узкой группы лиц, резко порицал социальное неравенство, которое, в частности, проявлялось в «несправедливой» системе образования. Правда, его социально-экономическая программа отличалась расплывчатостью: жесткий прогрессивный налог и распределительная политика в пользу беднейших слоев населения родной Луизианы не сопровождались конкретной программой долгосрочных экономических преобразований. Х. Лонгу не удалось сформировать широкую, включающую различные слои и группы социально-политическую коалицию, способную если не бросить вызов тогдашней политиче-

ской системе, то хотя бы повлиять на эволюцию двухпартийной системы за пределами Луизианы [Hair 1991]. Незаурядная личность, Х. Лонг черпал свои идеи из Библии и не придавал серьезного значения работам американских специалистов по экономике [Hair 1991, p. 271].

Феномен Х. Лонга в конечном счете стал важным фактором политической жизни потому, что «либерально-реформистский курс правительства [Ф.Д.] Рузвельта не давал немедленных и ощутимых результатов», тогда как «массы людей были восприимчивы к разного рода программам быстрого и радикального оздоровления общества, подкрепленным изрядной долей антимонополистической риторики. <...> Программа Лонга⁴, как справедливо заметил один из его биографов, несомненно, испортила кровь не одному миллионеру, но она оказалась совершенно непригодной, чтобы излечить систему и искоренить зло» [История США. Т. 3, с. 236, 237]. Доверие избирателей было использовано Лонгом для создания в Луизиане режима личной власти, который позволял контролировать легислатуру штата, административный аппарат, университет и систему среднего образования. Бурную популистскую деятельность Лонга в 1935 г. насильственно завершило убийство сенатора от Луизианы.

Утрата американским популизмом столь яркого лидера на время вытеснила это идейное течение на «периферию» политической жизни США, тем более что программа «нового курса» интегрировала в свою политику некоторые важные требования Х. Лонга. Да и сам Ф.Д. Рузвельт внимательно на-

блюдал за деятельностью своих политических оппонентов, не стесняясь заимствовать у последних идеи, не противоречившие здравому смыслу. *Популизм политической культуры*, или *популизм развития* (как впоследствии нарекли данный феномен в Латинской Америке 1970-х гг.), был, как представляется, рациональной реакцией правящих кругов на усложнение внутренней организации капитализма и на неспособность «свободной игры рыночных сил» спонтанно поддерживать социальное равновесие в обществе. История учит, писал в середине 1990-х гг. известный американский экономист и социолог Л. Туроу, что идеи типа «выживает сильнейший» в отношении капитализма нежизнеспособны. «Экономики свободного рынка, существовавшие в 1920-е гг., взорвались во время Великой депрессии и должны были восстанавливаться силой государственной власти. <...> Также неплохо помнить, что государство всеобщего благосостояния возводилось не сумасбродами – леваками. Его повивальными бабками почти всегда выступали просвещенные аристократы-консерваторы (Бисмарк, Черчилль, Рузвельт), воспринимавшие политику социального благосостояния как средство спасения, но не разрушения капитализма, формой которой была защита среднего класса» [Thurow 1996, p. 250].

Популизм политической культуры, «спасая капитализм от капиталистов», был вынужден действовать от имени общества и в интересах широких слоев общества. Важным социальным инструментом успешности политики «нового курса» было создание

4 Требования Х. Лонга включали в себя прожиточный минимум 5 тыс. долларов в год на семью, предоставление «первичных» жизненных благ (крыши над головой, автомобиля, радиоприемника), закупку федеральным правительством излишков агропродукции, всеобщее образование в объеме колледжа, массивное строительство дорог и т. п. Видимо, сам Х. Лонг в осуществимость своей популистской программы верил слабо, уповав исключительно на *политический* выигрыш.

под эгидой Демократической партии движения, т. е. широкой коалиции заинтересованных в оздоровлении американского общества сил, включавшей в себя горожан различной этнической принадлежности, объединенных в профсоюзы рабочих, белых жителей южных штатов, значительное число избирателей в штатах Запада, католиков, евреев и т. д. Эта «популистская» (т. е. ориентированная на решение *общесоциальных* задач) коалиция позволила Ф.Д. Рузвельту и его сторонникам одержать решительную победу: число мест в Палате представителей у демократов увеличилось с 37,7% в 1929 г. до 72% в 1933 г.; в Сенате успех был не менее впечатляющим – с 40,6% в 1929 г. число мест увеличилось до 61,5% в 1933 г. [Reich 2016, pp. 189–190]. Позволительно предположить, что: 1) *системный* кризис американского капитализма значительно расширил *социальное* пространство политического участия и 2) популизм, апеллируя к избирателям как к *недифференцированной* массе, стал эффективным средством политической мобилизации и, тем самым, укрепления системы политических институтов.

Сама логика политической борьбы заставляла Ф.Д. Рузвельта и его единомышленников совершенствовать приемы общения с избирателями. Надежной логией диалога власти и народа оставался популизм. Накануне президентских выборов 1936 г. большой бизнес и Уолл-Стрит (финансовая элита) подвергали Ф.Д. Рузвельта и его сподвижников («ньюдилеров») бескомпромиссной критике. По отношению к хулителям президент занял позицию «громовержца». Выступая на предвыборном митинге в нью-йоркском «Мэдисон Сквер Гарден», Ф.Д. Рузвельт, помимо прочего, сказал: «Никогда прежде в нашей истории эти силы не были столь едино-

душно настроены против одного кандидата, как сейчас. Они едины в своей ненависти по отношению ко мне – и мне льстит их ненависть» [Reich 2016, p. 160]. Впрочем, единство в ненависти не было абсолютным. Хотя бы потому, что время было суровым. Расстановка сил внутри господствующих классов США была в свое время исчерпывающе описана крупным советским историком-американистом Н.В. Сивачевым: «Крупному капиталу в это время как никогда нужно было энергичное правительство, способное остановить дальнейший спад, вдохнуть силы в капиталистическую систему, не допустить развития массовых движений протеста по революционному пути. Сами лидеры делового мира без помощи государства уже не надеялись на выдвижение таких планов, которые бы нашли общественную поддержку» [История США. Т. 3, с. 214].

Великая депрессия (и сформировавшийся как ее следствие «новый курс») стала «режиссером» социализации массовых слоев населения, ранее бывших отстраненными от реального политического процесса, в силу их недостаточной профессиональной, культурной и территориальной *самоорганизации*. Политические институты США под воздействием экономического кризиса и массового недовольства пережили упадок, но затем благодаря «живительной» силе популизма, воссоединившего власть и массы, сохранили свои позиции в общественной жизни, достигнув нового, более высокого уровня равновесия с социумом. В системе связи «власть – массы» значительная роль принадлежала сильному, перспективно мыслящему и уверенному в своих возможностях руководителю. «Человеческая природа такова, – полагает французский культуролог К. Карпентье де Гурдон, – что люди активнее реагиру-

ют на личные качества руководителей и на достигнутые ими результаты, чем на характер институтов и теоретические достоинства, которые они нелеют» [Carpentier de Courdon 2019]. Атмосферу ожидания положительных изменений в американском обществе выразительно передал Н.В. Сивачев: «Ф. Рузвельт к 4 марта 1933 г. (дню инаугурации – А.В.) уже рассматривался американцами как человек действия, готовый к вторжению государственной власти в те сферы, которые издавна считались заповедным полем частной инициативы и частного предпринимательства. Его ждали в столице как мессию, призванного избавить страну от царивших в течение долгих лет невзгод. Народ хотел видеть нового президента человеком уверенным, оптимистичным и энергичным» [История США. Т. 3, с. 215]. Фраза Ф. Рузвельта «...единственно, перед чем мы должны испытывать страх, – это сам страх» сразу стала классикой американской риторики [там же].

Новый курс Ф. Рузвельта, таким образом, абсорбировал в политическую систему США новые массовые (прежде инертные) слои и группы, с одной стороны, и продемонстрировал *инструментальную* силу популизма по обновлению и партийной системы, и отношений между гражданским обществом и властью – с другой. Впоследствии, особенно в трудные для Америки времена, ПГГ активно использовали популистский инструментарий для сохранения своих позиций в обществе.

Популизм политической культуры имел по крайней мере три долгосрочных последствия для общественной жизни Америки.

1. Популизм стал неизменным, идейным и организационным, спутником процессов перегруппировки социально-политических сил в американском обществе на основе существую-

щих в США партий. После 1933 г. в политической жизни значительно усилились позиции Демократической партии, продемонстрировавшей способность создавать широкие полисоциальные коалиции-движения. Тем самым политическая система США показала свою пластичность, умение адаптироваться к сложным общественным процессам и явлениям.

2. Логическим результатом «нового курса» стало последующее появление в Америке *общества среднего класса*, «популистской» антитезы классовой борьбе и политическим крайностям как правого, так и левого свойства. В послевоенный период данная социально-экономическая модель стала своего рода политическим ориентиром для остального мира, особенно для стран, освободившихся от колониальной зависимости.

3. «Новый курс» сформировал, хотя и не сразу, положительную инерцию экономического роста и развития, которая (в т. ч. под влиянием Второй мировой войны) превратила Америку в центральную силу/субъект глобальной геополитики.

Складывалось впечатление: если когда-нибудь в будущем и возникнет «популистский» вызов американскому обществу, то он придет с периферии политической системы.

«Новый курс», повторим, создал своего рода положительную инерцию движения американского общества вперед, и этот опыт имел, как представляется, универсальное значение. Опыт этот включал в себя и стимулирование экономического роста, и меры по социальной защите и реабилитации населения, и модернизацию социально-экономической структуры с вовлечением подавляющей части населения в этот трансформационный процесс. Как пронизательно подметил видный голландский социолог

А. де Сван, такая политика представляла собой *применение коллективистских методов для достижения индивидуалистических целей* [de Swaan 1988, р. 245]. Однако интеграция новых (ранее инертных) социально-профессиональных, региональных и этно-расовых групп спустя несколько десятилетий имела следствием их *политическое самоутверждение* (как естественный побочный продукт адаптации и социализации⁵), что породило новые противоречия в американском обществе. На сей раз «яблоком раздора» стала проблема афроамериканцев.

«Расовый кризис», ставший следствием внутренних миграционных процессов 1940–1960-х гг., создал неблагоприятную социальную ситуацию не только для афроамериканцев, но и для миллионов их белых соотечественников. Сами миграционные процессы, «придавшие негритянской проблеме характер общенациональный <...>, подъем движения черных и реакция на это движение государства вызывали в определенных группах белых подъем реакционно-бунтарских настроений». Появление значительных масс афроамериканцев в городах Юга и Севера, расширение и уплотнение среды межрасового бытового общения воспринималось белыми обывателями «как соприкосновение с “некультурным” слоем – более бедным, менее образованным, более склонным <...> к нарушению устоявшихся норм и законов. Примерно так же в конце XIX – начале XX веков американцы англосаксонского происхождения воспринимали “вторжение” в их мир иммигрантской бедноты из Европы – ирландцев, поляков, итальянцев и др.»

[Современное политическое сознание в США 1980, с. 237–238]. Известно, что боязнь раствориться среди «простоллюдинов», опасение утраты добытого трудом и усердием социального статуса всегда питали в Америке консервативно-охранительные настроения и были мощным стимулом к подъему ксенофобии и возникновению праворадикальных движений. Не стал исключением и «расовый кризис».

Однако детонатором «расового кризиса» стала активизация борьбы афроамериканцев за свои гражданские и политические права, чему немало способствовала американская политическая система *открытого* типа. В своей кульминационной точке «расовый кризис» трансформировался в движение, целью которого стало изменение соотношения политических сил в стране (конец 1960-х – начало 1970-х гг.). Катализатором процесса формирования правопопулистского сознания стала кампания по избранию губернатора штата Алабама Дж. Уоллеса в президенты США 1968 г. Решающую роль в становлении правого популизма сыграли штаты Глубокого Юга, в годы Гражданской войны (1861–1865) образовавшие основу рабовладельческой конфедерации⁶. Именно на Глубоком Юге в 1950-х гг. начинался «расовый кризис»; до середины 1960-х гг. этот кризис проявлялся в остродраматических формах. В политической жизни Глубокого Юга издавна развиты традиции правого радикализма (ку-клукс-клан, Х. Лонг, многочисленные политики местного масштаба и т. д.). Движение Джорджа Уоллеса, опиравшегося на поддержку Американской независимой партии,

5 Сходные процессы сегодня можно наблюдать в «крупнейшей демократии мира», в Индии, где политическая мобилизация «низов» традиционного сословно-иерархического общества (низшие касты и даже «неприкасаемые») стала самостоятельным фактором общественной жизни.

6 В первую очередь это штаты Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи и Южная Каролина.

стало очередным этапом в эволюции праворадикальной традиции.

Избранный в 1963 г. губернатором штата Алабама, Дж. Уоллес «культивировал образ человека из народа. Он носил недорогие костюмы, гладко зачесывал волосы назад, признавался в пристрастии к музыке стиля «кантри» и использовал кетчуп в качестве приправы к любому блюду» [Kazin 1995, p. 235]. Первоначально Дж. Уоллес был демократом. Однако впоследствии почувствовал, что эта партия превратилась в «инструмент влияния либерального истеблишмента Востока», и выступал на президентских выборах 1968 г. в качестве независимого кандидата, заручившись поддержкой 13,5% проголосовавших избирателей и одержав победу в пяти штатах Юга» [Taggart 2002, p. 40]. (Это были штаты Арканзас, Луизиана, Миссисипи, Алабама, Джорджия.) Общее количество голосов, поданных за Дж. Уоллеса, превысило 9 млн.

Идеологическая конструкция Дж. Уоллеса имела три основания: 1) бескомпромиссная поддержка расовой сегрегации, четко и недвусмысленно выраженная в политических установках; 2) недоверие к «истеблишменту», образуемому триединством либеральной политической элиты, крупного финансового капитала и весьма аморфной категории «богатеев»; явно не жаловал Дж. Уоллес «бюрократов», «теоретиков» и «псевдоинтеллектуалов»; 3) защита интересов тех, кто не входит в сферу влияния «истеблишмента». Легко догадаться: политик имел в виду перераспределение полномочий между федеральной властью и штатами; разумеется, в пользу последних. Ясно, что Дж. Уоллеса не устраивали перемены (капиталистическая модернизация Юга), поскольку они подрывали основы тех социальных связей, которые удерживали равнове-

сие строя жизни «белой, сельской, богобоязненной Алабамы» [Taggart 2002, p. 41].

После столь успешного политического дебюта Дж. Уоллес, не без поддержки некогда «родной» Демократической партии, в 1970 г. был избран губернатором Алабамы. Демократы, сознавая роль Дж. Уоллеса и в других штатах Глубокого Юга, постарались вновь интегрировать влиятельного политика в пространство деятельности этой партии. В 1972 г. Дж. Уоллес в качестве представителя правопопулистских сил участвовал в первичных выборах Демократической партии, однако потерпел неудачу. В качестве губернатора Алабамы Дж. Уоллес, видимо, пересмотрел некоторые свои представления о «расовой проблеме», а в 1982 г. политик-популист публично принес извинения афроамериканцам за свои действия по отношению к ним в прошлом [Leshner 1994, p. 501].

Популизм Дж. Уоллеса оставил свой след в американской политической жизни, видоизменив траекторию ее эволюции. Во-первых, идея гражданских прав (в их узком и широком понимании) была институционализирована в решениях основных ветвей власти – исполнительной, законодательной и судебной, тем самым уменьшена вероятность нового социального раскола в американском обществе. Во-вторых, Р. Никсон, Дж. Картер и Р. Рейган осознали и оценили потенциал умеренного популизма как тактики эффективной борьбы за Белый дом. Р. Никсон использовал популистские приемы в общении с избирателями, компенсируя тем самым враждебность к его фигуре как основных СМИ, так и «аристократического» истеблишмента Востока. «Символический популизм» Дж. Картера преследовал цель восстановить престиж президентской власти, изрядно подорванный внешними неудачами

и внутренними неурядицами⁷. Р. Рейган всячески подчеркивал свой *антиинтеллектуализм* и желание руководствоваться принципами «доброго старого здравого смысла». Так популизм стал органической частью борьбы за президентскую власть в США.

Новый всплеск *несанкционированного* популизма не заставил себя ждать. В президентской кампании 1992 г. в качестве независимого кандидата выступил бизнесмен, филантроп и искренний консерватор Росс Перо. Росс Перо (род. в 1930 г.), отслужив в ВМС США, в 1962 г. основал компанию Electronic Data Systems (электронная обработка информации). В 1984 г. компания «Дженерал Моторс» приобрела контрольный пакет Electronic Data Systems за 2,4 млрд долларов. В 1988 г. Р. Перо основал новую компанию Perot Systems, а вскоре вступил в тесные деловые отношения со С. Джобсом, родоначальником компании Apple. Иными словами, Р. Перо стал первым (политическую деятельность начал в президентскую легислатуру Дж. Буша-старшего), пришедшим в большую политику не просто из сферы производства, но из ее «авангардного» кластера, сегмента информационных технологий. Р. Перо активно выступал против действий США в Персидском заливе, предлагая правящему истеблишменту сосредоточить внимание на внутренних проблемах Америки. Не менее критично миллиардер (личное состояние на 2019 г. превышало 4 млрд долларов) отнесся и к ратификации соглашения о Северо-американской зоне свободной торговли (NAFTA).

В 1992 г. Р. Перо объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру

на президентских выборах, выступив, в частности, против «исхода» производств из Соединенных Штатов. В июне 1992 г., по данным опроса Gallup, Р. Перо возглавил потенциальный президентский список, опередив и действовавшего президента Дж. Буша-старшего, и наиболее вероятного кандидата от Демократической партии У. Клинтона. Неожиданно в июле Р. Перо вышел из «президентской гонки», а затем столь же поспешно вернулся в нее в октябре 1992 г. На президентских выборах 1992 г. Р. Перо заручился поддержкой 18,9% избирателей, получив голоса практически во всех сегментах идеологического и партийного спектра, однако наиболее весомый «блок» его избирателей составили «независимые» и «умеренные». На президентских выборах 1996 г., уже в качестве лидера Партии реформ, Р. Перо получил 8,4% голосов избирателей.

Появление нового популистского вызова двухпартийной системе Америки указывало на как минимум две болевые точки, остававшиеся «ахиллесовой пятой» официальной жизни США. Во-первых, Р. Перо критиковал американский истеблишмент (пожалуй, впервые) с позиций *рационального* (или, если воспользоваться стилистикой М. Вебера, «целерационального») управления обществом. Так, Р. Перо обращал внимание на опасности увеличивавшегося (к тому же и так значительного) государственного долга Америки и выступал за разработку действенного механизма его уменьшения. Р. Перо апеллировал к здравому смыслу американцев (в категориях политической экономии – к жизнеспособности домохозяйств), подчеркивая: эта

7 В день инаугурации Картер отказался от положенного ритуалом лимузина и пешком прошел путь от Капитолия до Белого дома. Президент-популист время от времени беседовал по телефону с рядовыми американцами и посещал их дома. Словом, «аутсайдер» прибыл в Вашингтон с намерением ослабить позиции могущественного истеблишмента в государственном аппарате [История США. Т. 4, с. 468–481].

серьезнейшая проблема *намеренно* игнорируется профессиональными политиками. Во-вторых, вступление Р. Перо в «президентскую гонку» косвенно указывало на массовое недовольство американцев традиционной/существующей политической элитой, способной разве что произносить яркие речи, но абсолютно бесполезной в организации жизни народа. Поэтому логичным выглядел его призыв к американскому истеблишменту уменьшить международные обязательства США, а также законодательно ограничить сроки пребывания на значимых позициях в государственном аппарате. Р. Перо стал, таким образом, своеобразным «аккумулятором» антиэлитных настроений, однако, в отличие от предшественников-популистов (в частности, Дж. Уоллеса), программа Р. Перо имела *конкретный* характер.

Неожиданный уход и скорое возвращение в борьбу за Белый дом, о чем уже говорилось, лишний раз показали неохоту Р. Перо интегрироваться в существующую элиту, с одной стороны, и неизбежность участия в «президентской гонке» человека «со стороны» ввиду очевидной неадекватности правящего класса при решении постоянно усложнявшихся проблем Америки – с другой. Реакция американцев на появление нового, не связанного с элитой, разумно мыслящего кандидата была положительной: за Р. Перо проголосовали 20 млн избирателей.

Выборы 1992 г. показали: идеи популизма и его инстинктивное неприятие официальных институтов и управляющих ими элит находят благодатную почву в американском обществе. Обращение к «очистительной» функции популизма на выборах 1992 г., видимо, указывало на вызревание предпосылок нового явления в американской (и не только) политике, впоследствии нареченного «новым популизмом», тогда

как Р. Перо по праву стал его идейным и логическим «предтечей».

«Левый» и «правый» популизм: основные параметры и подвижность идейных образов

Под *правым популизмом* принято понимать социальный протест отдельных групп средних слоев и рабочего класса, принимающий праворадикальную форму. Правый популизм выступает как комплекс реакций индивидов и групп на события и процессы, ущемляющие их ситуационные/непосредственные интересы. Правый популизм «реактивен», поэтому он не является воплощением определенной политической идеологии. Наиболее организованной формой правопопулистского действия остается «протестное» голосование за Дж. Уоллеса на президентских выборах 1968 г. Впоследствии партийно-политическая система фактически «растворила» в себе и движение, и самого Дж. Уоллеса, продемонстрировав тем самым отсутствие у правых популистов позитивной программы, альтернативной идеям республиканцев и демократов. Популизм, в т. ч. правый, обладает способностью противопоставить себя существующей двухпартийной системе и обслуживающей ее политической элите. Можно сказать, популизм (включая движение Дж. Уоллеса) указывал на «узкие места» политической системы, и наиболее дальновидные американские политики использовали подобные «атаки»; говоря обобщенно, делалось это для повышения социальной отзывчивости ведущих партий, увеличения пластичности всей партийно-политической системы. Пожалуй, политическую систему США сегодня невозможно представить без популизма, время от времени очищающего (пусть и непрямым образом) «ав-

гиевы конюшни» американской общественной жизни.

Левый популизм, как представляется, выступает особым течением в Демократической партии, «социалистическое» крыло которой активно стремится удалить из институтов власти «задержавшихся» в истеблишменте «умеренных» деятелей (Н. Пелоси, Дж. Байдена, Х. Клинтон и др.), которые мешают «молодежи» (и примкнувшему к ней вполне искреннему Б. Сандерсу) овладеть реальными инструментами и механизмами контроля в партии. Левые, думается, используют двуединую тактику борьбы с «заслуженными ветеранами». С одной стороны, существует предположение, согласно которому не имеющая ясных политических перспектив попытка подвергнуть отрешению от должности (импичменту) действующего президента Д. Трампа преследовала цель вызвать внутренний кризис в Демократической партии и отправить на «заслуженный отдых» тех, кто, согласно опросам общественного мнения, начинает тяготить избирателей-демократов. С другой стороны, идейной платформой внутреннего преобразования этой партии мыслится популистская программа «всеобъемлющего» социального прогресса для широких слоев населения, которая, однако, как считают экономисты, не опирается на реалистический анализ возможностей хозяйственной системы страны. Оценивая левопопулистскую программу «социалистического» крыла Демократической партии, эксперты высказывают предположение, что авторы программы могут разделить печальную участь лидера британских лейбористов Дж. Корбина и его партии, на парламентских выборах 2019 г. выдвинувших эмоционально привлекательные идеи, но оказавшихся не в состоянии объяснить избирателям, какими будут методы и формы их реализации. Левый по-

пулизм, таким образом, являясь активной и все возрастающей силой внутри Демократической партии, пока не пользуется массовым спросом на политическом «рынке» американского общества. Тем не менее сами «левые идеи» в условиях политического фиаско неолиберально-глобалистского проекта становятся все более популярными в Америке среди определенной части критически мыслящей молодежи и интеллигенции, традиционно относящейся к политическим институтам США со здоровым скепсисом. Однако данные группы населения пока институционально не объединены в масштабах американского общества. Не исключено, что их социальный протест по крайней мере частично может быть использован Д. Трампом и его «командой», все чаще использующих риторику «нового курса» Ф.Д. Рузвельта (инфраструктурное строительство, повышение оплаты труда рабочих и служащих и, разумеется, борьба против «глубинного государства»).

Постбиполярная глобализация и «социальный заказ» на популистскую идеологию. «Феномен Дональда Трампа»

Само появление Р. Перо на политической авансцене свидетельствовало о том, что, несмотря на «победу» в холодной войне (как впоследствии выяснилось, пиррову), Америка начинает испытывать как внутренние, так и внешние трудности. *Поляризация* американской модели развития начинала приобретать все более акцентированный характер. «Расширяющееся [социально-имущественное] неравенство, – отмечал Р. Рейч, – оказалось вцементированным в несущие конструкции самого “свободного рынка”». А затем автор риторически вопрошал: «Достаточ-

ны ли существующие стимулы для того, чтобы средний класс и [остающиеся] большинство имели необходимый уровень жизни и, равным образом, надежду на его повышение для своих детей при усердной работе?» [Reich 2016, pp. 83, 86].

По свидетельству Р. Рейча, до конца 1970-х гг. экономика США развивалась поступательно, и это был своеобразный «добродетельный» цикл: рост экономики → расширение социального пространства среднего класса → увеличение платежеспособного спроса → равновесие хозяйства на более высоком уровне → увеличение инвестиций и новый всплеск инноваций, обогащающие и оплодотворяющие средний класс, в который вливаются группы населения, ранее располагавшиеся в нижнем сегменте общественной пирамиды.

Однако в начале 1980-х гг. медиана доходов домохозяйств прекратила восходящее движение (с поправкой на уровень инфляции). В результате развития этих негативных процессов в 2013 г. средневзвешенный годовой доход «типичного» домохозяйства среднего класса составил 51 939 долл. – почти на 4 500 долл. ниже, чем это было перед началом «великой рецессии» 2007 г. Более того, доходы среднего домохозяйства в 2013 г. оказались ниже, чем это было в 1989 г. [Reich 2016, pp. 115–116]. Параллельно происходил процесс «утекания» производств и рабочих мест в Мексику, а затем – в страны Азии. Американские рабочие оказались не защищенными от подобного «аутсорсинга». В сложном положении оказались и специалисты высокой квалификации и с высшим образованием. И все это происходило при очевидном непротивлении администраций США: первоначально Клинтона, затем Буша-младшего, а впоследствии – Обамы. Нарушение «правил игры», в свое время установленных политикой «но-

вого курса», имело следствием резкую поляризацию доходов. Так, с 1979 г. рост производительности труда составил 65%, тогда как доходы трудящихся возросли всего лишь на 8% [Reich 2016, p. 123]. К тому же защитники прав трудящихся в лице профсоюзов оказались в состоянии практического бездействия, не без влияния властей («застрельщиком» ослабления профсоюзов выступила администрация Р. Рейгана). Эти и другие процессы и явления отразились на динамике общественного мнения: согласно опросу Gallup (сентябрь 2014 г.), только 35% американцев полагали, что двухпартийная система эффективно защищает их интересы, тогда как 58% опрошенных считали, что эта задача будет выполнимой в случае появления *третьей* партии [Reich 2016, p. 189]. Таким образом, «новый популизм» как альтернативное политическое течение становился все более востребованным американцами, и эта мысль укреплялась в сознании народа по мере приближения президентских выборов 2016 г.

Ретроспективный взгляд на американскую политическую жизнь показывает: именно Р. Перо стал провозвестником грядущих в обществе перемен. Партия реформ, фактически «выросшая» из президентской кампании Р. Перо в 1992 г., в 2000 г. идейно привлекла Дональда Трампа. Впрочем, последний вскоре ее покинул, сославшись на разногласия с видными общественными деятелями, в частности, с Патриком Бьюкеноном (который в 2002 г. вернулся в Республиканскую партию). Однако важен факт совпадения позиций Р. Перо, Д. Трампа и П. Бьюкена в главном: Америка должна заниматься прежде всего *внутренними* проблемами, всячески воздерживаться от расточительных для народа интервенционистских рецидивов прошлого. Закономерно поэтому, что в 2016 г. Пар-

тия реформ поддержала кандидатуру Д. Трампа, «транслировавшего» некоторые ее центральные идеи (сбалансированный бюджет, ограничение иммиграции, оппозиция NAFTA и ВТО как ущербным интересам Америки организациям и т. п.). Особо отметим: позиции Д. Трампа и Партии реформ совпадали по таким ключевым проблемам, как создание новых рабочих мест (возвращение производств домой под девизом *America First*), энергетическая безопасность, внешняя политика (специально подчеркнем принцип «финансовой ответственности»), национальная безопасность.

Поляризованный характер развития Америки наглядно проявился в одном из наиболее успешных городов страны, Нью-Йорке. Несмотря на то, что Нью-Йорк при мэре М. Блумберге процветал, пишет известный американский урбанист Р. Флорида, «значительная часть ньюйоркцев вовсе не ощущала бурного роста. <...> К 2013 г. 5% богатейших семей Манхэттена имели доход, в 88 раз превышающий доход 20% беднейших семей». На вопрос газеты *New York Times* (2013 г.) «стал ли Нью-Йорк слишком дорогим городом для таких, как вы?», 85% опрошенных ответили утвердительно» [Флорида 2018, с. 92–93]. Эти и другие явления однозначно подчеркивали потребность в новой политике, новом идейном ее обосновании и новых лидерах, способных чувствовать пульс нового времени. Таким образом, «новый популизм», вынесший на политический Олимп Д. Трампа, проистекает из глубокого и затяжного кризиса традиционных партий и образуемой их взаимодействием партийно-политической системы, из неспособности укрепившихся у власти элит справиться с вызовами, которые в прямом смысле слова имеют *параметрический* характер: изменения этнодемографического состава населения,

необходимость привлечения в экономику высококвалифицированных кадров, поиски новых рынков сбыта для покрытия колоссального внешнеторгового дефицита США, укрепление *горизонтальных* связей в народном хозяйстве страны, сохранение *европейского* характера американской цивилизации и американского общества. Наконец, очевидное бездействие администраций Клинтона, Буша-младшего и Обамы в «национальной политике» имело следствием углубление центрального противоречия бытия современной Америки: страна переселенцев (с явно выраженным стержнем «северо-атлантической» культуры) быстро превращается в мультикультурное сообщество, которое перестает быть «плавильным котлом», или «сверхцивилизацией» (как называли США некоторые отечественные исследователи начала нынешнего века) с перспективой утраты лидирующих позиций в мире и потери сверхидеи «явного предначертания», которая была своеобразной «лоцией», позволявшей американцам с честью выходить из любых внутренних и внешних испытаний.

Цивилизационный кризис, соединившийся с перенапряжением внутренних сил, потребовал нового подхода к внешней политике. Контуры этого подхода начинают прорисовываться, несмотря на отчаянное сопротивление тех (в некоторых работах собирательно именуемых «глубинным государством»), кто стремится сохранить свое положение в политической системе США, отстаивая мирополитические схемы, в силу объективных причин утратившие действенность. Хорошо известно: лишь 20% американцев «встроились» в процессы глобализации. Ответ «нового популизма» (в настоящее время все чаще употребляется термин «национальный популизм») состоял в том, что, выполняя свою «ис-

торическую миссию» (ранее – «явное предназначение»), Америка утратила свою жизнеспособность, поскольку система военно-политических союзов после 1945 г. во многом зиждилась на «открытости» емкого американского внутреннего рынка союзникам США (как в североатлантическом пространстве, так и на Дальнем Востоке), что в конечном счете отрицательно сказалось на американской промышленности, в частности, и на развитии индустриальных производительных сил в принципе. В настоящее время *протекционистские* настроения (т. е. отход от некогда «священных» идеалов «свободной торговли») настолько сильны в американском обществе, что заставляют противников Д. Трампа искать иные методы объединения избирателей на президентских выборах 2020 г. «В настоящее время, – полагает британский политолог Э. Гэмбл, – не ясно, является ли феномен Трампа преходящим спазмом, который вскоре будет забыт с приходом [в Белый дом] более традиционного президента, или же он предвещает долговременный сдвиг в международной политике. Если США продолжат свою презрительную политику в отношении многих институтов, которые служили проекцией мощи и влияния Америки, <...> мировой порядок быстро распадется, поскольку другие государства воспользуются возможностью утвердить свои сферы интересов. Возвращение к миру торговых и валютных войн, труднопроницаемых границ (с целью сдерживания иммиграции) может стать возможным следствием [такой переориентации]. Подобный исход не является неизбежным, однако он стал возможным, особенно со времени финансового кризиса и утверждения силы национального популизма во многих странах» [Gamble 2019]. Немаловажно и то, что между «новыми популистами» США и Западной Европы

установлены прочные горизонтальные связи, а объединяющими началами их отношений стали антиглобализм, торможение интеграционных процессов в Евросоюзе, жесткие антииммиграционные действия.

Аналитики напоминают: в той или иной степени «национальный популизм» охватил, помимо США, такие страны, как Великобритания, Италия, Новая Зеландия, Бразилия и т. д., что сделало иллюзорными прогнозы на «конец истории» (Ф. Фукуяма). Либералы, утверждает американский автор Р. Джирдуски, «стоят перед перспективой еще больших электоральных потерь, если они не найдут решения проблем, вызываемых глобализмом, массовой иммиграцией и социально-имущественным неравенством» [Girdusky 2019]. Популисты (подобные Д. Трампу), отмечает М. Макмиллан из Оксфордского университета, не апеллируют к какому-либо конкретному классу или слою. Они используют более широкие социально-философские категории, такие как *идентичность* и *культура*. Их электоральная аудитория – те, кто экономически ущемлен глобализацией, озабочен потерей рабочих мест вследствие иммиграции, обеспокоен изменением расово-этнической композиции общества или просто страдает от потери завоеванного когда-то социального статуса [MacMillan 2016]. Короче говоря, авторы различных идеологических направлений вынуждены признать: «новый популизм» – это не только Д. Трамп и его единомышленники; «национальный популизм» интернационален по своему происхождению и сущностным характеристикам. Появление Д. Трампа есть результат развития США и других стран Запада начиная по меньшей мере с первой половины 1980-х гг. Соответственно, и ответ тех сил, которые отстаивают либеральную «версию» развития «золото-

го миллиарда» и остального мира, должен быть системным, интеллектуально и материально подготовленным, а не опираться на политические технологии отстранения от власти тех или иных «несимпатичных» им лиц.

Профессионалы социально-политического анализа на Западе начинают понимать: «национальный популизм» отнюдь не кратковременное явление, но долгосрочный тренд, контуры которого начали формироваться не позднее начала–середины 1980-х гг. Так, британские политологи Р. Итвелл и М. Гудвин выделяют *четыре* фундаментальных общественных сдвига, которые в итоге вызвали к жизни явление «национального популизма» (авторам данная дефиниция представляется более конкретной и содержательной, нежели расплывчатый «новый популизм», страдающий отсутствием связи со своими социальными носителями).

Либеральная модель демократии, по сути, минимизировавшая участие массовых слоев населения в реальной политике, все более отдаляла власть от гражданского общества, становилась все менее отзывчивой к интересам народа и в конечном счете убедила значительную часть избирателей в том, что последние фактически лишены права голоса. Данное явление характерно не только для Америки, но и для других «институционализированных демократий» (Великобритании, Франции, Германии, Нидерландов и т. д.).

Иммиграционные потоки и изменение этнодемографической структуры населения вызывают в обществах «золотого миллиарда» ощущение катастрофичности и необратимости перемен, грозящих *разрушением* некогда жизнеспособной ткани общества, исторической идентичности социума, наконец, самого уклада жизни. В обществе крепнет убеждение в деструктивной деятельности либеральных элит, транс-

национальных институтов и глобальной финансовой олигархии, реализующих враждебные основной части народа интересы и стремящихся подавить всякую оппозицию антинациональному курсу.

Неолиберальная версия глобализации имеет следствием стойкое ощущение утраты достигнутого немалыми усилиями социально-имущественного статуса у массовых групп населения стран Запада и утрату веры в будущее. В «катастрофическом сознании» народа глобализация, миграционные потоки и угроза идентичности слились воедино и трансформировались в категорическое неприятие элит, продолжающих свою «самостоятельную» от интересов народа политику.

Кумулятивным эффектом вышеобозначенных процессов стало отчуждение массовых слоев населения от традиционных господствующих партий. (Авторы называют данный процесс *de-alignment*.) Массовое отчуждение делает партийно-политические системы Запада хрупкими, фрагментированными и непредсказуемыми в своем «поведении», чего не случалось за всю историю «массовой демократии» [Eatwell, Goodwin 2018].

Вышеописанные процессы подготовили почву для прихода к власти альтернативной социально-политической коалиции, которую возглавили силы «национального популизма», прежде всего в США. По логике вещей, «популистские» политические тенденции будут и впредь стимулировать неослабевающими иммиграционными потоками с исторического Юга, с одной стороны, и вялой демографической динамикой в странах Запада – с другой. «Национальный популизм», считают британские авторы, не является «вспышкой протеста». Одна из центральных причин возникшего явления в том, что многие на Западе теперь

всерьез озабочены тем, как развиваются их общества и по какой долгосрочной траектории движется «североатлантическая сверхцивилизация» в целом [Eatwell, Goodwin 2018, p. xxix].

Многие из нас, включая представителей «академии», предпочитают простые, монофакторные объяснения причинности фундаментальных политических сдвигов. В нашем конкретном случае это – «бунт» белого «низшего класса», поразивший индустриальное «сердце» Америки. Вспомним, однако: за Д. Трампа проголосовали более 62 млн избирателей. Свыше 17 млн голосов были поданы за Brexit, уровень поддержки Марин Ле Пен на президентских выборах 2017 г. превысил 10 млн человек, тогда как доверие «Альтернативе для Германии» выразили почти 6 млн немцев, пришедших к урнам для голосования. Политика, как принято говорить в «крупнейшей демократии мира», Индии, это – *игра больших цифр и с большими цифрами*. Так что феномен «национального популизма» заслуживает *научного* объяснения.

Так, во время первичных выборов 2016 г. медиана доходов домохозяйств избирателей Д. Трампа составляла 72 тыс. долл., а у Х. Клинтон и Б. Сандерса этот показатель оказался ниже, 61 тыс. долл. В штатах Коннектикут, Флорида, Иллинойс, Нью-Йорк и Техас доходы избирателей 45-го президента США в годовом исчислении превышали среднезвешенные по стране на 20 тыс. долл. [Eatwell, Goodwin 2018, p. 4]. Успех Д. Трампа был связан со сдвигами в политической психологии американцев: многие не желали превращаться в этнокультурное «меньшинство», живущее в собственной стране по навязанным сверху законам «мультикультурализма». Аналогичными были причины роста сил «национального популизма» в Австрии, Нидерландах и Швейцарии,

т. е. в странах с низким уровнем безработицы.

Ошибочно мнение о поддержке Д. Трампа преимущественно белыми американцами. Д. Трамп завоевал поддержку 28% испаноговорящих избирателей, тогда как Х. Клинтон была менее успешной в отношениях с данной группой избирателей, чем Б. Обама. Д. Трамп добился заметных успехов среди американцев кубинского происхождения в ключевой для исхода голосования Флориде (более чем 50%-я поддержка), хотя в целом данная группа электората тяготеет к демократам.

Такая же «путаница» возникла с оценкой поддержки основных кандидатов избирателями-женщинами. За Д. Трампа проголосовали 53% белых избирательниц. К тому же Х. Клинтон явно рассчитывала на более активную поддержку со стороны афроамериканцев. К важным слагаемым успеха будущего президента относят эффективность Д. Трампа и его команды в мобилизации избирателей в «колеблющихся» штатах и в сохранении массовой базы поддержки в традиционном республиканском электорате, который в 2012 г. голосовал за М. Ромни.

Ясно, что электорат Д. Трампа – это не отверженные глобализацией «бедные люди»; в мотивациях его избирателей заметен симбиоз нескольких реакций и поведенческих моделей, что позволяет вычленивать по меньшей мере *пять* электоральных групп, поддержавших 45-го президента США. *Первую* группу (31% избирателей Д. Трампа) составляют «стойкие консерваторы» (*staunch conservatives*), сторонники традиционных моральных устоев американского общества, представители среднего класса, имеющие достаточную интеллектуальную подготовку, чтобы разбираться в политике и понимать ценность сбалансированного бюджета (собственного и государ-

ственного). «Стойкие консерваторы» поддерживали Д. Трампа начиная с первичных выборов. Во *вторую* группу (25%), «сторонников свободного рынка» (*free marketeers*), попали адепты «компактного правительства», активные защитники свободы торговли, очевидные противники Х. Клинтон, лица среднего возраста, обладатели недвижимости. (Первая и вторая группы составили, как видим, более половины сторонников Д. Трампа.) *Третью* группу поддержки (20%) образуют «охранители» (*preservationists*), те, для кого важно восстановление былых основ социального миропорядка, разрушенного деструктивной деятельностью нынешних элит. «Охранители» – американцы скромного достатка; их доход в расчете на домохозяйство не превышает 50 тыс. долл. в годовом исчислении. К «охранителям» тесно примыкают избиратели *четвертой* группы, «антиэлитисты» (*antielites*), доходы которых несколько выше, но которые категорически не приемлют сложившийся в Америке социальный порядок (19%). Наконец, в *пятую* электоральную группу входят «отстраненные» (*disengaged*), сравнительно небольшой демографический отряд американцев (5%), прежде не интересовавшихся политикой, однако почувствовавших, что «все пошло не так», и решивших поддержать *нового* человека [Ekins 2017].

Как видим, у вышеперечисленных электоральных групп разные представления об оптимальных алгоритмах развития экономики. Однако все они едины в главном: в категорической необходимости *порядка, стабильности общества, групповой солидарности, ограничения иммиграционных потоков*. Д. Трамп искусно апеллировал к общей культурной дезориентации и мировоззренческой растерянности, к необходимости «вернуть Америку амери-

канцам» (согласно некоторым оценкам, к 2042 г. белое население США имеет возможность оказаться в численном меньшинстве) и в своем диалоге с избирателями оказался успешнее своих республиканских предшественников, Дж. Маккейна и М. Ромни. Можно сказать, «национальный популизм» (Д. Трамп и его единоверцы в Западной Европе) предпочитает фокусировать внимание не столько на деталях будущей политики, сколько на сиюминутных тяготах избирателей.

Историческое обоснование «исключительности» Америки Д. Трамп и его единомышленники видят в прочности демократических устоев общества и в способности народа усердно и осмысленно трудиться. Видимо, неслучайно в Овальном кабинете Белого дома Д. Трамп повесил портрет президента (1829–1837) Э. Джексона, почитавшего достоинства простого труженика, который противопоставлялся праздности богатеев и воплощал своей деятельностью Америку, «уникальную самоуправляемую республику».

«Новый популизм» воспользовался и тем обстоятельством, что в конце XX века партии «мэйнстрима», включая социал-демократов, приняли на вооружение неолиберальные экономические теории, практическое воплощение которых имело следствием резкое углубление социально-имущественных диспропорций в странах Запада. Д. Трамп считает, согласно мнению Р. Итвелла и М. Гудвина, что «важные принципы неолиберальной экономической модели не способствовали продвижению интересов Америки» и что «свобода торговли не всегда отвечает интересам американских рабочих» [Eatwell, Goodwin 2018, p. 79]. Сможет ли популистский дискурс трансформироваться в конкретные направления социально-экономической политики, покажет будущее.

Америка переживает сложный, пожалуй, беспрецедентный период своей истории. Некоторые авторы вообще сомневаются, что лидер мировой экономики может сохраниться как единое территориальное пространство, если, разумеется, не прекратится «самоубийство сверхдержавы» [Buchanan 2011]. Вместе с тем опыт «нового курса» показывает: популизм есть инструментарий, с помощью которого можно, после качественной перегруппировки социально-политических сил, вывести американское общество на новый, более высокий уровень равновесия. В этой своей, инструментальной, ипостаси популизм выступает как своего рода запас прочности политической системы США в момент чрезвычайного социального и культурного/цивилизационного напряжения внутри американского общества. Поэтому, как представляется автору, «новый популизм» в образе Д. Трампа – явление далеко не случайное; и возможно, это явление, внутренне изменяясь, определит развитие Америки на обозримую историческую перспективу.

Итак, что можно увидеть за горизонтом «нового популизма»? Хотя некоторые сторонники «национального популизма» не без симпатии относятся к социально-экономическим идеям «исторических» левых, подавляющее большинство избирателей Д. Трампа не приемлют эгалитарное общество. Их политический ориентир – «справедливый» общественный порядок, в котором «соль земли» возвращает себе некогда утраченные занятия и социальную защиту, как и «честность» партнеров в сфере внешнеэкономических отношений [Eatwell, Goodwin 2018, p. 276].

Однако эти важные, но частные проблемы будет нелегко решить, не имея «под рукой» инструментарий социальной интеграции общественного пространства, способный помочь реализации сакраментальной «повестки разви-

тия», включающей энергичный экономический рост, максимально возможную занятость (имеющую для Америки экзистенциальное значение), относительно равномерное распределение национального дохода (преодоление *поляризованного* типа развития). Иначе говоря, со всей силой напомнила о себе задача воссоздания *общества среднего класса*, выпестованного Ф.Д. Рузвельтом «детища», от которого легкомысленно отказались Р. Рейган и его преемники в Белом доме. Вновь на повестке дня вопрос о широкой, полисоциальной коалиции, способной не только выигрывать выборы, но и совместно с просвещенной частью элиты, осмысленно трудиться над созданием модели нового, интеллектуально развитого и справедливого общества.

Столь масштабный проект (назовем его *постпопулизм*), как в свое время «новый курс», будет вовлекать в водоворот новой жизни те группы политического класса, которые уже не могут «жить по-старому», а потому в своей практической деятельности неизбежно откажутся от одряхлевшей дихотомии *правые – левые*, доставшейся миру от Французской революции 1789–1794 гг. Духовно-интеллектуальное и социально-структурное усложнение общества неизбежно потребует нового, целерационального идейного инструментария организации социума на началах, доступных пониманию народа.

Список литературы

- История США. Т. 2. 1887–1918 (1985). М.: Наука.
- История США. Т. 3. 1918–1945 (1985). М.: Наука.
- История США. Т. 4. 1945–1980 (1987). М.: Наука.
- Популизм // Энциклопедия «Всемирная история» // <https://w.histrf.ru/se>

arch?search=%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC&source_id=1, дата обращения 25.08.2020.

Флорида Р. (2018) Новый кризис городов. М.: Точка.

Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* New York: St.Martin's Press.

Burnham W.D. (1970) *Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*, New York: W.W. Norton.

Carpeentier de Courdon C. (2019) *Crisis of Democracy and Secularism: Words in Search of Meaning* // Sunday Guardian, December 14, 2019 // <https://www.sundayguardianlive.com/opinion/crisis-democracy-secularism-words-search-meaning>, дата обращения 25.08.2020.

de Swaan A. (1988) *In Care of the State. Health Care, Education and Welfare in Europe and the USA in the Modern Era*, Cambridge: Polity Press.

Di Tella T.S. (1997) *Populism into the Twenty-first Century* // Government and Opposition, vol. 32, no 2, pp. 187–200. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1997.tb00157.x

Eatwell R., Goodwin M. (2018) *National Populism. The Revolt against Liberal Democracy*, London: Pelican.

Ekins E. (2017) *The Five Types of Trump Voters* // Voter Study Group, June, 2017 // <https://www.voterstudygroup.org/publication/the-five-types-trump-voters>, дата обращения 25.08.2020.

Gamble A. (2019) *Globalization and the New Populism* // Policy Network, April 11, 2019 // policynetwork.org/opinions/essays/globalization-and-the-new-populism/, дата обращения 25.08.2020.

Girdusky R. (2019) *The Not-So-New Populism* // The American Conservative, April 11, 2019 // <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-not-so-new-populism-farage-le-pen-orban/>, дата обращения 25.08.2020.

Hair W.I. (1991) *The Kingfish and His Realm: The Life and Times of Huey P. Long*, Baton Rouge: Louisiana State University Press.

Kazin M. (1995) *The Populist Persuasion: An American History*, New York: Basic Books.

Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.

Leshner S. (1994) *George Wallace: American Populist*, Reading, MA: Addison-Wesley.

Lord B. (2019) *The U-Turn That Made America Staggeringly Unequal* // CounterPunch, December 5, 2019 // <https://www.counterpunch.org/2019/12/05/the-u-turn-that-made-america-staggeringly-unequal/>, дата обращения 25.08.2020.

MacMillan M. (2016) *The New Year and the New Populism* // The Strategist, December 21, 2016 // <https://www.aspistrategist.org.au/new-year-new-populism/>, дата обращения 25.08.2020.

Reich R. (2016) *Saving Capitalism, For the Many, Not the Few*, London: Icon Books.

Taggart P. (2002) *Populism*, Buckingham: Open University Press.

Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, London: Nicolas Brealey Publishing.

USA: New Realities

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

The Phenomenon of “New Populism”: the American Dimension

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2020) The Phenomenon of “New Populism”: the American Dimension. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 256–277 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-12

Received: 12.01.2020.

ABSTRACT. *The article examines the evolution of ideological and political attitudes, the essential characteristics and instrumental functions of modern populism using the case of the United States of America. It is well known that populism differs from other political movements in its direct appeal to voters / people as an undifferentiated social mass, and thus constitutes an effective means of mobilizing the masses of the population in a protracted crisis of the political system and its institutions. The instrumental effectiveness of populism is often used to regroup social forces necessary for society and to give the entire political system greater elasticity, to increase its responsiveness to the interests of the “street man,” that is, ordinary voter. The ruling groups, especially in the USA, have learned to use populism effectively as a force capable of reducing the intensity of social conflicts, as well as for the integration of the “dissatisfied” into the existing institutions of the state that they themselves need. The first, and very successful, example of this kind was the “new deal” of F.D. Roosevelt, the political result of which was the creation in*

America of a “middle class society” that was not susceptible to extremes of both the right and the left. At present, the overlapping civilizational “rift” and the political crisis have forced the influential forces of American society to turn again to populism as a proven means of modifying America’s development model and pacifying a significant part of the population of this country. The 2016 presidential election convincingly demonstrated the powerful instrumental capacities of populism, manifested, in particular, in a certain renewal of the US socio-economic policy. Similar processes of regrouping of socio-political forces are to be observed in other “institutionalized democracies” of the West, which allows us to consider the “new” / “national” populism as a relatively stable and long-term phenomenon of socio-political development of the western world.

KEY WORDS: *populism, “national populism”, crisis of American society, regrouping of forces, G. Wallace, R. Perot, D. Trump, social and economic disparities, civilization split of society, F.D. Roosevelt*

References

- Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* New York: St.Martin's Press.
- Burnham W.D. (1970) *Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*, New York: W.W. Norton.
- Carpeentier de Courdon C. (2019) Crisis of Democracy and Secularism: Words in Search of Meaning. *Sunday Guardian*, December 14, 2019. Available at: <https://www.sundayguardianlive.com/opinion/crisis-democracy-secularism-words-search-meaning>, accessed 25.08.2020.
- de Swaan A. (1988) *In Care of the State. Health Care, Education and Welfare in Europe and the USA in the Modern Era*, Cambridge: Polity Press.
- Di Tella T.S. (1997) Populism into the Twenty-first Century. *Government and Opposition*, vol. 32, no 2, pp. 187–200. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1997.tb00157.x
- Eatwell R., Goodwin M. (2018) *National Populism. The Revolt against Liberal Democracy*, London: Pelican.
- Ekins E. (2017) The Five Types of Trump Voters. *Voter Study Group*, June, 2017. Available at: <https://www.voter-studygroup.org/publication/the-five-types-trump-voters>, accessed 25.08.2020.
- Florida R. (2018) *New Urban Crisis*, Moscow: Tochka (in Russian).
- Gamble A. (2019) Globalization and the New Populism. *Policy Network*, April 11, 2019. Available at: <https://policy-network.org/opinions/essays/globalization-and-the-new-populism/>, accessed 25.08.2020.
- Girdusky R. (2019) The Not-So-New Populism. *The American Conservative*, April 11, 2019. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-not-so-new-populism-farage-le-pen-orban/>, accessed 25.08.2020.
- Hair W.I. (1991) *The Kingfish and His Realm: The Life and Times of Huey P. Long*, Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- History of the USA*. Vol. 2, 1887–1918 (1985), Moscow: Nauka (in Russian).
- History of the USA*. Vol. 3, 1918–1945 (1985), Moscow: Nauka (in Russian).
- History of the USA*. Vol. 4, 1945–1980 (1987), Moscow: Nauka (in Russian).
- Kazin M. (1995) *The Populist Persuasion: An American History*, New York: Basic Books.
- Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.
- Leshner S. (1994) *George Wallace: American Populist*, Reading, MA: Addison-Wesley.
- Lord B. (2019) The U-Turn That Made America Staggeringly Unequal. *CounterPunch*, December 5, 2019. Available at: <https://www.counterpunch.org/2019/12/05/the-u-turn-that-made-america--staggeringly-unequal/>, accessed 25.08.2020.
- MacMillan M. (2016) The New Year and the New Populism. *The Strategist*, December 21, 2016. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/new-year-new-populism/>, accessed 25.08.2020.
- Populism. *World History Encyclopedia*. Available at: https://www.histru.ru/search?search=%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC&source_id=1, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Reich R. (2016) *Saving Capitalism, For the Many, Not the Few*, London: Icon Books.
- Taggart P. (2002) *Populism*, Buckingham: Open University Press.
- Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, London: Nicolas Brealey Publishing.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13

Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом

Лев Маркович СОКОЛЬЩИК

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: lsokolshchik@hse.ru

ORCID: 0000-0002-0945-1022

ЦИТИРОВАНИЕ: Соколыщик Л.М. (2020) Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 278–291. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13

Статья поступила в редакцию 28.01.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс идейно-политической трансформации американского консерватизма под воздействием внешнеполитических факторов в XXI веке. На основе метода «идеологической морфологии» Майкла Фридена исследованы внешнеполитические концепции различных течений американского консерватизма: неоконсерватизма, традиционализма, социального консерватизма, либертарианизма, палеоконсерватизма. Среди консервативных концепций внешней политики США выявлены два основных направления: интервенционистское и изоляционистское. В свете идеологического подхода представлен анализ внешнеполитического аспекта «трампизма» как современного варианта популизма в США. Выявлены характеристики «трампизма» как идеологии «с разреженным цен-

тром» (*thin-centred ideology*), которая основывается на антитезе «благородный американский народ» и «коррумпированная вашингтонская элита», позиционирует себя в качестве проводника «общей воли народа» и использует концепты «основной» (*host ideology*) идеологии (консерватизма) для формирования собственного внешнеполитического дискурса. Определена связь международной повестки «трампизма» с изоляционистскими и протекционистскими идеями палеоконсерватизма. Прослежено влияние консервативных идеологических установок на эволюцию внешнеполитической доктрины США на современном этапе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американский консерватизм, неоконсерватизм, традиционализм, социальный консерватизм, либертарианизм, палеоконсерва-

тизм, внешняя политика США, интервенционизм, изоляционизм, популизм, «трампизм»

Введение

Одной из актуальных тем, широко дискутируемых в академических кругах, стала проблема адаптации американского внешнеполитического курса к динамично меняющимся международным реалиям. Окончание холодной войны в пользу стран Запада послужило поводом для широкого распространения идеи, предложенной американским политологом Ф. Фукуямой, о скором наступлении «конца истории» и торжестве принципов либеральной демократии в общемировом масштабе [Фукуяма 2004]. Однако, не успев оформиться, однополярный мировой порядок стал испытывать серьезное давление со стороны новых возвышающихся центров силы: Китая, Индии и России.

В последние годы противостояние нарастает не только по линии Восток – Запад, но и в Трансатлантическом измерении между Европой и США. Усилившиеся противоречия между странами и регионами, а также террористическая угроза красноречиво свидетельствуют о том, что фактор столкновения цивилизаций, о котором писал другой американский мыслитель С. Хантингтон, по-прежнему является одним из важных в формировании мировой политики [Хантингтон 2018].

Совершенно явно представшие перед американским обществом международные вызовы потребовали адекватного ответа со стороны интеллигентов и политического истеблишмента. Свое видение роли и места США в новом мировом устройстве предложили теоретики консервативного толка. Сформулированные ими идейные подходы во многом повлияли на параме-

тры и рамки американского внешнеполитического курса, однако не все консервативные концепции выдерживают конкуренцию в динамично меняющихся условиях современности. Настоящее исследование призвано ответить на вопрос о том, насколько консервативные подходы реализуются в настоящих внутри- и внешнеполитических условиях.

Консерватизм в работе понимаетсЯ как «тип политики с соответствующей идеологической основой и определенной партийно-организационной базой» [Галкин, Рахимир 1987, с. 5]. Среди ключевых идейных концептов, формирующих его содержательное ядро, можно выделить стремление к естественным и постепенным изменениям, убежденность в том, что социальный порядок основан на неподвластных человеческому влиянию законах, а также иерархическое устройство общества [Freedman 2003, pp. 88–89].

Необходимо отметить, что американский консерватизм на протяжении всей своей истории представлял собой коалицию различных течений и групп, «которые в большинстве случаев согласны с общим желаемым результатом в политике, хотя зачастую по совершенно разным причинам» [Glenn, Telles 2009, p. 9]. Исходя из специфики рассматриваемого вопроса, представляется целесообразным применить в анализе пятичастную типологию американского консерватизма, которая включает традиционализм, либертарианизм, социальный консерватизм, неоконсерватизм и палеоконсерватизм [Mudde 2010, pp. 588–590]. Данная типология наиболее полно отражает структуру современного американского консерватизма и позволяет провести комплексный сравнительный анализ его элементов.

Правый популизм, как и консерватизм, исследуется в фокусе идеологи-

ческого подхода, предложенного политическим теоретиком Майклом Фридедом [Freedен 2013, pp. 116–137]. Его метод позволяет разделить все идеологии на «основные» (*host ideologies*) и идеологии «с разреженным идейным центром» (*thin-centred ideologies*). Таким образом, популизм можно определить как идеологию «с разреженным идейным центром», основанную на антитезе двух гомогенных общностей – «благородный народ» и «коррупцированная элита», в системе координат которой политика является выражением некой «общей воли народа» [Mudde, Kaltwasser 2012, p. 8].

Интервенционистский фланг американского консерватизма

После распада биполярной системы США, используя свое исключительное положение супердержавы, отставили в сторону некоторые ограничения международного права и стали осуществлять внешнеполитические устремления во многом с опорой на военный потенциал. По мнению сенатора-республиканца Л. Грэма, придерживающегося интервенционистских взглядов, американская внешняя политика должна делать «мир лучше, и иногда для этого требуется применение силы, а зачастую достаточно только угрозы ее применения» [Toward a Libertarian Foreign Policy 2015]. Яркими примерами использования США военного способа в решении международных вопросов могут служить война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и операция против Югославии (1999 г.).

Важной вехой в усилении интервенционистских настроений среди консервативного крыла стали события 11 сентября 2001 г. Для многих консерваторов необходимость дать силовой отпор международному терроризму была оче-

видна, но идея военного вторжения в суверенные государства (Афганистан и Ирак) вызывала серьезные разногласия. Как отмечает политолог К. Робин, во внешнеполитическом аспекте угроза международного терроризма побудила США взять на себя имперское бремя и «встать на защиту цивилизации от варварства, свободы – от террора» [Робин 2013, с. 2019].

На военном и унилатералистском решении проблемы терроризма настаивало неоконсервативное крыло, «отцом-основателем» которого считается И. Кристол. В число приверженцев неоконсерватизма входили такие теоретики и политики, как Н. Подгорец, С. Липсет, У. Кристол, П. Вулфовиц, Дж. Киркпатрик, Р. Каган, Д. Чейни. Именно в силу своих внешнеполитических установок данное течение консерватизма считается наиболее последовательным поборником идеи об имперской роли США [Рахимир 2007, с. 57]. Неоконсерваторы придерживались патриотического настроя, который идейно выражался в особой миссии США по распространению либеральной демократии по всему миру силовыми путем [Elghossain 2019]. По-своему интерпретируя концепцию американской исключительности, неоконсерваторы придерживались мнения о том, что США никогда не должны допускать конкуренции их глобальному лидерству, будь то со стороны России или Китая [Elghossain 2019].

Выступавший в период предвыборной кампании на относительно умеренных позициях в международных делах Дж. Буш-мл. после террористических актов 11 сентября был вынужден скорректировать свою повестку и прислушаться к неоконсервативным «ястребам», которые требовали дать максимально жесткий ответ террористам [Mitchell, Massoud 2009, p. 279]. Во многом исходя из того, что атаки на Все-

мирный торговый центр и Пентагон были восприняты президентской администрацией как акт войны, была сформулирована упреждающая внешнеполитическая «доктрина Буша» [Mitchell, Massoud 2009, p. 279]. Ее основной принцип был озвучен президентом на совместной сессии Конгресса 20 сентября 2001 г.: «С этого дня, – пояснял Дж. Буш-мл., – любая страна, которая продолжает укрывать или поддерживать терроризм, будет рассматриваться Соединенными Штатами как враждебный режим» [Transcript of President Bush's Address 2001]. Спустя чуть больше года в очередном послании Конгрессу Дж. Буш-мл. включил Ирак, Иран и Северную Корею в число стран так называемой оси зла, которые, по его мнению, поддерживали террористов [State of the Union Address 2002]. Проведение активного международного курса прочно вошло в инструментарий внешней политики США периода правления Дж. Буша-мл. Ключевым моментом практической реализации данной внешнеполитической доктрины стала военная интервенция в Ирак, которая получила активную поддержку не только со стороны неоконсервативных лидеров (Д. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц), но и Конгресса, широкой общественности, СМИ [Mitchell, Massoud 2009, p. 280].

Во многом неоднозначные итоги иракской кампании ослабили позиции неоконсерваторов во внутривнутриполитической борьбе и серьезно пошатнули международный престиж США. Однако общая интервенционистская линия в американской внешней политике продолжилась, хотя и была скорректирована в сторону большего мультилатерализма и опоры на союзников. Несмотря на то, что демократ Б. Обама в ходе президентской предвыборной кампании 2008 г. позиционировал себя как антивоенного кандидата, возглавляемая им

администрация инициировала силовую операцию НАТО в Ливии (2011 г.) и создала коалицию для борьбы с приверженцами терроризма в Ираке и Сирии (2013 г.). Расширение интервенционизма в начале XXI века, по мнению исследователя Дж. Петерсона, способствовало упадку американского лидерства в мире, и в этом плане Б. Обама может войти в историю как «первый постгегемонистский» президент США.

На сегодняшний день может сложиться впечатление, что президентство Д. Трампа положило конец интервенционистским устремлениям неоконсерватизма. Действительно, в значительной степени его сторонники утратили политическое влияние и вес. Закрылись их ключевые информационные и интеллектуальные площадки: журнал «Уикли Стандарт», аналитический центр «Форин Полиси Инициатив», общественно-политическая организация «Проект «Новый американский век» [Elghossain 2019]. Но нельзя не отметить, что неоконсервативный «ястреб» Дж. Болтон до недавнего времени занимал должность советника президента по национальной безопасности в администрации Д. Трампа. А наиболее убежденные в своей правоте неоконсерваторы, среди которых можно назвать имена Р. Кагана и Б. Стивенса, на страницах авторитетных изданий и с телевизионных экранов продолжают настаивать на расширении военных бюджетов и правильности решения о начале войны в Ираке в 2003 г. [Elghossain 2019].

Один из ключевых идеологов дрого течения американского консерватизма – традиционализма – и основатель журнала «Нэйшнл Ревью» У. Бакли-мл. поддержал идею одностороннего применения США силы для решения проблем национальной безопасности [Buckley 2003]. Отношение У. Бакли-мл. к интервенционизму США во мно-

гом основывалось на том, что ООН, с его точки зрения, не была в состоянии справиться с глобальными вызовами [Buckley 2003]. В то же время отсутствие со стороны Совета Безопасности ООН реального противодействия американской интервенции в Югославии, по мнению теоретика традиционализма, де-факто санкционировало действия США [Buckley 2003].

Вопрос о борьбе с террористической организацией «Аль-Каида», ответственной за теракты 11 сентября, консерваторами-традиционалистами однозначно решался в пользу силового решения [Berkowitz 2004, р. 28]. Однако для части приверженцев традиционализма слабо подкрепленная фактами риторика о наличии у Саддама Хусейна оружия массового поражения оказалась недостаточной для открытой интервенции, поскольку развязывание военных действий без явной причины входило в противоречие с принципом справедливой войны [Larison 2005]. Кроме того, некоторые традиционалисты критически отнеслись к намерению администрации Дж. Буша-мл. с помощью силы утвердить демократию в арабских странах [Larison 2005]. В их понимании, успешное становление демократических ценностей зависит от исторических предпосылок, существовавших в стране в предшествующие периоды социальных и культурных институтов [Larison 2005]. Тем не менее большинство традиционалистов поддерживали военную интервенцию, посчитав угрозу со стороны Ирака «очевидной и реально существующей» [Berkowitz 2004, р. 28]. Несмотря на то, что они оказались не в восторге от интервенционистской риторики администрации президента, в их понимании уход от решения проблемы мог негативно сказаться на безопасности США в долгосрочной перспективе [Berkowitz 2004, р. 28].

Хотя американских социальных консерваторов в первую очередь заботила внутривнутриполитическая повестка, они не остались в стороне от международной проблематики [Соколыщук (1) 2016, с. 127–142]. Представители данного течения консерватизма выступили с решительным осуждением террористов и в большинстве своем одобрили инициативу президента Дж. Буша-мл. начать войну против Ирака. Со стороны социально-консервативных организаций была оказана непосредственная гуманитарная поддержка при подготовке и проведении военных действий в 2003 г. [Соколыщук (2) 2016, с. 117–119]. Необходимо отметить, что позиции администрации президента и социальных консерваторов как сторонников христианских ценностей после 11 сентября 2001 г. сблизились в оценках моральных императивов внешней политики США [Соколыщук (2) 2016, с. 118].

Об отношении социальных консерваторов к активному внешнеполитическому курсу можно судить на основе высказываний их лидера Р. Санторума, который заявил о себе во время республиканских «праймериз» в 2012 г. Вышедшая в свет в 2006 г. его статья, посвященная проблеме Ирана, была написана в интервенционистском ключе [Santorum 2006]. В работе Р. Санторум предложил ряд основных принципов, на которых должна базироваться политика США в отношении исламской республики. Приведем некоторые из них: «Во-первых, Америка ни при каких условиях не должна допустить появления ядерного оружия у Ирана, поскольку такая ситуация создает реальную угрозу безопасности США. Во-вторых, для недопущения развития событий по негативному сценарию следует проводить политику с позиции силы, поскольку переговоры не дадут желаемого эффекта» [Santorum 2006].

Изоляционистский фланг американского консерватизма

Не все идейные группы в американском консервативном движении отстаивали интервенционистские воззрения: на позициях умеренного изоляционизма, в частности, выступили либертарианцы, или экономические консерваторы. Придерживаясь классической формулы «мир, малые налоги и справедливое правосудие», либертарианцы на протяжении всей своей истории были последовательными противниками чрезмерных военных действий [Toward a Libertarian Foreign Policy 2015]. Либертарианизм видит в войне серьезную угрозу свободе, поскольку она провоцирует расширение государственного вмешательства в экономику и другие сферы жизни общества, тем самым снижая конкуренцию и ограничивая частную инициативу.

Исследователь из консервативного интеллектуального центра «Като Институт» К. Пребл подчеркивает, что даже война с терроризмом, широко развернувшаяся в начале XXI века, имела существенные последствия для уровня свободы в США. «Она привела к массовым нарушениям основных гражданских прав и подрыву верховенства закона», – замечает К. Пребл [Toward a Libertarian Foreign Policy 2015]. Двигаясь дальше в своих рассуждениях, он решительно осуждает войну в Ираке, которая была начата под лозунгом дарования свободы, а привела к противоположному результату [Toward a Libertarian Foreign Policy 2015]. Важным является его утверждение о том, что либертарианцы выступают против любых интервенционистских войн, в т. ч. преследующих либеральные цели [Toward a Libertarian Foreign Policy 2015]. По мнению конгрессмена Рона Пола, отстаивающего либертарианские взгляды, правительство США должно

ограничиться обеспечением обороноспособности страны, а роль глобального жандарма является слишком обременительной для американских налогоплательщиков [Arizona Republican Presidential Debate 2011].

Изоляционистский фланг общественно-политического спектра США дополняет палеоконсерватизм, который, несмотря на свое название, является самым поздним элементом системы американского консерватизма. Его появление на рубеже 1980–1990-х гг. исторически совпало с окончанием холодной войны и формированием США в качестве мирового лидера. В пике устремлениям неоконсерваторов, желавшим утвердить идею американской империи, палеоконсерватизм выступил с призывом возвращения к республиканской традиции, существовавшей в XIX веке и даже еще в первой половине XX века, и отказаться от активного интервенционизма.

Изоляционистский аспект присутствует во внешнеполитических взглядах одного из видных палеоконсерваторов П. Бьюкенена. В основе его внешнеполитической парадигмы лежат две максимы: 1) внешняя политика эффективна тогда, когда она опирается на реальные политико-экономические ресурсы; 2) центральная угроза интересам США исходит от Китая. Отсюда проистекает второстепенный интерес США к региону Центральной и Восточной Европы и постсоветскому пространству. На подобных внешнеполитических постулатах он выстраивал две свои президентские предвыборные кампании (1992 г., 1996 г.).

В его публицистических трудах основывались достаточно нетривиальные на тот момент взгляды, которые исходили из оппозиции имперской по своей сути американской внешней политике. Он обрушился с критикой на военные действия США в Ираке и Афганистане. На страницах его работ мож-

но встретить трактовку причин международного терроризма, которые он видит в интервенционистской внешней политике США [Raimondo 2004]. Для артикуляции антивоенной позиции в американском медийном пространстве в 2002 г. П. Бьюкенен совместно с П. Теодорокоппулосом и С. Макконеллом основал журнал «Американский консерватор». Сейчас это издание является проводником внешнеполитического реализма и сдержанности в достижении национальных интересов США [The American Conservative].

Изоляционизм и внешнеполитическое измерение «трампизма»

Взлет в последние годы популизма в США отразился не только на динамике американской внутренней политики, он сказался и на формировании внешнеполитического курса. Параметры влияния популизма на внешнюю политику во многом зависят от его свойств. Из-за крайней аморфности популистские идейные конструкты вынуждены примыкать к универсальным идеологиям (консерватизму, социал-демократизму, либерализму), поэтому возможно сочетание различных концептов в его внутри- и внешнеполитическом дискурсах [Freedman 2017, p. 2]. При этом, несмотря на сложность в определении сущности популизма, большинство авторов сходятся во мнении, что антитеза «народ – элита» является его ключевой характеристикой [Mudde, Kaltwasser 2012, p. 8].

Анализ современного правого популизма в США показывает, что он базируется на противопоставлении «благородного американского народа» и «коррумпированной элиты» Вашингтона [Destradi, Plagemann 2019, p. 713]. Показательно звучат слова, сказанные

Д. Трампом во время инаугурационной речи в январе 2017 г.: «Слишком долго небольшая группа людей в столице нашей страны использовала власть в своих целях, в то время как народ страдал. Вашингтон процветал, но народ не получал тех же благ. Политики процветали, но рабочие места сокращались, а фабрики закрывались. Истеблишмент заботился о себе, но не о гражданах нашей страны» [The Inaugural Address of President Donald J. Trump 2017].

«Трампизм» явился закономерным следствием политического развития США после неуспешной интервенционистской внешней политики Дж. Буша-мл. и финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Популистская волна усиливалась параллельно с нарастанием негативных социально-экономических последствий глобализации и иммиграции. Правый популизм и консерватизм как идеологии, играющие на общем концептуальном поле, нередко пересекаются, поэтому «трампизм» для формирования собственной внешнеполитической позиции заимствовал палеоконсервативные идеи изоляционизма и протекционизма. Так, достаточно маргинальная для политического дискурса в 1990-е – начале 2000-х гг. изоляционистская точка зрения постепенно вошла в идейно-политический мейнстрим. Наибольшее влияние на внешнюю политику изоляционистские идеи получили в период президентства Д. Трампа.

Изоляционизм в правопопулистской концепции «трампизма» проявился в следующих аспектах. С точки зрения «трампизма» внешняя политика, проводимая «коррумпированной» элитой, не отвечает интересам «народа» и размывает «истинную» американскую идентичность. Антимигрантский посыл «трампизма» основывается на своеобразной интерпретации концепта «народ», в котором делается акцент на этнонациональной идентичности вме-

сто идентичности, основанной на ценностях [Boot 2018, p. 120]. Еще в период предвыборной кампании Д. Трамп намеревался остановить миграционный поток, вплоть до строительства стены на границе с Мексикой [Here's What We Know About Trump's Mexico Wall 2017]. Сразу после избрания президентским указом он попытался ввести запрет на въезд в США гражданам семи преимущественно мусульманских стран, который был отменен судебными органами. Характерной представляется общая антимигрантская риторика 45-го президента США, основанная на дискриминационных выпадах и противопоставлении всех «иных» общности «американский народ».

Другим важным элементом внешнеполитической концепции «трампизма» стала критика либерального мирового порядка как международного выражения правления «элиты». Наднациональные объединения с точки зрения «трампизма» являются проводниками ценностей «элиты» и универсальных прав человека, распространение которых негативно влияет на социокультурную идентичность американцев. Либеральный миропорядок, выстроенный «коррупзированной элитой» в своих интересах, с точки зрения «трампизма» должен быть перестроен. Исходя из этого посыла, во внешней политике США делается акцент на укреплении государственного суверенитета, выходе из наднациональных организаций и сокращении их финансирования (ЮНЕСКО, ООН, НАТО). Меры по укреплению обороноспособности страны, усилению границ и контролю иммиграции нашли отражение в реальном политическом курсе, который был закреплен в Стратегии национальной безопасности США от декабря 2017 г. [National Security Strategy 2017]. Помимо прочего, основными соперниками США на международной арене в доку-

менте были определены Китай и Россия [National Security Strategy 2017].

Изоляционизм во внешней политике Д. Трампа также проявился в отказе от неоконсервативной стратегии «экспорта» либеральной демократии в пользу противостояния конкретным внешним угрозам и идеи о том, что США должны лишь являть пример «процветания, свободы, закона и порядка». Примечательно, что «трампизм» позаимствовал концепт «оси зла», в котором место Ирака заняла Венесуэла. Северная Корея по-прежнему рассматривалась как страна, которая при получении ядерного оружия будет представлять непосредственную угрозу для безопасности США, как и Иран.

«Трампизм» в отстаивании интересов простых американцев основывается на идеях экономического протекционизма и даже меркантилизма [Dreher 2017]. В стремлении завоевать симпатии «работающей Америки», которая существенно пострадала от последствий глобализации, Д. Трамп прекратил переговоры по Транстихоокеанскому и Трансатлантическому партнерствам и настоял на пересмотре Североамериканского соглашения по торговле (НАФТА). Важным моментом стало переформатирование политики свободной торговли, которое проявилось в превращении санкций, ограничительных пошлин и торговых войн в новую норму внешней политики США (торговые войны с Китаем, ЕС, экономические санкции против Ирана, России) [Demertzis, Fredriksson 2018, pp. 260–261].

По мнению исследователя П. Петерсона, ориентация Д. Трампа на победу любой ценой во внутриполитической схватке поставила под сомнение доминировавший во внешнеэкономической политике США на протяжении почти шести десятилетий принцип свободной торговли и кооперации. Исследовать А.Ю. Борисов, оценивая изоля-

сионистские шаги президента Д. Трампа, пишет, что Соединенные Штаты пустились «в опасное предприятие по сохранению своего доминирования в мире, бросив вызов таким стремительно набирающим силу конкурентам, как Китай и Россия, а также Европейскому союзу» [Борисов 2019, с. 68].

Заключение

Анализ позиций различных течений современного американского консерватизма по внешнеполитической проблематике выявил два основных направления: интервенционистское и изоляционистское. Группу идейных течений, отстаивающих концепцию интервенционизма, составляют неоконсерваторы, традиционалисты и социальные консерваторы. Противоположный лагерь представляют либертарианцы и палеоконсерваторы.

Последовательными защитниками имперской идеи и сторонниками активных внешнеполитических действий США с позиции интервенционистского унилатерализма являются неоконсерваторы. Наибольших успехов в реализации своей программы им удалось достичь в 2000-е гг., однако в настоящее время они утрачивают прежний политический вес. Более взвешенную точку зрения занимают консерваторы-традиционалисты и социальные консерваторы, которые, хотя и поддерживают военные интервенции, выступают за мультилатералистский подход к защите национальных интересов США. Как поборники традиционных ценностей и христианской этики, они стремятся учитывать моральный аспект во внешней политике.

Исходя из приоритета свободных рыночных отношений, либертарианцы отстаивают умеренный изоляционизм, который должен обеспечить сокраще-

ние вмешательства государства в экономику и другие сферы жизни общества и затраты на военно-промышленный комплекс. Достаточно радикальную изоляционистскую позицию занимает палеоконсерватизм, который критикует гегемонистские устремления США и ратует за возвращение республиканских традиций во внешней политике.

При этом можно констатировать, что с начала XXI века прослеживается эволюция во внешнеполитическом курсе США от крайнего интервенционизма в неоконсервативном духе в период президентства республиканца Дж. Буша-мл. через умеренно активную внешнюю политику во времена правления демократа Б. Обамы к внешнеполитическому изоляционизму и экономическому протекционизму при действующей республиканской администрации Д. Трампа.

Правопопулистский идейный конструкт «трампизма» базируется на противопоставлении «благородного американского народа» и «коррупцированной вашингтонской элиты», которая узурпировала суверенитет народа и действует в своих корыстных целях. В этом плане либеральный мировой порядок воспринимается «трампизмом» как международное воплощение институтов, ценностей и правления «элиты». Правый компонент идеологии «трампизма» проявляется в стремлении подменить понимание американской идентичности, основанное на ценностях, этнонациональным. Как идеология «с разрезанным центром», «трампизм» во многом воспринял изоляционистские и протекционистские идеи от палеоконсерватизма. Таким образом, можно констатировать, что отдельные элементы американского консерватизма, акцептированные правым популизмом, нашли воплощение в текущей внешней политике США.

В целом международные вызовы современности, динамика внутривнутриполитической борьбы и необходимость активно противостоять антидемократическим популистским тенденциям побуждают представителей американского консерватизма к поиску новых объединительных основ и идейных концепций, от успешной реализации которых во многом может зависеть не только внешнеполитический курс США, но и общемировой дизайн.

Список литературы

- Борисов А.Ю. (2019) Международный бизнес и кризис глобализации // Вестник МГИМО-Университета. № 3(66). С. 61–88. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-61-88
- Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. (1987) Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука.
- Рахшмир П.Ю. (2007) Американские консерваторы и имперская идея. Пермь: ПГУ.
- Робин К. (2013) Реакционный дух. Консерватизма от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М.: Институт Гайдара.
- Соколыщик Л.М. (1) (2016) Дж. Буш-мл. и социальные консерваторы: некоторые аспекты социальной политики // Американский ежегодник. С. 127–142 // <http://elibrary.ru/item.asp?id=26601893>, дата обращения 25.08.2020.
- Соколыщик Л.М. (2) (2016) Социальный консерватизм в США (вторая половина XX–XXI вв.). Пермь: ПГНИУ.
- Фукуяма Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Хантингтон С. (2018) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Arizona Republican Presidential Debate (2011).
- Berkowitz P. (ed.) (2004) Varieties of Conservatism in America, Stanford: Hoover Institute Press.
- Boot M. (2018) The Corrosion of Conservatism: Why I Left the Right, New York, London: Liveright Publishing Corporation.
- Buckley W.F. (2003) The New World Immediately Ahead // National Review, March 11, 2003 // <https://www.nationalreview.com/2003/03/new-world-immediately-ahead-william-f-buckley-jr/>, дата обращения 25.08.2020.
- Demertzis M., Fredriksson G. (2018) The EU Response to US Trade Tariffs // Intereconomics, vol. 53, no 5, pp. 260–268 // <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2018/number/5/article/the-eu-response-to-us-trade-tariffs.html>, дата обращения 25.08.2020.
- Destradi S., Plagemann J. (2019) Populism and International Relations: (Un)predictability, Personalisation, and the Reinforcement of Existing Trends in World Politics // Review of International Studies, vol. 45, no 5, pp. 711–730. DOI: 10.1017/S0260210519000184
- Dreher R. (2017) Trump Flip-Flops on Non-Intervention // The American Conservatives, April 6, 2017 // <https://www.theamericanconservative.com/dreher/trump-syria-non-intervention/>, дата обращения 25.08.2020.
- Elghossain A. (2019) The Enduring Power of Neoconservatism // The New Republic, April 3, 2019 // <https://newrepublic.com/article/153450/enduring-power-neoconservatism>, дата обращения 25.08.2020.
- Freedman M. (2003) Ideology: A Very Short Introduction, Oxford: Oxford University Press.
- Freedman M. (2013) The Morphological Analysis of Ideology // The Oxford Handbook of Political Ideologies (eds. Freedman M., Sargent L.T., Stears M.), Oxford: Oxford University Press, pp. 116–137.
- Freedman M. (2017) After the Brexit Referendum: Revisiting Populism as an Ideology // Journal of Political Ideologies, vol. 22, no 1, pp. 1–11. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199585977.013.0034

Glenn B.J., Telles S.M. (2009) *Conservatism and American Political Development*, Oxford: Oxford University Press.

Here's What We Know about Trump's Mexico Wall (2017) // [Bloomberg.com](https://www.bloomberg.com/graphics/trump-mexico-wall/), February 13, 2017 // <https://www.bloomberg.com/graphics/trump-mexico-wall/>, дата обращения 25.08.2020.

Larison D. (2005) *Understanding Traditional Conservatism* // *The American Conservative*, August 1, 2005 // <https://www.theamericanconservative.com/larison/understanding-traditional-conservatism/>, дата обращения 25.08.2020.

Mitchell D., Massoud T.G. (2009) *Anatomy of Failure: Bush's Decision-Making Process and the Iraq War* // *Foreign Policy Analysis*, vol. 5, no 3, pp. 265–286. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2009.00093.x

Mudde C. (2010) *The Rise (and Fall?) of American Conservatism* // *The Journal of Politics*, vol. 72, no 2, pp. 588–594. DOI: 10.1017/S0022381609990995

Mudde C., Kaltwasser C.R. (eds.) (2012) *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective to Democracy?* New York: Cambridge University Press.

National Security Strategy of the United States of America (2017) // *The White House*, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Raimondo J. (2004) *Buchanan against the Empire* // *Antiwar.com*, August 23, 2004 // <https://original.antiwar.com/justin/2004/08/23/buchanan-against-the-empire/>, дата обращения 25.08.2020.

Santorum R. (2006) *The Gathering Storm* // *Freerepublic.com*, October 26, 2006 // <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1726394/posts>, дата обращения 25.08.2020.

State of the Union Address (2002) // *The White House*, January 29, 2002 // <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>, дата обращения 25.08.2020.

The American Conservative // <https://www.theamericanconservative.com/about-us/>, дата обращения 25.08.2020.

The Inaugural Address of President Donald J. Trump (2017) // *The White House*, January 20, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>, дата обращения 25.08.2020.

Toward a Libertarian Foreign Policy (2015) // *The Cato Institute* // <https://www.cato.org/policy-report/julyaugust-2015/toward-libertarian-foreign-policy>, дата обращения 12.01.2020.

Transcript of President Bush's Address (2001) // *CNN*, September 21, 2001 // <https://edition.cnn.com/2001/US/09/20/gen.bush.transcript/>, дата обращения 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13

American Conservatism and US Foreign Policy Challenges in the XXI Century: Between Interventionism and Isolationism

Lev M. SOKOLSHCHIK

PhD in History, Researcher, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS)

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: lsokolshchik@hse.ru

ORCID: 0000-0002-0945-1022

CITATION: Sokolshchik L.M. (2020) American Conservatism and US Foreign Policy Challenges in the XXI Century: Between Interventionism and Isolationism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 278–291 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13

Received: 28.01.2020.

ABSTRACT. *The process of ideological and political transformation of American conservatism under the influence of foreign policy factors in the XXI century is discussed in the article. Foreign policy concepts of various types of American conservatism (neoconservatism, traditionalism, social conservatism, libertarianism, paleoconservatism) are studied based on Michael Frieden's method of «ideological morphology». Two main directions of the conservative foreign policy (interventionism and isolationism) have been identified. The analysis of the foreign policy aspect of Trumpism as US version of contemporary populism is presented in the light of the ideological approach. The characteristics of Trumpism as «thin-centred» ideology, which based on the antithesis of «the pure American people» and «the corrupt Washington elite» and a concept of «common will of the people», are under investigation in the paper. The research shows, that Trumpism uses concepts of «host» ideology (conservatism) to form its discourse. The connection be-*

tween the international agenda of Trumpism and isolationist and protectionist ideas of paleoconservatism is determined. The influence of conservative ideological attitudes on the evolution of US foreign policy in the XXI century is traced.

KEY WORDS: *American conservatism, neoconservatism, traditionalism, social conservatism, libertarianism, paleoconservatism, US foreign policy, interventionism, isolationism, populism, Trumpism*

References

- Arizona Republican Presidential Debate (2011).
- Berkowitz P. (ed.) (2004) *Varieties of Conservatism in America*, Stanford: Hoover Institute Press.
- Boot M. (2018) *The Corrosion of Conservatism: Why I Left the Right*, New York, London: Liveright Publishing Corporation.

Borisov A.Yu. (2019) International Business and the Crisis of Globalization. *MGIMO Review of International Relations*, no 3(66), pp. 61–88 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-61-88

Buckley W.F. (2003) The New World Immediately Ahead. *National Review*, March 11, 2003. Available at: <https://www.nationalreview.com/2003/03/new-world-immediately-ahead-william-f-buckley-jr/>, accessed 25.08.2020.

Bemertzis M., Fredriksson G. (2018) The EU Response to US Trade Tariffs. *Intereconomics*, vol. 53, no 5, pp. 260–268. Available at: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2018/number/5/article/the-eu-response-to-us-trade-tariffs.html>, accessed 25.08.2020.

Destradi S., Plagemann J. (2019) Populism and International Relations: (Un) predictability, Personalisation, and the Reinforcement of Existing Trends in World Politics. *Review of International Studies*, vol. 45, no 5, pp. 711–730. DOI: 10.1017/S0260210519000184

Dreher R. (2017) Trump Flip-Flops on Non-Intervention. *The American Conservative*, April 6, 2017. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/dreher/trump-syria-non-intervention/>, accessed 25.08.2020.

Elghossain A. (2019) The Enduring Power of Neoconservatism. *The New Republic*, April 3, 2019. Available at: <https://newrepublic.com/article/153450/enduring-power-neoconservatism>, accessed 25.08.2020.

Freeden M. (2003) *Ideology: A Very Short Introduction*, Oxford: Oxford University Press.

Freeden M. (2013) The Morphological Analysis of Ideology. *The Oxford Handbook of Political Ideologies* (eds. Freeden M., Sargent L.T., Stears M.), Oxford: Oxford University Press, pp. 116–137.

Freeden M. (2017) After the Brexit Referendum: Revisiting Populism as an Ideology. *Journal of Political Ideologies*, vol. 22,

no 1, pp. 1–11. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780199585977.013.0034

Fukuyama F. (2004) *The End of History and the Last Man*, Moscow: AST (in Russian).

Galkin A.A., Rakhshmir P.Yu. (1987) *Conservatism in the Past and Present*, Moscow: Nauka (in Russian).

Glenn B.J., Telles S.M. (2009) *Conservatism and American Political Development*, Oxford: Oxford University Press.

Here's What We Know about Trump's Mexico Wall (2017). *Bloomberg.com*, February 13, 2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/trump-mexico-wall/>, accessed 25.08.2020.

Huntington S. (2018) *The Clash of Civilizations*, Moscow: AST (in Russian).

Larison D. (2005) Understanding Traditional Conservatism. *The American Conservative*, August 1, 2005. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/larison/understanding-traditionalist-conservatism/>, accessed 25.08.2020.

Mitchell D., Massoud T.G. (2009) Anatomy of Failure: Bush's Decision-Making Process and the Iraq War. *Foreign Policy Analysis*, vol. 5, no 3, pp. 265–286. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2009.00093.x

Mudde C. (2010) The Rise (and Fall?) of American Conservatism. *The Journal of Politics*, vol. 72, no 2, pp. 588–594. DOI: 10.1017/S0022381609990995

Mudde C., Kaltwasser C.R. (eds.) (2012) *Populism in Europe and the Americas: Threat or Corrective to Democracy?* New York: Cambridge University Press.

National Security Strategy of the United States of America (2017). *The White House*, December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, accessed 25.08.2020.

Raimondo J. (2004) Buchanan against the Empire. *Antiwar.com*, August 23, 2004. Available at: <https://original.antiwar.com/justin/2004/08/23/buchanan-against-the-empire/>, accessed 25.08.2020.

Rakhshmir P.Yu. (2007) *American Conservatives and the Imperial Idea*, Perm: PGU (in Russian).

Robin C. (2013) *The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin*, Moscow: Institut Gaydara (in Russian).

Santorum R. (2006) The Gathering Storm. *Freerepublic.com*, October 26, 2006. Available at: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1726394/posts>, accessed 25.08.2020.

Sokolshchik L.M. (1) (2016) G.W. Bush and Social Conservatives: Some Aspects of Social Policy in the 2000s. *Amerikan-skij Ezhegodnik*, pp. 127–142. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26601893>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Sokolshchik L.M. (2) (2016) *Social Conservatism in the USA (Second Half of the XX – XXI Century)*, Perm: Perm State National Research University (in Russian).

State of the Union Address (2002). *The White House*, January 29, 2002.

Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>, accessed 25.08.2020.

The American Conservative. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/about-us/>, accessed 25.08.2020.

The Inaugural Address of President Donald J. Trump (2017). *The White House*, January 20, 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>, accessed 25.08.2020.

Toward a Libertarian Foreign Policy (2015). *The Cato Institute*. Available at: <https://www.cato.org/policy-report/julyaugust-2015/toward-libertarian-foreign-policy>, accessed 25.08.2020.

Transcript of President Bush's Address (2001). *CNN*, September 21, 2001. Available at: <https://edition.cnn.com/2001/US/09/20/gen.bush.transcript/>, accessed 25.08.2020.

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-14

Тональность освещения позиции России в англоязычных СМИ в период санкций

Любовь Евгеньевна ХРУСТОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель
Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993 (ГСП-3), Ленинградский
проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация
E-mail: khrustoval@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0884-2734

Елена Анатольевна ФЕДОРОВА

доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993 (ГСП-3), Ленинградский
проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация
E-mail: ecolena@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3381-6116

Федор Юрьевич ФЕДОРОВ

аспирант
Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993 (ГСП-3), Ленинградский
просп., д. 49, Москва, Российская Федерация
E-mail: fedorovfedor92@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Хрустова Л.Е., Федорова Е.А., Федоров Ф.Ю. (2020) Тональность освещения позиции России в англоязычных СМИ в период санкций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 292–310. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-14

Статья поступила в редакцию 03.07.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета на 2019 год.

АННОТАЦИЯ. *Обострение политической обстановки, которая свойственна текущей стадии развития международных отношений, сопровождается масштабной информационной войной.*

Проблема освещения положения России в международной прессе с негативной точки зрения обсуждается с начала 2000-х годов. Российско-украинский конфликт, который начался в конце

2013 – начале 2014 годов, заставил иностранных средства массовой информации вновь обратить внимание на Россию и спровоцировал увеличение количества негативных высказываний в ее отношении. Создается впечатление, что целью иностранных СМИ выступает формирование враждебного образа России у аудитории. Статья посвящена проблеме оценки тональности освещения позиции России в англоязычных СМИ под влиянием введения антироссийских санкций. В исследовании были проанализированы новостные тексты англоязычных средств массовой информации за 2012–2018 годы. Весь рассматриваемый период был разделен на несколько этапов: первый этап представляет собой период до момента введения первых санкций; остальные отражают различные стадии введения ограничений. Авторы отталкивались от предположения о том, что англоязычные СМИ склонны освещать Россию с негативной точки зрения независимо от содержания происходящих политических событий в период санкций. Для подтверждения поставленной гипотезы была применена методология текстового анализа и рассчитаны следующие показатели: общее количество новостей, связанных с Россией в рассматриваемом периоде; количество позитивных и негативных слов, приходящееся на весь период и в расчете на один день. В результате было выявлено, что введение санкций спровоцировало увеличение общего количества упоминаний России в СМИ, а также одновременно стал наблюдаться более значимый рост количества негативных слов в сравнении с позитивными. Оценка содержания текстов новостей с точки зрения наличия корреляции между отдельными словами показала, что тема российско-украинского конфликта утратила свою значимость, однако общий уровень враждебности в новост-

ных текстах сохранился и даже продемонстрировал тенденцию к росту, согласующуюся с происходящими политическими событиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антироссийские санкции, текстовый анализ, новости, анализ тональности новостей, влияние новостей, информационная война, образ России в СМИ

Роль санкций в формировании политического образа России

Обострение российско-украинских отношений в марте 2014 г. стало отправной точкой начала длительного периода внешнего давления со стороны США, Европейского союза и ряда других стран на Россию. В качестве основного инструмента воздействия на руководство Российской Федерации и принимаемые им решения было избрано введение санкций экономического и политического характера, продолжающееся и в настоящий момент. На современном этапе введение санкций в отношении отдельных государств становится популярной мерой сдерживания и воздействия в силу достижения отдельными странами сверхвысокого уровня военно-технического развития и необходимости поиска путей разрешения конфликтов без применения оружия, что определяет актуальность рассмотрения данной тематики. Различные экономико-правовые аспекты санкционных ограничений, конкретное понимание их содержания активно освещаются в отечественной и зарубежной литературе, формируя основу теории экономических санкций и их влияния на положение участников международных отношений [Morgan 2015; Сазонова 2013; Кротов, Шуба 2016].

Санкции как инструмент воздействия носят спорный характер. Их

применение может затрагивать отдельные физические и юридические лица, отрасли и даже государство в целом. Ограничения, как правило, носят двухстороннее воздействие – введение санкций против какого-либо государства неизбежно оказывает влияние не только на страну-инициатора их применения, но и на другие государства, осуществляющие взаимовоздействие с ними. При этом некоторые авторы оспаривают целесообразность введения санкций как таковую. Так, R.A. Паре говорит о реальной недостижимости политических целей посредством подобных ограничений. Автор не отрицает эффективность санкций как инструмента осуществления «войны без оружия» и меры дополнительного экономического давления, однако подвергает сомнению возможность получения желаемого ответного действия со стороны страны, против которой введены ограничения [Pare 1997]. Автор J. Gordon в свою очередь подчеркивает, что санкционные ограничения являются огромным препятствием на пути экономического развития страны, выступающей объектом санкций [Gordon 2016].

Проблема целесообразности введения санкций приобрела широкое освещение в научной литературе в связи с событиями, связанными с российско-украинским конфликтом, и реакцией иностранных государств на присоединение Россией Крыма. Большую роль в текущем противостоянии России и зарубежных стран сыграли средства массовой информации. Мировое сообщество столкнулось с ситуацией попытки формирования определенного имиджа Российской Федерации с использованием средств телекоммуникации. Одни и те же новости представлялись в российских и зарубежных СМИ с различных точек зрения, что способствовало усилению негативного отношения к

России в зарубежном обществе, оказало влияние на общее восприятие страны. Именно поэтому высокую актуальность приобретает исследование антироссийских санкций в контексте новостного фона, создаваемого зарубежными СМИ по поводу введения санкций против России.

Поставленная проблематика тесно связана с вопросом о том, как в целом зарубежные СМИ оказывают влияние на формирование имиджа России у зарубежной аудитории. Всю совокупность исследований по данной проблеме можно систематизировать по направлениям, представленным в табл. 1. Исследования затрагивают общие вопросы формирования имиджа России под воздействием публикаций в зарубежных СМИ, влияния информации в зарубежных СМИ на различные экономические субъекты внутри страны, методы, с помощью которых осуществляется воздействие, характер воздействия СМИ конкретных стран (или языковых групп стран).

Направления, охарактеризованные в табл. 1, охватывают достаточно широкий круг вопросов и представлены трудами как отечественных, так и зарубежных ученых. Текущее исследование развивает проблематику рассмотрения влияния освещения конкретных событий в зарубежных СМИ на формирование имиджа России, рассматривая ограниченный сегмент – англоязычные СМИ – и оценивая изменение тональности высказываний о России под влиянием вводимых антироссийских санкций.

Представителями филологического сообщества неоднократно отмечался стереотипный характер изображения России и русского человека в англоязычных средствах массовой информации. Россия зачастую характеризуется как сторона, находящаяся в оппозиции по отношению к ведущим стра-

Таблица 1. Исследования влияния публикаций в зарубежных СМИ на формирование имиджа России
Table 1. Research on the Impact of Publications in Foreign Media on the Formation of Image of Russia

Направления исследований	Содержание исследований
Влияние публикаций в зарубежных СМИ на российский корпоративный сектор	На примере российских компаний рассматривается, каким образом раскрытие информации о нарушениях принципов корпоративного управления в зарубежных СМИ оказывает влияние на урегулирование ситуации компаниями и государственными органами [Dyck, Volchkova, Zingales 2008].
	В статье анализируется, как освещение корпоративного мошенничества в западных СМИ воздействует на изменение числа случаев раскрытия незаконных действий в российских компаниях. Авторы также оценивают, на что больше реагируют собственники российских компаний: на сообщения местных или зарубежных СМИ [Matherne 2008]?
Анализ методов освещения России в зарубежных СМИ, воздействующих на формирование ее образа (лингвистических и журналистских)	Авторы рассматривают создание образа России в английском дискурсе с помощью различных языковых средств и показывают влияние этого образа на межкультурные, политические и экономические отношения. В работе изучаются различные стереотипы о России, возникшие в западных культурах, с целью воссоздания целостного образа России на мировой арене [Telesheva, Denisova 2015].
	Работа посвящена лингвистическому анализу информационных материалов популярных немецких СМИ, освещающих украинский кризис 2014 г. Особое внимание уделено формированию русских и украинских образов в рамках информационно-психологического противоборства посредством психолингвистики, обработки текста, использования специальных подходов к определению и представлению информации [Petukhov, Ivlieva 2017].
Общие работы, посвященные изучению влияния публикаций в зарубежных СМИ на формирование имиджа России	Россия в работе исследуется в контексте ее положения как внешнего игрока по отношению к европейским странам. Основываясь на публикациях в СМИ и результатах текстового анализа, авторы отвечают на вопрос, воспринимается ли Россия как часть Европы или как альтернативная Европа [von Seth 2018].
	Исследование объединяет количественный и текстовый анализ передовых статей в ведущих американских газетах, посвященных внутренней политике России в период с 2008 по 2014 г., отмечая, что, несмотря на сближение при президенте Дмитрие Медведеве, имидж России был крайне негативным с 2008 г. в зарубежных СМИ [Tsygankov 2017].
	В статье обобщены сущность и содержание процесса построения политического имиджа России в зарубежных СМИ. Проведен анализ статистических данных и экспертных оценок особенностей сложившегося общественного мнения. Рассмотрена современная роль СМИ в процессе влияния на общественные настроения [Черепанова 2017].
	Анализируя имидж России, созданный зарубежными СМИ, автор показывает необъективность отражения действительности развития России зарубежными СМИ, которая определяется политической волей руководителей мировых держав, интересами транснациональных корпораций и финансовых кругов [Малеева 2008].
	В статье представлены итоги социологического анализа международного имиджа России в иностранных СМИ при помощи контент-анализа. Сделан вывод о том, что сегодня восприятие России как международной общественностью, так и внутри страны достаточно противоречиво и требует принятия эффективных мер со стороны российского государства [Сушко 2019].

Исследование формирования имиджа России в прессе конкретных стран (языковых групп)	Предметом исследования стало исследование имиджа России, ее президента и происходивших политических событий во франкоязычных СМИ. Полученные в результате анализа выводы позволяют говорить о наличии пропаганды положительного взгляда на происходящие события в России, которой присуща политкорректность, толерантность и дипломатичность [Нешина 2017].
	В работе обсуждается вопрос о том, как стратегия умолчания, реализуемая в испанских СМИ, создает имидж России, диссонансный стереотипному восприятию россиян; анализируется, каким образом через имидж России оказывается воздействие на образ родной страны в испанском массовом сознании [Копылова 2013].
	Исследование рассматривает, как влияют американские СМИ на общественное мнение и экономические результаты деятельности других стран. Кроме того, статья определила направления, которые эффективно освещать в СМИ для формирования положительной репутации страны [Jain, Winner 2013].
Рассмотрение влияния освещения конкретных событий в зарубежных СМИ на формирование имиджа России	В работе исследуется взаимосвязь между содержанием публикаций в американских газетах, носящих антироссийский характер, формирующим общественным мнением у населения США и внешней политикой государства в период российско-грузинского конфликта 2008 г. [Bayulgen, Arbatli 2013].
	Авторами рассматривается влияние дезинформации на развитие российско-украинского конфликта. При этом в качестве источника дезинформации рассматриваются не только публикации в СМИ, но и в социальных сетях – как одного из движущих факторов воздействия на общественное мнение [Mejias, Vokuev 2017].
	Используя контент-анализ оригинальных интервью с редакторами и журналистами, авторы выявляют факторы, которые повлияли на характер репортажей о России в Украине в 2010–2011 гг. Полученные результаты свидетельствуют о том, что издания и каналы, у которых был российский акционер или партнер, имели тенденцию быть более сдержанными в своей критике России, чем сопоставимые провайдеры новостей без обозначенных взаимосвязей [Szostek 2014].
	Статья посвящена анализу особенностей освещения политического имиджа Российской Федерации в мировых СМИ в период сирийского кризиса [Озманиян 2016].
	Основной целью работы выступило выяснение того, действительно ли американские СМИ проводили целенаправленную кампанию по дискредитации международного имиджа России в период Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. [Браун 2018].

нам-участницам международных взаимоотношений. Восприятие зарубежным сообществом России как страны-агрессора с жесткой вертикалью власти формируется, в том числе, в связи со сложившейся тенденцией зарубежных (в т. ч. англоязычных) СМИ к освещению событий, происходящих в нашей стране, в негативной тональности. Подобная тенденция стала особенно заметна после событий на Украине, что определило очередной «виток негативизации страны» в иностранных новостных текстах [Орлова 2015].

В части российско-украинского конфликта некоторые исследователи выявляют, что американские СМИ склонны апеллировать к незаконности, антидемократичному и военному характеру присоединения Крыма к России, в то время как отечественные издания подчеркивают исторические и культурные особенности взаимосвязей России и Крыма, формируя благородный образ страны в сознании граждан. Авторы представленного утверждения при этом отмечают, что в России, несмотря на общий проправительственный ха-

рактик высказываний в СМИ, сформирован также определенный круг изданий, чья позиция носит нейтральный и объективный характер [Голоусова, Амиров 2016].

События на Украине послужили лишь импульсом начала ухудшения геополитического положения России и необходимости проведения агрессивной внешней политики. К ключевым событиям, произошедшим за период с ноября 2013 г. (украинский майдан) по настоящий момент и напрямую связанным с судьбой нашего государства, можно отнести присоединение Крыма к России, военные действия на территории Сирии, обвинение мировым сообществом руководства Сирии в применении химического оружия и причастности России как союзнической стороны, выборы президента США, последовавшие обвинения в отношении России о вмешательстве в выборы президента США, нападки на «российских» хакеров, осуществивших глобальные атаки за рубежом, отравление Скрипалей в Солсбери и заявление Великобритании о причастности России к данному инциденту. Перечисленные эпизоды отражают лишь часть событий, повлекших за собой череду санкций и ответных событий, активно освещавшихся в печатных изданиях, на телевидении, радио и в Интернете.

Исходя из предположения, что российско-украинский конфликт как злободневная тематика исчерпал себя, и опираясь на выявленные ключевые события, стимулирующие формирование образа России в информационных источниках, нами предлагается работа, направленная на определение динамики настроения англоязычных СМИ в отношении России. Целью данного исследования выступила оценка изменения тональности освещения позиции России в англоязычных СМИ в зависимости от принимаемых политических

решений относительно введения анти-российских санкций. Авторами были проанализированы тексты англоязычных новостных изданий за период с 2012 по 2018 г. Оценка их содержания с точки зрения динамики степени их позитивности/негативности позволила выявить ключевые моменты, связанные с всплеском негативной тональности в отношении нашей страны, и проанализировать их корреляцию с происходившими политическими событиями. Авторы отталкивались от идеи о том, что, несмотря на провозглашенную объективность и независимость, иностранные издания склонны к негативному отражению информации о Российской Федерации независимо от содержания происходящих на мировой арене политических событий. В целях исследования весь анализируемый период был разделен на несколько частей в зависимости от этапов введения санкций, а к рассмотрению был взят ограниченный сегмент иностранных СМИ – англоязычные источники информации.

Методология анализа тональности освещения позиции России в период санкций

Поскольку целью исследования выступило изучение изменения тональности новостных текстов, в качестве сравнительной базы в рассмотрение был взят период с 1 января 2012 г. по 16 марта 2014 г. (до введения санкций). Подобная технология анализа позволила обобщать взаимосвязь происходивших политических событий, установления антироссийских ограничений и характера высказываний англоязычных СМИ.

Текстовый анализ содержания новостей англоязычных СМИ рассматривался авторами в разрезе нескольких этапов введения санкций. Первона-

чально вся совокупность санкций была разделена на четыре ключевых периода: персональные санкции (16 марта – 15 июля 2014 г.), секторальные санкции (16 июля – 18 декабря 2014 г.), экономическая блокада Крыма (19 декабря 2014 г. – 5 марта 2015 г.) и период продления санкций (6 марта 2015 г. – настоящее время). В целях детализации последнего из выделенных периодов нами были выбраны дополнительные политические события, широко освещавшиеся в прессе и имеющие отношение ко взаимодействию России и западных стран. В качестве таких событий нами были выбраны: избрание нового президента США (8 ноября 2016 г.), начало военных действий в Сирии (30 сентября 2015 г.), отравление семьи Скрипалей и последующие обвинения России в подготовке покушения (12 марта 2018 г.). Таким образом, вся совокупность аккумулированных новостей может быть разбита и изучена в рамках следующих временных периодов:

- 16.03.2014–15.07.2014 – персональные санкции против граждан РФ;
- 16.07.2014–18.12.2014 – секторальные санкции против компаний РФ;
- 19.12.2014–05.03.2015 – период активной экономической блокады Крыма;
- 06.03.2015–29.09.2015 – период продления санкций до начала военных действий в Сирии;
- 30.09.2015–07.11.2016 – период продления санкций между военными действиями в Сирии и выборами нового президента США;
- 08.11.2016–11.03.2018 – период продления санкций между выборами президента США и обвинениями странами Запада России в подготовке покушения на семью Скрипалей;
- 12.03.2018–31.07.2018 – период продления санкций после отравления Скрипалей.

Текстовый анализ в настоящей работе был осуществлен с применением методологии «мешок слов», которая позволяет путем представления новости в виде множества отдельно стоящих слов оценить их свойства, а не новостной текст целиком. Основными этапами применения данного метода являются удаление из текста «стоп-слов» (stop-words – слов, не несущих в себе смысловой нагрузки, например, артикли, цифры, знаки препинания), приведение всех букв в тексте к единому регистру, разложение текста на отдельные слова при игнорировании синтаксиса и сведений о взаимосвязях между словами.

Оценка тональности новостных текстов с использованием методологии «мешка слов» осуществляется с применением специального словаря, в котором каждому слову присваивается некоторая тональность. В рамках данного исследования авторами была использована библиотека Loughran and McDonald, которая включает в себя 3916 терминов, каждому из которых присвоено от одного до трех признаков тональности («позитивный» – «негативный», «неопределенный» – «спорный», «ограничивающий» – «избыточный») и в большей мере адаптирована к анализу экономических текстов. Так, поскольку в бизнес-текстах английское слово *share* обычно используется в значении «акция», «доля собственности», в данной библиотеке оно не имеет эмоциональной окраски в отличие от общих словарей [McDonald, Loughran 2016].

В качестве источника новостных текстов авторами была выбрана база данных медиакомпания Thomson Reuters, представление информации в которой отвечает требованиям консистентности с позиции сентимент-анализа.

В целях анализа авторами рассматривались новости за период с 2012 по 2018 г. (тестовый период – 2015–2018 гг.). В тестовом периоде перво-

начально были отобраны новости по ключевым словам Russia, Russian, а затем использовались фильтры Sanctions, Russian, Moscow, Kremlin. Для проверки работы алгоритма был выбран тестовый период, содержащий 830 190 новостных текстов.

Общая выборка новостных текстов составила более 10 миллионов новостей из различных источников, аккредитованных Thomson Reuters, основными среди которых являются агентства the New York Post, CNN, Breitbart, Reuters, Fox, Atlantic, The Washington Post, BuzzFeed (рис. 1).

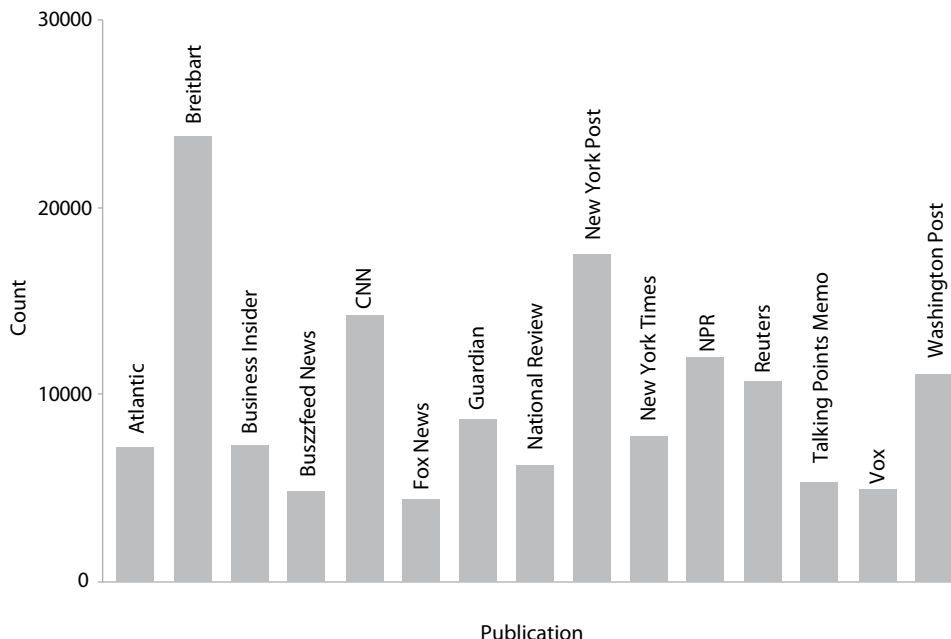
Выбор методологии текстового анализа, словаря и источника новостных текстов определил ограничение, накладываемое на проводимое исследование – к рассмотрению были приняты только англоязычные новости. Английский язык выступает универсаль-

ным средством общения и активно изучается представителями всех стран. В число источников, аккредитованных Thomson Reuters, попадают англоязычные издания со всего мира, в связи с чем подобное ограничение не приводит к искажению получаемых результатов, поскольку отражает тенденции, формирующиеся повсеместно.

Отталкиваясь от предположения о существовании склонности к негативному освещению России англоязычными СМИ, нами на основе словаря Loughran and McDonald было рассчитано количество позитивных и негативных слов в выделенных временных периодах. При этом для достижения сопоставимости показателей по этапам количество слов усреднялось исходя из числа дней в периоде, а также сопоставлялось с общим количеством новостных текстов, выпущенных в данном периоде.

Рисунок 1. Распределение анализируемой эмпирической базы по источникам происхождения новостей

Figure 1. Distribution of the Analyzed Empirical Base by Sources Origin of News

Кроме того, для осуществления оценки изменений, произошедших в содержании новостных текстов в различные периоды санкций, нами были проанализированы взаимосвязи между словами, соответствующими тематике антироссийских санкций и сопутствующих событий. Для рассмотрения нами были взяты два периода – 2014 и 2017 гг. Авторы отталкивались от предположения о том, что первопричиной введения санкций против России был российско-украинский конфликт, в связи с чем большую взаимосвязь со словами «санкции» и «Россия» должны показать слова «Украина», «США» и «Европейский союз» как слова, характеризующие стороны, занимающие конфронтационное положение.

Таким образом, применение современной методологии текстового анализа позволило авторам обозначить существующие взаимосвязи между фактически происходящими политическими событиями и характером их освещения в источниках массовой информации. Выявленные тенденции, в свою очередь, могут оказать существенное влияние на все аспекты функционирования государства, поскольку на настоящем этапе развития именно средства массовой информации во многом определяют общественные ожидания и мотивируют поведение социума.

Негативное освещение позиции России в англоязычных СМИ

Результаты количественной оценки позитивных и негативных слов новостных текстов по рассматриваемым периодам, характеризующие эмоциональную окраску новостных текстов, представлены в табл. 2.

Полученные результаты позволяют нам утверждать, что во всем рассматриваемом периоде общее количество

новостей, позитивных и негативных слов имеет схожую динамику. С увеличением общего количества новостей среднее количество позитивных и негативных слов, касающееся тематики антироссийских санкций, также увеличивается. Данная тенденция является закономерной и отражает общее изменение числа упоминаний России в англоязычных СМИ. Распределения среднесуточного количества позитивных и негативных слов коррелируют между собой, что может характеризовать общее усиление эмоциональности текстов в конкретные периоды времени, связанные с отдельными политическими и экономическими событиями.

Однако можно наблюдать, что на любом временном отрезке рост среднего числа негативных слов превышает рост среднего количества позитивных слов, подтверждая преимущественно негативную направленность англоязычных СМИ по отношению к России. При этом особое внимание можно уделить сравнению периода до введения санкций с последующим периодом после введения первых ограничений. Можно увидеть, что санкции, введенные против России, в марте 2014 г. повлекли за собой резкое ухудшение тональности новостных текстов, связанных с нашей страной. Среднесуточное количество негативных слов в расчете на общее количество новостей за период резко увеличилось, сигнализируя о значительном усилении негативной тональности новостей в связи с началом санкционного противостояния.

Представленная технология анализа также позволяет выявить периоды всплеска негативизации России англоязычными СМИ, что является значимым с точки зрения установленной цели исследования. Тенденция общей негативизации образа России в англоязычных СМИ имела неравномерный характер, что объясняется целой чередой острых

политических событий, происходивших внутри страны и на мировой арене.

Так, максимальное среднее количество негативных слов в расчете на одну новость наблюдается в период с 16.07.2014 по 18.12.2014. Указанный период характеризуется введением секторальных санкций в отношении ряда российских компаний. При этом предыдущий период значительно отличается от данного по среднему количеству негативных слов. Подобную тенденцию можно попытаться объяснить потребностью англоязычных СМИ в оправдании введения санкций столь серьезного экономического характера. До 16.07.2014 вводимые ограничения (и ответные им меры со стороны России) касались только отдельных физических лиц, значимых государственных деятелей и чиновников, но не затрагивали интересы широких слоев населения.

Введенные секторальные санкции оказывали серьезный эффект не только на экономику России, но и имели определенные экономические последствия для стран-инициаторов введения санкций. В связи с этим данный вопрос широко рассматривался в средствах массовой информации, что привело к усилению негативного окраса обсуждения России.

Незначительно меньший показатель среднего количества негативных слов наблюдается и в следующем периоде (19.12.2014–05.03.2015), связанном с осуществлением экономической блокады Крыма. Введение серьезных ограничений в отношении присоединенного субъекта Российской Федерации также объяснимо обсуждалось в англоязычных СМИ, в связи с чем упоминание России в негативной тональности поддерживалось на протяжении всего периода.

Таблица 2. Степень эмоциональной окраски новостных текстов за рассматриваемый период

Table 2. The Degree of Emotional Coloring of News Texts During the Period under Review

Период	Количество новостей		Количество позитивных слов			Количество негативных слов		
	общее	среднее по дням	общее	среднее по дням	к количеству новостей	общее	среднее по дням	к количеству новостей
До санкций (01.01.2012–15.03.2014)	68304	85	229307	285	3,4	668107	831	9,8
16.03.2014–15.07.2014	15275	125	57634	472	3,77	177253	1453	11,6
16.07.2014–18.12.2014	17195	110	65295	419	3,8	215984	1385	12,6
19.12.2014–05.03.2015	3918	51	14678	191	3,74	49105	315	12,5
06.03.2015–29.09.2015	9582	46	29458	142	3,07	97348	470	10,15
30.09.2015–07.11.2016	24426	61	70319	175	2,88	226967	565	9,29
08.11.2016–11.03.2018	24445	52	71001	152	2,9	230388	493	9,42
12.03.2018–30.05.2018	5269	66	13652	171	2,59	47659	596	9,05

Источник: составлено авторами

Можно также уделить внимание периоду с 08.11.2016 по 11.03.2018, когда после относительно продолжительного снижения негативной тональности случился всплеск, связанный с ситуацией с выборами президента США. Тогда дискуссии о вмешательстве России в результаты выборов спровоцировали некоторый рост негативной окраски новостных текстов.

Представленный анализ количества позитивных и негативных слов в расчете на количество новостей интересен не только с точки зрения выявления всплесков негативизации, но и с позиции отсутствия аналогичных всплесков позитивной информации. Количество позитивных слов из периода в период изменяется несущественно, что не позволяет говорить о существовании значимого влияния положительных политических событий, происходивших на мировой арене, на позитивную составляющую тональности освещения. Данный вывод не только лишний раз обосновывает тезис о стремлении англоязычных СМИ к негативизации образа России, но и в определенной степени подвергает сомнению идею о возможности использования иностранных СМИ в целях формирования брен-

да страны (подобная идея закладывается в трудах ряда авторов, например, [Jain, Winner 2013]).

Исходя из анализа общего количества новостей за рассматриваемые периоды, можно также отметить, что в относительно спокойный период, когда с момента начала российско-украинского конфликта прошло больше года, а военные действия в Сирии еще не начались, количество новостей, связанных с рассматриваемой тематикой, уменьшилось. Последующие два периода, ознаменованные войной на территории Сирии, выборами президента США, а также высоким ажиотажем в СМИ, вызванным указанными событиями, привели к некоторому увеличению количества новостей, несмотря на серьезное усреднение данного показателя (в совокупности данные этапы занимают приблизительно 2,5 года, при этом среднесуточное количество новостей растет). Последний период, выделяемый после отравления Скрипалей, демонстрирует наибольшее количество новостей, что коррелирует с общим увеличением количества позитивных и негативных слов, охарактеризованным ранее.

Изменение содержания новостных текстов было оценено в ходе анализа

Таблица 3. Корреляция между словами из текстов новостей англоязычных СМИ в 2014 г.

Table 3. Correlation between Words from English-language Media News Texts in 2014.

	sanction	Russia	Ukrain	Putin	Obama	USA	EU
sanction	1.00000	0.64282	0.53632	0.50996	0.54720	-0.17197	0.67671
Russia	0.64282	1.00000	0.79215	0.67807	0.34220	-0.10681	0.61153
Ukrain	0.53632	0.79215	1.00000	0.61285	0.35288	-0.33207	0.61154
Putin	0.50996	0.67807	0.61285	1.00000	0.60283	-0.28753	0.40990
Obama	0.54720	0.34220	0.35288	0.60283	1.00000	-0.15279	0.38228
USA	-0.17197	-0.10681	-0.33207	-0.28753	-0.15279	1.00000	-0.17539
EU	0.67671	0.61153	0.61154	0.40990	0.38228	-0.17539	1.00000

Источник: составлено авторами

существующих взаимосвязей между словами «санкция» (sanction), «Россия» (Russia), «Украина» (Ukraine), «Путин» (Putin), «Обама» (Obama), «США» (USA), «ЕС» (EU) по данным 2014 и 2017 гг. С учетом роли лидеров государств на международной политической арене в рассмотрение были взяты слова, отражающие имена руководителей государств. Для анализа 2017 г. к списку слов было добавлено слово «Трамп» (Trump) в связи с избранием нового президента США. Полученные результаты представлены в табл. 3 и 4.

В 2014 г. наибольшая взаимосвязь со словом «санкция» наблюдается у слов «Россия» и «ЕС». Это объясняется большим количеством новостей, связанных с введением санкций против России. При этом интересным представляется тот факт, что наибольший ажиотаж в прессе вызвали именно санкции, вводимые со стороны Европейского союза, а не Соединенных Штатов. В то же время слово «США» показало отрицательную корреляцию со всеми анализируемыми словами. Термин «Украина» имеет всего 54% взаимосвязи со словом

«санкция», однако при этом можно заметить, что противостояние России и Украины активно обсуждалось в средствах массовой информации, поскольку данные слова («Россия» и «Украина») показали максимальную взаимосвязь (почти 80%). Это означает, что чаще всего данные слова употреблялись в едином контексте, задавая тематику новостных текстов.

Отдельного внимания заслуживают также упоминания лидеров России и США. Очевидно, что имя Владимира Владимировича Путина чаще всего было взаимосвязано со словом «Россия». На втором месте была выявлена корреляция со словом «Украина». Данный факт говорит о том, что в противостоянии России и Украины в СМИ большое внимание уделялось именно роли российского лидера. Все происходящие события оценивались на уровне принимаемых им решений, что подтверждает высокую значимость, придаваемую иностранными изданиями президенту России. Ожидаемо, слово «Путин» показало высокую степень взаимосвязи с именем президента США Барака Обамы.

Таблица 4. Корреляция между словами из текстов новостей англоязычных СМИ в 2017 г.

Table 4. Correlation Between Words from English-language Media News Texts in 2017.

	sanction	Russia	Ukraine	Putin	Obama	USA	EU	Trump
sanction	1.000000	0.540786	0.445143	0.335293	0.377147	-0.028461	0.426695	0.388266
Russia	0.540786	1.000000	0.674688	0.579976	0.221853	-0.078251	0.347566	0.369202
Ukraine	0.445143	0.674688	1.000000	0.354194	0.131386	0.026583	0.464821	0.078849
Putin	0.33529	0.57998	0.35419	1.00000	0.37110	-0.12743	0.23316	0.53674
Obama	0.377147	0.221853	0.131386	0.371100	1.000000	-0.045418	0.101186	0.662953
USA	-0.028461	-0.078252	0.026583	-0.127430	-0.045418	1.000000	-0.157594	-0.055951
EU	0.42670	0.34757	0.46482	0.23316	0.10119	-0.15759	1.00000	0.21533
Trump	0.388266	0.369202	0.078849	0.536739	0.662953	-0.055951	0.215335	1.000000

Источник: составлено авторами

В 2017 г. анализ аналогичных слов продемонстрировал иную тенденцию. Прежде всего, необходимо заметить, что для рассмотрения было взято дополнительное слово «Трамп», которое достаточно активно упоминалось в СМИ в связи со сменой руководителя США. Однако была выявлена низкая степень взаимосвязи данного слова с другими рассмотренными выражениями. Слово «Трамп» показало 66%-й уровень взаимосвязи со словом «Обама» и 54%-й уровень взаимосвязи со словом «Путин». В остальных случаях уровень корреляции был намного ниже 50%, что говорит о том, что новый президент США в прессе упоминается в основном в контексте противопоставления прежнему президенту и российскому лидеру и не затрагивается при обсуждении ключевых тем, связанных с Россией, санкциями и мировым взаимодействием.

Термин «санкции» по-прежнему чаще всего упоминается рядом со словом «Россия», что отражает современную политическую ситуацию. Россия подвергается все новым и новым ограничениям, вызванным различными политическими событиями, в связи с чем тематика санкций все также остается актуальной для нашей страны.

Взаимосвязь слова «Украина» со всеми словами ожидаемо упала, что подтверждает гипотезу о снижении значимости российско-украинского конфликта с точки зрения средств массовой информации. Украина по-прежнему чаще всего упоминается рядом со словом «Россия», однако в остальных анализируемых случаях демонстрирует низкий уровень взаимосвязи.

В целом по итогам анализа можно заметить, что слова, отобранные для оценки корреляции в 2014 г., показывают гораздо меньшую взаимосвязь в 2017 г. Подобная тенденция связана со сменой тематики политических взаи-

модействий на международной арене. Можно говорить о сохранении тренда негативизации образа России, однако содержание новостей меняется. К 2017 г. произошел ряд ключевых политических событий, которые отодвинули на второй план тематику ситуации на Украине и скорректировали содержание новостных текстов. Это еще раз подтверждает тот факт, что, независимо от происходящих событий и соответствующего изменения тематики новостных текстов, СМИ склонны негативно характеризовать Россию, что оказывает влияние на ее общественное восприятие.

Одной из основных особенностей представленного исследования выступает применение передовой методологии текстового анализа, позволяющего осуществить оценку изменения тональности обширных новостных массивов. Использование данного метода предоставляет возможность эмпирически обосновать тенденции и избежать субъективного понимания информации, представленной в англоязычных СМИ. Тем не менее применение текстового анализа накладывает некоторые ограничения на характер проводимого исследования, что может быть учтено в его дальнейшем развитии.

Прежде всего, осуществление текстового анализа опирается на использование профессионального словаря, определяющего тональность вошедших в него слов и терминов. В рамках текущего исследования был использован словарь Loughran and McDonald, неоднократно апробированный в ходе аналогичных исследований. Дальнейшее развитие представленного исследования может заключаться в повторном эмпирическом обосновании установленной цели и гипотезы с использованием иного словаря.

Рассматриваемый хронологический период в работе был ограничен 2012 г.,

что связано с неоднородностью и меньшим объемом доступной новостной текстовой информации на более раннем периоде. Тем не менее теоретически увеличение хронологического периода может дать дополнительное обоснование полученным результатам, а также расширить круг анализируемых вопросов (путем рассмотрения влияния политических событий, происходивших до 2012 г.).

Исследование может также получить дальнейшее развитие в части осуществления подобного анализа для ряда стран, по отношению к которым субъективно наблюдается аналогичная тенденция к негативизации имиджа в англоязычных СМИ. При этом полученные в текущем исследовании результаты будут выступать достоверной базой для сравнения и позволять выстраивать рейтинги стран по степени качества их имиджа.

Таким образом, достигнутые результаты и обоснованные тенденции, развивая существующую теорию по проблематике тональности освещения России в англоязычных СМИ в период санкций, имеют широкие возможности дальнейшего теоретического развития.

Заключение

Современные события, связанные со взаимодействием стран на международной арене, представляют собой сложную политическую игру с применением различных инструментов влияния. Средства массовой информации как «четвертая власть» также оказались активно вовлечены в происходящие события и активно использовались в целях манипулирования общественным сознанием и формирования требуемого отношения к участникам международных отношений.

В период поэтапного введения санкций российские и англоязычные СМИ освещали ситуацию с различных точек зрения. В работе была проведена количественная оценка содержания новостных текстов англоязычных изданий, имеющих отношение к санкциям против России, на предмет степени их позитивности/негативности. Было выявлено и обосновано, что момент введения антироссийских санкций спровоцировал усиление негативной тональности высказываний средств массовой информации. При этом дальнейшее изучение изменения содержания текстов новостей в последующие периоды (с 2014 по 2018 г.) показал, что, несмотря на то, что противостояние государств на международной арене изменило свой ракурс, а российско-украинский конфликт потерял свою актуальность, тенденция к негативизации образа России сохранилась и даже усиливалась в отдельные периоды. В это же время положительная тональность новостных текстов практически не менялась, что говорит о нейтральности англоязычных СМИ по отношению к положительным событиям, касающимся России. Выявленная склонность подтверждает готовность англоязычных СМИ освещать Россию с негативной точки зрения независимо от изменения тематики происходящих политических событий.

Представленное исследование еще раз подтверждает необходимость решения проблемы существования отрицательного имиджа России в англоязычных СМИ. Однако полученные результаты доказывают, что данная проблема особенно обострилась в период санкций, спровоцировавших усиление негативизации образа России за рубежом, что делает невозможным изменение ситуации в отрыве от поиска выхода из существующих политических противоречий на международной арене.

Список литературы

Браун Д. (2018) Антибрендинг России в американских медиа // *Международные процессы*. Т. 16. № 2(53). С. 91–121. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.6

Голоусова Е.С., Амиров В.М. (2016) Крымский референдум и интерпретация его итогов в СМИ (на примере анализа российской и американской печати) // *Политическая лингвистика*. № 2. С. 55–59 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26299975_20778634.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Копылова Т.Р. (2013) Умолчание как стратегия в формировании имиджа России в испанских СМИ // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 21(312). С. 295–299 // https://elibrary.ru/download/elibrary_20290477_23834206.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Кротов А.Е., Шуба Д.М. (2016) Теоретические основы дискриминации в экономической науке: сущность, применение и результативность санкционных ограничений // *Экономика и предпринимательство*. № 10–1(75). С. 60–68.

Малеева О. (2008) Имидж России в зеркале зарубежных СМИ // *Обозреватель-Observer*. № 4. С. 121–127 // https://elibrary.ru/download/elibrary_13055009_58048379.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Нешина Е.Б. (2017) Франкоязычные СМИ как источник формирования имиджа России // *Международный научно-исследовательский журнал*. № 11(65). Часть 1. С. 42–45. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.143

Озмаян М.С. (2016) Политический имидж России в условиях Сирийского кризиса: особенности его освещения в мировых СМИ // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. № 4. С. 99–107 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27114585_36489083.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Орлова О.Г. (2015) Образ России в зарубежных СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 7–1. С. 146–149 // https://elibrary.ru/download/elibrary_23465404_77977578.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Сазонова К.Л. (2013) Санкции в международном праве: основные направления исследований // *Современное право*. № 8. С. 116–119 // https://elibrary.ru/download/elibrary_20172162_86303841.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Сушко В.А. (2019) Имидж России в иностранных СМИ и социальных сетях // *Обозреватель-Observer*. № 3. С. 45–57 // https://elibrary.ru/download/elibrary_37791249_68650185.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Черепанова Д.А. (2017) Особенности процесса формирования политического имиджа России в зарубежных СМИ // *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 12. № 4. С. 76–82. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-76-82

Bayulgen O., Arbatli E. (2013) Cold War Redux in US–Russia Relations? The Effects of US Media Framing and Public Opinion of the 2008 Russia–Georgia War // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 46, no 4, pp. 513–527. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.08.003

Dyck A., Volchkova N., Zingales L. (2008) The Corporate Governance Role of the Media: Evidence from Russia // *The Journal of Finance*, vol. 63, no 3, pp. 1093–1135. DOI: 10.1111/j.1540-6261.2008.01353.x

Gordon J. (2016) Economic Sanctions as ‘Negative Development’: The Case of Cuba // *Journal of International Development*, vol. 28, no 4, pp. 473–484. DOI: 10.1002/jid.3061

Jain R., Winner L.H. (2013) Country Reputation and Performance: The Role of Public Relations and News Media // *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 9, no 2, pp. 109–123. DOI: 10.1057/pb.2013.7

Matherne B.P. (2008) From Outside of Russia without Love: Do Foreign Media Affect Corporate Governance Violations? // *Academy of Management Perspectives*, vol. 22, no 4, pp. 87–88. DOI: 10.5465/amp.2008.35590360

McDonald B., Loughran T. (2016) Textual Analysis in Accounting and Finance: A Survey. SSRN // *Journal of Accounting Research*, vol. 54, no 4, pp. 1187–1230. DOI: 10.2139/ssrn.2504147

Mejias U.A., Vokuev N.E. (2017) Disinformation and the Media: The Case of Russia and Ukraine // *Media, Culture & Society*, vol. 39, no 7, pp. 1027–1042. DOI: 10.1177/0163443716686672

Morgan T.C. (2015) Hearing the Noise: Economic Sanctions Theory and Anomalous Evidence // *International Interactions*, vol. 41, no 4, pp. 744–754. DOI: 10.1080/03050629.2015.1037710

Pape R.A. (1997) Why Economic Sanctions Do not Work // *International Security*, vol. 22, no 2, pp. 90–136. DOI: 10.1162/isec.22.2.90

Petukhov A.Y., Ivlieva P.D. (2017) Psycholinguistic Analysis of Information Support of Ukrainian Crisis in German Mass Media // *Media Watch*, vol. 8, no 1, pp. 100–106. DOI: 10.15655/mw/2017/v8i1/41266

Szostek J. (2014) Russia and the News Media in Ukraine: A Case of “Soft Power”? // *East European Politics and Societies*, vol. 28, no 3, pp. 463–486. DOI: 10.1177/0888325414537297

Telesheva I., Denisova I. (2015) The Evolution of the Russian Image in the English Discourse // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 186, pp. 1025–1030. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.04.065

Tsygankov A.P. (2017) The Dark Double: The American Media Perception of Russia as a neo-Soviet Autocracy, 2008–2014 // *Politics*, vol. 37, no 1, pp. 19–35. DOI: 10.1177/0263395715626945

von Seth R. (2018) All Quiet on the Eastern Front? Media Images of the West and Russian Foreign Political Identity // *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no 3, pp. 421–440. DOI: 10.1080/09668136.2018.1448926

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-14

Tonality of Showing Russian Position in English Speaking Mass Media during Sanction Period

Lyubov E. KHRUSTOVA

PhD in Economics, Senior Lecturer

Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Leningradsky Av., 49, Moscow, Russian Federation;

National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russian Federation

E-mail: khrustoval@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0884-2734

Elena A. FEDOROVA

DSc in Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Leningradsky Av., 49, Moscow, Russian Federation;

National Research University Higher School of Economics, 101000, Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russian Federation

E-mail: ecolena@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3381-6116

Fedor Yu. FEDOROV

Postgraduate Student

Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Leningradsky Av., 49, Moscow, Russian Federation

E-mail: fedorovfedor92@mail.ru

CITATION: Khrustova L.E., Fedorova E.A., Fedorov F.Yu. (2020) Tonality of Showing Russian Position in English Speaking Mass Media during Sanction Period. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 292–310 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-14

Received: 03.07.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task of the Financial University for 2019.

ABSTRACT. *Highly charged political environment, which is peculiar to the current stage of international relations development, is accompanied by an extensive me-*

dia war. The problem of showing Russia on the negative side in international press was known and discussed since early 2000-s. Russian-Ukrainian conflict which started at the

end of 2013 – beginning of 2014 provoked foreign mass media to make a point of Russia and enhance the quantity of adverse statements towards the country. It seems that the aim of foreign mass media is to form an antagonistic image of Russia among the audience. The research under discussion is devoted to the problem of the sentiment of showing Russia in English speaking mass media under the influence of Russia sanctions. News texts for period from 2012 till 2018 were analyzed. The whole period was divided into several stages: the first stage is connected with period before sanctions; the others reflect different phases of restrictions' imposition. The authors suggested that foreign mass media is inclined to show Russia on the negative side irrespective of the contents of political situation during the sanctions period. To approve this statement a detailed text analysis was provided to find out the following indicators: the total quantity of news, connected with Russia, in the stated period; the quantity of positive and negative words. It was found out that the sanctions imposition provoked the increase of total Russia media hits, but the increase of negative words was higher than the increase of positive words. Reviewing the contest of news from the perspective of correlation between the words showed that Russia-Ukrainian conflict theme lost its significance, but the total level of enmity in news text remained the same and even has the tendency of increasing in line with the other political events.

KEY WORDS: Russia sanctions, text analysis, news, news sentiment analysis, news influence, media war, Russia image in mass media

References

- Bayulgen O., Arbatli E. (2013) Cold War Redux in US–Russia Relations? The Effects of US Media Framing and Public Opinion of the 2008 Russia–Georgia War. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 46, no 4, pp. 513–527. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.08.003
- Braun D. (2018) Antibranding of Russia in American Media. *Mezhdunarodnye Processy*, vol. 16, no 2(53), pp. 91–121 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.6
- Cherepanova D.A. (2017) Specific Characteristics of Russian Image Development Process in Abroad Media. *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 12, no 4, pp. 76–82 (in Russian). DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-76-82
- Dyck A., Volchkova N., Zingales L. (2008) The Corporate Governance Role of the Media: Evidence from Russia. *The Journal of Finance*, vol. 63, no 3, pp. 1093–1135. DOI: 10.1111/j.1540-6261.2008.01353.x
- Golousova E.S., Amirov V.M. (2016) Crimea Referendum and Its Result Interpretation in Mass Media (Evidence from Russian and American Press Analysis). *Politicheskaya lingvistika*, no 2, pp. 55–59. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26299975_20778634.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Gordon J. (2016) Economic Sanctions as 'Negative Development': The Case of Cuba. *Journal of International Development*, vol. 28, no 4, pp. 473–484. DOI: 10.1002/jid.3061
- Jain R., Winner L.H. (2013) Country Reputation and Performance: The Role of Public Relations and News Media. *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 9, no 2, pp. 109–123. DOI: 10.1057/pb.2013.7
- Kopylova T.R. (2013) Keeping in Silence as a Strategy of Russian Image Development in Spanish Media. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 21(312), pp. 295–299. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20290477_23834206.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Krotov A.E., Shuba D.M. (2016) Theoretical Basis of Discrimination in Economic Science: Implication, Appliance and Outcome of Sanction Restrictions. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no 10–1(75), pp. 60–68 (in Russian).

Maleeva O. (2008) Russian Image from the point of Abroad Media. *Observer*, no 4, pp. 121–127. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_13055009_58048379.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Matherne B.P. (2008) From Outside of Russia without Love: Do Foreign Media Affect Corporate Governance Violations? *Academy of Management Perspectives*, vol. 22, no 4, pp. 87–88. DOI: 10.5465/amp.2008.35590360

McDonald B., Loughran T. (2016) Textual Analysis in Accounting and Finance: A Survey. SSRN. *Journal of Accounting Research*, vol. 54, no 4, pp. 1187–1230. DOI: 10.2139/ssrn.2504147

Mejias U.A., Vokuev N.E. (2017) Disinformation and the Media: The Case of Russia and Ukraine. *Media, Culture & Society*, vol. 39, no 7, pp. 1027–1042. DOI: 10.1177/0163443716686672

Morgan T.C. (2015) Hearing the Noise: Economic Sanctions Theory and Anomalous Evidence. *International Interactions*, vol. 41, no 4, pp. 744–754. DOI: 10.1080/03050629.2015.1037710

Neshina E.B. (2017) French Media as a Source of Russian Image Development. *International Research Journal*, no 11(65), part 1, pp. 42–45 (in Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.143

Orlova O.G. (2015) Russian Image in Abroad Mass Media. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no 7–1, pp. 146–149. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23465404_77977578.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Ozmanyany M.S. (2016) Russian Political Image in Terms of Syrian Crisis: Characteristics of its Lightning in World Media. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, no 4, pp. 99–107. Available at: [\[load/elibrary_27114585_36489083.pdf\]\(https://elibrary.ru/download/elibrary_27114585_36489083.pdf\), accessed 25.08.2020 \(in Russian\).](https://elibrary.ru/down-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Pape R.A. (1997) Why Economic Sanctions Do not Work. *International Security*, vol. 22, no 2, pp. 90–136. DOI: 10.1162/isec.22.2.90

Petukhov A.Y., Ivlieva P.D. (2017) Psycholinguistic Analysis of Information Support of Ukrainian Crisis in German Mass Media. *Media Watch*, vol. 8, no 1, pp. 100–106. DOI: 10.15655/mw/2017/v8i1/41266

Sazonova K. L. (2013) Sanctions in International Law: Main Directions of Research. *Sovremennoe pravo*, no 8, pp. 116–119. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20172162_86303841.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Sushko V.A. (2019) Russian Image in Foreign Media and Social Networks. *Observer*, no 3, pp. 45–57. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_37791249_68650185.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Szostek J. (2014) Russia and the News Media in Ukraine: A Case of “Soft Power”? *East European Politics and Societies*, vol. 28, no 3, pp. 463–486. DOI: 10.1177/0888325414537297

Telesheva I., Denisova I. (2015) Evolution of the Russian Image in the English Discourse. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 186, pp. 1025–1030. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.04.065

Tsygankov A. P. (2017) The Dark Double: The American Media Perception of Russia as a neo-Soviet Autocracy, 2008–2014. *Politics*, vol. 37, no 1, pp. 19–35. DOI: 10.1177/0263395715626945

von Seth R. (2018) All Quiet on the Eastern Front? Media Images of the West and Russian Foreign Political Identity. *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no 3, pp. 421–440. DOI: 10.1080/09668136.2018.1448926

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права

Сергей Евгеньевич ЯЧИН

доктор философских наук, профессор, департамент философии и религиоведения, Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет, 690091, ул. Суханова, д. 8,
Владивосток, Российская Федерация
E-mail: yachin.se@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-4309-2211

Ирина Владимировна КРУГЛОВА

магистрант, департамент философии и религиоведения, Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет, 690091, ул. Суханова, д. 8,
Владивосток, Российская Федерация
E-mail: kruglova.iv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0002-9711-0016

ЦИТИРОВАНИЕ: Ячин С.Е., Круглова И.В. (2020) Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 311–323.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Статья поступила в редакцию 23.05.2020.

АННОТАЦИЯ. Политико-правовые институты современного западного мира свое обоснование и оправдание получили в той идее права, которая заложена в философских системах Канта и Гегеля. Оба эти мыслителя единодушны в том, что регулятивным принципом права является свобода, но трактуют ее существенно по-разному. В кантианской версии свобода является основанием прав индивида, что и нашло свое выражение в правовой системе западных обществ, в теории «естественных прав» и политических принципах либерализма. В гегелевской системе свобода есть преимущественно всеобщее достояние, олицетворенное госу-

дарством в его специфических формах реализации общего блага. Именно Гегель дает системное обоснование государствоцентричной модели общества. Западный мир пошел, в основном, по пути реализации кантианской идеи права, в процессе чего достиг высокого совершенства в регулировании гражданских отношений. Вместе с тем эта модель столкнулась с фундаментальной трудностью при регулировании отношений социальных (религиозных, этнических и других) общностей и групп, включая и отношения национальных государств. Гегелевская философия права в значительной мере была воспринята российскими теоретиками права как соот-

ветствующая политическим традициям имперской России. Однако проблема этой модели в том, что она в своей апологии централизации порождает бюрократизацию государственной жизни и элиминирует развитые формы самоуправления. Политическая история России показательна тем, что в ней столкновение кантианской (по своей сути) идеи суверенных прав человека и гегельянской идеи суверенных прав государства породило специфическую политико-правовую (конституционную) неразрешимость. В теоретико-методологическом плане выход состоит в необходимости установления опосредующего звена между частным и всеобщим, между человеком и государством. Именно таким звеном видится идея гражданской (цивилитарной) собственности, которую обосновывает теория цивилизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политико-правовые институты, государство, либерализм, цивилизм, идея свободы, собственность, сообщество

Введение

Противостояние и одновременно кризис двух принципов государственного устройства: либерально-демократического, основанного на признании приоритета прав человека, и государствоцентричного, устанавливающего главенство суверенных прав государства, – становятся все более явными по мере того, как обе эти политико-правовые модели показывают свою неспособность адекватно ответить на вызовы времени. В данном случае речь идет о западном мире и о России, в основном принадлежащих той системе ценностей, которая предполагает определенный баланс прав человека и суверенных прав государства. При этом

история Государства Российского показательна тем, как в ней на протяжении веков сталкивались и продолжают сталкиваться два этих принципа. Заимствуя западную философию и европейские политико-правые идеи, российская государственность на протяжении двух веков находила свое обоснование и оправдание в русле гегельянской (государствоцентричной) философии права. Постсоветский период истории России знаменовался достаточно крутым поворотом к западно-либеральной системе ценностей и их соответствующему кантианскому обоснованию, что нашло свое яркое выражение в Конституции 1993 г. Все, однако, повторяется. В очередной раз либеральные всплески сталкиваются с принципами государственного суверенитета и растворяются в них.

В такие «эпохи политико-правовой турбулентности» [Розов 2019], в периоды смены конституционного порядка принципиально возрастает значение философского обоснования политико-правовой модели государственного устройства. Это происходит потому, что «логический объем доктрины как системы абстрактных определений шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни» [Новгородцев 1901, с. 20]. Поскольку мы имеем дело с политическими реалиями западного мира, то такого рода обоснование с необходимостью включается в контекст того внутреннего противостояния, которое характеризует идею права в философии Канта и Гегеля. Оба эти мыслителя единодушны в том, что регулятивным принципом права является свобода, но трактуют ее существенно по-разному. В кантианской версии свобода является основанием прав индивида, что и нашло свое выражение в правовой системе западных обществ, в теории «естественных прав» и политических принципах

либерализма. В гегелевской системе свобода есть преимущественно всеобщее достояние, олицетворенное государством в его специфических формах реализации общего блага.

Обозначим проблему, которая здесь возникает. Все дело в том, что в своей поляризации эти две идеи права оказываются в одинаковой степени ограниченными и неспособными дать обоснованное решение тем задачам, которые стоят перед современным обществом. Так, западный мир пошел в основном по пути реализации кантианской идеи права (идеи свободы), в процессе чего достиг высокого совершенства в регулировании гражданских отношений. Вместе с тем эта модель столкнулась с фундаментальной трудностью при регулировании отношений социальных (религиозных, этнических и других) общностей и групп, включая и отношения национальных государств. Гегелевская философия права, которая в значительной мере была воспринята российскими теоретиками права как соответствующая политическим традициям имперской России, в своей апологии централизации порождает другую крайность – бюрократизацию государственной жизни – и как таковая подавляет развитые формы самоуправления.

Основная цель этой статьи – предложить такую точку зрения на философию права Канта и Гегеля, которая позволит увидеть принципиальную взаимодополняемость их правовых учений и даст обоснование возможности такого опосредующего звена, которая диалектически примирит обе крайности.

Философско-правовым учениям как Канта, так и Гегеля посвящена необозримая литература. Значительно меньше работ дают их сравнительный анализ [Ойзерман 2008]. И лишь намеком указывается на возможность взаимодополняющей трактовки этих учений. Едва ли не единственный, кто до-

пускал такую возможность, – это Павел Иванович Новгородцев, который отметил, что пробелы в системе Канта нашли глубокомысленного критика в лице Гегеля, и «нельзя найти лучшей параллели для взглядов Канта», поскольку круг вопросов, поставленных Гегелем, не устраняют, а восполняют учение Канта [Новгородцев 1901, с. iii]. Но, отмечая взаимодополняемость учений Канта и Гегеля, П.И. Новгородцев не ставил задачи осмысления последствий этой комплементарности для политико-правовой системы государства.

Последствия же таковы. Можно констатировать, что современное западное «индивидуализированное общество» [Бауман 2002] находится в контуре кантианского самоописания, а российская государственность испытывает сильную склонность принять гегельянский идеал тотальности. При этом обе альтернативы сегодня находятся в кризисе. Обе нормативные модели не способны описать нынешнюю человеческую и социальную реальность в ее полноте. Бинарная схема «суверенитет государства – права человека» упускает необходимое опосредующее звено – права реальных человеческих сообществ. В теоретико-методологическом плане проблема состоит в обосновании необходимости опосредующего звена между частным и общим интересом, между человеком и государством.

Идея сообщества как опосредующего элемента социальной структуры получила современное развитие в политической философии так называемого коммунитаризма, в работах А. Макинтайра, Ч. Тейлора, М. Уолцера, А. Этциони [Макинтайр 2000; Тейлор 2017; Taylor 1994; Etzioni 1993] и др. Стоит признать, что эта теория не получила широкого распространения, причиной чему, на наш взгляд, служит отсутствие у коммунитаризма значимого экономического основания. Мы полагаем, что

такое обоснование коммунитаризм (и как политическая философия, и как социальное движение) может найти в теории цивилизма (цивилитарной собственности), основы которой заложил на почве российских реалий В.С. Нерсесянц [Нерсесянц 2001].

Идея свободы и права в кантовско-гегелевской альтернативе

Философско-правовые воззрения Канта и Гегеля находятся в достаточно сложном, зачастую в амбивалентном отношении: они одновременно и взаимодополняют, и противостоят друг другу [Круглова 2019]. Раскрыть все основания единства и оттенки разногласия этих мыслителей в рамках задач данной статьи не представляется возможным. Однако мы считаем оправданным и достаточным для наших целей исходить из объединяющей идеи их правовых учений: идеи, которая и позволяет представить разногласие как две стороны одной проблемы. Так что же объединяет кантовские и гегелевские воззрения на сущность права?

Принципиальным для обоих является утверждение *Права* как манифестации *Свободы*. Согласно формуле Гегеля, «система права есть царство осуществленной свободы ...» [Гегель 1990, с. 67]. Разночтения возникают из продолжения этой формулы. Если Гегель заканчивает эту фразу словами «...мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [Гегель 1990, с. 67], имея в виду, что *Право* – это объективация *Свободы* как субстанции Абсолютного Духа, то Кант видит то же самое царство свободы как результирующее согласие свободных субъектов (индивидов) жить вместе, согласие, которое достигается в виде условия согласования их свободных волей. Для Гегеля

Свобода – предпосылка системы права, для Канта – результирующее условие. Отсюда становится понятным, почему западный мир, «общество индивидов» [Элиас 2001], или «индивидуализированное общество» [Бауман 2002], находится в контуре кантианского самоописания своего «царства свободы». По справедливому замечанию отечественного правоведа С.С. Алексеева, политико-правовые воззрения Канта вполне могут претендовать на то, чтобы быть признанными как идеи, заложившие философские основы либеральных цивилизаций [Алексеев 2010, с. 23]. Сам факт закрепления в первоочередном порядке в либеральных конституциях признания прав и свобод высшей ценностью говорит о том, что современное право – это прежде всего право человека, а современные либеральные государства живут в кантианской парадигме.

Человекоцентричному кантианскому принципу права противостоит гегелевская государствоцентричная модель. Для Гегеля государство, несущее в себе момент всеобщности, представляет собой первичное нравственное целое по отношению к его остальным моментам (индивидам, сообществам и обществу в целом). На уровне такой специфической формы, как государственность, свобода предстает в своем наиболее чистом и концентрированном виде, охватывая каждый его особый момент. Всеобщая свобода требует, чтобы субъективные интересы индивида были подчинены государству, как нравственному целому. Описывая гегелевскую идею государства как единого органического процесса, российский философ и правовед В.С. Нерсесянц отмечает, что в нем «каждый особый момент (индивиды, их объединения, органы власти) пользуются своими правами и отправляют свои обязанности, сообразуясь с целями всеоб-

щего и тем самым реализуют их» [Нерсесянц 1979, с. 51].

Вся тонкость единства и различия понимания идеи права Кантом и Гегелем лучше всего видна в их трактовках соотношения права и закона. Оба мыслителя рассматривают закон как *форму*, в котором идея права (содержание) только и может найти свое свершение, т. е. обрести свою *действительность*. «То, что есть право, лишь становясь законом, обретает не только *форму* своей всеобщности, но и свою истинную *определенность*» [Гегель 1990, с. 247]. С этим гегелевским утверждением согласился бы и Кант. Оба мыслителя признают «органическое единство закона и права» [Алексеев 2010, с. 58]. Только в *форме* закона право (идея права как свободы) может обрести «всеобщепризнанный» и «всеобщезначимый» характер [Гегель 1990, с. 247]. Расхождение возникает в силу разного понимания становления всеобщего и, соответственно, идеи свободы. У Канта всеобщее возникает конструктивно (как общепризнанное), у Гегеля *Дух Всеобщего* задает логику восхождения к нему его частных и особенных моментов. Отсюда и становится понятным, почему в соотношении права и закона приоритет Кантом отдан *форме* закона, как той формальной процедуре, которая определяет возможность согласования свободной воли одного субъекта со свободой воли другого. Кант мыслит идею права как *поиск и реализацию максимума свободы* для каждого из объединенных в сообщество индивидов. Интерпретируя в таком ключе мысли Канта, С.С. Алексеев указывал на то, что «даже самые высокие правовые принципы и права людей лишь тогда станут реальными, когда они выступят в качестве категорий объективного права» [Алексеев 2010, с. 63]. В кантианской традиции понимания права необходимо неперестанное внимание к *форме* закона. Как выразился М.К. Мамар-

дашвили, «нам нужны не честные судьи, а независимые суды» [Мамардашвили 2002, с. 91].

Гегель же мыслит идею права в ее отношении к *форме* закона иначе. Он имеет все основания критически заметить, что формальное установление максимума свободы для индивидов возможно только при том условии, что идея свободы *уже до этого* должна определять поиск и реализацию этого максимума. Идея свободы в ее всеобщности определяет наш поиск соответствующей формы. Тогда понятно, почему закон в его формальной общезначимости (как государственное установление) придает идее права «истинную определенность». Только будучи общезначимым (никто не может быть в государстве выше закона!) закон и может реализовать тот самый максимум свободы для каждого. Получается так, что, жертвуя некой частью своих индивидуальных свобод, каждый в ответ получает значительно больший массив свободы. Это и есть принцип правового государства, которое Гегель считал вершиной нравственной идеи. Явно или неявно этот аспект гегелевской философии права находит свое воплощение в современном понимании правового государства. Но, и это мы хотим подчеркнуть, «кантианско-гегелевская альтернатива» (а лучше сказать, дилемма) как раз и состоит в формальном противоречии между этими двумя принципами права: принципом приоритета прав человека и принципами самого правового государства. Столкновение этих принципов приводит к неразрешимым юридическим коллизиям. Защита прав человеческого индивида всегда будет приводить к нарушению общезначимости (всеобщности) закона, а требования закона всегда будут идти вразрез со свободами отдельного человека. Дилемма состоит в том, что личная свобода чело-

века и равенство людей оказываются в крайних позициях: чем больше личной свободы – тем меньше равенства, чем больше равенства – тем меньше свободы. Так будет до тех пор, пока в отношении человека и государства не будет введено опосредующее звено – особый субъект права – реальное человеческое сообщество.

К возможности цивилитарного решения кантианско-гегелевской дилеммы

Одна из безусловных заслуг «Науки логики» Гегеля состоит в преодолении бинарной схемы обычного мышления и обосновании трехступенчатой последовательности движения мысли по схеме «тезис – антитезис – синтез». Та же самая схема заложена в его онтологическом различении единичного, особенного и всеобщего, где *особенное* представляет собой синтез *единичного и всеобщего* [Гегель 1974, с. 125]. Непоследовательность Гегеля можно усмотреть в том, что, понимая *синтез высшей ступенью* как становления предмета, так и его познания, он, тем не менее, всеобщее мыслит *выше* особенного. Фактически Гегель остается в бинарной схеме мышления «частное (индивид) – общее (государство)», когда выстраивает свою государственно-правовую модель. Для правовой системы современного государства нет ничего необычного в том, что, помимо прав индивида и прав государства, имеются еще и права сообществ разного уровня (начиная с семьи и завершая акционерными обществами). При этом следует иметь в виду, что в юридическом смысле *всякое право* представляет собой право владения, использования и распоряжения некой собственностью (благом), первой из которой является собственное тело человека (что подразумевает

столь значимый для правового самосознания Европы «Habeas corpus act»). Государственно-правовая система *современного правового* государства может регулировать (в т. ч. ограничивать) только и исключительно движение собственности (включая перемещения человеческих тел) и не может покушаться на такие сущности, как свобода совести, на мысли и намерения. Ключевой недостаток такого правового государства состоит как раз в том, что *особенные права* реальных сообществ в недостаточной степени опосредуют права человека и права (суверенитет) государства.

Основную институциональную проблему современных обществ мы видим в том, что распределение прав собственности (в вышеуказанном смысле как базиса всех прав) идет по принципу разделения собственности на частную и государственную. При этом государственная собственность, по выражению С.С. Алексеева, является своего рода «мутантом, противоестественным гибридом того, что выражает известные стороны власти собственника, и одновременно того, что свойственно произволу государственной власти» [Алексеев 2010, с. 234]. Именно поэтому, как в свое время предсказывал Маркс, государство может стать собственностью бюрократии [Маркс 1955, с. 272]. Частная собственность сдерживает ее аппетиты, но ее природа такова, что она может быть лишь у некоторых, но не у всех членов общества. Эти формы собственности являются доминирующими для либеральной и государственнической (социалистической) моделей и служат для них соответствующим экономическим базисом. Поэтому на практике почти все формы коллективной собственности (прав сообществ на нее) распадаются на частные и государственные – что и приводит к торжеству бинарной схемы.

Попытки опосредовать это бинарное отношение предпринимаются постоянно (из понимания экономической и юридической целесообразности), но либо опять-таки внутри себя такие формы распадаются на частное и государственное (как в институте частно-государственного партнерства), либо юридически заявленные как *особые формы собственности* (главный пример – муниципальная собственность) фактически функционируют по принципу государственной собственности и в этом смысле являются *юридически мнимыми*.

Осмысление роли сообществ явно показывает, что, наряду с правами и свободами индивидов, с одной стороны, и внутренним суверенитетом государства с другой, существуют также права и свободы сообществ в том их значении, что только в рамках таких сообществ человек получает особые права (свободы). Только здесь человек может осуществить свою потребность и право на идентичность. Отсюда становится важной не только свобода самоопределения личности в плане владения неким благом, но и свобода причислять себя к определенной общности или исключать себя из нее. Экономическим базисом такого подключения/исключения является право частной собственности на свою долю в общей собственности сообщества. В особенности здесь важно право на возможность отчуждения своей доли.

Но если эти *особенные права* самих сообществ как особых субъектов права в достаточной мере осмыслены и защищены применительно к семейным или акционерным обществам (но только в формате объединения частных прав), то они остаются почти незамеченными в случае территориальных или профессиональных (гражданских) сообществ (таких как профессиональные союзы и объединения работо-

дателей, в которых, как и в семье, выход участника может стать невосполнимой потерей). А роль муниципального образования как сообщества граждан, совместно проживающих на определенной территории и объединенных общими *местными (локальными, а не личными или государственными)* интересами, вообще не осмысливается в условиях фактического отношения к муниципалитетам как низшему звену централизованного государственного аппарата. В силу права на отчуждение субъектность реальных сообществ во многом и становится неустойчивой. Отсюда можно заключить, что целостность и устойчивость сообщества напрямую зависит от самоопределения индивидов внутри него.

Действительное опосредование государственного суверенитета и прав человека (и тем самым относительное разрешение кантовско-гегелевской дилеммы) возможно при условии решения следующей задачи: *индивид должен иметь полное право на долю в коллективной (государственной) собственности, но он не может отчуждать эту долю*. Иными словами, речь идет о создании, развитии и защите такого сообщества, которое, имея в своем основании долевою собственность, в то же время будет сохранять устойчивость, поскольку эта доля является неотчуждаемой (данной ему по гражданству). Тем самым и достигается разрешение апории частного и общего блага, над которой бился еще Аристотель. Именно эту задачу попытался осмыслить и решить в своей концепции цивилизма В.С. Нерсисянц.

Двигаясь в такой логике, В.С. Нерсисянц предлагает опосредовать частное право собственности, с одной стороны, и институт государственной собственности, с другой, собственностью *цивилитарной*. Он безусловно прав в том, что право, пока оно не установ-

лено как право собственности на объекты, которыми субъект может владеть и распоряжаться (начиная со *своего собственного тела*, личного имущества и заканчивая средствами производства), остается «витающим в сфере духа» (а по факту – благим пожеланием). В признании этого находит выражение весь реализм кантовского понимания свободы и права. Однако такая система права неизбежно ведет к поляризации массива свободы: концентрируясь на одном полюсе, она порождает нужду и рабство на другом. «Справедливое распределение благ (массива свободы)» в ущемленном виде возлагается сегодня в основном на государство, воля которого далеко не является свободной и благой, как это представлял Гегель. Младогегельянец Маркс исчерпывающим образом предсказывал возможность того, как государство становится собственностью бюрократии.

Вычленение в идее права трех уровней или ступеней мы считаем принципиально важным, методологическим решением, но предлагаем трактовать эти ступени иначе, чем Гегель. Исключая гегелевскую «мистификацию всеобщего», заметим, что проблема неадекватности системы права условиям совместной жизни людей возникает ровно потому, что она мыслится и разрабатывается в двузначной логике.

С другой стороны к решению проблемы частного и общего интереса подошла современная теория коммунитаризма. В этой теории под сообществом принято понимать социальную группу, члены которой связаны артикулированной концепцией общего блага, солидарностью и взаимной ответственностью. Приверженцы теории коммунитаризма выход из ситуации видят в расширении реальных прав сообществ. Однако такого эффекта выхода из непрерывной череды смен либеральной и государственнической моделей воз-

можно достичь, только опираясь на устойчивый экономический базис, закреплённый соответствующими юридическими нормами. До тех пор, пока сообщества не получают своего экономического обоснования, все попытки расширения их роли будут носить фиктивный характер. Именно в этом, в отсутствии экономической основы, состоит основной недостаток теории коммунитаризма. Таким экономическим основанием является право собственности. Поэтому В.С. Нерсисянц, задавая вопрос о праве, ставил его во взаимосвязи с вопросом о собственности: возможно ли всеобщее, но не буржуазное право и возможна ли индивидуализированная, но не частная собственность [Нерсисянц 2001, с. 11]? Такую новую форму собственности автор концепции именует гражданской (цивильной, цивилитарной), под которой понимает «идеальную долю каждого собственника в общей собственности всех граждан» [Нерсисянц 2001, с. 14]. Примером приближения к этой форме собственности является опыт некоторых стран (в частности Норвегии), когда гражданин получает свою долю дохода от эксплуатации природных богатств (на этот опыт ссылается и сам В.С. Нерсисянц).

Правовое отношение, по мысли В.С. Нерсисянца, должно быть обосновано как отношение собственности. В марксистской парадигме (приоритет базиса над надстройкой) именно отношения гражданской собственности являются концептуальным стержнем идеи цивилизма, той основой, на которой только и может находиться цивилитарная государственно-правовая надстройка. Цивилизм, по-своему разрешая онтологическую проблему соотношения части и целого, способствует тому, чтобы люди, часто с очень разными культурными и религиозными традициями, будучи совладельцами всего национального достояния, были

объединены в целое своими интересами. Тем самым происходит изменение того имперского принципа, на котором исторически всегда стояла Россия: появляется возможность объединять людей не силой государственного аппарата, но экономическим интересом его собственников. Однако, обозначая приоритет и высокий статус общества, В.С. Нерсисянц не осмысляет его в коммунитаристском аспекте как «сообщество сообществ». Закладывая гражданскую собственность как основу цивилитарного общества, концепция цивилизма также упускает особенное звено – права коммунитарных сообществ. Поэтому подлинная гражданственность, закладываемая концепцией цивилизма, не может быть реализована до тех пор, пока юридически не будут закреплены права сообществ.

Восстанавливая упущенное звено, необходимое для дальнейшего прогресса свободы, снимающего противоречие между всеобщим и единичным, социализмом и либерализмом, концепция цивилизма в то же время достигает баланса между структурой общества и индивидуальной автономией. С одной стороны, она предусматривает наличие у государства делегированной от общества, регулятивной и ограниченной власти над людьми в отсутствие у него власти над вещами, что противостоит его превращению в довлеющую над людьми часть и последующему установлению жестко централизованной структуры. С другой стороны, концепция устанавливает наличие у каждого гражданина реальной власти над вещами в виде равного для всех минимума гражданской (цивилитарной) собственности и права на приобретение любой другой (частной) собственности без ограничительного максимума, что составляет почву для ответственности как перед собой, так и перед сообществом.

Вот почему идею цивилитарной собственности мы считаем спасительной для будущего всякого государства и всего человечества. Нет сомнений, что ее реализация столкнется с преградами, основной из которых нам видится интерес власть имущих в сохранении своего контроля за распределением государственной собственности и получаемой от этого выгоды в интересах определенных групп. Но, как манифестировал Кант в своем сочинении «К вечному миру», вышедшем в свет еще в 1795 г., «право на земную поверхность» (и, как следствие, все ее ресурсы и природные богатства) «принадлежит всему человечеству» [Кант 1994, с. 397, 399]. Поэтому выход мирового сообщества на такую форму собственности предстоит длительным, а трудности, которые могут возникнуть на этом пути, заслуживают отдельного обсуждения. Здесь мы только можем наметить основные ориентиры и возможности. Главный из них лежит в тренде превращения человеческого потенциала в основное условие экономического роста и процветания государств. Конкурентная борьба за этот *мобильный* потенциал будет вынуждать государственные власти (даже авторитарного толка) принимать вынужденные решения по созданию для него условий «наибольшего благоприятствования». При этом «связывание» человека его гражданской собственностью станет едва ли не решающим фактором. Цивилитарная собственность и должна быть предназначена для воспроизводства человеческого капитала, т. е. целевым образом направлена в сферы образования, здравоохранения и экологии (по месту проживания человека). При условии, что государственный аппарат передает часть своих прав по распоряжению национальными богатствами своим гражданам, государство становится тем, чем, согласно Канту и Гегелю, оно

должно быть по своей идее: оно должно быть (используем здесь формулы Г. Кельзена) «правом в действии» или «действенным правовым порядком» [Кельзен 2015, с. 355], обеспечивающим предельно возможное равенство граждан перед законом. Конечно, государство сохраняет за собой функцию *легитимного насилия*, но из ведущей она становится производной.

Заключение

Два политико-правовых дискурса определяют сегодня образ жизни западного мира: с одной стороны, это дискурс прав человека, его индивидуальных *свобод*, с другой, это дискурс правового государства, его ответственности за *равные права* доступа к общим благам жизни граждан государства. Но именно эти два подхода к идее права *разрывают политико-правовую ткань* совместной жизни людей, сталкивая в коллизиях разного рода конститутивные для цивилизованной системы права принцип свободы и принцип равенства. Только отдельно можно показать, как правовые решения разрываются в попытке примерить эти два принципа. Так или иначе, явно или неявно, но философии права Канта, последовательно отстаивавшего принцип личной свободы, и Гегеля, с его идеалом правового государства, в котором верховенствует принцип равенства граждан перед *Законом*, вошли в контур самоописания государственно-правовых систем западного мира, вошли как минимум своей терминологией, системой понятий и концепций, оказав тем самым непосредственное влияние как на современную теорию государства и права, так и на практику ее правоприменения. В конечном итоге политико-правовая система западного мира оказалась поставленной перед дилеммой, чему в

каждом конкретном случае следует отдавать предпочтение: личной свободе или формальному равенству людей перед законом. Принимая, что в основании любого права находится право собственности, мы допускаем, что без своего опосредования в *особой форме* права эта дилемма обладает всеми признаками неразрешимости. Вот почему решение видится в том, чтобы каждая из сторон – человек-гражданин и государство-суверен – передала часть своих прав в эту *особенную форму*, в форму неотчуждаемого права гражданина на цивилитарную собственность. Ее *особенность* (выражаясь в гегелевской схематике) заключается в том, что она способна синтезировать частное и всеобщее, фиксируя неотчуждаемое право гражданина на долю в государственной (общенародной) собственности, но так, что право распоряжения этой собственностью гражданин может направить только на общее благо. Концепция цивилизма В.С. Нерсисянца задает общий контур решения указанной дилеммы, но для своей реализации требует дополнительных условий. В определении этих условий особое значение приобретает исторический опыт России. Можно сказать, что российская государственность исторически выстрадала правовое противостояние свободы и равенства так, что именно на ее почве (по мысли В.С. Нерсисянца) могут зародиться и получить развитие цивилитарные нормы общежития.

Список литературы

Алексеев С.С. (2010) Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху // Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут. С. 7–294.

Бауман З. (2002) Индивидуализированное общество. М.: Логос.

Гегель Г.В.Ф. (1974) Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х томах. Том 1. М.: Мысль.

Гегель Г.В.Ф. (1990) Философия права. М.: Мысль.

Кант И. (1994) Трактаты и статьи (1784–1796) // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Ками.

Кельзен Г. (2015) Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс.

Круглова И.В. (2019) Кантианские и гегельянские традиции установления конституционного порядка в опыте российской государственности // Теология. Философия. Право. № 4(12). С. 50–62 // https://elibrary.ru/download/elibrary_42596649_48845956.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Макинтайр А. (2000) После добродетели. Исследования по генеалогии морали. М.: Академический Проект.

Мамардашвили М. (2002) Кантианские вариации. М.: Аграф.

Маркс К. (1955) К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат. С. 219–368.

Нерсесянц В.С. (1979) Гегель. М.: Юридическая литература.

Нерсесянц В.С. (2001) Национальная идея России во всемирно-истори-

ческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: НОРМА.

Новгородцев П.И. (1901) Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М.: Университетская типография на Страстном бульваре.

Ойзерман Т.И. (2008) Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). М.: Канон +.

Розов Н.С. (2019) Эпохи турбулентности и их преодоление // Полития. № 1 (92). С. 81–96. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96

Тейлор Ч. (2017) Секулярный век. М.: ББИ.

Элиас Н. (2001) Общество индивидов. М.: Праксис.

Ячин С.Е., Деменчук П.Ю., Минеев М.В. (2018) Институализация коммуникативных и жизненных практик в обществах современного типа (введение в исследовательскую программу) // Креативная экономика. Т. 12. № 9. С. 1399–1416 // https://elibrary.ru/download/elibrary_36315089_97261330.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Etzioni A. (1993) The Spirit of Community: The Reinvention of American Society, New York: New York Simon & Schuster.

Taylor C. (1994) Can Liberalism Be Communitarian? // Critical Review, vol. 8, no 2, pp. 257–262. DOI: 10.1080/08913819408443337

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Human and the State before the Alternative Kantian or Hegelian Idea of Law

Sergey Ye. YACHIN

DSc of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities

Far Eastern Federal University, 690091, Sukhanova St., 8, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: yachin.se@dvfu.ru

ORCID: 0000-0002-4309-2211

Irina V. KRUGLOVA

Master's Degree Student, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities

Far Eastern Federal University, 690091, Sukhanova St., 8, Vladivostok, Russian Federation

E-mail: kruglova.iv@dvfu.ru

ORCID: 0000-0002-9711-0016

CITATION: Yachin S.Ye., Kruglova I.V. (2020) Human and the State before the Alternative Kantian or Hegelian Idea of Law. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 311–323 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-15

Received: 23.05.2020.

ABSTRACT. *The political and legal institutions of the modern Western world received their justification and justification in the idea of law, which is embedded in the philosophical systems of Kant and Hegel. Both of these thinkers are unanimous in that freedom is the regulatory principle of law, but it is interpreted in significantly different ways. In the Kantian version, freedom is the basis of the individual's rights, which is reflected in the legal system of Western societies, in the theory of "natural rights" and in the political principles of liberalism. In the Hegelian system, freedom is predominantly a public domain, personified by the state in its specific forms of realization of the common good. It is Hegel who gives the systemic justification of the*

state-centric model of society. The Western world went mainly along the path of implementing the Kantian idea of law, during which it achieved high perfection in regulating civil relations. At the same time, this model encountered fundamental difficulties in regulating the relations of social (religious, ethnic and other) communities and groups, including the relations of nation states. The Hegelian philosophy of law was to a large extent perceived by Russian legal theorists as corresponding to the political traditions of imperial Russia. However, the problem with this model is that, in its apology of centralization, it creates bureaucratization of state life and eliminates developed forms of self-government. The political history of Russia is indicative of the

fact that in it the clash of the Kantian, in essence, idea of sovereign human rights and the Hegelian idea of the sovereign rights of the state gave rise to specific political and legal (constitutional) insolubility. In theoretical and methodological terms, the way out is the need to establish a mediating link between the private and the universal, between man and the state. It is this link that sees the idea of civil (civilian) property, which is justified by the theory of civilism.

KEY WORDS: political and legal institutions, the state, liberalism, civilism, the idea of freedom, property, community

References

- Alekseev S.S. (2010) The Most Sacred Thing that God Has on Earth: Immanuel Kant and the Problems of Law in the Modern Era. *Alekseev S.S. Collected Works in 10 vols.* Vol. 5: Line of Law. Separate Problems Concept, Moscow: Statut, pp. 7–294 (in Russian).
- Bauman Z. (2002) *The Individualized Society*, Moscow: Logos (in Russian).
- Elias N. (2001) *Society of Individuals*, Moscow: Praxis (in Russian).
- Etzioni A. (1993) *The Spirit of Community: The Reinvention of American Society*, New York: New York Simon & Schuster.
- Hegel G.W.F. (1974) The Science of Logic. *Hegel G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences in 3 vols.* Vol. 1, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Hegel G.W.F. (1990) *Philosophy of Law*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Kant I. (1994) Treatises and Articles (1784–1796). *Kant I. Works in 4 vols.* (in German and Russian). Vol. 1, Moscow: Kami (in Russian).
- Kelsen H. (2015) *Pure Theory of Law*, Saint Petersburg: Alef-Press (in Russian).
- Kruglova I.V. (2019) Kantian and Hegelian Traditions of Establishing Constitutional Order in the Experience of Russian Statehood. *Theology. Philosophy. Law*, no 4(12), pp. 50–62. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42596649_48845956.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- MacIntyre A. (2000) *After Virtue. A Study of Moral Theory*, Moscow: Akademicheskii Proekt (in Russian).
- Mamardashvili M. (2002) *Kantian Variations*, Moscow: Agraf (in Russian).
- Marx K. (1955) To the Criticism of the Hegelian Philosophy of Law. *Marx K., Engels F. Works.* Vol. 1, Moscow: Gospolitizdat, pp. 219–368 (in Russian).
- Nersesyants V.S. (1979) *Hegel*, Moscow: Yuridicheskaya literatura (in Russian).
- Nersesyants V.S. (2001) *The National Idea of Russia in the World-historical Progress of Equality, Freedom and Justice. Civilism Manifesto*, Moscow: NORMA (in Russian).
- Novgorodtsev P.I. (1901) *Kant and Hegel in Their Teachings on Law and the State*, Moscow: Universitetskaya tipografiya (in Russian).
- Oizerman T.I. (2008) *Kant and Hegel (Experience of Comparative Research)*, Moscow: “Kanon+” (in Russian).
- Rozov N.S. (2019) Epochs of Turbulence and Ways to Overcome Them. *Politeia*, no 1(92), pp. 81–96 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96
- Taylor C. (1994) Can Liberalism Be Communitarian? *Critical Review*, vol. 8, no 2, pp. 257–262. DOI: 10.1080/08913819408443337
- Taylor Ch. (2017) *A Secular Age*, Moscow: BBI (in Russian).
- Yachin S.E., Demenchuk P.Yu., Mineev M.V. (2018) Institutionalization of Communicative and Life Practices in Modern Society (Introduction to the Research Program). *Creative Economics*, vol. 12, no 9, pp. 1399–1416. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36315089_97261330.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

2004

>